

13

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

ТОМЪ XIX

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ ІХХ

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18

МОСКВА,

Петровка, д. Михалкова, № 5

INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN 1886

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Swiat 72

Tel. 26-68-63

<http://rcin.org.pl>

24.186/19-20

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., В. О., 16 л., д. № 5).

ВЕТЕРАНЪ И НОВОБРАНЕЦЪ

ДРАМАТИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ

ИЗЪ 1854 ГОДА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Алексѣй Петровичъ Дихаревъ, отставной полковникъ.

Аполлинарія Матвѣевна, жена его.

Александръ, гимназистъ изъ 7-го класса, сынъ ихъ.

Власій Матвѣевичъ, братъ Аполлинаріи Матвѣевны.

Макаръ Макаровичъ, небогатый помѣщикъ, сосѣдъ Алексѣя Петровича.

Селифантьевъ, отставной солдатъ и бывший деньщикъ Алексѣя Петровича.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Алексѣя Петровича.

Представляется небогатая, помѣщичья гостиная. Мебель ситцевая; по стѣнамъ развѣшаны картины различныхъ полководцевъ и генераловъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аполлинарія Матвѣевна, въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ съ оборками, сидитъ на диванѣ; въ рукахъ у ней нюхательный спиртъ. Власій Матвѣевичъ, плъшивый старикъ, въ очкахъ, помѣщается около нея. Александръ, въ гимназистскомъ сюртукѣ и въ брюкахъ, съ нашитыми на нихъ довольно широкими лампасами, сидитъ поодаль.

Аполлинарія Матвѣевна. Кагъ же мнѣ, братецъ, не мучиться и не терзаться?... Легко сказать: для матери двухъ дѣтей разомъ лишиться!... (нюхаетъ спиртъ).

Власій Матвѣевичъ. Что-жь дѣлать? Слезами ужъ не воротишь. Ты лучше расскажи мнѣ подробности.

Аполлинарія Матвѣевна. А что подробности? Въ одномъ сраженіи были ранены... другъ около дружви и стояли... промежь собой-то они очень дружны <http://www.pushkin.org.ru> Получасочка — голуб-

чпки мой — одинъ послѣ другаго не жили...
(плачетъ).

Власій Матвѣевичъ. Судьбы Вожиі неисповѣдимы! Очень хорошо понимаю эту твою, ничѣмъ ужь неизлечимую материнскую печаль и понимаю также, что она еще болѣе должна усугубляться, види и въ послѣднемъ дѣтищѣ немного радости... (къ Александру). Не хмурьтесь: я не потатчпкъ всѣмъ вашимъ глупостямъ.

Александръ. Я, дяденька, и не прошу васъ потавать. Вы можете думать по своему, а я по своему.

Аполлинарія Матвѣевна (Александру). Нагуби еще дядѣ; только этого неоставало. Нечего головой мотать... все расскажу да нажалуюсь на васъ съ батюшкой. По милости Божіей, всѣ эти науки въ гимназіи проходилъ не хуже другихъ, ну и быть бы опорой да утѣхой родителей, — не тутъ-то было! Не сказавъ никому и не открывъ ничего, удумалъ да угадалъ самъ съ собою, чтобъ дальше ученье бросить и идти на службу на войну; значить, только и видѣли!

Александръ. Я, маменька, не одинъ: у насъ весь седьмой классъ въ полкъ поступаетъ.

Аполлинарія Матвѣевна. Знаю: отъ пріятелей да отъ дружковъ весь и боръ-то загорѣлся... только тебѣ бы, кажется, лучше матери слушаться, а не съ другихъ брать примѣры.

Александръ. Ни съ кого я не беру примѣровъ; а дѣлаю, какъ самъ чувствую... Объ этомъ, маменька, очень ужь много разговоровъ было.

Аполлинарія Матвѣевна. Что жь? Мол-

чать, что ли, еще мнѣ? И то немного, кажется, вамъ прекословила, какъ все было живо да благополучно; ну, а когда это Божеское несчастіе насъ постигло, ты, добрый сынокъ, не взираючи ни на что, не взирая на мои горькія слезы, все-таки ѣдешь да еще проспшь: «Маменька, папенькѣ не сказывайте, что братцевъ убили, а скажите, когда я совсѣмъ уѣду». Скажи старику такое извѣстіе, когда ужь, какъ говорится, и послѣднее у него солнышко изъ глазъ выкатится.

Власій Матвѣевичъ. Поэтому братъ еще не знаетъ о постигшемъ несчастіи?

Аполлинарія Матвѣевна. Нѣтъ, братецъ, духу моего никакъ не хватаетъ сказать ему; а сердце, межъ-тѣмъ, каждую минуту обмираетъ, чтобъ не узналъ какъ стороной; газеты ужь убираемъ, чтобъ какъ не прочелъ тамъ, и говоримъ, что не присылаютъ. Согреѣшила я, несчастная, видно, чѣмъ-нибудь предъ Богомъ! Кажется, онъ и не перенесетъ этого... Чтѣ-что храбрится, а полчеловѣка полчеловѣкъ и есть: старый да израненный... Хочу ужь тебѣ попросить: ты—умный да разговорчивый, не откроешь ли ему какъ-нибудь поумнѣй и поосторожнѣй, да чтобъ и Сашу-то въ полкъ не пускалъ, — пожалѣлъ бы себя и меня хоть немного.

Александръ. Что жь, маменька, за чтѣ же и несчастнымъ буду?

Аполлинарія Матвѣевна. Кто же и чѣмъ несчастнымъ-то тебя дѣлаетъ?... Вотъ, братецъ, послушайте: одна пѣсня,—только и говорить...

Власій Матвѣевичъ. Вопросъ вашъ, Александръ Алексѣичъ, во-первыхъ, сказанъ въ непри-

личною для сына твоего, а во-вторыхъ, я тоже его не понимаю: въ чемъ вы, —повторяю слова вашей матери, —находите ваше несчастіе?

Александръ. Какъ же, дяденька! Маменька не хочетъ теперь пускать меня въ военную службу, а къ штатской я совершенно неспособенъ... Конечно-съ, погибну. Что ужь послѣ этого я за человекъ буду?

Аполлиарія Матвѣевна. Что ты, не знаяши про штатскую службу, говоришь! Вонъ тебѣ дяденька примѣръ: никогда въ военной не служилъ, а слава Богу, не хуже кого. Люди знаютъ и уважаютъ не меньше, чѣмъ папеньку твоего.

Александръ. То другое время было-съ! Прежде я ничего не говорилъ, а теперь, когда этакая война?.. Я не изъ третьяго класса вышелъ, я ужь шести-классникъ. Я думаю, маменька, я русскій-съ...

Власій Матвѣевичъ. Что-же такое, что вы русскій? И ны всѣ русскіе, и если бы предстояла крайняя необходимость, такъ каждый бы изъ насъ пожертвовалъ всѣмъ: — и достоинствомъ, и жизнью своею; но этого еще нѣтъ!.. Въ то-же время семейство ваше слишкомъ ужь, кажется, отправило свою очередь: у васъ убиты два старшіе брата.

Александръ. Не всѣхъ, дяденька, убиваютъ. Братцамъ ужь такъ умереть, видно, Богъ назначилъ.

Власій Матвѣевичъ. Помолчите и дайте мнѣ договорить. Такимъ образомъ, сказалъ я, очередь вашимъ семействомъ достаточно отправлена, и теперь на васъ, послѣдней ужь опорѣ вашихъ престарѣлыхъ родителей, лежитъ не менѣе священная обязанность семьянина: — обязанность успокоивать

и утѣшать ихъ, и, увѣряю васъ, что службы вашей не потребуеть царь, не нуждается въ ней отечество, и то, что вы останетесь при отцѣ и матери, всякій благомыслящій человекъ поставитъ вамъ въ честь, а не въ обвиненіе.

Александръ. Я бы папенькѣ и маменькѣ заслужилъ послѣ: всю бы жизнь сталъ жить при нихъ; а если теперь они меня остановятъ, такъ чтожь изъ этого будетъ? Вамъ, дяденька, въ этомъ случаѣ отговаривать и отсовѣтовать грѣшно-сь.

Власій Матвѣевичъ. Я не считаю это за грѣхъ, а, напротивъ, нахожу въ этомъ доброе дѣло и буду не только отсовѣтовать, но настояю, чтобъ вы остались. Будь покойна, сестра: я открою брату печальное извѣстіе и докажу ему, что этого господина пускать не слѣдуетъ. Пойдемъ, гдѣ старикъ?

Аполлинарія Матвѣевна. У себя, кажется, въ кабинетикѣ, либо по двору гуляетъ. Гость къ нему пріѣхалъ... сосѣдъ... подзадориваютъ только другъ друга, старые хрѣны, и о войнѣ все теперь говорятъ, точно годятся еще куда-нибудь!... Пойдемте, я васъ провожу... *(идетъ, едва переступая, къ дверямъ)*.

Власій Матвѣевичъ *(идя за нею и обращаясь къ Александру)*. Вотъ, Александръ Алексѣевичъ, гдѣ ваше геройство вы должны показать и, побѣдивъ ваше собственное увлеченіе, посвятить себя на услугу послѣднихъ дней этой бѣдной старушки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Александръ *(одинъ)*. Что я за несчастный человекъ! Они, съ маменькой, пожалуй, уговорятъ па-

пеньку; насажутъ, напугаютъ его, — онъ и не отпуститъ. Миклашевскій, я думаю, скоро ужъ офицеромъ будетъ... это ужасно!.. (*садится и закрываетъ лицо руками*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и Селифантьевъ.

Селифантьевъ (*войдя и вытянувшись*). Шесть паръ сорочекъ, шесть брюкъ и дюжина карпетовъ принято, ваше благородіе,—извольте на записку записать!

Александръ (*вставая*). Что, братъ Селифантьевъ, чортъ знаетъ что такое выходитъ; я, пожалуй, и не поведу.

Селифантьевъ. Какъ такъ, ваше благородіе?

Александръ. Да вонъ все по милости дядюшки нашего милаго... пріѣхалъ—очень нужно. Хотятъ сегодня отцу съ маменькой сказывать, что братцевъ убили, и чтобъ онъ меня не отпускалъ въ военную службу.

Селифантьевъ. Это, ваше благородіе, ничего-съ; это только пустые разговоры ихъ будутъ-съ.

Александръ. Да, какъ же, пустые разговоры!.. Увидишь вотъ...

Селифантьевъ. Ей-богу, такъ, ваше благородіе. Старикъ не возьметъ этихъ словъ ихнихъ во вниманіе; а сдѣлаетъ, какъ ему надо, по-своему.

Александръ. Экой ты чудакъ, Селифантьевъ! По-своему сдѣлаетъ. Онъ бы, вонечно, сдѣлалъ, какъ-

бы братьевъ не убили; а ты знаешь, какъ это его тронетъ. Онъ нынче, посмотри, какой слезливый сталъ: прошлаго года меня въ гимназію провожалъ, такъ три версты плакалъ. Когда это прежде бывало?

С е л и ф а н т ь е в ъ *(вздыхнувъ)*. Именно, ваше благородіе, когда это бывало! Далекое противъ прежняго Алексѣя Петровича не стало! Этта, доложу, ваше благородіе, ѣхали мы съ нимъ на бѣговыхъ дрожечкахъ; гляжу, Господи ты Боже мой! гдѣ немного этакъ маленько рытвинка, гляжу, ужь объѣзжаетъ: боится... а въ старые годы, доложу, ваше благородіе, когда они еще на Кавказѣ служили, такъ только, Царь небесный, помилуй насъ!—Словно у нихъ не одна, а пять головъ на плечахъ было. Тогда ходилъ подъ нимъ, доложу, ваше благородіе, тамошній жеребецъ: лошади тамъ, ваше благородіе, сердитыя, злыя—ячменемъ ихъ все кормятъ,—такъ нашъ Алексѣй Петровичъ, бывало, оврагъ-ли, банава-ли, плетень-ли, никогда не объѣзжаетъ, а все напрямикъ, махнетъ—да и баста!

А л е к с а н д р ъ. Ъздить, братъ, верхомъ я самъ лововъ: никому не поддамся. На Абрека, не бойсь, Гараська нашъ тоже смѣлый и сильный, а не садился,—трусиль; я же первый проѣхалъ, взнуздаль только бичевкой и сѣлъ; все поле по сумету выносиль, а не сбросиль—шалить!

С е л и ф а н т ь е в ъ. Видѣлъ, вѣдь, я, ваше благородіе; да оно, если такъ сказать, такъ вы, пожалуй, и побойчѣй Абрека на конѣ проѣдете... важно ѣздите: оно, значить, смѣло-съ; да и посадка крѣпкая!.. Ученья еще, доложу, ваше благородіе, вамъ настоящаго не было...

А л е к с а н д р ъ *(перебивая его)*. Ежели я теперь

опредѣлюсь въ полкъ, такъ въ недѣлю всему выучусь; стрѣлять ужь умѣю: этта былъ у Николая Алексѣича; онъ этакимъ отличнымъ стрѣлкомъ считается здѣсь и восемь разъ далъ промахъ, а я три раза сряду влѣпилъ въ черный кругъ. — Значить, теперь только маршировать выучиться, да ружьемъ...

Селифантьевъ. Ружьемъ, ваше благородіе, безпремѣнно надобно, чтобъ какъ можно тверже знать; оно, доложу, ваше благородіе, плохой, значить, тотъ солдатъ, коли на этой балалайкѣ играть не умѣетъ.

Александръ. Еще бы! Послушай-ка, Селифантьевъ, поди, братъ, пожалуйста, принеси ружье; поучи меня хоть немного.

Селифантьевъ. Да я бы, доложу, ваше благородіе, съ великимъ моимъ удовольствіемъ: маменька ваша какъ бы только не увидала. Ей-богу, ваше благородіе, отъ старушки такъ много обидъ сталъ я терпѣть это время, что прости ей только Господи! Хоть бы съ вами али съ старымъ бариномъ говорить почестъ-что запрещаетъ, ваше благородіе...

Александръ. Ну, что, Богъ съ ней, съ маменькой! Поди, голубчикъ, принеси: я тебѣ заплачу за это; на тебѣ полтинничекъ... *(даетъ ему полтинникъ)*.

Селифантьевъ *(не беретъ)*. Полноте, ваше благородіе, не извольте беспокоиться!.. Что это: я и безъ этого готовъ и долженъ завсегда служить-съ! Сію секунду, ваше благородіе!.. *(проворно уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Александръ *(одинъ ходитъ и потираетъ руки)*.
Выучусь теперь ружью, маршировка, и славно бу-

детъ... *(взявшись за голову)*. Правда, эти сигналы, канальство, надобно хорошенько выдолбить: ни одного еще сигнала почти не знаю. Если бы мнѣ все это Богъ привелъ здѣсь выучить, я бы спокоенъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотъ же и Селифантьевъ *(съ ружьемъ)*.

Селифантьевъ. Перво, ваше благородіе, съ маршировки начнете али все вмѣстѣ, какъ прошлый разъ?

Александръ. Вмѣстѣ все лучше; скорѣе выучусь.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе. *(Александръ беретъ ружье и становится во фронтъ)*.

Селифантьевъ *(командуетъ)*. Смирно!... съ правой ноги—маршъ! *(Александръ маршируетъ)*.

Селифантьевъ *(колотя себя по бедру)*. Разъ... два... разъ... два... разъ... два... носки хорошенько вытягивать, ваше благородіе. Корпусомъ не валиться назадъ... разъ... два... разъ... два... разъ... два... Ружье не свѣшивать! Стой!

Александръ *(останавливаясь)*. Ты мнѣ, Селифантьевъ, не говори: «ваше благородіе», а учи, какъ рекрута.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе... *(командуетъ)*. Налѣво кругомъ-маршъ! Разъ... два... разъ... два... локтей не выворачивать! Ружьемъ не вилять, какъ мѣшалкой! Хорошо! хорошо! Bravo!

Александръ. Рады стараться, ваше благо-

родіе!... Въ самомъ дѣлѣ хорошо, Селифантьевъ?

Селифантьевъ. Отлично, ваше благородіе, ей-богу!.. Хорошо тѣмъ, что вы хоть-бы къ ружью и маршировкѣ очень способны.

Александръ. Ну, а теперь ружейнынъ приемамъ поучи.

Селифантьевъ. Съ ружейными приемами, ваше благородіе, возни много; а тутъ, чего не дай Богъ, маменька взойдетъ: куда я тогда поспѣлъ? Лучше, доложу, ваше благородіе: завтра пораньше встанемъ да на зарѣ въ полѣ,—тамъ гораздо способнѣе.

Александръ. Да хоть немного поучи!.. (становитъ ружье къ ногѣ). Хоть отъ ноги только командуй!

Селифантьевъ. Извольте, ваше благородіе... (командуетъ). Отъ ноги... разъ... два... три... Отставъ... Отъ ноги... разъ... два... три...

Александръ. Что, Селифантьевъ, и это хорошо?

Селифантьевъ. Ничего, ваше благородіе... хорошо-съ.

Александръ. Ну, нѣтъ, ты говори правду; не обманывай.

Селифантьевъ. Ей-ей, ваше благородіе: извѣстно, что съ ученьемъ будете почище братъ; а такъ-какъ на первый разъ, такъ и очень порядочно... чистоты еще настоящей нѣтъ.

Александръ. Сегодня немного поучусь, а завтра именно, какъ ты говоришь, встану на зарѣ, уйдемъ въ поле: тамъ сколько угодно учись... (начи-

насть кидать ружье, командуя самъ себя). Отъ ноги... разъ... два... три... Разъ... два... три...

Селифантьевъ (глядя на него съ удивленіемъ). Славный офицеръ вы будете, ваше благородіе! Ей-богу такъ-съ; тѣмъ, что главная причина, доложу, къ службѣ у васъ, какъ я вижу, большое старанье-съ будетъ.

Александръ. Ну, ужь, братъ Селифантьевъ, только бы мнѣ отсюда вырваться... Какъ вотъ началъ собираться на службу, ни одной ночи теперь не сплю. Въ сраженіе бы мнѣ хочется поскорѣе,—ухъ бы какъ поработалъ!.. Ты часто въ сраженіяхъ, Селифантьевъ, бывалъ?

Селифантьевъ. Какъ, ваше благородіе, не бывать; какъ во фронтѣ былъ, многіе разы бывалъ-съ.

Александръ. Страшно или нѣтъ?

Селифантьевъ. Какъ сказать, ваше благородіе? Извѣстно, человекъ животолюбивъ: только-то, что до первой крови; а тутъ злость возьметъ, все впередъ охота, а не велятъ,—безъ команды впередъ вельзя: стой, дѣлать нечего, на мѣстѣ да слушай, какъ эти свинцовые шмели летаютъ.

Александръ. На штыки, я думаю, лучше.

Селифантьевъ. На штыки, ваше благородіе, важно-съ. Вотъ тоже опять о вашемъ папенькѣ слово: я-то ужь не номію, не засталъ этого: а тоже, доложу, ваше благородіе, старые солдаты рассказывали, какъ Алексѣй Петровичъ еще въ маленькихъ чинахъ были, такъ въ рукопашный-то шибко ходили: кого штыкомъ, кого прикладомъ, а кого и кулакомъ,—ломомъ ломать-съ.

Александръ. Храбрый папенька былъ?

Селифантьевъ. Храбрый, ваше благородіе, да и силы-то ужь непомярной: девять, десять пудовъ одной рукой легонько перевидалъ, или, по тамошнему обыкновенію, голову барану отмахнуть саблей, какъ комару,—сразу!

Александръ *(ходя въ раздумь по комнатѣ)*. А я вотъ что, Селифантьевъ, придумалъ... это славная мысль пришла мнѣ въ голову: ежели папенька послушается маменьки и не отпуститъ меня, я потихоньку уйду; до Костромы пѣшкомъ дойду—ничего; а тамъ зайду къ мужу сестры Маши: онъ парень отличный, дастъ мнѣ хоть немного денегъ.

Селифантьевъ. Денегъ немного, ваше благородіе, надо: какъ бы только Богъ до полка привелъ добраться, а тутъ что жъ? Аммуниція казенная, провіантъ казенный.

Александръ. Именно такъ; непременно уйду. Пускай маменька съ дяденькой сердятся, а папенька ничего... проститъ.

Селифантьевъ. Папенька-то-съ? Ежели бы теперича, примѣрно, такъ-сказать, годковъ пятнадцать имъ съ костей долой, да ножи бы у нихъ поздоровѣе были, они и сами бы пошли въ службу. А что на счетъ братцевъ, такъ до кого не коснись: води убитъ въ сраженіи, въ царствѣ небесномъ, значить, будетъ. Алексѣй Петровичъ это лучше нашего знаетъ.

Александръ. Тсъ, молчи! Папенька, кажется, идетъ. Смотри никому ни-гугу, о чемъ мы съ тобой говорили. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ,—поучи меня потихоньку сигналамъ.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе...

сейчасъ только у полковника фуражку приму-съ. (Александръ уходитъ въ кабинетъ, а Селифантьевъ отворяетъ дверь и становится около нея на-вытяжку).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Алексѣй Петровичъ, совсѣмъ съдой, съ большими усами и бакенбардами, въ фуражкѣ, въ военномъ, на красной подкладкѣ, двухбортномъ вицмундирѣ и съ палкою въ рукѣ. Макаръ Макаровичъ въ старомодномъ, но очень чистомъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, въ свѣтло-вычищенныхъ сапожкахъ, тоже съ усами и бакенами и также совсѣмъ съдой.

Алексѣй Петровичъ (входя). Я вотъ тебѣ, Макаръ Макарычъ, давеча началъ разсказывать, да все перебиваютъ... Здорово, Селифантьевъ!.. (подаетъ ему фуражку).

Селифантьевъ (принимая фуражку). Здравія желаю, ваше высокоблагородіе... (обдуваетъ потомъ фуражку, вѣшаетъ ее на воздѣ и уходитъ за Александромъ).

Алексѣй Петровичъ. Началъ я тебѣ, братецъ, разсказывать про начальниковъ моихъ—экіе они люди были! Привезъ меня, братецъ, въ полкъ отиускной солдатикъ. Парень я былъ лѣтъ пятнадцати, а рожей къ ставцу сѣть не умѣлъ; изъ бѣдныхъ, вѣдь, какъ и ты же, дворянчиковъ родомъ. Ныишніе годы, вонъ, съ крестьянскихъ мальчишекъ за выучку въ грамотѣ берутъ десять да двѣнадцать рублевъ, а за меня заплатили дьячку пять четвериковъ овсеца, подолбилъ я у него: «азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, буки, Богъ, Бо-

жество, веди, величество»—вотъ-те и ученье все!.. Съ этимъ и на службу поѣхалъ... Полками тогда, братецъ, командовали еще шефы: шефовъ-то, чай, помнишь?

Макаръ Макаровичъ. Чтой-то, сударь, шефовъ ужь не помнить? Не какіе годы прошли тому: много-что дѣтъ шестьдесятъ минуло!.. Вывшаго судьи. Никанора Васильича родитель-то, выходитъ, шефомъ былъ.

Алексѣй Петровичъ. Дѣло, дѣло! Шефъ былъ,—знавалъ я его!.. И лихой былъ шефъ. Садись-ка!.. *(садятся)*. Приведи меня, братецъ, ѣтавимъ манеромъ къ этому нашему шефу, изъ нѣмцевъ былъ, Ардаліонъ Карлычъ—царство небесное! «Здорови ли ви, каспадинъ тварянинъ, гитъ? Здѣсь, гитъ, адмія дѣйствующая, надобно, чтобы народъ былъ очень здоровый». А я еще, братецъ, и отвѣчать не умѣю какъ, да отпускной-то солдатъ, что привезъ меня, спасибо, выручилъ: «здоровъ, гитъ, ваше высоко-родіе: всю дорогу одинъ телѣгу смазывалъ и супонь натягивалъ».—«А это карашо, гитъ: позвать, гитъ, ко мнѣ унтеръ-офицера Соломенку». Приходитъ, братецъ, унтеръ-офицерина Соломенка, въ сажень ростомъ, рябой да черный, немного получше волка. «Вотъ тебѣ, гитъ, Соломенка, на руки каспадинъ тварянинъ, держи его въ чистотѣ, артикулу вышкоди, грамотѣ пройдишь, да и молитвы чтобъ зналъ». Такъ меня, братецъ, и сдали; и вотъ по сей день и блаженной памяти Ардаліонъ Карлычъ и Соломенка—оба, братецъ, въ поминальникѣ у меня записаны: нельзя,—на вѣкъ человѣкомъ сдѣлали.

Макаръ Макаровичъ. Это, сударь, что въ

номинальникі записаны, дѣло доброе: ты помнаешь, и тебя поминать стануть. Хорошо тому, кто добро творить, а еще хорошеѣ тому, кто добро помнитъ.

Алексѣй Петровичъ. Да какъ, братецъ, не поминать то? Я всегда говорю: всѣ мои начальниги мнѣ вторые отцы были,—не то, что ужь маленькіе, а и большіе: хотъ бы покойный нашъ главнокомандующій, князь Циціановъ,—вонъ у меня въ золотой рамочкѣ висить. Орелъ, братецъ, былъ! Какъ теперъ вотъ помню: тѣмъ временемъ губеріи устроивались, ну и прокуроры были заведены. Къ нему тоже присылають одного на Кавказъ; а такъ-какъ дѣла онъ самъ рѣшалъ и утверждалъ, только вдругъ говорятъ ему, что одного дѣла нельзя исполнить, потому что прокуроръ вошелъ съ голосомъ. «Гдѣ, говорить, голосъ?» Подали ему. Онъ на самомъ этомъ голосѣ и пишетъ: «гдѣ поють херувимы, тамъ свиной голосъ не кстати!» и велѣдъ-же за тѣмъ пишетъ государынѣ письмо, что-де прокуроры ему ненужны ибо стѣсняють его въ распоряженіяхъ. Что жъ, вѣдъ братецъ? Государыня уважила, велѣла отозвать того. Такъ вотъ какъ! Государя почитаютъ да уважають такихъ людей.

Макаръ Макаровичъ. Нельзя, сударь Алексѣй Петровичъ, не уважать-то! Ты вотъ, про своихъ начальниковъ рассказываешь, а и у меня командиръ тоже благодѣтель былъ. Какъ произвели меня тогда въ эти прапоры, всѣ прочіе товарищи веселятся, а я и чину не радъ, сижу да плачу.

Алексѣй Петровичъ *(смѣясь)*. Ну, да, да, понимаю: обмундироваться, значить, не на что, ха, ха, ха! Самъ, братъ, на этомъ конѣ ѣздилъ! Не бо-

гатве тебя служилъ: съ поручичьяго чина только говядинку сталъ каждый день ѣсть, а чаекъ пить съ капитановъ... Какъ же ты однако вывернулся? Эта штука, братецъ, интересная съ молодыми офицерами бываетъ.

Макаръ Макаровичъ. А какъ, сударь вывернулся? Къ тому тебѣ и рѣчь веду: какъ сижу я да горюю, подвертывается ко мнѣ проклятый жиденовъ, портной (много ихъ тогда за полками шло), и сталъ меня уговаривать, чтобъ я взялъ у него въ долгъ парочку мундирную и сюртучную. Я сначала, по своей молодости и глупости, обрадовался...

Алексѣй Петровичъ. Такъ-такъ! ха, ха, ха! Все, что ты мнѣ говоришь, я точно въявь вижу. Я этихъ, братецъ, жидовъ какъ огня боялся: сейчасъ надуютъ.

Макаръ Макаровичъ. Со мной, сударь, хуже вышло: обдуть-то бы ужъ Богъ съ нами, а то вышло: только что прицѣпилъ я въ первый разъ эти эполетчики. «Къ командиру, говорятъ, пожалуйста». Являюсь я. Какъ начинается онъ меня, сударь, пудрить. «Такъ-то, говоритъ, господинъ прапорщикъ, вы, въ вашей нуждѣ, хотите лучше одолжиться у жида, чѣмъ отнестись къ вашему начальнику? Меня, кажется, сударь, говоритъ, никто изъ господъ офицеровъ еще такъ не понималъ. Стыдно, говоритъ, вамъ, господинъ прапорщикъ, стыдно, стыдно, стыдно!» да и затвердилъ, какъ сорока Якова, разъ сто простыдилъ. Офицеровъ, сударь, полна зала; стою я ни живъ, ни мертвъ: легче бы мнѣ было три дня подъ ранцемъ съ пескомъ выстоять, чѣмъ это его стыженье: и кончилъ онъ, сударь, тѣмъ, что подалъ мнѣ сто рублей.

«Сейчасъ же, говоритъ, расплатитесь съ жидомъ и впередъ меня, сударь, не обижайте»...

Александръ Петровичъ (*махнувъ рукой*). Да что, братецъ, и говоритъ объ этомъ! Опять скажу: вторые отцы были. Хоть бы съ себя теперь мнѣ взятыі худъ ли, хорошъ ли, а, по милости ихъ, вѣкъ изживаю полковникомъ; дѣтей тоже взвелъ: старшій, Петруша, ужъ капитанецъ, а второй, Николай, штабсъ-капитанецъ. Ты вотъ не видалъ, а оба ребята, братецъ, славные, умные, тихіе, скромные, да въ мундирахъ-то, шаржами перетянутся, стройные... И не дождешься, братецъ, кажется, этакой радости, какъ это благополучно все кончится, и прїѣдутъ они ко мнѣ на побывку; портреты съ обоихъ велю списать и повѣшу надъ своей кроватью, чтобъ и передъ смертью на нихъ полюбоваться. Пишемъ только, братецъ, что-то отъ нихъ нѣтъ. Не знаю; такъ это меня беспокоитъ: третью ночь все ихъ обоихъ во снѣ вижу; думаю-то, что ли, я все объ нихъ.

Макаръ Макаровичъ. Съ думы, сударь, да къ сырой погодѣ!.. Всегда, вѣдь, сны отъ этого бываютъ-съ.

Александръ Петровичъ. Можетъ быть; а ужъ что за ребята, только ну! Очень мнѣ, братецъ, хочется, чтобы они при жизни моей хоть бы до майоровъ дотянули: въ густыхъ-то эполетчикахъ мнѣ хочется посмотрѣть на нихъ, а тутъ и умеръ бы, пожалуй. Младшаго, было, свистуна своего,—барыня ужъ очень бранится, что всѣхъ по дальнимъ мѣстамъ разсовалъ да размыкалъ,—хотѣлъ-было оставить по штатской; ну, а какъ теперь наша такая заваривается, сталъ онъ у меня проситься. «Ступай!» го-

ворю! Останавливать нельзя, хоть и жалко — по-слѣдышекъ!..

Макаръ Макаровичъ. Останавливать, сударь, нельзя: не тѣ нынѣ времена; встаютъ и мѣтутся на насъ народы. Ты остановишь, другой остановитъ,—что же будетъ хорошаго? И ты, сударь, не останавливай, а то я тебя хвалить перестану.

Алексѣй Петровичъ. Да кто же тебѣ, старый, говоритъ: останавливать? Что тамъ не говорю, а въ двѣнадцатомъ году Наполеончикъ этотъ изъ дванадесяти языцевъ, девять языцевъ велъ за шиворотокъ, а нынче все по стачкѣ идутъ: точно. вѣдь, бѣлены обѣвшисъ, взѣлись на насъ!.. Прахъ ихъ знаетъ, что мы имъ сдѣлали... Останавливать!.. Старуха только меня, братецъ, одолѣваетъ: бранится да реветъ. Бабы, братецъ! По-ихнему, сиди у нихъ около юбки, да сказки рассказывай,—такъ и любо имъ.

Макаръ Макаровичъ *(оглядываясь и вполголоса Алексѣю Петровичу)*. У бабы, сударь, волосъ дологъ да умъ коротокъ... *(смѣется и машетъ рукой)*.

Алексѣй Петровичъ. Именно! Я, братецъ, никогда во всю жизнь бабъ не слушалъ: у меня немного дѣлай по своему, а слушай моей команды. Погоди-ка, постой! Это что?.. *(прислушивается)*. Это, братецъ, выходитъ, Сашка у Селифантьева сигналь-ламъ учится. А? каковъ ретивый солдатъ, новобранецъ мой—а? Александра, Александра!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Александръ, а потомъ и Селифантьевъ.

Алексѣй Петровичъ. Что ты, братецъ, тамъ дѣлаешь—а? <http://rcin.org.pl>

Александръ. Такъ, папенька, ничего-съ.

Алексѣй Петровичъ. Ну, ничего. Знаю я, что вы тамъ съ Селифантьевымъ творите. Смотри, мать услышитъ, она тебѣ задастъ да и мнѣ не уйти: сейчасъ разревется; у нея одно орудіе, изъ которыхъ въ цѣль бьетъ. Хорошо, братецъ, Макаръ Макарычъ, что я ещё поотстрѣливаюсь, а то бы совсѣмъ заполюла,—такая старушенка! Гдѣ она теперь?

Александръ. Онѣ васъ пошли искать-съ. Два денька, папенька, пріѣхалъ.

Алексѣй Петровичъ. А!.. високоумный Власій! Ну, чтожъ? Милости просимъ. Вотъ у меня, братецъ, Макаръ Макарычъ, есть шуринокъ; все съ первыхъ годовъ меня училъ и наставлялъ, что я съ женою неласково обращаюсь, дѣтокъ нехорошо воспитываю. А женился послѣ самъ; три года съ женою прожилъ—да и врозь!.. Сына тоже въ страхѣ и въ строгости воспитывалъ: не то, чтобъ пошутить да поврать, какъ я съ своими ребятишками, а чтобъ усмѣхнуться, сказать громко при немъ не смѣлъ; а тотъ теперь, какъ только поднялся на ноги, и знать его больше не хочетъ; а у меня такъ, слава Богу, всѣ преласковые. Вонъ у меня Сашка лампасы ужъ нашилъ: думаетъ, что совсѣмъ военный. Поди сюда, поцалуй меня, шельмецъ! *(Александръ подходит и цалуетъ отца)*. Вишь, какой славный малый! Послушай, Саша, прочитай ты, братецъ, Макару Макарычу стихи, которые я тебя выучилъ.

Александръ. Это объ грекахъ, папенька?

Алексѣй Петровичъ. Да!.. *(Макару Макарычу)*. Это Николевъ сочинилъ. Я зналъ его лично: слѣпой былъ... <http://reim.org.pl>

АЛЕКСАНДРЪ.

Строй, кто хочетъ громку лиру,
 Чтобъ казаться въ высокѣ;
 Я налажу пѣсню міру
 По солдатски, на гудкѣ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ (*Макаръ Макарычу*). А?
 каково?

МАКАРЪ МАКАРОВИЧЪ. Хорошо, сударь, хо-
 рошо-съ!

АЛЕКСАНДРЪ (*продолжая*).

Встарь бывали легки Греки,
 Нынче лежокъ Русачекъ;
 Шагъ ему чрезъ степи, рѣки,
 Съ горы на гору—скачокъ.
 Пѣшій съ коннымъ поспѣваетъ,
 Онъ бѣжитъ и попѣваетъ
 Въ честь начальникамъ своимъ;
 Русакамъ обѣдъ не нуженъ—
 За плечми обѣдъ и ужинъ.

Макаръ Макаровичъ отъ удовольствія киваетъ головою.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ (*сыну*). Постой! Дальше
 я самъ прочту:

Съ царградскаго престола
 Втунѣ денежки летятъ,
 Лишь бы батюшка Никола
 Помолился у Престола,
 Такъ и Шведа закрутятъ.

А? Вотъ тебѣ, Макаръ Макарычъ, и мы почи-
 тываемъ.

МАКАРЪ МАКАРОВИЧЪ. Прекрасно, сударь,
 очень прекрасно. Спешу для себя это безпремѣнно.

Алексѣй Петровичъ. То-то прекрасно, тарый ты грѣшникъ! Кайся скорѣе, скоро помрешь: прилюбивалъ въ старыя годы, молодецкіе походы, красныхъ дѣвушекъ и молодыхъ молодушекъ?

Макаръ Макаровичъ. Да что жъ такое, али не прилюбивалъ! Да еще какъ прилюбивалъ-то, сударь! И хоть вѣрь не вѣрь, а пресчастливый былъ на это: не то, что я за ними, а онѣ за мной; а мы еще и во вниманіе не беремъ, — ходимъ шапочка на бекрень; не замай ихъ, пусть маются!

Алексѣй Петровичъ. Ишь-ты какой, старая кочерга! Это, братецъ, значитъ, какъ и въ пѣснѣ говорится: распретошная моя судьбинушка, что полюбила я тебя, дѣтинушка.

Макаръ Макаровичъ. А ты бы какъ думалъ? Нынче-то нами, старымъ хламомъ, гать гатить, а прежде показать, — такъ людямъ угодить.. *(лукаво)*. Было, сударь, скажу я тебѣ, Алексѣй Петровичъ, такое у меня дѣло: я еще юнкерецъ; стоимъ мы въ Кашинѣ; только, сударь мой, въ Пробойной уллицѣ, въ сѣромъ домикѣ, завелось у меня знакомство, а присмотръ строгій. Какъ намъ другъ другу сигналъ давать? И что жъ, сударь мой, на какую мы штуку поднялись! Какъ только вечерокъ, выхожу я на свое крылечко, заиграю на гитарѣ и запою, а пѣть былъ мастеръ, и запою, напримѣръ: *(поетъ)*. «Душа ль моя, душенька, душа ль, милъ сердечный другъ, приходи почаще въ лугъ», — а тамъ ужъ и слышать, и коли мнѣ на это розовое платье въ огородѣ показалось да махнули бѣлымъ фартучкомъ, такъ и тугъ, значитъ... есть!

Алексѣй Петровичъ. Бывало, братецъ,

бывало и съ нами это. Кто на эту ногу не хромалъ! Вотъ ты про пѣсни сказалъ; я, братецъ, до пѣсенъ такой охотникъ, что, кажется, хлѣбомъ не корми меня, а пѣсни дай слушать. Какъ комендантомъ былъ въ Кубь, такъ человекъ 40 было у меня пѣсенинковъ, и былъ тутъ одинъ солдатикъ маленькаго роста, шельма; но голосъ такой, что я тебѣ скажу—соловьиный! Какъ зальется, каналья, на зарѣ-то да съ кларнетомъ, такъ всю душу и вытянетъ.

Селифантьевъ. Это, ваше высокоблагородіе, про Дудышку изволите говорить?

Алексеѣй Петровичъ. Про Дудышку, братецъ, про Дудышку.

Селифантьевъ. Дудышка, доложу, ваше высокоблагородіе, точно, что голосъ имѣлъ-съ, а угождалъ еще много и тѣмъ, что онъ изъ цыганъ, вѣдь, ваше высокоблагородіе: вертовать чрезвычайно, а хоть-бы и про себя мнѣ сказать, я всегда могъ пѣть противъ Дудышки.

Алексеѣй Петровичъ. Ну, нѣтъ!.. Хвастаешь! Не споешь противъ Дудышки, не вытянешь такъ! Жплы коротки!.. (Макару Макарычу). И этотъ, вѣдь, братецъ, отлично поетъ по-сю-пору; нарочно изъ фрунта изъ-за пѣсенъ взялъ къ себѣ въ деньщпги. Спой намъ, Селифантьевъ, тряхни стариной. Станемъ сегодня, Макаръ Макарычъ, мы съ тобой веселиться. Не знаю передъ чѣмъ, а у меня сегодня больно весело на душѣ. Пой, Селифантьевъ.

Селифантьевъ. Какую прикажите, ваше высокоблагородіе?

Алексеѣй Петровичъ. Пой мою любимую:

«Молодку молодую». Знаешь ли ты, братецъ, Макаръ Макарычъ, эту пѣсню!

МАКАРЪ МАКАРЫЧЪ. Полно-ка... еще не знать! На что другое у Макара разума мало, а на пѣсни-то онъ толковъ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ну и ладно, коли знаешь! Слушай только да облизывайся. Закатывай, Селифантьевъ!

СЕЛИФАНТЬЕВЪ (*выткнувшись, начинаетъ дискап-томъ*).

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая.

Полно по улицѣ ходити
Черную грязь топтати.

*Въ продолженіе пѣсни Алексѣй Петровичъ бьетъ тактъ палкой,
а Макаръ Макаровичъ машетъ рукой.*

МАКАРЪ МАКАРОВИЧЪ. Начни-ка, Селифантьевъ, сначала: ты, я вижу, въ самомъ дѣлѣ, складненько поешь,—и мы подтянули бы! Прикажи, сударь, Алексѣй Петровичъ, сначала.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. Валяй, Селифантьевъ, сначала.

АЛЕКСАНДРЪ. А потомъ Селифантьевъ, знаешь, переиди вдругъ на ту, что я тебя выучилъ.

СЕЛИФАНТЬЕВЪ. Слушаю, ваше благородіе... (*затѣваетъ; ему всѣ подтмиваютъ*).

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая,

Полно по улицѣ ходити,
Черную грязь топтати,

Черную грязь топтати,
По миломъ, миломъ, тосковати.

АЛЕКСАНДРЪ (проворно). **Переходи!**

СЕФИАНТЬЕВЪ (запываетъ вдругъ на голосъ „Вооль
по улицъ молодецъ идетъ“).

Плыветъ по морю флотъ кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ой жги, жги, жги, говори!
Словно стадо лебедей, лебедей.

* *

Волны по морю кипятъ и шумять,
Межъ собою такъ рѣчь говорятъ:
Ой жги, жги, жги, говори!
Межъ собою такъ рѣчь говорятъ:

* *

Ужь за чѣмъ это наши корабли,
Какъ щетиною, штыками поросли?

*Вся подплываютъ. Макаръ Макаровичъ выходитъ на средину
и начинаетъ подплясывать, умьренно выкидывая ноги пожимая
плечами, помахивая платкомъ, и послѣ нѣкоторыхъ куплетовъ
зосклицаетъ «Ахъ! ты! жизнь копыйка! Голова наживное дѣло!..»
Александръ становится противъ Макара Макаровича, поетъ во
все горло и притоптываетъ.*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪ же Аполливарія Матвѣевна и Власій Матвѣевичъ.
Они останавливаются на нѣкоторое время, съ удив-
леніемъ, въ дверяхъ.

А ПОЛЛИВАРІЯ МАТВѢЕВНА (входя). Грѣхо-
водникъ ты этакой, Алексій Петровичъ! Не грѣхъ-
ли тебѣ? Въ такое время ты пляски да пѣсни затѣ-

взвешь... *(Селифонтьеву)*. Пошелъ, протупея, на свое мѣсто... *(въ сторону)*. Сомустители!

Алексѣй Петровичъ. Ну, ну, старуха, не ворчать. Что это, мати, въ черныя-то платья да въ чепцы съ робронями разрядилась? Посмотри, Маваръ Макарычъ, на барынѣ чепчикъ, барыня ходитъ-шепчетъ.

Макаръ Макаровичъ. Вижу, сударь, вижу: барыни все въ чепчикахъ. Извините, сударыня, Аполлинарія Матвѣевна, что повеселплись немножко: дѣло наше молодое, веселое... извините.

Алексѣй Петровичъ. Старуха! не хмуриться... маршъ сюда и поцалуй меня!

Аполлинарія Матвѣевна *(садясь на диванъ)*. Ай, перестань ты съ своими поцалуями! Не надсажай ты моего сердца. Вонъ, братецъ, пришелъ... *(Александрю)*. Подай дядѣ стулъ, безтолковый.

Власій Матвѣевичъ. Ничего, милая, не безпокойся. Здравствуй, Алексѣй Петровичъ... *(Макару Макаровичу на его поклонъ)*. Здравствуйте... *(садится на поставленномъ ему посреди сцены Александромъ стулъ; въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ молчаніе. Власій Матвѣевичъ съ важностью нюхаетъ табакъ)*.

Алексѣй Петровичъ. Здоровы-ли, Власій Матвѣичъ? Давно мы съ вами не видались.

Власій Матвѣевичъ. Слава Богу, братъ Алексѣй Петровичъ. Я и самъ давно собирался къ вамъ: первое, что видѣться желалъ, а второе, меня безпокоитъ и здоровье сестры, которое, слышу, день ото дня слабѣетъ. Надобно ей очень беречь себя.

Алексѣй Петровичъ. Кому-съ не надобно беречь здоровье? Не только старымъ, а и молодымъ. Вотъ ваша супруга и помоложе моей, а на ладонь,

говорятъ, дышетъ... (говоритъ это, Алексѣй Петровичъ подмигнувъ Макару Макаровичу). Вы лучше скажите намъ, что новаго пишутъ въ газетахъ?.. (къ Макару Макаровичу). А у меня, братецъ, по сю-пору нѣтъ газетъ, — что ты приважешь дѣлать?

МАКАРЪ МАКАРОВИЧЪ. Эка, сударь—а! Что это все нѣтъ да нѣтъ? А я, признаться, къ газеткамъ-то и подбирался-было; за ними больше и прѣхалъ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. Нѣтъ, братецъ, не высылаютъ да и только. Хочу ужъ самъ завтра ѣхать въ городъ на почту и разбранюсь съ этимъ почтмейстеромъ: отвѣтить-то, братецъ, толкомъ мнѣ не хочетъ. Я, наконецъ, писалъ, чтобы по книгамъ сдѣлалъ для меня выpravку и прислалъ мнѣ, а я бы сейчасъ въ петербургскій почтамтъ махнулъ, — такъ не даетъ, а только на словахъ приказываетъ, что нѣтъ... За хорошаго человѣка, братецъ, считалъ, а выходитъ какая-то каналья.

А ПОЛЛИНАРІЯ МАТВѢЕВНА. Что горячишься и выходишь изъ себя? Пришлютъ все вдругъ: не все-ли равно?

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ахъ, ты умница моя! выдумала что! Пришлютъ? Да теперь-то за что пытаются меня? Разсудила! Другую недѣлю сижу, ничего не знаю... (Макару Макаровичу). И самъ-то, братецъ, какъ человѣкъ служивый, интересуюсь; а главное, о дѣтяхъ извѣстіе: вся жизнь, что называется, моя положена тамъ—и ни писемъ отъ нихъ нѣтъ, ни газетъ; а она еще тутъ уместуетъ: пришлютъ!... Гдѣ—такъ у васъ много чувствъ и любви, а тутъ такъ ужъ очень разсудительны и злодѣйственны!

В л а с і й М а т в ѣ в и ч ъ. Послѣдняя самая свѣ-
жая новость: наши войска перешли черезъ Дунай.

А л е к с ѣ й П е т р о в и ч ъ. Ну, вотъ, значитъ,
перешли... очень-радъ, очень. Стало-быть, Макарь
Макарычъ, чего мы съ тобой ждали, то и случилось.

М а к а р ѣ М а к а р о в и ч ъ. Это—слава Богу,
сударь, Алексѣй Петровичъ, слава Богу.

А л е к с ѣ й П е т р о в и ч ъ. Какъ-же, братецъ,
не слава Богу! Самъ служилъ, знаешь. Можетъ-быть,
братецъ, что-нибудь тутъ и наши дѣтки заработали.
Ка-бы, кажется, старшему Петрушѣ майора схва-
тить, а Николаю крестикъ, такъ бы, кажется, я два
дня, не отставая, плясалъ. Десять лѣтъ, братецъ,
имянинъ своихъ не справлялъ: все денегъ жалѣлъ,
а тутъ займу да сдѣлаю пррѣ на весь міръ:—музы-
кантовъ, пѣсенниковъ, братецъ, Макарь Макарычъ,
откуда-нибудь да достанемъ... *(поетъ)*.

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися ратныхъ строп!

А п о л л и н а р і я М а т в ѣ в н а *(въ сторону)*. Ис-
терзасть отъ меня въ конецъ. Видѣть его не могу;
пѣсни да пляски затѣваетъ, а того не знаетъ...

В л а с і й М а т в ѣ в и ч ъ *(сестрь)*. Вы, я слы-
шалъ, сестрица, и послѣдняго вашего сына отпра-
вляете въ полкъ?

А п о л л и н а р і я М а т в ѣ в н а. Огправляемъ,
братецъ.

В л а с і й М а т в ѣ в и ч ъ. Съ кѣмъ-же и при-
комъ вы сами останетесь? Не понимаю я, признаюсь,
вашего намѣренія; очень оно, по-моему, странно.

А л е к с ѣ й П е т р о в и ч ъ. Что же вы находите
страннаго-съ?

В л а с і й М а т в ѣ в и ч ъ (какъ бы не слылавъ Алекся Петровича). Материнскому самоотверженію твоему долженъ же быть когда-нибудь и гдѣ-нибудь предѣлъ. Если мы любимъ дѣтей нашихъ, то не имѣемъ-ли права и отъ ихъ требовать того-же? Если въ ихъ младенчествѣ, въ дѣтствѣ и юности мы заботились о нихъ, жертвовали на воспитаніе ихъ послѣдними своими средствами: не обязаны-ли и они, въ нашей старости, воздать намъ возмездіе? Не имѣешь-ли ты, скажу я точнѣе, полнаго права приказать твоему сыну, чтобъ онъ остался при тебѣ и посвятилъ тебѣ нѣсколько лѣтъ жизни за все, что ты сама сдѣлала для него и прочаго своего семейства?

А л е к с ѣ й П е т р о в и ч ъ. Ты, я вижу, Власій Матвѣевичъ, не забылъ своей привычки съ боковъ да со стороны ставить мнѣ шпильки, а лучше бы говорилъ прямо. Я отпускаю Сашку!.. Я хочу, чтобъ онъ шелъ въ службу!.. Ну! Что-жъ вамъ еще угодно съ Поллиаріей Матвѣевной? И поѣдетъ, и, если Богу угодно, худаго изъ этого ничего не будетъ. Такъ ли, Макарь Макарычъ?

М а к а р ѣ М а к а р о в и ч ъ. Везъ Бога волость съ головы человѣческой не падаетъ.

В л а с і й М а т в ѣ в и ч ъ. Есть и другая, вѣдь, поговорка: береженаго Богъ бережетъ. Вообразимъ себѣ, Алексѣй Петровичъ, что двое вашихъ старшихъ сыновей, или по службѣ, или по случаю жинитьбы, или, пріобрѣтя состояніе въ отдаленныхъ мѣстахъ,—вообразимъ, говорю я,—что они никогда уже болѣе къ вамъ не вернуться; младшій, котораго вы ведете тѣмъ же путемъ, вѣроятно, послѣдуетъ ихъ примѣру,—но что-жъ изъ этого будетъ? Вы оба старики,

нѣкогда многосемейные, дѣлаются одинокими, сирыми, проводя остатокъ дней вашихъ въ одномъ только нетерпѣливомъ и часто бесплодномъ ожиданіи писемъ, потому что отдалившіяся дѣти—увы! весьма мало думаютъ объ отцахъ и матеряхъ. Все это, говорю я, при благопріятномъ теченіи обстоятельствъ; но война исполнена и другихъ ударовъ. Что, если одинъ изъ этихъ ударовъ разразится надъ вами, и смерть похититъ вашихъ дѣтей,—что тогда будетъ? Гдѣ и въ чемъ вы найдете утѣшеніе?... *Аполлинарія Матвѣевна начинаетъ рыдать.*

Власій Матвѣевичъ (*къ ней*). Если вы будете плакать, я принужденъ буду замолчать. Несчастія должно встрѣчать твердо, а не падать духомъ. Надобно оберегать себя отъ новыхъ бѣдъ, а не изливаться въ бесполезныхъ жалобахъ.

Алексѣй Петровичъ. Что такое онъ за рацеи читаетъ? Ты, видно, братецъ, Власій Матвѣичъ, совсѣмъ изъ ума выжилъ. Что это ты ко мнѣ такимъ зловѣщимъ ворономъ пріѣхалъ накаркивать какія вѣсти? Лучше бы не ѣздилъ... (*къ женѣ*). Ты что, старая, ревешь? Ты о чемъ?... (*къ Макару Макаровичу*). Макарь Макарычъ! что у нихъ? Сашка! что такое у васъ? Здоровы ли братья?

Аполлинарія Матвѣевна (*переходя къ Алексию Петровичу и упавая къ нему на плечо*). Убиты, батюшка, Алексѣй Петровичъ! Убиты наши съ тобой красавчики! Не увидимъ ихъ больше на этомъ свѣтѣ.

Александръ. Папенвка, я не знаю... здоровы, кажется... что жъ, вѣдь...

Алексѣй Петровичъ (*совсѣмъ пораженный*). А!... Убиты?... Ну не думай я этого... Что-жъ вы

отъ меня, какъ отъ малаго ребенка, скрывали да обманывали?... *(крестится)*. Царство небесное Петру п Николаю!... Селифантьевъ! поди, зови священника въ церковь... Вотъ, Макаръ Макарычъ, мы съ тобой сегодня поутру пѣсни пѣли, а теперь приходится панихиду служить... *(всѣ плачутъ. Алексѣй Петровичъ, обведя всѣхъ глазами)*. Ну, что всѣ расхныкались? Старуха!... *(обнимаетъ жену)*. Не нюнить; говорятъ, не нюнить! За твои слезы и ропотъ Богъ насъ п наказалъ... *(стукинувъ палкой)*. Никто не смѣй у меня плакать, когда я не плачу... Сашка! поди сюда... *(Александръ подходитъ)*. Братьевъ, братецъ, убили... ну!

Александръ. Знаю, папенька!.. Что жь? Отъ смерти нигдѣ не уйдешь.

Аполлинарія Матвѣевна. Оставь ты мнѣ, батюшка, хоть этого-то на поглядочку; не отнимай ты послѣдней этой радости у меня!

Алексѣй Петровичъ. Стань, Александръ, передо мной на колѣни... *(Александръ становится)*. Благословите Поллинарія Матвѣевна, сына: онъ сегодня же поѣдетъ на убылое мѣсто... Ну, не выводите же меня въ конецъ пзъ терпѣнія!...

Апполлинарія Матвѣевна *(заливаясь слезами)*. Я, батюшка, ничего; дѣлай какъ хочешь; не тревожься только; я за тебя-то больше боялась... *(благословляетъ и обнимаетъ сына)*.

Алексѣй Петровичъ *(поднимаетъ надъ нимъ руки)*. Благослови тебя Господь! Возьми, царь, послѣдняго! У меня ужъ никого больше не осталось... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Макаръ Макаровичъ. Амми!...

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА

Д Р А М А

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

<http://rcin.org.pl>

Чегдовъ—Соковинъ—молодой помѣщикъ.
Зодотиловъ, зять его—помѣщикъ пожилыхъ лѣтъ и уѣзд-
ный предводитель дворянства.
Ҙалистратъ Григорьевъ—бурмистръ Чеглова-Соковина.
Ананій Яковлевъ — оброчныйи мужикъ Соковина, промыш-
ляющій въ Петербургѣ.
Лизавета—жена Ананья Яковлева.
Матрена—мать Лизаветы.
Баба Спиридоньевна—сосѣдка Матрены.
Дядя Никонъ—задѣльный мужиченко.
Шпрингель—губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій.
Исправникъ.
Стряпчій.
Сотскій.
Мужики: Михайло Федоровъ, выборный; Давыдъ Ивановъ;
молодой парень; кривой мужикъ; рябой мужикъ; по-
нятые; бабы.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Соковина.

ДѢЙСТВІЕ I.

Хорошая крестьянская изба. Въ переднемъ углу столъ, накрытый ~~бѣлой~~ скатертью, а на немъ хлѣбъ съ солью и образкомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Старуха Матрена *сидитъ на одной лавкѣ, а на другой баба Спиридоньевна.*

СПИРИДОНЬЕВНА (*глядя въ окно*). Не видать, баунька... Ничуть еще!

МАТРЕНА. Ну гдѣ еще чуть! Поди, чай, дорога-то переметенная, все лошаdkѣ-то въ упоръ... Прутъ, чай, шагомъ.

СПИРИДОНЬЕВНА. Да кто, баунька, стрѣшникомъ-то къ нему поѣхалъ?

МАТРЕНА. Кто стрѣшникомъ?... На чужой ужь, мать, подводѣ поѣхали; дядя Никонъ, спасибо, поохотился, нанялся за четвертачекъ да чтобы пивца испить, а то хоть плачь: свой-то, вонъ, песь работникъ другую недѣлю заѣхалъ на мельницу и не вочааетъ.

СПИРИДОНЬЕВНА. А Лизавета-то, баунька, поѣхала?

МАТРЕНА. Поѣхала... женино тоже, мать, дѣло: какъ было не стрѣтить... О, Господи, Господи... грѣхи наши тяжкіе, свѣты наши темные.

СПИРИДОНЪ ЕВНА (*осклабляясь*). Опасается она поди, баунька, его шибко?

МАТРЕНА. Какъ бы, кажись, мать, не опасаться! Человѣкъ этакой изъ души гордый, своебышный... Сама вѣдаешь, родителю своему... и тому, что ни есть, покориться не захотѣлъ: бросивши экой домъ богатый да привольный, чтобы только не быть ни подъ чьимъ началомъ, пошелъ въ наше семейство спротское, а теперь, самъ собою раздышамшись, поди, чай, еще выше себя полагаетъ.

СПИРИДОНЪ ЕВНА. Какъ не полагать! Можетъ, мнѣніемъ своимъ, сударыня, выше купца какого-нибудь себя ставить. Сказывали тоже наши мужички, какъ онъ блюдетъ себя въ Питерѣ: изъ званія своего никого, почестъ, себѣ и равнаго не находитъ... Тоже вотъ въ трактиръ когда придетъ чайку испить, такъ который мужичокъ побѣднѣй да попростѣй, съ тѣмъ, пожалуй, и разговаривать не станетъ; а, вѣдь, гордость-то, баунька, тоже врагъ человѣческій... Можетъ, за нее теперь Богъ его и наказуетъ; вдругъ теперь экую штуку брякнуть ему!

МАТРЕНА. А, эку штуку брякнуть!... Можетъ, и жизни ея не пощадить: не мало я надъ ней, псовкой, выла; слезъ-то ужъ ажно не хватаетъ... «Вотъ, говорю, Ананій Яковличъ изъ Питера съѣдетъ; какъ намъ, злодѣйка, твое дѣло ему сказывать!» «Что-жь, говорить, маменька, не твое горе: я въ грѣхъ я и въ отвѣтъ».

Спиридоньевна. А ребенокъ-то гдѣ, бауныка? Зыбкн-то, словно, не видать.

Матрена. Въ горенку перенесла; вчерасятко-съ цѣлый день съ работницей оттанлевала; мнѣ-то ни слова не голчатъ, а вѣстимо ради того, чтобы не такъ ужь оченно прямо кинулся въ глаза Ананью Яковличу.

Спиридоньевна. Знаетъ ужь онъ, чай, бауныка... Поди, еще въ Питерѣ разболтали ему: хорошее-то слово лежитъ, а дурное-то бѣжить.

Матрена. Нѣту, родимушка, нѣту: тоже кто вотъ изъ землячковъ нойдетъ, пытала я молить да кланяться, чтобы не промолвилсь о томъ. Опасно тоже было: человекъ еще молодой, живетъ въ Питерѣ, услышамши про свое экое приключеніе, пожалуй, и самъ съ круга свернетъ... Не пожалѣла она, злодѣйка, ни моей старости, ни его молодости!

Спиридоньевна. То, бауныка, хоть бы съ себя теперь взять,—баба еще не перестарокъ: добро бы она въ наготѣ да въ нищетѣ жила, такъ бы на деньгу кинулась; а то, ну-во, въ холѣ да въ довольствѣ жила да цвѣла.

Матрена. Народомъ, это, мать, нынче стало, больно сталь не крѣпокъ нынѣ народъ: и мужчины и женщины. Я вотъ безъ Ивана Петровпча... Семь годковъ онъ въ тѣ поры не сходилъ изъ Питера... Почти что бобылкой экіе годы жила, такъ и то: лѣто-то лѣтенски на работъ, а зимой за скотинкой да за пряжей умаешься да упаришься,—ляжешь, живота у себя не чувствуешь, а не то, чтобы о худомъ думать.

Спиридоньевна. Это, бауныка, что? Кто

Богу хоть бы этимъ не противенъ, царю не виновать; я сама, грѣшница великая, въ дѣвкахъ вину имѣла, такъ, вѣдь, то дѣло: не съ кѣмъ другимъ, съ своимъ же братомъ парнемъ дѣло было, а тутъ, ну-ко, съ бариномъ... Какъ только смѣлости ея хватило... И говорить-то съ ними, но мнѣ,—и то стыдобушка!

Матрена (махнувъ рукой). Не знаю, кто ужъ съ кѣмъ у нихъ заговаривалъ... Глупая да старая тоже нынѣ стала... Этта вотъ по осени болѣсть-то эта со мной была, такъ и остатки все иззабыла; а тоже помню, какъ онъ въ тѣ поры впервые въ избу къ намъ пришелъ... Я на голбцѣ лежала, соскочила. «Здравствуйте, говорю, ваше благородіе!» А Лизанька-то что-то у печки тутъ возилась. «Здравствуй, говоритъ, старуха», и прямо къ ней. «Твоими бы руками, Лизавета, надо золотомъ шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говоритъ, какая ты расхорошая». А она, песъ, стоитъ да ухмыляется ему. Я сглупа тоже поклонилась ему. «Благодаримъ, говорю, батюшко, покорно за ваше ласковое слово...» Съ этой, что ли, поры у нихъ и пошло,—прахъ ихъ знаетъ!

Спирidonъевна. Много у нихъ мѣста-то, баунька, и безъ твоей избы было. Въ позапрошлую жниву барская помочь была, коли помнишь... Баринъ цѣлый день-деньской у Лизаветы съ полосы не сошелъ,—все съ ней разговаривалъ.

Матрена (разводя руками). Ну вотъ!

Спирidonъевна (продолжал). Да, а тутъ, какъ пошабашили, народъ тоже подпиль: дѣвки да бабы помоложе, мало еще, кобылы экія, на полость-то уходились, стали пѣсни пѣть и въ горѣлки иг-

рать. Глядь, и баринъ къ нимъ присталъ: прыгаетъ, какъ козелъ, и все становится съ твоей Лизаветой въ паръ и никакъ ладитъ, чтобъ ее никто не поймалъ. Дивовали, дивовали мы въ тѣ поры. «Чтой-то, молъ, это, матоньки мои, баринъ-то ужь очень больно Матренину Лизавету ласкаетъ?»

Матрена. Ничего я, мать, не знала и не вѣдала... Слѣпъ, видно, материнской-то глазокъ на худое въ дѣтвахъ. Какъ бы ни у матери родной, а у свекрови злой жила, такъ не посмѣла бы этого сдѣлать. Хошь тоже много спасибо и добрымъ людямъ: подвели, можетъ, да подстроили...

Спирidonъ евнa. Одинъ у насъ, голубонька, добрый человекъ, злодѣй нашъ бурмистръ Калистратъ Григорьичъ; вся деревня голосить теперь о томъ, не зажмешь рты-то. Кому теперь, окромя его, наустить господина на женщину замужную, а теперь, ну-ко, экими своими услугами да послугами такую надъ нимъ силу взялъ, что на удивленье: пьяный да безобразный, говорятъ вонъ дворовые, съ праздника откедова прѣдетъ, не то, чтобы скрыться отъ барскихъ глазъ, а только то и ореть во все горло. «Мнѣ-ста баринъ все одно, что младшій братъ: что я, говоритъ, задумаю, то онъ и сдѣлаетъ...» Словно, мать, колдовство какое надъ нимъ сотворилъ,—правотка!

Матрена. Ну, матушка, мудреное ли это колдовство: человекъ умный, богатый да лукавый! Въ тѣ поры, какъ съ злодѣйкой-то моей это приключилось, онъ приходитъ ко мнѣ. «Матрена, говоритъ, у тебя баба безъ мужа понесла; мотри, чтобы она надъ собой али надъ ребенкомъ чего не сдѣлала,—ты за

то отвѣчать будешь.» Я такъ, мать, и ахнула, ничего того не думаячи и не вѣдаячи; а она, псовна, и входитъ на эти слова. Я было накинута на нее, а онъ на меня затопалъ. «Не трожь, говоритъ, ее; самъ баринъ про то знаетъ и простилъ ее».

С П И Р И Д О Н Ъ Е В Н А (*взглянувъ въ окно*). Ъдутъ, баунька, ѡдутъ!...

М А Т Р Е Н А. Ну—вотъ, слава-тѣ, Царица Небесная! Стать было: съ хлѣбомъ и съ солью тоже стрѣтить охота.

(*Беретъ со стола хлѣбъ и становится противъ дверей.*)

С П И Р И Д О Н Ъ Е В Н А (*продолжая глядѣть въ окно*). Рядомъ, баунька, Ананій-то Яковличъ съ Лизаветой сидитъ. На-ва, глянь, подъ руки ее высадилъ; таково ласково; ничего еще, сердешный, видно не знаетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ Ананій Яковлевъ въ сибирскъ хорошаго сукна, Лизавета и дядя Никонъ съ кисой на плечь.

Дядя Никонъ. Вотъ тѣ, бабушка, вупца пптерскаго привезъ!.. У меня лошадь важная: сто пудовъ вали на нее, свезеть,—вѣрно.

Ананій Яковлевъ сначала помолился передъ образомъ потомъ поклонился три раза матери въ ноги и, приложившись къ иконѣ, поцѣловался съ ней.

М А Т Р Е Н А. Здравствуй, батюшка, соколъ мой ясный!

Дядя Никонъ. Кланяйся, братъ Ананій Яковлевичъ, и мнѣ въ ноги; сдѣлай и мнѣ это почтеніе...
(*Беретъ отъ Матрены хлѣбъ съ солью*).

Ананій Яковлевъ (слезка улыбаясь). Чтожь, отчего? Можемъ-съ!.. (кланяется дядь Никону въ полспины, потомъ цѣлуется съ нимъ).

Дядя Никонъ. Вотъ это, братъ, такъ... ладно... стариковъ, братъ, уважай... На стариковскомъ, значить, разумѣ свѣтъ держится, аки на китахъ рыбахъ,—вѣрно!

Ананій Яковлевъ (жель). Возьмите ужь и вы-съ!

(Лизавета, конфузясь, беретъ хлбъ съ солью; Ананій Яковлевъ кланяется ей въ ноги и потомъ цѣлуется ея).

Матрена (толкая дочь). Поклонись, дура, сама-то ему въ ноги!

(Лизавета кланяется; Ананій Яковлевъ поднимаетъ ее и опять цѣлуется).

Спирidonъевна (жеманно). Здравствуйте, батюшка, Ананій Яковличъ,—вакой нарядный да хорошій стали! Какъ живете, можете?

Ананій Яковлевъ. Ничего-съ: помаленьку, Богъ грѣхамъ терпитъ... (къ дядь Никону). Одолжите, пожалуста, на минуточку кису-то.

Дядя Никонъ (сбрасывая съ плечъ кису). На-те вотъ вамъ чорта-борова какова... Дѣвки и бабы... значить... иди сюда, лапки! всѣмъ будутъ подарки...

Ананій Яковлевъ (вынимая изъ кисы драдедамовый платокъ и подавая его матери). Пожалуйте-съ!

Матрена (цѣлуя ея въ локоть руки). Ай, батюшка, благодарствую, красавецъ мой брилліантовый!

Спирidonъевна. Ну вотъ, баунька, настоящій тебѣ старушечій: къ лицу будетъ... оченно пойдетъ.

Матрена. Нешто, мать!... наряжаютъ да убла-

жаютъ меня, а я, старая, и поблагодарить-то не умѣю какъ хорошенько.

Ананій Яковлевъ (*вынимая изъ кисы кусокъ шелковой матеріи и подавая его женѣ*). Это для васъ теперь... пожалуйте-сь!..

(Лизавета молча беретъ и цѣлуетъ у мужа руку).

Спирidonъевна (*разсматривая съ завистью подарокъ Лизаветы*). Вона, мать, гарнитуры-то какія: мы и не видывали здѣсь этакихъ. На-ка, и бархатцу-то на оторочку привезъ. Словно кукла нарядная, будешь ходить у насъ въ шелкахъ да въ бархатъ.

Ананій Яковлевъ (*Спирidonъевнѣ*). А васъ, извините на томъ, не чаялъ здѣсь захватить... Позвольте, по крайности, хоть полтинничкомъ поклониться... *(даетъ ей полтинникъ)*.

Спирidonъевна. Ой, чтой-то, судырь ба-тющка!... очень вамъ благодарна... *(цѣлуетъ у него руку)*.

Дядя Никонъ. А мнѣ дяче красной шапки не привезъ? Это ужь, братъ, неладно,—право!

Ананій Яковлевъ. Нынѣ народъ-то прозорливъ сталъ и безъ красной шапки понимаютъ человѣка.

Спирidonъевна. Ужь именно, судырь!... можетъ, наскрозь видать, кто каковъ есть человѣкъ.

Матрена (*зятю*). Садись, батюшка, за столъ-то... *(дочери)*. Поди тамъ, вынимай изъ печи-то, что есетко... *(Спирidonъевнѣ)*. Анна Спирidonъевна! потрапезуй, матка, съ нами... *(Дядѣ Никону)*. Полно, старый хрѣнь, болтаться-то тутъ тебѣ, словно мотовило. Задѣвай въ передній-то уголъ.

Дядя Никонъ (*садясь*). Задѣзь, баушка!... Я

тѣ водки привезъ, ей-богу! Шельма твой Анашка, питерскій, вѣдь, кулакъ, распоясалъ мошну на одинъ полштофъ да и думаетъ: баста! «Нѣтъ, братъ, говорю, шалишь! Съ тетки Матренинымъ пирогомъ еще надо водку пить!...» *(вынимаетъ изъ кармана полуштофъ и гладитъ его)*. Вотъ оно, благословленное-то мое!... Вынимай, баушка, ковши да ендовы!

МАТРЕНА *(ставя изъ шкафчика небольшіе стаканы)*
Пьешь и стаканчиками,—нынѣ вино-то дорогое!

(Всѣ садятся за столъ; Лизавета подаетъ щи и свѣжину.)

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ *(женъ)*. Что-жь, садитесь и вы! маменька позвольте имъ-съ! Давно тоже мы рядкомъ-то съ ней не сиживали.

МАТРЕНА *(дочери)*. Садись!

Дядя Никонъ *(первый наливаетъ и пьетъ)*. Здравія желаемъ, съ похмѣльн умираемъ: нѣтъ-ли гривенъ шести, душу отвести...

МАТРЕНА *(Спиридоньевнѣ)*. Анна Спиридоньевна, выпей, матушка!

СПИРИДОНЬЕВНА. Ой нѣтъ, баушка, не охота что-то.

МАТРЕНА. Да полно, чтой-то! Ты попригубь, такъ, можетъ, и понравится.

СПИРИДОНЬЕВНА *(вытывая)*. Съ Успеньева дни, мать, не пила. Да сама-то ты выпей, хозяйюшка почтенная!

МАТРЕНА. О, полно-ко, мать, какая ужъ я пилица... *(къ зятю)*. Ты самъ-то, батюшка, не выпьешь-ли хоть передъ хлѣбомъ-то съ солью?

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ. Нѣтъ-съ, благодарю; не имѣю той привычки.

Дядя Никонъ. Вотъ Лизунька такъ выпьетъ,

потому самому... съ радости... мужъ прѣвхаль... веселѣй, значить, принимать его будетъ: вино, значить, теперь духъ человѣку даетъ,—вѣрно!

Ананій Яковлевъ. Пошто имъ пить. Что это за глупыя рѣчи: скучно даже слушать!

Спиридоньевна. Что, батюшко, Ананій Яковличъ, вологодскимъ трактомъ, чай, изволили ѣхать?

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, какое тутъ вологодскій? Пустое дѣло это нынче трактъ сталъ: почестъ, что заброшенъ! Теперь чугушка народу тысячи по-три за разъ везетъ, и словно птица летитъ: верстъ по тридцати въ часъ уходитъ.

Матрена и Спиридоньевна *(въ одинъ голосъ)*. Ой, батюшки, чтой-то? Будто ужъ и по тридцати верстъ?

Ананій Яковлевъ. Это еще не такъ очень много... такъ какъ, значить, дѣло это еще у насъ вновь: такъ опасаются тоже маненько; а что въ иностранныхъ земляхъ она и шибче того ходитъ!.. Теперь хоша бы насчетъ времени этимъ большое сбереженье... значить, и на харчахъ барышъ; бока тоже не наломаетъ; сидишь, словно въ комнатѣ, не тряхнетъ, не вальнетъ: штука отмѣнная-съ!

Дядя Никонъ. Это, братъ, я знаю... видалъ... теперь тысяча человѣкъ ѣдетъ... машина съ домъ... а лошадей четверка только везетъ, ей-богу!.. потому самому дорога гладкая... по этому... по шоссе идетъ...

Ананій Яковлевъ *(нѣсколько потупившись)*. Никакой тутъ лошади нѣтъ-съ... ни единой... А ежели и есть какая, такъ ее самое везутъ... Вы это, мо-

жетъ, дивлянецъ видали; а чугушка другое дѣло: тутъ паръ дѣйствуетъ.

Спирidonъевна. Да какъ же это, батюшки, паръ-то? Онъ у васъ токмо что въ банѣ и есетка да горшки имъ парить умѣемъ.

Матрена. Доселъ, видно, нынче народъ до всего.

Дядя Никонъ. И это, братъ, знаю, что ты говоришь, и то знаю!.. А вы ужъ: ахъ, ихъ, ухъ!.. и дивуютъ!.. Прямые бабы, право! Митюшка кузнецъ, значить, нашъ досконально мнѣ все предоставилъ: тутъ не то что выходитъ паръ, а нечистая, значить, сила!.. ей-богу, потому самому, что ажно ржетъ, какъ съ мѣста поднимаетъ: тяжело, значить, сразу съ мѣста поднять. Нѣмецъ теперь, выходитъ, самого дьявола къ своему дѣлу пригналъ. «Нака, говоритъ, чортъ - дьяволъ этакой, попробуй повози!»

Спирidonъевна. Ой, полно-ко-ко, чтой-то все чертыкаешься: нашелъ мѣсто за столомъ.

Дядя Никонъ. Ей-богу, такъ, курносая! А ты что думала: я больше его знаю... что онъ бахвалитъ!

Ананій Яковлевъ (солидно). Нивакого тутъ дьявола нѣтъ, да и быть не можетъ. Теперь даже по морской части хошь бы эти паруса али греблю, какъ напредъ того было, почестъ что совѣмъ кинули, такъ какъ этимъ самымъ паромъ стало невпримѣръ сподручнѣе дѣло дѣлать. Поставятъ, спокойнымъ манеромъ, машину въ нутро корабля; она вертитъ колеса, и какая ни на есть тамъ буря, ему нипочемъ. Какъ теперича сталъ вѣтеръ вѣрпчатъ, раз-

вели огонь посильнѣе, и пошелъ скакать съ волны на волну.

Матрена. Ничего, мать, Спиридоньевна, мы, вѣкъ-то съ тобой изживучи, не увидимъ.

Спиридоньевна. Какія ужъ мы, баунька, видальщицы; только на осины да на березы и гляди, сколько хошь... Вонъ Лизавета, поди, чай, побываетъ съ мужемъ въ Питеръ, наглядится на все!

Ананій Яковлевъ. Дяче имъ не побывать!.. Можетъ быть, даже нынѣшнимъ годомъ этотъ случай приладимъ. Чѣмъ чужую вухарку нанимать, такъ лучше своя будетъ.

Лизавета (*вспыхивая*). Гдѣ ужъ намъ, судырь, въ Питеръ ѣхать: женщины мы деревенскія, небывалыя, и глядѣтъ мы по тамошнему не умѣемъ, а не то, что говорить.

Ананій Яковлевъ. Что-жь вы такъ себя оченно низко ставите; а какъ мы тоже Питеръ знаемъ, такъ вамъ надо быть тамъ не изъ худыхъ, а, можетъ, изъ самыхъ лучшихъ, по крайности я такъ, по своему къ вамъ расположенію, понимаю.

Дядя Никонъ. Ты, Анашка, меня, значптъ, въ Питеръ возьми, ей-богу, такъ! потому самому... я тѣ всѣ документы представить могу. Меня, можетъ, токмо што въ деревнѣ родили, а въ Питеръ крестили,—вѣрно! Теперь баринъ мнѣ, значитъ, говорить. «Никашка, говоритъ, пошто ты, старый песь, свои старыя кости въ задѣльѣ ломаешь,—шелъ бы въ Питеръ». «Давайте, говорю, ваше высоко-родіе, тысячу цѣлковыхъ; а какой я теперича человекъ, значитъ, безъ денегъ... какіе артикулы могу представить али фасоны эти самыя... и не могу».

Ананій Яковлевъ. Въ Питерѣ-то и безъ вашихъ денегъ много въ кабакъ уходитъ... *(обращаясь къ Спиридоньевнѣ)*. Опять теперь, Анна Спиридоньевна, насчетъ того же пару...

Спиридоньевна. Да, да, батюшко, голубчикъ, поговорика-ка о хорошемъ: больно повадно твои умныя рѣчи слушать-то.

Ананій Яковлевъ. Ни одной, почестъ, фабрики нѣтъ безъ него. На другую, можетъ, прежде народу требовалось тысячи двѣ, а теперь одна эта самая машина только и дѣйствуетъ. Какія тамъ станы есть али колеса, все одна ворочаетъ: страсти взглянуть, когда вотъ тоже случалось видать, и человекъ двадцать какихъ-нибудь суется промежъ всего этого, и то больше для чистоты.

Дядя Никонъ. Ты, тепереча, Анашка, говоришь: машина!.. Что такое значитъ машина?

Ананій Яковлевъ *(не обращая на него вниманія)*. Начальство теперь на счетъ только того въ сумнѣннѣ находится, что дровъ оченно много требуется... лѣса переводятся... ну такъ тоже землю этакую нашли... болотину, значитъ, съ разными этакими кореньями, пнями въ ней... все это самое пресуютъ, сушатъ, и она горѣть можетъ! Каменный уголь тоже изъ иностранныхъ земель идетъ и тѣмъ большое подспорье для лѣса дѣлаетъ.

Дядя Никонъ. Ты не можешь знать, что такое машина, потому самому—ты человекъ торговый, а человекъ мастеровой, значитъ, знаетъ это. Ты теperича знаешь Николу Морскаго?

Ананій Яковлевъ *(улыбаясь)*. Какъ не знать-съ: церковь извѣстная.

Дядя Никонъ. Я теперича эту самую, значить, колокольню щекотурилъ. Теперича, значить, машина сейчасъ была не въ своемъ видѣ, я... трахъ... упалъ.. сажень сорокъ вышины было... баринъ тутъ изъ военныхъ былъ: «Приведите, говоритъ, его, каналью, въ чувство!..» Сейчасъ привели... онъ мнѣ два штофа водки далъ, я и выпилъ.

Спирidonъевна. Какъ ты, стараго хрыча, всего не расшибло: съ этакой вышины кувырнулся.

Ананій Яковлевъ. Вѣрно ли вы разстояніе-то промѣряли?... А то словно бы, кажись, какъ съ сорока-то сажень человекъ слетитъ, такъ водки не захочетъ.

Дядя Никонъ. О, чортъ, дьяволъ, право! не захочетъ?.. захотѣлъ же! Вотъ и теперь выпью,— вѣрно!.. *(пьетъ)*. Въ главнокомандоческомъ тоже домъ графа Милорадыча въ залъ, съ двойнымъ просвѣтомъ, карнизъ выводили, такъ тоже надо было, паря, каждую штуку потрафить. Я какъ теперича на глазомѣръ прикинулъ, такъ и ставъ тутъ: вѣрно будетъ.

Ананій Яковлевъ. Всему дѣлу, выходитъ, уставщикъ вы были?

Дядя Никонъ. Былъ, братъ, я совсѣмъ... теперича, что такое значитъ мастеровой человекъ али купецъ? Я теперича свое дѣло въ своемъ видѣ представить долженъ... А что теперича торговый?... Торговый человекъ... на вотъ тебѣ, значить, на грошъ говядинки купилъ, а на гривну продалъ... торговый человекъ, значить, плутъ!

Ананій Яковлевъ. За што-же вы такъ все званіе порочите; мы тоже мѣста имѣемъ; разъ обманулъ, такъ другой и братъ не стануть.

Дядя Никонъ. Не стануть, да! Что такое теперь, значить, купецъ? Мыльный пузыры!—трахъ! ткнулъ его пальцемъ и нѣтъ его! А мастеровой человѣкъ... Графу Милорадычу теперь надо коляску изготовить, платью себѣ испошить, супругѣ своей подаркомъ какую-нибудь вещь сдѣлать,—мастеровой человѣкъ и будь готовъ, сейчасъ команда: «пошелъ во дворецъ!» и являйся.

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, это словно бы не такъ! Торговый человѣкъ завсегда долженъ паче себя наблюдать, чѣмъ мастеровой. У насъ теперь по нашей разносной торговлѣ, можетъ, праздника Христова нѣтъ, всѣ мы передъ публикой на глазахъ быть должны, а мастераго человѣка мы тоже знаемъ: шесть дней поработалъ, а седьмой, пожалуй, и въ кабакъ за бочкой проваливается.

Дядя Никонъ. Никогда этого не можетъ быть. Я теперича мастеровой человѣкъ; а ужъ бабѣ мени не надуть,—шалишь!

Всѣ бабы блѣднѣютъ; Никонъ тянется за водкой.

Спирidonъевна (не давая ему). Полно-ка, полно, старый песъ, и то ужъ нахлопался: говоришь, не знаемо что.

Матрена. Шелъ бы, батюшко старичекъ, домой... тоже умаялся, чай, съ дороги. Изъ кушанья ничего ужъ не будетъ, извини на томъ!

Дядя Никонъ (не обращая ни на кою вниманія). У меня теперь, слава тѣ Господи, полна изба ребятъ, а все мои, Никоньчи, какъ разъ такъ пригнано,—вѣрно! А у торговаго человѣка, можетъ... да... торговому, видно, во всемъ отъ баръ счастье, и тутъ лишняя копѣйка даромъ перекала.

Ананій Яковлевъ. Къ чему же это вы рѣчь вашу такую клоните? Мудрено что-то ужь очень заговорили.

Лизавета и Матрена сидятъ какъ полумертвыя.

Спирidonъевна. О, мелево, мелево и есть человекъ! За хозяйскимъ кушаньемъ сидитъ, хозяйское вино пьетъ, а только обиды экія говоритъ,—глупая башка этакая.

Дядя Никонъ. Что жь сидитъ? Я и встану... *(встаетъ изъ-за стола)*. За что онъ теперь сердце мое раздражаетъ? Что онъ за человекъ теперь выходитъ, коли я однимъ словомъ его оконфузить могу?

Ананій Яковлевъ. Какое же это слово такое, чтобъ оконфузить меня?

Дядя Никонъ. Слово—да! Что ты купецъ али генералъ?... Барскій своякъ ты и больше ничего... Чей у тебя ребенокъ, ну-ко, говори!... Въ томъ, значитъ, только и счастье твое, что твоя коренная у барина на пристяжкѣ пошла, право, черти, дьяволы экіе!..

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ же безъ Никона.

Ананій Яковлевъ *(стремительно вставая изъ-за стола)*. Фу, ты, Господи, твоя воля! За что этотъ человекъ облаялъ, обнесъ тебя экими словами?

Спирidonъевна *(струся)*. Пора, однакоче, домой. Прощай, баушка, Матрена!.. Прощай, Лизавета Ивановна!.. Прощайте, батюшка, Ананій Яковличъ!

Ананій Яковлевъ *(торопливо)*. Прощайте-съ! Спиридоньевна уходитъ.

Ананій Яковлевъ *(тещя)*. Что это, маменька, за слова его были?

Матрена *(помолчавъ)*. Ну, батюшко, извольте, чай, слышать.

Ананій Яковлевъ. Про какого онъ это тутъ ребенка болталъ?

Матрена. Можетъ статья, про Лизаветина паренька говорилъ.

Ананій Яковлевъ *(поддвигивъ)*. Про какого это Лизаветина паренька?

Матрена. Паренекъ у нея... полутора мѣсяца теперь.

Ананій Яковлевъ. А! дѣло-то какое... *(матери)*. Теперь, маменька, значить, повыдѣте маненько.

Матрена. Помилуй, батюшко, ты ее хоть сколько-нибудь!.. Накажи ты ее сколько хошь; пусть годъ годенской пролежитъ!.. Не лишай ты только ея жизни, не ради ея самое, злодѣйки, а ради своей головушки умной да честной... *(кланяется ему въ ноги)*.

Ананій Яковлевъ *(поднимая ее)*. Нѣтъ, ничего-съ... пожалуйте только, повыдѣте-съ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ананій Яковлевъ и Лизавета. Никоторое время продолжается молчаніе; Ананій Яковлевъ смотритъ Лизаветъ въ лицо; та стоитъ, опустивъ глаза въ землю.

Ананій Яковлевъ. Что жъ это вы тутъ понадѣлали,—а?

Лизавета молчитъ.

Ананій Яковлевъ. Говорите же! Огвѣчайте хоша что-нибудь!..

Лизавета. Что мнѣ говорить?.. никакихъ я супротивъ васъ словъ не имѣю. Какая есть ваша воля надо мной, такая и будетъ.

Ананій Яковлевъ (*усмѣхаясь злобно*). Гмъ... воля моя!.. (*присанившись*). Съ кѣмъ же это, выходитъ, любовь ваша была?

Лизавета. Никонъ Семенычъ говорилъ вамъ. Что-жь? Слова ихъ справедливыя были.

Ананій Яковлевъ. Ничего я его глупыхъ словъ не понялъ!.. (*опять молчаніе*). Онъ тутъ про барина что-то болталъ.

Лизавета. А кто же окромя ихъ?.. Они самые.

Ананій Яковлевъ. Да, такъ вотъ оно куды пошло... Въ высокое же званье вы залѣзли!

Лизавета. Не по своей то волѣ было: тогда тоже стали повелѣнья и приказанья эги дѣлать, какъ было послушаться?

Ананій Яковлевъ. Какія же это могли быть повелѣнья и приказанья? Ежели теперича, какъ вы говорите, силой васъ къ тому склоняли... что же мать ваша—потатчица смотрѣла? Вы бы ей сейчасъ должны были объявленіе сдѣлать о томъ.

Лизавета. Ничего маменька про то не вѣдала; могла ли я, ради стыда одного, говорить имъ про то. Только бы ихъ подъ гнѣвъ подвела. Какая могла отъ нихъ помощь въ томъ быть?

Ананій Яковлевъ. Ахъ ты, лукавая бестія! Коли ты теперича такъ мало чаяла помощи въ твоей матери, для че-жь мнѣ не описала про то? Это дѣло стоить, значить, дорого и чувствительно для души

моей, что я, можетъ, бросимши бы все въ Питерѣ, прискакалъ сюда честь мою соблюсти... Теперь тоже, сколько не велика господская власть, а все таки нмъ, какъ и другимъ прочимъ постороннимъ, не позволено того дѣлать. Земля наша не безсудная: коли бы онъ теперича какія притѣсненія сталъ дѣлать я, можетъ, и до начальства дорогу нашель,—чтожь ты мнѣ, бестія, такъ ужь оченно на страхъ-то свой сворачиваешь, какъ бы сама того, страмовщица, не захотѣла!

Лизавета (начиная плакать). Ни на што я не сворачиваю; а что, здѣсь тоже живучи, что мы знаемъ? Стали стращать, да пужать, что все семейство наше чрезъ то погибнуть должно: на поселенье тамъ сошлютъ, а либо васъ, экого человекъ, въ рекруты сдадутъ. Думала, чѣмъ собой другихъ подводить, лучше на себѣ одной все перенести.

Ананій Яковлевъ (ударивъ себя въ грудь). Молчи ужь, по крайности, змѣя подколотная! Не раздражай ты еще пуше моего сердца своими пустыми рѣчами!.. Только духу моего теперь не хватаетъ говорить съ тобою, какъ надо. Хотя бы и было то, чего ты, впшь, оченно ужь испугалась, меня жалѣючи, такъ и то бы я легче вынесъ на душѣ своей: люди живутъ и на поселеньяхъ; повѣрности, я зналъ-бы, что имя мое честное не опозорено, и ты, бестія, на чужомъ ложѣ не безчестена!

Лизавета продолжаетъ плакать.

Ананій Яковлевъ (начавъ ходить по взбл). То мнѣ теперича горчѣй и обиднѣй всего, что, можетъ, по своей глупой заботливости, ни дня, ни ночи я не прожгъ въ Питерѣ, не думаячи объ васъ; а мы

то же время свое проводимъ не въ монастырскомъ заточеніи: хоша бы по той же нашей разносной торговлѣ—все въ народѣ; нашлись бы тамъ не хуже тебя, криворожей, изъ лица; а обращенъ, пожалуй, и чище будутъ... за какіе-нибудь три цѣлковыхъ на худое-то съ тобой бы пошли, такъ я и то—помысломъ моимъ, а не то, что дѣломъ,— не хотѣлъ вниманья на то имѣть, помня то, что я человѣкъ семейный и христіанинъ есть!

Л и з а в е т а. Жимши за экія дальнія мѣста, экіе годы, станете ли безъ бабы жить? Какъ я могла то знать?

А н а н і й Я к о в л е в ъ. Нѣтъ, ты знала это, шельма безстыжая! Коли бы я теперича на сторонѣ какое баловство имѣлъ, развѣ я сталъ бы такъ о домѣ думать? Кажись, ни письмами, ни присылами мои забыты не были. О послѣдней сохъ писалъ и спрашивалъ: есть ли она да исправлена-ли?

Л и з а в е т а. Голова моя не съ сего дня у васъ все повинна и лежитъ на плахѣ: хотите,—рубите ее, хотите,—милуйте.

А н а н і й Я к о в л е в ъ. Твоя, вѣшь, повинна, а ты чужую взяла да съ плечъ срѣзала, и, какъ по чувствамъ моимъ, ты теперь хуже дохлой собаки стала для меня: мать твоя справедливо сказала, что, видѣшь, вонъ на столѣ этотъ ножъ, такъ я бы, можетъ, вонзилъ его въ грудь твою, кабы не жалѣлъ еще маненько самаго себя; какой-нибудь теперича дуракъ—сродственникъ вашъ, мужиченко—гроша не стоящій, могъ меня обнести своимъ словомъ, теперь ступай да кланяйся по всѣмъ избамъ, чтобы взглядомъ косымъ никто мнѣ не намекнулъ на дѣянья

твоей, и все, что кто бы мнѣ не причинилъ, я на тебѣ, бестія, вымѣщать буду; потому что ты тому единая причина и первая, знаешь, злодѣйка мнѣ выходишь... Ну, неопить еще!.. Пока не бьютъ и не тиранятъ, сколько ни достойна того... Въ жазнь свою, Господи, никогда не чаялъ такой срамоты и поруганья... Ну-ко, сказывый, придумывай-ка, что тутъ дѣлать, бестія ты эгакая!.. *(садится за столъ и закрываетъ лицо руками; молчаніе)*

Ананій Яковлевъ *(вставая)*. Одного стыда людскаго теперь обѣгаючи, за неволю на себя все примешь; по крайности для чужихъ глазъ сдѣлать надо, что ничего какъ бы этого не было: ребенокъ, значить, мой и ты мнѣ пока жена честная! Но ежели что, паче чаянія, у васъ повторится съ баринномъ, такъ легче бы тебѣ... слышишь ли: голосъ у меня захватываетъ!.. легче бѣ тебѣ, Лизавета, было не родиться на бѣлый свѣтъ!.. Кому другому, а тебѣ пора знать, что я за человекъ: ни тебя, ни себя, ни вашего поганого отродья не пощажу, такъ ты и знай то!.. Это мое послѣднее и великое тебѣ слово!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Работница.

Работница *(пріотворяетъ двери и змлядзля зъ избу)*
Лизавета Ивановна, поди, мать, покорми ребенка-то грудью; а то соски никакъ не беретъ: совала, совала ему... окоченѣлъ ажно, плакавши.

Ананій Яковлевъ вздрамываетъ; Лизавета не трогається съ мѣста.

Ананій Яковлевъ. Чтожь ты сидишь тутъ?
Ну! Еще привередничаетъ, шкура ободраная! Сказано
тебѣ мое рѣшенье,—пошла!..

Лизавета молча уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ананій Яковлевъ (*ударивъ себя въ грудь*). Царь
небесный только видитъ, сколько, значить, вся вну-
тренность моя теперь облилась кровью черною!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Деревенскій помѣщичій кабинетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чегловъ-Соковинъ, худой и изнуренный, въ толстомъ байковомъ сюртукѣ, сидитъ, потупивши голову, на диванѣ. Развалясь, въ креслахъ помѣщается Золотилловъ, здоровый, цвѣтушій, съ нѣсколькими ленточками въ петлицѣ и съ множествомъ брелоковъ на часахъ.

Золотилловъ. Какъ ты хочешь, другъ любезнѣйшій, а я никакъ не могу уложить въ своей головѣ, чтобы изъ-за какой-нибудь крестьянки можно было такъ тревожиться.

Чегловъ (съ горькой усмѣшкой). Что жъ тутъ непонятнаго?

Золотилловъ. А то, что подобныя чувства могутъ внушать только женщины, равныя намъ, которыя смотрятъ одинаково съ нами на вещи, которыя, наконецъ, могутъ понимать, что мы говоримъ. А тутъ что? Какъ и чѣмъ какая-нибудь крестьянская баба могла наполнить твое сердце?... Отъ нихъ, любезный, только и услышишь: «ахъ ты мой сердеш-

ленькой, ахъ ты мой милесенькой!..» Отцы наши, бывало, проматывались на цыганокъ; но тѣ, по крайней мѣрѣ, женщины страстныя; а, вѣдь, наша баба—колода неотесанная: къ ней съ какой хочешь относишься страстью, она преспокойно въ это время будетъ ковырять въ стѣнѣ мохъ и думать: подарилъ ли ты ей новый платъ?.. И въ подобное полуживотное влюбиться?

Чегловъ *(съ досадою)*. Что жъ ты мнѣ все этой любовью колешь глаза? Какое бы ни было въ началѣ мое увлеченіе, но во всякомъ случаѣ я привыкъ къ ней; наконецъ, я честный человекъ: мнѣ, Богъ знаетъ, какъ ее жаль, видя, что обстоятельства располагаются самымъ страшнымъ, самымъ ужаснымъ образомъ.

Золотиловъ. Ничего я въ твоихъ обстоятельствахъ не вижу ни страшнаго, ни ужаснаго.

Чегловъ. А мужъ теперь пришелъ: кажется, этого достаточно!

Золотиловъ. Что жъ такое, что пришелъ?

Чегловъ. Какъ что такое? Ты послѣ этого отнимешь у этихъ людей всякое чувство, всякій смыслъ? Долженъ же онъ узнать?

Золотиловъ. Ну, и узнаетъ, и очень еще, вѣроятно, будетъ доволенъ, что господинъ приласкалъ его супругу.

Чегловъ *(дѣлая нетерпѣливое движеніе)*. Это вы бываете довольны, когда у васъ берутъ женъ, кто повыше васъ, а не мужики.

Золотиловъ. Да... ну, я этого не знаю. Во всякомъ случаѣ, еслибы твой риваль даже и разсердился немного, ну поколотить ее, можетъ быть, разъ другой.

Чегловъ. Не говори такъ, Бога ради, Сергѣй Васильичъ: къ больнымъ ранамъ нельзя такъ грубо прикасаться. У меня тутъ, наконецъ, ребенокъ есть, моя плоть, моя кровь; поймите вы хоть это по крайнѣй мѣрѣ и пощадите во мнѣ хоть эту сторону!.. *(подходитъ и пьетъ водку).*

Золотиловъ. Чго жъ такое ребенокъ? Я и тутъ не вижу ничего, что могло бы такъ особенно тебя тревожить; вели его взять хоть къ себѣ въ комнаты, а тамъ пручишь, повоспитаешь его, сколько хочешь, запишешь въ мѣщане или въ купцы и все дѣло кончено.

Чегловъ. Въ томъ-то и дѣло, милостивый государь, что эта женщина не такъва, какъ вы всѣхъ ихъ считаете: когда она была еще беременна, я, чтобъ спасти ее отъ стыда, предлагалъ было ей подвпнуть младенца къ бурмистру, такъ она и тутъ мнѣ сказала. «Нѣтъ, говоритъ, баринъ, я имъ грѣшна и потерпѣть за то должна, а что отдать мое дитя на маяту въ чужія руки, не потерпѣть того мое сердце.» Это подлинныя ея слова.

Золотиловъ. Слова очень понятныя, потому что отними ты у нея ребенка, ваши отношенія всегда бы могли быть кончены; а теперь напротивъ: мужъ тамъ побранить ее, пощелкаетъ, а она все-таки сохранитъ на тебя право на всю твою жизнь. Я очень хорошо, повѣрь ты мнѣ, милый другъ, знаю этотъ народъ. Они глупы только на барскомъ дѣлѣ; но слишкомъ хитры и дальновидны, когда что коснется до ихъ собственнаго интереса.

Чегловъ *(хватая себя за голову)*. Чувствуешь ли, Сергѣй Васильичъ, какія ты ужасныя вещи говоришь

и какимъ отвратительнымъ тономъ Тараса Скотинина?

Золотиловъ. Я очень хорошо, любезный другъ, знаю, что тонъ мой не долженъ нравиться; но что дѣлать? Я имѣю на него нѣкоторое право, какъ мужъ твоей сестры, которая умоляла меня, чтобъ я ѣхалъ образумить тебя.

Чегловъ. Въ чемъ же вамъ угодно образумить меня съ сестрой моей?

Золотиловъ. Въ томъ, что ты страдаешь, Богъ знаетъ отчего. Взгляни ты на себя, на что ты сталъ похожъ. Ты изнуренъ, ты кашляешь и и кашлеешь нехорошо. Набовецъ, милый другъ, по пословицѣ: шгла въ мѣшкѣ не утаишь,—къ намъ отовсюду доходятъ слухи, что ты пьешь. Я къ тебѣ пріѣхалъ въ одиннадцатомъ часу, а у тебя ужъ водка на столѣ стоитъ; ты вотъ при мнѣ пьешь третью рюмку, такъ вамъ это очень грустно, и я убѣжденъ, что эта госпожа поддерживаетъ въ тебѣ эту несчастную склонность, чтобы ловчѣй въ мутной водѣ рыбу ловить.

Чегловъ. Что я бью и очень много, это величайшая истина; но чтобы эта женщина поспряла меня къ тому, это новая, низкая клевета вашихъ барынь—вѣсторщипъ,—такъ и скажите имъ!

Золотиловъ. То-то, къ несчастію, не клевета, а сухая истина, въ которой прочемъ и обвинять тебя много нельзя; потому что въ этой проклятой деревенской жизни человѣку въ твоемъ возрастѣ, при твоемъ состояніи, съ твоимъ наконецъ образованіемъ, что тутъ и какое можетъ быть занятіе?

Чегловъ. А какое же, по вашему мнѣнію, я въ городахъ могъ бы найти себѣ занятіе!

Золотиловъ. Вопервыхъ, ты долженъ былъ бы служить. Не дѣлай, пожалуста, гримасы... я знаю всѣхъ васъ фразу на это: «служить-то бы я радъ, подслуживаться тошно!» Но это совершенный вздоръ. Все дѣло въ лѣности и въ самолюбіи: какъ-де я стану подчиниться, когда начальникъ не умнѣй, а, можетъ быть, даже глупѣ меня! Жить въ обществѣ, по вашему тоже пошло; потому что оно, изволите видѣть, ниже васъ.

Чегловъ. Дѣйствительно ниже!

Золотиловъ. Положимъ такъ: но вотъ ты закабалился въ деревню; занялся ли по крайней мѣрѣ хозяйствомъ тутъ?

Чегловъ. Такъ хозяйничать, какъ вы, я не могу!

Золотиловъ. Что жъ ты можешь послѣ того дѣлать? Заниматься только любовью къ прекрасной поселянкѣ? но хуже всего, что и въ эгомъ положеніи, когда оно начинаегъ тебѣ казаться нѣсколько щекотливымъ, ты, чтобы заглушить въ себѣ эго, предался еще худшему пороку и, по твоему слабому здоровью, совершаешь надъ собой рѣшительное самоубійство... Не ты первый и не ты послѣдній изъ молодежи примѣръ тому,—повѣрь ты мнѣ: я вотъ теперь третье трехлѣтіе служу предводителемъ и на каждомъ шагѣ вижу, что какъ только дворянинъ приблизилъ къ себѣ подобную госпожу, изъ эгого сейчасъ же все является: и пьянство, и домосѣдство, и одичалость. Собственно говоря, Господи Боже мой, ни я, ни сестра твоя ни слова не говоримъ про твою

связь: имѣй ихъ хоть двадцать, но только смотри на это иначе.

Чегловъ (*съ горькой улыбкой*). Какъ же это иначе, вотъ этого я не понимаю!

Золотиловъ. А такъ, какъ всѣ смотрятъ. И чтобъ успокоить тебя, я приведу свой собственный даже примѣръ, хоть это и будетъ не со всѣмъ скромно... (*вполголоса*). Я вотъ женатый человекъ и въ лѣтахъ, а, можетъ быть, въ этомъ отношеніи тоже не безъ грѣха; однако чрезъ это ни семейное счастье наше съ твоей сестрой не разстроено, ни я, благодаря Бога, не похудѣлъ, не спился, и какъ-то вотъ еще на дняхъ такого рода особа вздумала передъ женой носъ вздернуть,—я ее сейчасъ же ограничелъ: знай сверчокъ свой шестокъ!

Чегловъ. Ну, вы можете смотрѣть и понимать, какъ знаете, а я смотрю... постой, однако, тамъ кто-то есть... шороху каждаго боюсь,—вотъ мое положеніе!... Кто тамъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Бурмистръ.

Бурмистръ (*показываясь*). Я-съ это!

Чегловъ (*съ безпокойствомъ*). А, Калистратъ, здравствуй! Что ты?

Бурмистръ. Да такъ, ничего-съ, доложить только пришелъ: Ананій Яковлевъ тамъ изъ Питера сошелъ.

Чегловъ. Да, знаю! Ну что же?

Бурмистръ *(почесавъ голову)*. Очень ужь безобразничаетъ. Баба-то со мной пришла: урвалась какъ-то...

Чегловъ. Ахъ да, позови ее... *(хватаетъ себя за голову)*! Господи, Боже мой!

Бурмистръ *(наклоня голову за двери)*. Ступайте!.. что? да ничего, полноте!

Чегловъ. Что она?

Бурмистръ. Робѣть войти-то... «Чужой, говорить, господинъ тутъ».

Чегловъ. Ничего, Лпза, поди!.. это братъ мой: онъ все знаетъ.

Золотпловъ. Не стыдись, любезная, не стыдись... люди свои.

Лизавета робко показывается.

Чегловъ *(дотрогиваясь до ея плеча)*. Ну, поди, садись!.. Что твой злодѣй?

Лпзавета *(сядась и опуская руки)*. Что, баринъ. Известно что!

Чегловъ. Что же такое?

Лизавета. Собирается тиранить. Пропала, значитъ, моя головушка совсѣмъ, какъ есть!

Чегловъ. Говорила ли ты ему на меня, что я во всемъ виновать?

Лпзавета. Говорила... пытала ему по вашимъ словамъ лгать: такъ развѣ вѣрять тому?

Золотпловъ *(Лизаветѣ)*. Какимъ же это образомъ онъ тиранить тебя хочетъ? *(Челосу)*. Elle est très jolie.

Лизавета. Не знаю, судырь... только то, что очень опасно теперь, третью ноченьку вотъ не спимъ: какъ лютый змѣй сидитъ, да глядитъ мнѣ въ

лицо: словно умертвить меня собирается, — очень опасно!

Чегловъ. Это ужасно, ужасно!

Бурмистръ. Какъ же это можетъ онъ сдѣлать? Владиміровка-то у насъ указана про всѣхъ этакихъ — знаетъ то.

Лизавета. Что ему то?.. Кабы онъ былъ человѣкъ легкій: сорвалъ съ своего сердца да и забылъ про то; а онъ теперь, коли противъ какого человѣка гнѣвъ имѣеть, такъ онъ у него, какъ крапива садовая, съ каждымъ часомъ и днемъ растетъ, да нуще жжется.

Золотиловъ. Скотина какая, скажите!

Человѣкъ разводитъ только руками.

Бурмистръ. Это доподлинно такъ-съ: человѣкъ эхидный!.. У насъ и вообще народъ грубый и супротивный, а онъ первый на то изъ всѣхъ изъ нихъ. Какой-нибудь годъ тогда въ деревнѣ жилъ, такъ хоть бросай я свою должность: на міру слова не давалъ мнѣ сказать; все, чтобъ его слушались и по его дѣлали.

Лизавета. Теперь главное то, баринъ, пугаетъ онъ меня, что въ Питеръ меня и съ младенцемъ увести ладить; а пошто мы ему?.. Чтобы мученья да пригѣсненья терпѣть отъ него!

Чегловъ (*закидывая голову назадъ*). Нѣтъ, я не допущу этого; суди меня Богъ, а я не допущу того!

Лизавета. А мнѣ его ничего не жаль; онъ теперь говоритъ, что я ему хуже дохлой собаки стала, то забываячи, что какъ подъ вѣнецъ еще насъ везли, такъ онъ, може, былъ для меня такимъ. По сиротству да по бѣдности нашей сговорили, да скрутили

словно живую въ землю закопали, и вся теперь ваша воля баринъ: не жить мнѣ ни съ нимъ, ни при немъ... какая я теперь ему мужнина жена?... *(начинаетъ плакать)*.

Б у р м и с т р ь. Нивогда онъ, коли паспорта выдано не будетъ, не можетъ увезти ни тебя, ни сына. Что тебѣ этимъ хоша бы себя и барина тревожить. За бѣглыхъ, что ли, онъ васъ предоставить хочетъ? Вотъ тутъ другой помѣщикъ сидитъ, тотъ тебѣ тоже скажетъ.

Золотиловъ *(Лизаветъ)*. Разумѣется, не можетъ, и посмотри: какіе у тебя славные глаза, а ты плачешь и натруднишь ихъ.

Л и з а в е т а. Ой, судырь, до глазъ ли теперь!... какая ужъ ихъ красота, какъ, можетъ, въ постелю ложимшись и по утру встаючи, только и есть, что слезами обливаешься; другія вонъ бабы, что хошь, важись, не потворится надъ ними, словно не чувствуютъ того, а я сама человѣкъ не переносливый: изныла всей своей душенькой съ самой встрѣчи съ нимъ... что-то хожу на свѣтѣ бѣломъ, словно шальная... подвалить подъ сердце,—вздохнуть не сможешь, точно смерть твоя пришла!... *(продолжаетъ истерически рыдать)*.

Ч е г л о в ь *(подходя и беря ее за руку)*. Послушай, не плачь, Бога ради.

Л и з а в е т а. Какъ баринъ, не плакать-то. Его теперь одно намѣренье, чтобы какъ ни на есть, а отлучить меня отъ васъ и при себѣ держать, а я не хочу того... не желаю... не хочу! Онъ мнѣ теперь, Богъ знаетъ, супротивный чого выходитъ: хоша бы и на худое тогда шла всамотко не изъ-подъ страху какого, развѣ вы у насъ такой? Можетъ, какъ вы

еще молоденькимъ-то сюда прїѣзжали, такъ я заглядывалась и засматривалась на васъ и сколько много теперь всѣмъ сердцемъ своимъ пристрастна къ вамъ и жалѣю васъ, сказать того не могу, и мое такое теперь намѣренье, баринь... пускай тамъ, какъ собирается: ножемъ, что ли, рѣжетъ меня али въ рѣкѣ топить, а мнѣ либо около васъ жить, либо совсѣмъ не быть на бѣломъ свѣтѣ: какъ хотите, такъ и дѣлайте то!

Чегловъ. Знаю все, милая моя, все знаю... но я, видишь ли, я ничтожнѣйшее существо, я подлець! Господи, пошли мнѣ смерть!... *(всплескиваетъ руками и начинаетъ въ отчаяніи ходить по комнатѣ).*

Лизвета смотритъ на него съ испугомъ.

Золотловъ *(Челову).* Чтой-то, помилуй, братецъ: будь же хоть сколько - нибудь мужчиной!.. Смѣшно, наконецъ, на тебя смотрѣть.

Бурмистръ *(пожимая плечами).* Седмой десятокъ теперь живу на свѣтѣ, а такихъ господъ не привидывалъ, ей-Богу: мучаютъ, терзаютъ себя изъ-за какого-нибудь мужика — дурака необразованнаго. Ежели позвать его теперь сюда, такъ я его при васъ двумя словами обрезаю. Вы сами теперь, Сергѣй Васильичъ, помѣщикъ и изволите знать, что мужику коли дать поблажку, такъ онъ возьметъ ее вдвое. Что ему такъ оченно въ зубы то смотрѣть?... Досконально объяснить ему все, что слѣдуетъ, и баста: долженъ слушаться, что приказываютъ.

Золотловъ *(пожимая плечами).* Ей-Богу не знаю... конечно ужъ если такъ, такъ лучше съ нимъ прямо говорить... какъ только это для нея будетъ?

Лизвета. А что мнѣ, судырь, таиться передъ

нимъ?... не желаю я того; а что тоже, можетъ, что не молвить Калпстратъ Григорьичъ, коли баринъ сами ему поговорятъ, такъ онъ и поиспужается ма-ленько.

Чегловъ. Извольте, я готовъ... Я переговорю съ нимъ совершенно откровенно. Сейчасъ же позовите его. Позови его, Калпстратъ.

Бурмистръ. Слушаю-съ; ее-то, по первоначалу, надо убрать. Подите къ старухѣ моей, скажите, чтобъ она сбѣгала и послала его сюда, а сами хошъ у насъ тамъ, что ли, поспрятайтесь.

Лизавета (*вставая*). Пробѣгу задами-то, не увидить. Прощайте, голубчикъ баринъ!.. (*цѣлуетъ Челова и идетъ, но у дверей приостанавливается*). Я, можетъ, ужотатка, какъ за коровами пойду, такъ зайду сюда; а то не утерпѣть безъ того сердце мое.

Чегловъ. Ну да, хорошо.

Лизавета (*Золотилору*). Прощайте и вы, сударь.

Золотилоръ. Прощай, прощай, моя милая.

Лизавета уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Золотилоръ (*Челову*). Elle est très jolie, vraiment... Что же однако вы съ этимъ господиномъ говорить будете?

Бурмистръ. Говорить съ нимъ то, что, во-первыхъ, онъ на деньгу человекъ жадный: стоитъ теперь ему сказать, что баринъ отпускаетъ его безъ оброка и тамъ, ежели милость еще господская будетъ... такъ какъ они на счетъ покосу у насъ всѣ оченно

маются,—покошу ему въ Филинской нашей дачѣ отвести, значить, и ступай съ Богомъ въ Питеръ,—распоряжайся собой, какъ знаешь! А что насчетъ теперь хозяйки... такъ какъ у ней ребенокъ есть... баринъ не желаетъ, чтобы онъ куда отлученъ былъ отъ нея... и кто теперь, выходитъ, окромя матери можетъ быть приставленъ къ своему дитю, и какимъ же манеромъ ему брать ее съ собой,—невозможно-съ!

Чегловъ *(съ досадою перебивая его)*. Знаю я, любезный, безъ твоихъ совѣтовъ, какъ говорить.

Бурмистръ *(въ свою очередь перебивая его)*. Мало, сударь, знаете,—извините меня на томъ; очень мало знаете всѣ эти порядки!... *(обращаясь къ Золотилову)*. Вотъ вы, Сергѣй Васильичъ, братецъ теперь ихній, можете, не поговорите ли имъ, да не посоветуете ли: теперь, черезъ эту ихнюю самую доброту, такъ у насъ вотчина распушена, что хошь махни рукой; баба какая придетъ, притворится хилой: «ай батюшко, родименькой, уволь отъ задѣлья!..» «Ступай, матушка, будь слободна на всю жизнь...» того не знаячи, что вонъ и медвѣди представляютъ въ шутку какъ онѣ на задѣлье идутъ, а съ задѣлья бѣгутъ. Мужикъ какой-нибудь, шельма, пьяница, безъ креста изъ Питера сойдетъ: вмѣсто того, чтобы съ него втрое спросить за провинность... «Дать, говорить, ему льготу на два года; пускай поправляется.»

Золотиловъ. Это, значить, прямо баловать народъ!

Бурмистръ. Да какъ же, судырь, не баловать, помилуйте! Дворян теперь тоже: то папенькинъ камердинеръ, значить, и все семейство его палець о палець не ударитъ, то маменькина влючница, п той

семья на томъ же положеньи. Я, самъ, Господи, одному старому господину моему служилъ безъ году пятьдесятъ годовъ, да чтожь изъ того?... Долженъ, сколько только силъ нашихъ хватаетъ, служить: и самъ я, и жена старуха, и сынъ, али дочь, въ каую только должность назначать! Вѣрный рабъ, и по святому писанію, не жалѣетъ живота своего для господина.

Лакей *(входя)*. Ананій Яковлевъ тамъ пришелъ: спрашивать, что ли, вы изволили его.

Чегловъ. Зови!...

Лакей уходитъ.

Чегловъ *(Золотилову)*. Я просилъ бы тебя, Сергѣй Васильчъ, выйти.

Золотиловъ. Уйду, не безпокойся!.. *(идетъ, но пріостанавливается)*. Зачѣмъ же водку-то пить!.. *(пожавъ плечами, уходитъ)*.

Изъ другихъ дверей входитъ Ананій Яковлевъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чегловъ, Бурмистръ и Ананій Яковлевъ.

Чегловъ. Здравствуй, Ананій.

Ананій Яковлевъ *(молча кланяется и кладетъ на столъ деньги)*. Оброкъ-съ!

Чегловъ. Не хлопочи!.. *(помолчавъ)*. Хорошо нынче торговалъ?

Ананій Яковлевъ. Была торговля-съ!

Чегловъ. Все по дачамъ?

Ананій Яковлевъ. По дачамъ лѣтомъ только-съ.

Бурмистръ. Имъ въ Питерѣ хорошо: денегъ, значить, много... пища тоже все хорошая, трактирная... вина въ волю... раскуражилъ сейчасъ самъ себя и къ барышнямъ поѣхалъ; бабы деревенскія и наплевать, значить, выходятъ... хорошо тамotka, живаль я тоже,—помню еще маненичько!

Ананій Яковлевъ. У кого блажь въ головѣ сидитъ, такъ тому и здѣсь хорошо: можетъ ни съ одного праздника не вернется, не нарѣзамшись, а заботливому человѣку и въ Питерѣ не до гульбы.

Чегловъ (*стремительно*). Дѣло въ томъ, Ананій, я призвалъ тебя потолковать: наши отношенія, въ которыхъ мы теперь стоимъ съ тобой, ты, вѣроятно, знаешь, и первая просьба моя: забудь, что я тебѣ господинъ и будь совершенно со мной откровененъ. Какъ всѣхъ я васъ, а тѣмъ больше тебя понимаю, Калпстратъ Григорьевъ можетъ засвидѣтельствовать.

Бурмистръ. Всегда и каждому могу засвидѣтельствовать: а онъ и самъ мужикъ умный; можетъ разсудить ваши слова милостивыя.

Ананій Яковлевъ. Что мнѣ тутъ разсуждать, коли я ничего ни понимаю, и, можетъ, понимать того не хочу, къ чему тепереча одинъ пустой этотъ разговоръ идти можетъ... Нечего мнѣ тутъ понимать!

Чегловъ. Разговоръ этотъ, рано ли поздно ли, долженъ былъ бы прійти къ тому, и я опять тебѣ повторяю, что считай меня въ этомъ случаѣ совершенно за равнаго себѣ, и если я тебя обидѣлъ, то требуй какое хочешь удовлетвореніе! Будь то день-

гами, и я сейчас перезакладываю имѣнье и отдамъ тебѣ все, что мнѣ выдадутъ...

Ананій Яковлевъ (*посль пькотораго молчанія*). Я хотя, сударь, и простой мужикъ, какъ вы, можетъ, меня понимаете, однакоже чести моей не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя, и разговора того, можетъ, и съ глазу на глазъ имѣть съ вами стыдился, а вы еще меня при третьемъ человѣкѣ въ краску вводите: такъ господину дѣлать не хорошо...

Чегловъ. Третій человѣкъ тутъ ничего не значить,—это одинъ только ложный стыдъ.

Бурмистръ. Чѣмъ же я тѣ тутъ поперекъ горда сталъ: коли господинъ мнѣ довѣрье дѣлаетъ, какъ же ты можешь лишать меня того.

Ананій Яковлевъ. Всегда могу! Я, хоша п когда нибудь, немного вамъ разговаривать давалъ: забыли, можетъ, чай, межевку-то, какъ вы съ пьяницей землемѣромъ, за штофъ какой-нибудь водки французской, всю вотчину было продали,—баринъ-то извѣстенъ про то! а что теперешнее дѣло мое, коли на то пошло, оно паче касается меня, чѣмъ самага господина, и я завсегда вамъ ротъ зажму.

Бурмистръ. Къ какому слову ты тутъ межевку-то приплелъ? Что ты мнѣ тѣмъ тычешь въ глаза? Коли ты зналъ, гляче-же ты въ тѣ поры барину не докладывалъ? Только на міру вы, видно, горло-то переѣдать люты, а тутъ, какъ самому пришло... узломъ, такъ и на другихъ давай сворачивать... Что я въ твоёмъ дѣлѣ причиненъ?

Ананій Яковлевъ. Знаю я.

Бурмистръ. Знаешь?.. да!

Чегловъ (*перебивая его*). Молчи, Калистратъ!

Дѣло въ томъ теперь, Ананій, я человекъ прямой и рѣшился съ тобой дѣйствовать совершенно откровенно; ты, говорятъ, хочешь взять съ собой въ Петербургъ жену и ребенка?

Ананій Яковлевъ (*поглядывая еще болѣе*).
Ежели, сударь, вамъ ужь, значитъ, доложено и про то, такъ тѣмъ паче я имѣю на то мое безпремѣнное намѣреніе.

Чегловъ. А ежели это именно одно, чего я не могу позволить тебѣ сдѣлать!

Ананій Яковлевъ. Никакъ нѣтъ-съ. Когда я, значитъ, за себя и за жену оброкъ, хоша бы двойной, предоставляю, кто-жь мнѣ можегъ препятствовать въ томъ?..

Чегловъ (*ударивъ себя въ грудь*). Я! слышишь ли, Ананій, н! И тѣмъ больше считаю себя въ правѣ это сдѣлать, потому что жена твоя не любитъ тебя.

Ананій Яковлевъ. Эго ужь, судырь, мое дѣло заставить тамъ ее, али нѣтъ, полюбить себя.

Чегловъ. А мое дѣло не допустить тебя ни до чего... ни до юты... скрыватья теперь нечего, и она, бѣдная, даже не желаетъ того. Тутъ, видитъ Богъ, не только что тѣни какого нибудь насилія, за которое я убилъ бы себя, но даже простой хитрости не было употреблено, а было дѣломъ одной только любви: будь твоя жена барыня, крестьянка, купчиха, герцогиня, все равно... и если въ тебѣ оскорблено чувство любви, чувство ревности, вытянемъ тогда другъ друга на барьеръ и станемъ стрѣляться: другаго выхода я не вижу изъ нашего положенія.

Ананій Яковлевъ. Ваши слова, судырь, я за одинъ только смѣхъ принять могу: наша кровь

супротивъ господской ничего не стоящая, и мы наказанье только потерпѣть за то можемъ.

Чегловъ. Отчего-жь? Нисколько. Ты будешь правъ, какъ мужъ, я правъ... пойми ты, Ананій, у меня тутъ ребенокъ, онъ мой, а не твой, и наконецъ даю тебѣ клятву въ томъ, что жена твоя не будетъ больше моей любовницей, она будетъ только матерью моего ребенка—только! но оставить въ твоей власти эти два дорогія для меня существа я не могу, понимаешь ли ты, я не могу!

Ананій Яковлевъ. Коли теперича жена моя, и ребенокъ, значить, мой. Богъ соединилъ, чловѣкъ развѣ разлучаетъ? Кто-жь можетъ сдѣлать то?

Чегловъ. Я!... повторяю тебѣ, я! И считаю это долгомъ своимъ, потому что ты тиранъ: ты женился на ней, зная, что она не любитъ тебя, и когда она въ первое время бѣгала отъ тебя, ты силою вступилъ въ права мужа; наконецъ ты іезуитъ: показывая при людяхъ къ ней ласковость и доброту, ты мучилъ ее ревностью—цѣлыя ночи грызъ ее за какой-нибудь взглядъ на другаго мужчину, за вздохъ, который у нея, можетъ быть, вырвался отъ нелюбви къ тебѣ—я все знаю.

Ананій Яковлевъ. Позвольте, судырь! Коли теперича эта безстыжая женщина, окромя распугства, меня оглашаетъ и порочитъ каждому стрѣчному, такъ я, можетъ, и не то еще съ ней сдѣлаю.

Чегловъ. Ничего ты съ ней не сдѣлаешь. Только перешагнувъ черезъ мой трупъ, ты развѣ можешь что нибудь сдѣлать. Я вотъ, Калистратъ, тебѣ поручаю и прошу тебя: сдѣлай ты для меня это одолженіе—день и ночь слѣди, чтобъ волоса съ

головы ея не пало. Лучше что хотите надо мной дѣ-
 лайте, чѣмъ надъ нею... она дороже мнѣ жизни моей,
 такъ вы и знайте, такъ и знайте!... *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Бурмистръ и Ананій Яковлевъ.

Бурмистръ. Дуракъ мужикъ, дуракъ, а еще
 птерецъ—право! Господинъ хочеть ему сдѣлать
 экія милости, а онъ ну-ко!

Ананій Яковлевъ. Можетъ, тебѣ такія ми-
 лости надо, а я не прошу ихъ.

Бурмистръ. Какія-же тебѣ-то надо, султанъ
 великій? Другой мужикъ изъ того бы, что безъ об-
 року отпускають, готовъ былъ бы для господина
 сдѣлать во всемъ удовольствіе; а тутъ человѣка хо-
 тѣли на вѣкъ счастливымъ сдѣлать, хоша бы въ
 томъ-то, сколько велика господская милость, почув-
 ствоваль, образина эдакая чухонская!

Ананій Яковлевъ. Я еще даве, Калистратъ
 Григорьевъ, говорплъ тебѣ не васаться меня. По
 твоимъ лѣтамъ, да по разсудку тебѣ на хорошее бы
 надо наставлятъ насъ молодыхъ людей, а ты къ чему
 человѣка-то подводишь! Не мнѣ себя надо почув-
 ствовать, а тебѣ! Когда стыдъ-то совсѣмъ потерялъ,
 такъ хоть бы о сѣдыхъ волосахъ своихъ вспомнилъ:
 не уйдешь могилы-то, да и на томъ свѣтѣ будешь...
 можетъ, и огня-то тамъ не достанетъ такого, чтобы
 прожечь да пропаднть тебя за всѣ твои окаянства!

Бурмистръ. Какія-жъ мои окаянства? Что по-

тачки вамъ не даю, вотъ васъ всѣхъ злоба за что,— и не дамъ, коли поставленъ на то! Старымъ господамъ вы, видно, не служивали, а мы имъ служили,— вотъ, вѣдь, оно откедова все идетъ! Ни одна, те-перича, шельма изъ васъ во снѣ грозы-то такой не видывала, какъ мы кажпнный часъ ждали и чаяли, что вотъ разразится надъ тобой. Я въ твои-то года, усь-то и бороду только что нажпмши, взгляду господскаго нѣмѣль и трепеталь, а ты чего только тутъ барину-то наговорилъ,—припомни-ка, башка твоя глупая.

Ананій Яковлевъ. Можетъ, вамъ такъ служить надо, а мнѣ не дляче: я барскаго хлѣба не продаю и магарычей чрезъ то не имѣю... Послѣдній какой-нибудь оброшникъ теперь барина удовлетвори, да и вамъ предоставъ, такъ тоже надо все это заслужить, а я живу честно... своими трудами... и на особыя какія послуги... никогда на то не согласенъ.

Бурмистръ. Ишь, Господи, какой у насъ честной человекъ и противу всѣхъ праведный выискался: дивуйтесь только и дѣлайте все по его! Давайте ему буянить надъ женщиной и командовать.

Ананій Яковлевъ. Кто-жъ можетъ промежъ мужемъ съ женой судьей быть! Ты что-ль?

Бурмистръ. И я буду, коли въ начальство тебѣ поставленъ.

Ананій Яковлевъ. Начальство есть и по-выше васъ, мы и до того тоже дорогу знаемъ.

Бурмистръ. Да, такъ вотъ начальство сейчасъ и послушаетъ тебя рыжую бороду, такъ вотъ и скажутъ сейчасъ: «сдѣлайте одолженіе, Ананій Яковличъ, пожалуйста, приказывайте, какъ вамъ надо...»

Ахъ ты, дуракъ, мужикъ необразованный, эхидная—ты животное.

Ананій Яковлевъ. Ты не лайся, пока тѣ глотку-то не заткнули...

Бурмистръ. Я тѣ еще не такъ полаю, я тѣ съ березовой лапшой полаю.

Ананій Яковлевъ. Шалишь!

Бурмистръ. Шалить-то телята, да малые ребята, а я не шалю.

Ананій Яковлевъ. Шалишь и ты!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Золотиловъ.

Золотиловъ (*входя*). Тсъ! Тише, что вы тутъ, скоты, орете!.. (*къ Ананію*). Ты, любезный, до чего довелъ барина-то: онъ, по твоей милости, безъ чувствъ теперь лежитъ. На смерть что ли ты его разсчитываешь? Такъ знай, что наследниками у него мы, для которыхъ онъ слишкомъ дорогъ, и мы будемъ знать, кто его убійца. Я все слышалъ и не такъ деликатенъ, какъ братъ: если не дай Богъ, что случится съ нимъ, я съумѣю съ тобой распорядиться.

Бурмистръ. Мало, видно, онъ башки-то своей бережетъ; ему бы только на другихъ указывать, того не зная, что, царство небесное, старый господинъ мой теперь, умираючи, изволилъ мнѣ приказывать: «Калистратъ, говоритъ, теперь сынъ мой остается въ цвѣтушихъ лѣтахъ, не прикинь ты его!» такъ я помню эти слова ихнія, и всегда, въ чемъ ни на

есть господская воля, исполню ее: баринъ теперь приказалъ мнѣ, чтобы волоса съ головы бабы его не пало отъ него, и я вотъ при васъ, Сергѣй Васильичъ, говорю, что ежели я, маломальски, что услышу,—завтра же сдѣлаю объ ней распоряженіе—на барскій дворъ пшеницу мыть на всю зиму, на тѣ: властвуй, командуй!

Ананій Яковлевъ. Никогда ты не можешь того сдѣлать и никого я теперь не боюсь, коли никакой вины за собой не знаю.

Золотиковъ. Ну, будетъ, безъ разсужденій: можешь отправляться... довольно съ тобой, дуракомъ, разговаривать... *(уходитъ)*.

Ананій Яковлевъ *(тоже уходя и почти вслух)*. Я самъ, можетъ, еще менѣе того желаю, хошь бы какой тамъ, ни на есть, разговоръ съ вами имѣть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бурмистръ *(въ слѣдъ ему)*. Не сдѣлаю я?... Сдѣлаю!... Не сегодня ты мнѣ на сердцѣ-то наскребъ. Коли ты теперь сталъ подковы подъ меня подводить, что я тамъ на межевкѣ что сдѣлалъ, али хлѣбъ воровски продаю,—такъ я тебѣ еще не то всучу... не такъ еще наругаюсь, и не прочихаешься, змѣя-человѣкъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

Та же изба, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Матрена сидитъ у раствореннаго окна, въ которое глядитъ Спиридоньевна. Лизавета лежитъ за перегородкой, идъ повѣшена и зыбка съ ребенкомъ.

С п и р и д о н ѣ в н а. Такъ, слышь, баунька, онъ его уговаривалъ,—все лаской сначала... Сергѣй Васильичъ тоже при этомъ ихнемъ разговорѣ былъ, бурмистра опосля призвали... тѣ пытали, пытали его усовѣщивать,—ничто не беретъ: они ему слово, а онъ имъ два! Родятся-же, Господи! на свѣтъ зкіе смѣлые и небоязливые люди.

М а т р е н а. Ну, матушка, и ему тоже не легко, и самъ, можетъ, не радъ тому, что говоритъ и дѣлаетъ. Какъ по божески теперь сказать, не ему бы ихъ, а имъ бы его оставить надо—мужъ есть.

С п и р и д о н ѣ в н а. Ну, а вотъ, поди, тоже

бурмистръ, али дворовые, другое говорятъ: барина очень жалѣютъ. На Ананья-то тѣмъ разомъ разсердившись, вышелъ словно мертвецъ, прислонился къ косяку, позвалъ человекъ: «дайте, говоритъ, мнѣ поскорѣй тазъ», и почестъ, что полнехонекъ его отхаркнулъ кровью. «Вотъ, говоритъ, это жизнь моя выходитъ по милости Ананья Яковлевича. Не долго вамъ мнѣ послужить... скоро будутъ у васъ другіе господа...» такъ и жалѣютъ его оченно!

М а т р е н а. Не знаю, мать: господинъ, вѣстимо, воленъ все сказать, а что, кажись-бы, экому барину хорошему и заниматься этимъ не для чего было; себи только беспокоить, бабу баламутить п мужичка, ни за что, подъ гнѣвъ свой подводить... а псамъ дворовымъ, или злодѣю бурмистру, съ пола-горя на чужой то бѣдѣ разводы разводить...

С п и р и д о н ь е в н а. То, баунька, слышь, баринъ теперь насчетъ того оченно опасается, чтобъ Лизаветѣ онъ чего не сдѣлалъ, только теперь о томъ и разговоръ съ Сергѣемъ Васильичемъ имѣетъ.

М а т р е н а. Ну, матушка, помилуетъ ли онъ Лизавету! Подначальный тоже ему человекъ во всемъ, какъ есть! тогда, какъ онъ отъ барина-то пришелъ, человекъ это былъ, али звѣрь какой? Я со страху ажно изъ избы убѣжала: сначала слышу голоса она все, молила что-ли его, а тутъ и молвы не стало.

С п и р и д о н ь е в н а *(съ любопытствомъ)*. Билъ, значить, онъ ее?

М а т р е н а. Вѣстимо, что ужъ не по головѣ гладилъ, только то, что битье тоже битью бываетъ розъ; въ этакое азартѣ человекъ, не ровенъ тоже часъ,

какъ и ударитъ... въ тѣ поры, не утерпѣвши материнскимъ сердцемъ своимъ, вбѣжала въ избу-то, гляжу, онъ сидитъ на лавкѣ и пѣна у рту, а она ужъ въ постелю повалилась: шлыкъ на сторонѣ, коса растрепана и лицо закрыто!... Другія сутки вотъ лежить съ той поры, словечка не промолвитъ, только и сказала, чтобъ зыбку съ ребенкомъ къ ней изъ горенки снесли, чтобъ и его-то съ голоду не уморить...

С п и р и д о н ъ е в н а. Какъ еще, мать, у нея молоко-то есть—не пропало и не изсушилось съ этихъ страховъ?

М а т р е н а. Какое ужъ, поди, тоже молоко... хошь бы и на счетъ пици теперь, колькой день крохи во рту не бывало.

С п и р и д о н ъ е в н а. Да гдѣ самъ-то? дома, видно нѣтъ?

М а т р е н а. Къ священнику что ли пошелъ—не знаю... меня вотъ сторожемъ приставилъ: «сидите, говорятъ, мамонька, тутъ, чтобы шагу никуда Лизавета не могла сдѣлать». Всю одежду съ нея теплую и обувку обобралъ и заперъ: сиди, песь, арестангой, и не жалю я ея нисколько—сама на себя навливаетъ это.

С п и р и д о н ъ е в н а *(взглянувъ въ сторону)*. Идетъ вонъ, матка!... назадъ ворочаетъ... сердитый, знать такой и Господи: уперъ въ землю глаза и ни на что не смотритъ... прощай, значить, баунька!... Настудила я и то тѣ избу-то.

М а т р е н а. Да зашла бы:—пирожка, что либо, покушала.

С п и р и д о н ъ е в н а. Спасибо, родимушка, неколды!... Къ бурмистру забывать еще надо: пиво

они новое ставили, такъ дрожжець на опару обѣщали.
Прощай!

МАТРЕНА. Прощай, прощай!
(*Спиридоньевна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

МАТРЕНА (*заклопнуетъ окно*). Ой, горя и печали наши великія! Помини, Господи, царя Давида и всю кротость его... На одну теперь, выходитъ, Владычицу нашу, тихвинскую Божию Матерь, всѣ и чаянія наши... отверзи милосердія Твоего врата, матушка... Ты бо еси единъ покровъ нашъ... заступи и помилуй!... Угодники наши Святые Николай чудотворецъ и діаконъ Стефанъ великомученикъ—оградите крыломъ вашимъ рабъ недостойныхъ, аще словомъ, вѣдѣніемъ, или невѣдѣніемъ согрѣшили предъ Господомъ... батюшки наши страстотерпцы и милостивцы.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Ананій Яковлевъ.

Матрена тотчасъ же встаетъ и становится въ почтительное положеніе; Ананій Яковлевъ садится за столъ.

МАТРЕНА (*посль короткаго молчанія*). Батюшко, не прикажешь ли собрать пообѣдать? кушанье у насъ хорошее настряпано.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ (*облокачиваясь на столъ и склоня голову на руку*). Нѣтъ-съ, не охота что-то...

(посль нѣкотораго молчанія). Самоварчикъ, пожалуй, поставьте; а то въ горлѣ какъ-то ужь очень пересохло.

МАТРЕНА. Слушаю, сударь (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ананій Яковлевъ и Лизавета за перегородкой. Опять молчаніе.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ (*взмахнувъ глазами на перегородку*). Лизавета! что вы тутъ все лежите? Подъте сюда!.. (*молчаніе*). Сами худое дѣлаете, да еще въ обиду вламываетесь. Не наказывать васъ хотятъ, а хоша бы мало-мальски внушить и на хорошее наставить, коли не совсѣмъ еще разсудокъ свой потеряли... Вставайте! нечего тутъ.

ЛИЗАВЕТА. Не смогу я... будетъ съ меня... спасибо.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ. А мнѣ легче твоего? Не изъ блажи, али изъ самодурства, всамотеа, куражатся надъ тобой... Не успѣли тебя за вину твою простить, какъ ты опять за то же принялась. Камень будь на мѣстѣ челоувѣка, такъ и тотъ лопнетъ... Не будь, кажется, ничего такого,—такъ не токмо что руку свою поднимать, а взглядомъ своимъ обидѣть васъ никогда не желалъ-бы!

ЛИЗАВЕТА. Много взглядовъ-то вашихъ видала всякихъ... и напередъ того.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ. Врешь, всесовершенно врешь!... Ежели и было что, такъ сама знаешь, за што и про што происходило... мы, теперича, Гос-

люди, и всё мужики женимся не по особливому на-
 кому расположенью, а все-таки, коли въ церкви
 Божіей повѣнчаны, значитъ, надо жить по закону...
 только того и желалъ я, можетъ, видючи, какъ ты
 рыло-то свое, словно отъ козла какого, отъ меня от-
 ворачивала.

Лизавета. Не отъ радости и я тоже отвора-
 чивалась.

Ананій Яковлевъ. Съ какой же печали-то
 особой? по замужеству вашему не изъ сапогъ въ
 лапти обул васъ, а словно-бы понаряднѣй супро-
 тивъ прежняго стали сарафаны-то носить... Хоть-бы
 то теперича маненько поцѣнили, что, жимши въ
 Питеръ, можетъ, въ какомъ-нибудь кускѣ себѣ отка-
 зывалъ, а для чего и для кого все это было дѣлано?...
 Вотъ сейчасъ въ карманѣ своемъ имѣю 500 цѣлко-
 выхъ чистоганомъ... думалъ: на будущій же годъ от-
 крою, хоша небольшую, свою лавочку; квартирку
 найму пообширнѣе; выпишу Лизавету и что ни есть
 стряпать самое не заставлю, а особую кухарку на
 то предоставлю: на, пей чай и кофеи, и живи въ
 свое спокойствіе.

Лизавета. Ничего миѣ вашего ненадо; въ Пи-
 теръ найдутся, окромя меня, охотницы на ваши
 деньги,—не позавидую имъ!

Ананій Яковлевъ. Ну да! какъ же? все вотъ
 она питерскими-то тычетъ въ глаза: коли знаешь, что
 про Питеръ, такъ сказывай яснѣй; а я во всякій часъ
 хоша на судъ Господень къ отвѣту готовъ идти...
*(Матрена въ это время вноситъ самоваръ и начинаетъ ставить
 на столъ чашки и чайникъ. Лизавета молчитъ).*

Ананій Яковлевъ *(продолжая)*. То-то!... видно,

и отвѣчать нечего, потому что сама лучше всякаго знаешь, что никогда тамъ ничего не было, да и быть не могло; а что теперича точно что: я, можетъ, и хуже того на что пойду! для какого рожна беречь себя стану?... взять, значитъ, эти самыя деньги, идти съ ними въ кабакъ и кончить тамъ... и съ ними, и своей жизнию!

МАТРЕНА *(пододвигая къ Ананью Яковлеву чашку)*. На-лила, батюшко, чай-то!

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ. Вижу-съ! Подайте ужъ и привередницѣ-то вашей.

МАТРЕНА. Подамъ и ей... *(уходитъ за перегородку)*.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ *(отодвигая отъ себя чашку)*. Мнѣніемъ даже своимъ никогда не полагалъ, до чего теперь доведенъ сталъ. Все, что было думано и га-дано, словно отъ дуновенія вѣтра, пало и разстрои-лось.

МАТРЕНА *(возвращаясь съ невыпитой чашкой)*. Не хочеть... не желаетъ.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ. Что жъ такъ? И тѣмъ ужъ что ли брезгуеть?... *(грустно улыбаясь и качая головой)*. Человѣкъ-то, какъ видно, заберетъ себѣ блажь въ голову, такъ что хошь съ нимъ дѣлай, ничего по-нять не можеть: ты къ нему съ добромъ, а онъ все къ тебѣ съ коломъ. Я вотъ теперь не то, что съ гнѣвомъ какимъ, а истерзаючись всѣмъ сердцемъ моимъ и со слезами на очахъ своихъ, при матери вашей, прошу васъ: образумьтесь и станемъ жить, какъ и прочіе добрые люди!

ЛИЗАВЕТА. Добрые люди не уващики про насъ!

МАТРЕНА. Такъ что жъ тѣ, али на худыхъ глядѣть надо? Ишь, что, псовка, говоритъ... мало

тебѣ еще, видно, было: смиренъ Ананій-то Яковличъ, ей-богу, смиренъ.

Ананій Яковлевъ. То бы теперь, кажись, разсудить надо: ну, пускай такъ, я пропадать, значить, долженъ, дуракъ, видно, и былъ! можетъ, это еще за удовольствіе для нихъ будетъ; вы тоже, можетъ, чрезъ то въ могилу ляжете; что жь опосля того съ самой-то послѣдуетъ? Царь Небесный справедливъ: Онъ все это видѣть будетъ и не помиуетъ тебя, Лизавета, новѣрь ты мнѣ!

Матрена. А я, батюшко, развѣ не тоже ей долблю и наказываю?... На то я ее при своемъ сиротчествѣ, почестъ что мірскимъ подаяньемъ, да кровными своими трудами всиоила и вскормила, чтобы видѣть отъ нея звія радости... *(начинаетъ плакать)*.

Ананій Яковлевъ. Э, полноте, пожалуйста, хороши ужь и вы! говорить-то только не охота, а, можетъ, не менѣе ее имѣли въ головѣ своей фанатберію, что вотъ-де зная честь выпала—баринъ дочку въ себѣ приблизилъ, — то забываючи, что, коли на экой пакости и мерзости идетъ, такъ баринъ ли, холопъ ли, все одинъ и тотъ же чортъ—страмъ выходить!... али и въ самотка вѣкъ станутъ ублажать и барыней сдѣлаютъ; можетъ, какой-нибудь еще годъ дуру пообманываютъ, а тамъ и прогонятъ, какъ овцу паршивую! ходи по міру на людскомъ поруганьѣ и посмѣиньѣ.

Матрена. И ништо ей, батюшко, будетъ, ништо!...

Ананій Яковлевъ. Для чего-жь доводить-то себя до того? Другое дѣло, кабы ее на худое-то толкали, а то только всѣми силами отвести ее отъ того

желаютъ: самъ свое сердце смирилъ, кажись, сколько только могъ, и какой бы тамъ внутри червякъ ни сидѣлъ, все прощаю и забываю; ну, по пословицѣ: что съ возу упало, то пропало; — не воротись! по крайности напередъ себя поправить желается. И грѣха теперь бѣжавши, какъ и священникъ вотъ тоже совѣтуетъ, завтра же поѣдемъ со мною въ Питеръ, а ежели насчетъ паспорта какое притѣсненіе выйдетъ, такъ я и такъ увезу; прямо начальству объясню, почему и для чего это было дѣлано.

МАТРЕНА. Да ты, батюшко, такъ и сдѣлай! что на нее смотрѣть?!... и я тебя прошу о томъ. Чего и кого тебѣ бояться тутъ?

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ. Не о боязни рѣчь! А говоришь тоже, все еще думаячи, что сама въ толкъ не возьметъ ли, да по доброй волѣ своей на хорошій путь не вступитъ ли... а что сдѣлать, я, конечно, что сдѣлаю, какъ только желаю и думаю. Мужъ глава своей жены!... это не любовница какая-нибудь: коли хороша, такъ и ладно, а нѣтъ, такъ и по шеѣ прогналъ... это дѣло въ церкви пѣтое: коли что нехорошее видишь, такъ грозой али лаской; какъ тамъ знаешь, а исправить надо.

МАТРЕНА. Да какъ же, батюшко, не исправить. Коли бы насъ, дуръ, бабъ не били, да не учили, такъ что бы мы были! Ты вотъ хошь и гнѣваться на меня изволишь, а я прямо тѣ скажу: на моихъ рукахъ ты ее и не оставль. Мнѣ съ ней не совладать: словъ моихъ бранныхъ она не слушаетъ, бить мнѣ ее силушки не хватаетъ, значить, и осталось одно: послать ее къ чорту-дьяволу.

Лизавнта (*простоनावъ*). Проклинайте больше, проклинайте!

Матрена. Али не провяну, чтобы провалиться тебѣ дьяволицѣ въ тартары тартаринскіе, на муки вѣченскія, вотъ тебѣ мое материнское слово!

Ананій Яковлевъ. Перестаньте, полноте тутъ съ вашей пустой болтовней.

Матрена. Батюшко! вывела ужъ она меня изъ всего моего терпѣнія.

ЯВЛЕНІЕ V.

Работница (*заглядывая въ дверь*). Ананій Яковлевъ! Бурмистръ тамотка пришелъ: спрашиваетъ тебя и Лизавету Ивановну.

Ананій Яковлевъ. Какъ Лизавету Ивановну?... подь сюда, взойди.

Работница (*не входя*). Да больно, батюшко, я необрядна, спрашиваетъ... таково много мужичья съ нимъ привалило.

Ананій Яковлевъ. Это еще что за выдумки ихнія?... (*Матрени*). Погляди, что тамъ такое?

(*Матрена и работница уходятъ*).

Ананій Яковлевъ (*женѣ*). Ежели, теперича, разбойникъ этотъ ворвется сюда, и вы слово при немъ промолвите, я живъ съ вами, Лизавета, не разстанусь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Бурмистръ.

Бурмистръ. Ананій Яковлевъ дома?

Ананій Яковлевъ. Былъ, да весь вышелъ... что тѣ надо?

Бурмистръ (*входя*). Надо намъ!... (*обращаясь къ дверямъ*). Входите, братцы! Выборный, входи! (*выборный входитъ*). Федоръ Петровичъ, входи, батюшко! Матвѣй!... Кирило!... проваливайте, кто тамъ еще есть!... (*Входятъ Федоръ Петровъ, кривой мужикъ, косой мужикъ, молодой парень и Давыдъ Ивановъ*).

Бурмистръ (*обращаясь къ Ананью Яковлеву*). Я еще вчерасятко тебя на сходку звалъ, ты не пришелъ!... сегодня бабенка Спиридоновна прибѣгала къ намъ и новыя извѣстiя объ тебѣ дала... значитъ, я самъ къ тебѣ съ миромъ на домъ пришелъ.

Ананій Яковлевъ. Милости просимъ... понравится ли только вамъ угощенье мое, не знаю.

Бурмистръ. Прозубоскалишься, погоди ма-ленько... (*обращаясь къ мужикамъ*). Я теперича, господа мужички почтенные, позвалъ васъ сюда, такъ какъ мнѣ тоже одному съ этимъ человѣкомъ дѣлать нечего; на вашу, значитъ, судъ и расправу предаю его, такъ вы то и завѣдомо свое имѣйте!

Федоръ Петровъ (*опираясь на клюку и шамкая*). Завѣдомо намъ, Калистратъ Григорьичъ, неча тутъ имѣть, воли мы теперь ничего того не знаемъ, за што и про што привелъ ты насъ сюда.

Бурмистръ. А зато ты, старичекъ почтенный, приведенъ сюда, что мы вотъ, теперича, съ тобой третьимъ господамъ служимъ; всего тоже видали на своемъ вѣку: у покойнаго, царство небесное, Алексея Григорьича, хоть бы насчетъ того же женсваго полу, всего бывало... и въ твоёмъ семействѣ не мало происходило этого... не забылъ еще, можетъ, чай того.

Федоръ Петровъ (*обидясь*). Чтой-то, помилуй,

какимъ ты меня, стараго человѣка, словомъ попрекаешь... оставь меня, пожалуйста, прошу о томъ.

Бурмистръ. Не попрекаютъ тебя, а что хошь бы тотъ же выборный... не потаить того: жена не жена, а все тоже близкій человѣкъ... сестра... извѣстно тоже въ какомъ въ послѣдніе годы барина положеньи при немъ была.

В ы в о р н ы й (*тоненькой фистулой*). Я, помилуйте, судырь, какъ, значить, совершенно все жилъ въ Питерѣ, какъ же, теперича, могъ, значить, знать, какія тамъ положенья есть?... а хоша бы и теперича, какъ привязанъ, значить, сталъ въ свою должность, тоже ничего не знаю ни про себя, ни про другихъ кого.

Бурмистръ. Не про то, глупый ты человѣкъ, говорятъ, а что хвалятъ васъ очень, такъ какъ никогда никакого буянства отъ васъ не было. Вонъ тоже и Давыдъ Ивановъ. Онъ тутъ, при немъ скажу: давно бы, можетка, ему свою бабу наказать бы слѣдовало за всѣ ея художества, такъ онъ и тутъ, по смиренству своему, все терпитъ.

Давыдъ Ивановъ. О, батюшко, нашелъ на кого указывать. Не съ сего дня я наплевалъ на то: Богъ съ ней!

Бурмистръ (*показывая на Ананья Яковлева*). Да, а тутъ вотъ другое говорятъ: дебошъ хотять дѣлать.

Ананій Яковлевъ (*съ трудомъ сдерживая себя*). Послушай, Калистратъ Григорьевъ, смѣяться ли ты надо мной пришелъ съ этими дураками, али совсѣмъ ужь меня до худова довести хочешь,—скажи ты мнѣ только одно?

Бурмистръ. Нечего мнѣ тебѣ сказывать! Я ужь пѣлъ тебѣ свою ивѣню-то: колькіе годы теперь жеребецъ этакой въ Питерѣ живетъ; баловства, можетъ, ни вѣсть сколько за собой имѣетъ, а тутъ по деревнѣ, что маненью вышло, такъ и стерпѣтъ того не хочетъ, да что ты за король-Моголь такой великій?

Ананій Яковлевъ. Великій, коли самъ себя знаю!... и тебѣ меня не учить, какъ понимать себя.

Бурмистръ. Не по своей волѣ ты учать, а барское приказаніе на то и имѣю... *(обращаясь къ мужикамъ)*. Баринъ, теперича, приказалъ съ отвѣтомъ всей вотчины, чтобы волоса съ главы его бабы не пало, а онъ тогда, только что изъ горницы еще пришедши, билъ ее не на животъ, а на смерть, и теперь ни пищи, ни питья не даетъ; она, молока лишившись, младенца не имѣетъ прокормить чѣмъ: такъ баринъ за все то, можетъ, первѣй, чѣмъ съ него, съ насъ спроситъ, и вы все единственно, какъ и я же, отвѣчать за то будете.

(Между мужиками говорѣ).

Евдоръ Петровъ. Почто-жь мы отвѣчать за то будемъ, коли ничѣмъ тому не причиной?

Выборный. Господинъ, значить, помилуйте! самъ воленъ теперь: что прикажутъ, то мы и сдѣлаемъ.

Кривой мужикъ. Извѣстно, что — господская воля.

Рябой мужикъ. Не уйдешь отъ нея, тоже, паря, ннкуда.

Давыдъ Ивановъ. Кабы мы теперь супротивники, что ли, какіе были, ну такъ то бы дѣло было.

Молодой нарень. У насъ тоже просто насчетъ того; тогда меня на міру отбаловали, и самъ не вѣдаю за что.

Давидъ Ивановъ. Какъ же, голова, помилуй! хошь бы и насчетъ Ананья Яковлича, какая воля барская есть, разѣ мы знаемъ то...

Ананій Яковлевъ. Какая жь тутъ воля барская?... Ахъ вы, окаанный, днкій народъ; міромъ еще себя ямянуютъ!... Коли я вамъ, теперича, на судъ вашъ дурацкій преданъ, какая же и чья тутъ воля можетъ быть?... Али пословица-то, видно, справедливотка, что мірской разумъ вездѣ нынѣ изъ кабака пошелъ, такъ я вамъ, лопаламъ, три бочки вывачу, только говори, помня Бога и въ правилѣ.

Федоръ Петровъ. Что жь мы сказали не въ правилѣ... это, братецъ, одна только напраслина твоя... какъ вонъ, ну, на міру говорятъ о земелькѣ, что ли, али по податной части, извѣстно, мужичка кажиннова дѣло—всякій скажетъ, а тутъ, теперича, въ экомъ случаѣ, ничего мы того не знаемъ, и что жь мы сказать можемъ.

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ, ты, старый человекъ, долженъ былъ бы сказать, и не то, что въ ихней шайкѣ быть, а остановить бы душегуба этого, да и другимъ тоже внушить, коли хоша маненько себя поумнѣй и почестнѣй другихъ полагаешь.

Федоръ Петровъ. Мнѣ тоже, Ананій Яковличъ, не распинаться стать изъ-за тебя... Я самъ, выходитъ, человекъ подначальный.

Ананій Яковлевъ. Вижу я, что вы всѣ одинаковы Іуды-то предатели... тебѣ вонъ только словомъ намекнули на твое дѣло прошлое и забытое,

такъ ты и то со стыда-то всю рожу въ бороду спрягалъ... Какой-нибудь пискунъ выборный про сестру свою посконную и то отъ себя отпихиваетъ,—за что жъ вы меня-то опосля того почитаете? Али всамотва совсѣмъ къ подлецу Давыдкѣ примѣнить хотите, коли въ домъ мой приходите и этакой смертельной обидой меня язвите? Души моей больше не хватаетъ переносить того: я напередъ вамъ говорю,—кому голова своя дорога, такъ убирайся отсѣдова... топоръ у меня вострый!

Евдоръ Петровъ. Какъ же это можно, братецъ, топоромъ ты намъ грозишь?... Дураками и лопалами насъ облаялъ, да топоромъ еще грозишь,—за что это?

Бурмистръ. А за то, что вамъ мало еще, право! хорошенько ихъ, Анашка! взялъ да и пошелъ валять того да другаго въ зубы: нате, молъ, вамъ, господа міряне, коли дураки вы такіе.

Молодой парень. Что жъ вы такъ наши-то зубы очинно ужъ дешево ставите—коли онъ насъ начнетъ бить, такъ и мы его станемъ.

Бурмистръ. Ты мнѣ бей не бей его, а хоша свяжи, да бабу ослободи мнѣ отъ него, потому самому, что не могу ее оставить при немъ. Мнѣ тутъ за нимъ не углядѣть: съ сего же дня она будетъ у меня во дворѣ, въ особой келейкѣ жить, коли я теперь за нее отвѣчать должонъ!

Ананій Яковлевъ. Будто?

Бурмистръ. Ну да, будто!

Ананій Яковлевъ. Будто?... а ежели я скорѣй по уши въ землю ее закопаю, чѣмъ ты сдѣлаешь то! *(колота себя въ грудь)*. Не выводил ты меня

изъ послѣдняго моего терпѣнья, Калистратъ Григорьевъ: не по барской ты волѣ пришелъ сюда, а только злобу свою тѣшить надо мной; идемъ сейчасъ къ господину, коли на то пошло.

Бурмистръ. Ну да, такъ вотъ сейчасъ и пойдутъ. Сидишь и тутъ хорошь!

Ананій Яковлевъ. Не стануть съ тобой тутъ сидѣть; ты къ тому только, видно, и ведешь человекъ, что либо мнѣ, либо тебѣ остаться жить на свѣтѣ. Побереги ты своихъ сѣдыхъ волосъ!

Бурмистръ. Ничего я тебя не боюсь, власти твоей не хватить ничего сдѣлать ни мнѣ, ни бабѣ твоей!

Ананій Яковлевъ. Бабѣ моей! Когда она, бестія, теперь каждый шагъ мой продаетъ и выдаетъ вамъ, то я не то, что таючись, а середь бѣлаго дня, на площади людской, стану ее казнить и тиранить; при вашихъ подлыхъ очахъ наложу на нее цѣпи и посажу ее въ погребъ ледяной, чтобъ замерзнуть и задохнуться ей тамъ окаянной!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Лизавета, быстро появляется изъ-за перегородки со всклокоченной головой, въ худомъ сарафанишкѣ и босикомъ.

Лизавета. Нѣту! нѣту!... не бывать по вашему никогда!... довольно вы надо мной поначальствовали... Я вотъ, господинъ бурмистръ, теперь заявляю вамъ — <http://rcin.org.pl> — оныя тиранить меня, а что напредъ

еще сдѣлаеть, неизвѣстно тѣ: самъ про то не ска-
зываетъ...

Ананій Яковлевъ *(опуская руки)*. Лизавета,
уйди... Бога ради, уйди, оставь меня при моемъ
дѣлѣ.

Лизавета. Это не ваше дѣло, а мое! *(обраща-
ясь къ мужикамъ)*. Всѣ вы, можетъ, видѣли, какъ я по-
вѣнчана-то за него ~~была~~... въ свадебныхъ-то са-
няхъ, почестъ, что связанную везли. Честь мою дѣ-
вичью мнѣ легче бы было кинуть разбойнику въ лѣ-
су, чѣмъ ему—такъ съ меня спрашивать тоже мно-
го нечего, грѣшница, али праведница черезъ то стала;
а что стыдъ теперь всякой свой потеряючи, при
всемъ народѣ говорю, что барская любовница есть,
и теперь, значить, ведите меня въ господину — по-
слѣдней коровницей али собакой, но при нихъ быть
желаю, а ужь слушаться п шею свою подставлять
злудью своему не хочу. Онъ теперь обувку и одежду
обобралъ—не остановитъ меня-то, уйду къ барину...
(начинаетъ искать на голубцѣ и по лавкамъ платье себя).

Ананій Яковлевъ. Лизавета, еще разъ тебѣ
говорю, не дѣлай ты этого.

Бурмиотръ. Нечего тутъ не дѣлай. *(Молодому
парню)*. Дай ей своего полушубка и сапогъ, — до
уеадьбы только довести ее.

(Молодой карень отвѣчаетъ ему на это только дикимъ взглядомъ)

Ананій Яковлевъ *(обращаясь къ мужикамъ)*.
Господа міряне! что же это такое? Заступитесь, хоша
вы, за меня несчастнаго! Примѣните, хоша маненько
къ себѣ, теперешнее мое положенье: середь бѣлаго
дня приходятъ и этакой срамъ и поруганье чинять.
(становится на колѣни). Слезно и на колѣняхъ прошу

вась, обстойте меня хоша сколько-нибудь, и не доводите меня до послѣдняго. Богъ вась наградить за то... *(кланяется общимъ поклономъ всему міру въ ноги)*.

Е д о р ъ П е т р о в ъ. Я, другъ любезный, это что? Ничего, по тебѣ говорить надо!... *(Лизаветъ)*. Какъ же ты, мужняя жена, сходишь отъ мужа и какъ ты смѣешь-то! Ты спроси, позволить ли я баринъ тѣ сдѣлать это.

Б у р м и с т р ь. Позволено, коли дѣлаютъ. Старый чортъ, суется туда же. *(Молодому парню)*. Говорятъ тебѣ, скорѣй разболокайся и давай полушубокъ и сапоги.

М о л о д о й п а р е н ь. Нѣтъ у меня про это ни полушубка, ни сапоговъ *(быстро уходитъ)*.

Б у р м и с т р ь. О дьяволь, грубіянь — народъ! На, Лизавета, надѣвай мою сибирку *(снимаетъ съ себя сибирку)*.

Л и з а в е т а. Давайте, судыры! Я въ нее младенца, красавчика моего заверну, а сама и такъ добѣгу: мнѣ ничего *(проворно уходитъ за перегородку)*.

А н а н і й Я к о в л е в ъ *(вскакивая и вбѣгая за ней)*. Не дамъ я тебѣ младенца!

Б у р м и с т р ь. Чортъ, прибѣтъ еще бабу-то!... свяжите его, ребята, сейчасъ же!

(Никто изъ мужиковъ не трогается.)

Г о л о с ь Л и з а в е т ы. Подай младенца, подай, а то ослѣплю тебя.

Г о л о с ь А н а н і я Я к о в л е в а. Ахъ ты, бестія, смѣла еще руку свою поднять на меня. На, вотъ, тебѣ твое поганое отродье! *(раздается страшный ударъ и пронзительный крикъ ребенка)*.

Г о л о с ъ Л и з а в е т ы. Батюшки, убилъ младенца-то!

Б у р м и с т р ь. Согрѣшили грѣшные! Говорилъ вамъ, кажется, черти-дьяволы, вяжите его *(бьетъ по шепъ рябало мужика)*.

Р я б о й м у ж и к ь. Чего вязать-то?... дадите веревку-то... гдѣ веревка-то?

Д а в ы д ь И в а н о в ь *(стаскивая съ полцы веревку)*. На, вотъ тѣ веревку-то, входи туда!

Р я б о й м у ж и к ь. Чего входить?... цапнетъ топоромъ еще пожалуй. Сунься-ко самъ.

Г о л о с ъ Л и з а в е т ы. Батюшки, совсѣмъ ужь не дышитъ, вся головка раскрыена!

В ы б о р н ы й *(несмыло замянувъ въ дверь)*. Ничего, значить, не цапнетъ: окно высадилъ и убѣгъ.

Б у р м и с т р ь. Караулъ! бей скорѣй въ набать и ловите его, окаянный народъ!... что теперь баринъ-то съ нами сдѣлаетъ — пропали наши головы!...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Зала въ домѣ Чеглова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стряпчій сидитъ и пишетъ за столомъ. У того же стола сидитъ Исправникъ. Передъ нимъ стоитъ Бурмистръ.

Исправникъ. Отвѣчать конечно что будете, отчего не остановили его и не заарестовали.

Стряпчій. Удивительное дѣло это, какимъ образомъ у цѣлой деревни одинъ мужикъ убѣжалъ!

Бурмистръ. Оробѣли, ваше благородіе, такъ совершенно, что оробѣли: я въ тѣ поры, какъ онъ въ окно-то махнулъ, почестъ двѣ версты за нимъ бѣжалъ, такъ онъ обернется да и грозитъ: «только кто, говорить, подойди ко мнѣ, такъ живой на мѣстѣ не останется». Я, ваше благородіе, человекъ тоже ужь не молоденькій: мнѣ не очень съ нимъ совладать; они вонъ пудовъ по семи говядины на башкѣ носятъ.

Исправникъ. Гдѣ онъ, каналья, можетъ скрываться?... Другая, вѣдь, ужь недѣля теперь пошла...

Бурмистръ. По близости ему, ваше благородіе, тутъ быть негдѣ; онъ бы давно ужь себя заявилъ. Я по первоначалу-то и ждалъ, что онъ либо селенье выжжетъ, либо надъ нами кѣмъ что сдѣлаетъ; а коли все благополучно, такъ навѣрнякъ надо полагать, что въ Питеръ махнулъ: мало тамъ развѣ безпашпортныхъ-то проживаетъ. Старуха, теща его, сказывала, что у него тысяча пѣлковыхъ въ карманѣ была, съ такими деньгами вездѣ спокойно проживетъ; а ты вотъ за него мучься и отвѣчай. Только теперь на вашу милость и надежду полагаемъ, коли вы защитите и помилуете насъ.

Стряпчій (ядовито). Намъ тутъ много дѣлать нечего—старше насъ тутъ членъ есть. Губернаторскихъ-то молокососовъ нынче этихъ развелось. Всю дорогу, мнѣ, въ тарантасѣ, объяснялъ, какъ онъ тутъ всю подноготную выкапывать хочетъ.

Бурмистръ. Позвольте, сдѣлайте милость!... Хошь конечно, мы теперь точно—мужики-народъ необразованный, а все тоже маненько понимать можемъ такъ, что господинъ этотъ чиновникъ смѣшнѣющій: другой день теперь изволить ходить и подъ овнами по избамъ подслушивать, какъ будто кто изъ вогчяны можетъ что про господина сказать. Вонъ и Сергѣй Васильичъ пригласать мнѣ изводили: «поди, говоритъ, Калистратъ, пере говори съ господиномъ исправникомъ и господиномъ стряпчимъ, а что, говоритъ, съ этимъ губернаторскимъ чиновникомъ, я и дѣла нивакого имѣть не хочу—не стоитъ онъ того!»

Исправникъ. Сергѣю Васильичу хорошо на насъ указывать, а тутъ какъ послѣ что выдетъ, такъ онъ и въ сторонѣ.

Стряпчій. Мало еще, что въ сторонѣ, да первый еще тебя передъ губернаторомъ подлецомъ и взяточникомъ и облаетъ... Не съ сегодня мы его знаемъ.

Бурмистръ. Позвольте, ежели теперича такимъ манеромъ, такъ Сергѣй Васильичъ и знать про то совершенно не долженъ: мнѣ не то что какъ другому вотчино-начальнику, барину, что-ли, докладывать, али съ вотчины по грошамъ да по гривнамъ собирать надо. Вонъ я сейчасъ полтора ста цѣлковыхъ имѣю и представляю ихъ. Дѣлать только, дуракъ, не умѣю какъ, а деньги готовы (*кладетъ торопливо изъ кармана на столъ 150 цѣлковыхъ*).

Исправникъ. Брать-то бы еще, братецъ, пока незачто: ничего еще не сдѣлали.

Бурмистръ. Да это не то, что за дѣло какоенибудь, а такъ только изъ уваженія моего къ вамъ... приношу и земно о томъ только кланяюсь, принять ихъ и не побрезговать.

Исправникъ. Для чего брезговать — не поганые... (*къ стряпчему*). Берите, получайте, сколько вамъ слѣдуетъ.

Стряпчій. (*продолжая писать*). Не знаю-съ я, сколько мнѣ по вашему слѣдуетъ.

Исправникъ. Какъ-же не знаете: всегда, кажется, съ вами по братски дѣлили пополамъ, вотъ и тутъ 75 руб. ровно—берите... (*поднимаетъ стряпчему деньги; тотъ проворно и молча суетъ ихъ въ жилеточный карманъ и снова продолжаетъ писать*).

Исправникъ. Человѣчикъ ужь — нечего сказать!... *(обращаясь къ бурмистру съ ласковостью)*. Да что баринъ-то въ самомъ дѣлѣ боленъ, али такъ?

Бурмистръ. Очень нездоровы! Горячка, сказываютъ... какъ тогда встревожилсь... слегли... все хуже и хуже... не знаемъ и живъ останется ли, — подлець и разбойникъ, что надѣлалъ... *(увидя входящаго сотскаго съ палкою въ рукахъ и бляхою на груди)*.

Бурмистръ. Что тѣ надо? дуракъ! лѣзетъ.

Сотскій. Народъ тамotka согналъ.

Исправникъ. *(стряпчему)*. Давайте спрашивать пока: что-жь намъ его дожидаться-то.

Стряпчій. Спрашивайте.

Бурмистръ. Со старухи Матрены, можетъ, ваше благородіе, изволите начать.

Исправникъ. Да, хоть съ Матрены.

Бурмистръ. *(сотскому)*. Давай сюда Матрену. *(сотскій уходитъ)*.

Бурмистръ. А насчетъ болтовни, ваше высокоблагородіе, вы и опасаться не извольте. Сами можете увидеть: у меня не то, что старшимъ всѣмъ на ротъ замки повѣшены, а какія малыя ребята были, такъ я и тѣхъ всѣхъ велѣлъ верстъ за тридцать отседова увезти, чтобы лишняго не наболтали.

ЯВЛЕНІЕ II.

Матрена, робко входя а за ней и Сотскій.

Бурмистръ. Подходи тутъ ближе!... что рыло-то ужь больно въ землю уткнула... *(Матрена подходитъ)*.

Исправникъ. Какъ тебя зовутъ?

Матрена *(то глядя на потолокъ то себѣ на ноги)*. Ну, батюшко... Господи.

Исправникъ *(повторяя)*. Какъ тебя зовутъ?

Бурмистръ. Матреной, ваше высокородіе, вѣрно такъ съ, — извольте писать.

Исправникъ. Да точно ли?

Бурмистръ. Точно такъ — помилуйте, станемъ ли обманывать; для чего это. *(Стряпчий пишетъ)*.

Исправникъ. Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

Матрена *(дрожа вслѣзъ тѣломъ)*. Ну, батюшко... сударики мои.

Бурмистръ. Да старый песь, сказывай... что и того неговоришь.

Матрена *(со страхомъ взглядывая на него)*. Я, батюшко, что!... помилуйте.

Бурмистръ. Стара, ваше благородіе, извольте писать. Живетъ только старая кочерга, а что очень стара; на седьмой десятокъ поди, идетъ... *(стряпчий пишетъ)*.

Исправникъ. Какой ты вѣры и бываешь ли на исповѣди и у Святаго причастія?

Матрена *(продолжая дрожать)*. Ну, батюшко, вѣстимо что...

Исправникъ. Что же такое вѣстимо?

Матрена. Вѣстимо, батюшко.

Бурмистръ. Бываетъ, ваше благородіе, извольте писать: и въ великій постъ и въ Усиенки чай исполняетъ это... давно ужъ тоже, поди, къ савану себя готовитъ.

Исправникъ. *(почесывая въ голову)*. Какимъ это образомъ, бабушка, у тебя зять младенца-то убилъ?

МАТРЕНА (*еще больше задрожавъ*). Я, батюшко, что!...
Господи!

БУРМИСТРЪ. Ея не было, ваше благородіе, совершенно такъ, что не было... Сказывай, что ли, дьяволъ эдакой, что тебя не было тамъ.

МАТРЕНА. Не было, господинъ бурмистръ, не было.

СТРЯПЧІЙ (*пишетъ*). Не было, такъ не было.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тъ же и Чиповникъ особыхъ порученій, — молодой человекъ съ выдавшеюся впередъ челюстью, въ франтоватомъ вицмундиръ, съ длинными красивыми ногтями и вообще, какъ видно, господинъ изъ честолюбивыхъ, но не изъ умныхъ.

Ч И Н О В Н И К Ъ (*сотскому*). Тамъ я мужика привелъ!... задержать его, чтобъ ни съ кѣмъ тутъ не столкнулся... (*подходитъ съ важностію къ столу*).

И С П Р А В Н И К Ъ. (*съ нѣкоторымъ подобострастіемъ*). Мы ужъ, извините, начали безъ васъ.

Ч И Н О В Н И К Ъ. И что же?

С Т Р Я П Ч І Й (*молча пододвигая къ нему бумагу*). Показаніе вотъ съ!

Ч И Н О В Н И К Ъ (*пробъжавъ бумагу*). Гмъ! Ничего незнайка, по обыкновенію. Ну, ты у меня, старая, будешь знать.

МАТРЕНА. Батюшко, Господи!... виновата... (*кланяется ему въ ноги*.)

Ч И Н О В Н И К Ъ (*толкая ее ногой*). Прочь! еще тутъ съ

ней прокляжаться: вытащите ее и позовите сюда жену убійцы. (Съ важностію садится на предсѣдательское мѣсто).

Бурмистръ (сотскому). Волови ее, паря, и позови сюда поскорѣй Лизавету. (Сотскій уводитъ Матрону).

Чиновникъ (взмахнувъ глазами на бурмистра). Ты что тутъ за распорядитель и зачѣмъ здѣсь въ слѣдственной камерѣ?

Бурмистръ (струся). Такъ какъ, значить, ваше высокородіе, народъ тоже, теперича, привелъ сюда.

Чиновникъ. Это дѣло земской полиціи, а не твое... (сильно вскрикивая) пошелъ вонъ!

(Бурмистръ мновенно скрывается; на встрѣчу ему сотскій вводитъ Лизавету).

Чиновникъ. Что ты ее ведешь такимъ образомъ? Оставь ее!

Сотскій. Никакъ на ногахъ-то, ваше высокородіе, не стоитъ: все, вонъ, и на помостѣ-то тутъ валялась.

Чиновникъ (строю официальнымъ тономъ). Ты ли жена Ананья Яковлева?

Лизавета. Я... грѣшница... грѣшница... (склоняетъ голову).

Чиновникъ (еще строже). Съ кѣмъ ты прижила незаконнаго ребенка?

Лизавета (съ тоской разрывая рубашку). Нѣту его батюшка, моего красавчика, нѣту! Убили, отняли его у меня!... (склоняетъ еще больше голову, и, вырываясь изъ рукъ сотскаго, падаетъ).

Чиновникъ. Держи ее, дура лей!

Сотскій (*поднимая ее*). Что все падаешь? Постой хоть немного передъ начальствомъ-то!

Чиновникъ. Притворщица какая,—а?

Исправникъ. Какое ужъ тутъ притворщица... человекъ совсѣмъ, какъ видно, ошеломленный.

Сотскій. Въ тѣ поры, ваше благородіе, какъ младенца-то убили, какъ ухватила его: руки окоченѣли... я прибѣжалъ и едва, почестъ, выцарапалъ его у ней, а теперь только то и вопить, что грѣшница да грѣшница... Въ разсудкѣ что ли маненько тронулась?

Чиновникъ. Я приведу ее въ разсудокъ. Она у меня сейчасъ опомнится. Я не изъ чувствительныхъ и все знаю, какъ дѣло шло и происходило, сколько тутъ ни замазывали. Не пускать ее и посадить вотъ тутъ на кресло и позвать этого мужика изъ сѣней... Я ей вотру въ рожу краску, коли она совсѣмъ ее потеряла.

Сотскій (*отводя въ сторону Лизавету и заглядывая въ дверь*). Кляните ребята, Никона. (*Сажаетъ Лизавету на кресло*). Ну, садись вотъ тутъ... не хочешь ли водички испить?

(*Лизавета бессмысленно на него взглядываетъ и начинаетъ опять всхлипывать*).

Сотскій. Ну-ну, не стану: нишкни только!

Чиновникъ (*со злобою глядя на нихъ*). Ахъ, вы шельма-народъ! я всѣхъ васъ переберу и земскую полицію тутъ же вмѣстѣ... только пакости и мерзости заведены по всему уѣзду: убійство сдѣлали да и убійцу убрали, чтобы совсѣмъ концы спрятать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ же и Никонъ.

Никонъ (*показываясь въ дверяхъ и обращаясь къ мужикамъ*). О черти-дьяволы право! Я завсегда могу быть передъ господами чиновниками, — что вы? (*въ это время показывается Золотиловъ. Никонъ вытягивается*).

Золотиловъ. Позвольте, господа, мнѣ побесѣдовать тутъ. Я, какъ мѣстный предводитель, имѣю, кажется, на это нѣкоторое право.

Чиновникъ. Сдѣлайте одолженіе... (*къ Никону*). Поди сюда... (*Тотъ подходитъ неровными шагами*). Говори, что ты мнѣ давеча рассказывалъ.

Никонъ. Говорить надо то, ваше высокородіе, по божески, значить: съ Анашкой мы, теперича, ѣхали... мало развѣ у насъ пановшины-то съ нимъ было. Пьяный человекъ, извѣстно, ваше благородіе, волобродить.

Исправникъ (*покачавъ головой*). Самъ-то бы лучше зѣнки-то хорошенько продралъ; а то, ишь, рожа-то у канальи: чертей въ лѣсу пугать.

Никонъ. Это вѣрно такъ, ваше высокородіе, потому самому, что я человекъ порченный: первый, можетъ, мастеръ въ амперіи былъ, а чтобы, теперича, хозяина уважать... никогда того не могли: цыцы! стой! Слушай, значить, онъ моей команды... такъ вѣдь тоже, выше высокородіе, горько и обидно стало то: «на-ста, говорить, тысячу цѣлковыхъ и отшутить ему эту шутку...» человекъ, значить, и погибать чрезъ то долженъ, — помиловать!

Чиновникъ. Имѣлъ ли господинъ вашъ связь съ женой Ананья?

Никонъ. Было, ваше высокородіе, совершенно такъ, что происходило это: баринъ у насъ, помилуйте, молодой, ловкій... А баба наша, что она и вся-то, значить—тфу! того же куричьяго званія; взялъ ее сейчасъ теперь подъ паротки, вся ея и сила въ томъ... баринъ мнѣ, теперича, приказываетъ: «Нивашка, говорятъ, на какую ты мнѣ, братецъ, бабу поукажешь...» «Помилуйте, говорю, сударь, на какую только мановеніемъ руки нашей сдѣлаемъ, та и будетъ наша...» вѣрно такъ!

Чиновникъ (*перебивая его*). Дѣйствительно ли эта женщина имѣла незаконнаго ребенка?

Никонъ. Прягульной, ваше высокородіе, мальчикъ былъ: не сказываютъ только потому самому, что народъ эхидный... Мы-ста, да мы-ста; а что вы-ста? мы сами тоже съ усами... У меня, ваше высокородіе, своя дочка есть... «какъ, говорю, бестія, ты можешь?... цыць, стой на своемъ мѣстѣ...» потому самому, ваше высокородіе, что я корень такой знаю... какъ сейчасъ, теиерь, обвелъ кругомъ человекъ, такъ и не видать его... хошь восемь тысячъ цѣлковыхъ онъ бери тутъ, не видать его.

Исправникъ (*махнулъ рукою*). Чортъ знаетъ, что такое городить.

Чиновникъ (*стряпчему*). Запишите его показаніе... (*тогда только взглядываетъ на него*).

Золотиковъ. Я полагаю, господа, что нельзя этого записывать, потому что онъ мертвецки пьянъ, на ногахъ не стоитъ.

Никонъ (*присаясь*). Никакъ нѣтъ-съ, помп-

луйте! Я только то, что человекъ, значитъ, нездоровый: московской части, теперь, третьяго квартала, въ больницѣ тоже семь мѣсяцевъ лежалъ, а тамъ, какъ сейчасъ привели нашего брата, сейчасъ его въ воду, въ кипятокъ самый, сажаютъ, за неволю, батюшка, Сергѣй Васильичъ, у кажиннаго человека разслабятъ всякіе суставы въ немъ какіе есть.

Чиновникъ. Молчи! Это наконецъ не служба, а каторга становится.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Давыдъ Ивановъ.

Давыдъ Ивановъ. Ананья, ваше благородіе, я поймалъ и привелъ. *(Чиновникъ встряхиваетъ головой)*.

Исправникъ *(съ удовольствіемъ)*. Ну, вотъ, слава Богу.

Сотскій *(крестясь)*. Слава тѣ Господи!

Золотиловъ *(Давыду Иванову съ неудовольствіемъ)*.

Гдѣ жь ты поймалъ его?

Давыдъ Ивановъ. Я, батюшко, Сергѣй Васильичъ, виноватъ тоже значитъ: на своей полоскѣ боронилъ, глядь онъ и выходитъ изъ-подъ Утробина, изъ лѣсу. «Давыдъ Ивановъ, говоритъ, начальство меня ищетъ?» «Ищутъ, говорю, братъ.» «Веди, говоритъ, меня къ нимъ, хочешь связаннаго, а хочешь такъ...» «Что, я говорю, мнѣ ты связывать.»

Чиновникъ. Кто жь ему тутъ пристанодержательствовалъ?

Давыдъ Ивановъ. <http://rcin.org.pl>, ваше благо-

родіе, тоже разговору не было. Я тоже-тѣа все поодаль отъ него шелъ... опасно было: человекъ въ эдакой отчаянности, пожалуй, что и сдѣлаетъ надъ тобой.

Чиновникъ (*сотскому*). Поди, введи его сюда!

Сотскій. Какъ ее-то, ваше благородіе, прикинуть тутъ. Все вонъ понавливается: попридержи-вешь ее маненько.

Чиновникъ (*вскрикивая*). А хоть бы она съвозъ землю провалилась, дуракъ эдакой.

Исправникъ (*вставая*). Бурмистръ его можетъ привести. (*Подходя къ дверямъ*). Скажите Калистрату, чтобъ ввелъ сюда Ананья.

Чиновникъ. Съ кандалами на рукахъ и на ногахъ.

Исправникъ (*повторяя*). Скованымъ.

Голосъ за стѣной. Слушаемъ, ваше благородіе.

Чиновникъ (*стряпчему*). Что же вы?

Стряпчій. Пишу-сь, только какъ вѣдь тутъ, — я не знаю...

Золотилловъ (*вставая на ноги*). Я опять вамъ повторяю, господа, что нельзя этого писать. Въ противномъ случаѣ я войду съ отдѣльнымъ мнѣніемъ.

Чиновникъ. Я въ вашемъ мнѣніи совершенно не нуждаюсь.

Золотилловъ. А я васъ буду просить нуждаться въ немъ. Еслибы дѣло шло о какой-нибудь пропавшей лошади или коровѣ, вы бы могли быть свободны въ вашихъ дѣйствіяхъ — законныхъ и незаконныхъ; но когда оно касается дворянства, которому я имѣю честь служить, я всегда тутъ буду имѣть

свой голосъ. Г. исправникъ, вы тоже избраны нами, а потому не угодно ли вамъ сказать ваше мнѣніе.

Исправникъ (*струся.*) Пьяныхъ, конечно что-съ, не велѣно спрашивать.

Золотилловъ. Но кромѣ этого, господа, поймите вы: главное то, что вы тутъ пьяницу мужика ставите на одну доску съ дворяниномъ, который, смѣю васъ завѣрить, ничемъ не запятналъ себя въ уѣздѣ...

Чиновникъ (*перебивая его.*) Я служу правительству, а не дворянству, и во всякомъ случаѣ прошу васъ прекратить нашъ споръ, потому что убійца приведенъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Показывается Ананій Яковлевъ, съ кандалами на рукахъ и на ногахъ. Выраженіе лица его истощенное и совершенно страдальческое. Въ дверяхъ набивается толпа мужиковъ и бабъ.

Одна изъ бабъ. Какой, мать, худой да ненарядный сталъ.

Мужикъ. Самъ пришелъ—ну-ко?

Ананій Яковлевъ прямо подходитъ къ столу. Бурмистръ становится поодаль.

Чиновникъ (*оглядывая Ананья.*) Молодецъ славный! хоть тысячу плетей, такъ вынесетъ. (*Исправнику.*) Опросите его заголовокъ!

Исправникъ. Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

Ананій Яковлевъ. Тридцать бы словно шесть минуло.

(Лизавета, услышавъ голосъ мужа, начинаетъ всхлипывать. Ананій Яковлевъ вздрагиваетъ).

Сотскій *(унимая ее)*. Ну, полно, полно.

Исправникъ *(Ананію Яковлеву)*. Какой ты въры и бываешь ли на исповѣди и у Святаго причастіа?

Ананій Яковлевъ. Въры церковной, и ко Святымъ Тайнамъ ходилъ тоже въ Питеръ кажинный годъ.

(Лизавета еще сильнѣе начинаетъ рыдать и вытягивается вслѣмъ тѣломъ).

Сотскій *(Лизаветѣ)*. Перестань,—право нишкни; а то хуже-тко накажутъ

Ананій Яковлевъ *(блѣднѣя и нетвердымъ голосомъ)*. Прикажите, ваше высочородіе, ее, несчастную, отсюда вывести: и мнѣ-то ужъ тоже очень переносно.

Чиновникъ *(злбно смотря на него)*, Нѣтъ-съ, я этого не сдѣлаю; а нарочно буду ее держать, чтобы ты совѣсть почувствовалъ и говорилъ правду.

(Ананій Яковлевъ потупляетъ только голову).

Чиновникъ. Гдѣ жъ ты все это время пробывалъ?

Ананій Яковлевъ. Въ лѣсу на пустошахъ жилъ.

Чиновникъ *(значительно)*. Я думаю. Кто жъ тебѣ туда нищу доставлялъ?

Ананій Яковлевъ. Какая ужъ пища,—кто ее доставить? Въ первый-то день, только какъ ужъ очень въ горлѣ пересохнетъ, такъ водицы изопьешь; а тутъ опосля тоже... все еще видно плоть-то чело-

вѣческая немощна... осилить всякаго... не вытерпѣлъ тоже... и на дорогу вышелъ: женщина тутъ на задѣлье ѣхала, такъ у ней коровой хлѣба купилъ, только тѣмъ и питался.

Чиновникъ. Зачѣмъ же сдался? жилъ бы тамъ въ пустынь, питался акридами.

Ананій Яковлевъ. Не жизни, сударь, я тамотка искать ходилъ, а смерти чайлъ—не растерзаютъ ли, по крайности, думалъ, хотя звѣри лѣсные... отъ суда человѣческаго можно убѣжать и спрятаться, а отъ Божьяго некуда!

Чиновникъ. Гмъ! Философъ какой! А давно ли и съ кѣмъ именно жена твоя имѣла связь?

(Ананій Яковлевъ молчитъ).

Чиновникъ. Можетъ быть, съ бариномъ?

Ананій Яковлевъ *(краснѣя и потупляя глаза).*

Ничего я того, судырь, не знаю... и, кажись, это и къ дѣлу вовсе не касающееся.

Чиновникъ. А, не касающееся! Вслѣдствіе чего же ты убилъ младенца.

Ананій Яковлевъ *(еще ниже потупляя юлову).*

Убилъ... это дѣло въ азартъ было.

Чиновникъ. А отъ чего же самый азартъ этомъ произошелъ?

Ананій Яковлевъ *(тяжело вздыхая).* Отъ того, что я съ малолѣтства, видно, окаяннымъ человѣкомъ на свѣтъ былъ: на всякую малость гнѣвъ свой срывалъ, да не сдерживалъ себя; все это теперь чувствуешь и понимаешь, какъ адъ-то крошечный разверзся передъ тобою со всѣхъ сторонъ.

Чиновникъ. Объ адѣ помышляешь, а самъ

лжешь. Взгляни-ка на образъ и повтори, что ты сказалъ. (*Ананій Яковлевъ потупляетъ глаза*).

Чиновникъ. Ну, гляди же! Ахъ ты шельма, мерзавецъ! Ни Бога, ни совѣсти!... (*къ Никону*). Поди! уличай его!

Никонъ. Что мнѣ, ваше благородіе, уличать его?... Нечего! Не очень они насъ, стариковъ, слушаютъ... ты его наставляешь на хорошее: «дѣлай-моль, паря, такъ и такъ...» такъ онъ тебя только облаетъ... Я самъ, ваше благородіе, питерець коренной: не супротивъ ихъ, можетъ, человѣкъ былъ; мнѣ тоже горько переносить отъ нихъ это,—помилуйте! (*плачетъ*).

Чиновникъ. Ты говорилъ, что жена его была въ связи съ бариномъ?

Никонъ. Али нѣту? Она сама, ваше благородіе, тутъ сидитъ... Что не говоришь?... Сказывай, чертовка!... Намъ васъ тоже прикрывать не изъ чего!.. Немного, ваше благородіе, отъ нихъ вина-то видѣли... свое пьемъ,—вѣрно такъ! Вонъ онъ изъ Питера пришелъ... полштофчикомъ повлонился, да и шабашъ на томъ.

(*Лизавета снова начинаетъ рыдать. Сотскій закрываетъ ей ротъ*).

Чиновникъ. О, чортъ, кричитъ тутъ! Выведите ее.

Сотскій (*уводя Лизавету*). Пойдемъ; экая какая ты!...

(*Ананій Яковлевъ смотритъ съ чувствомъ въ слѣдъ за женою*).

Чиновникъ (*указывая Ананію Яковлеву на Никона*). Что жь? возражай ему!

Ананій Яковлевъ. Нечего мнѣ, судырь, возражать, пускай болтаетъ, что хочетъ; а я только то

и знаю, что мой грѣхъ до меня, видно, пришелъ, и никто тому не причиненъ.

Золотиковъ. Эги слова твоего, господа, не угодно ли вамъ записать?

Чинovníкъ. Нѣтъ, не угодно, потому что я знаю другихъ сообщниковъ (*показывая на бурмистра*). Вонъ одинъ тутъ на лицо! (*Колотя по столу*.) Ты у меня, рожа твоя подлая, сегодня послѣдній день не въ кандалахъ, и одио твое спасенье, если ты станешь говорить правду.

Бурмистръ (*блѣднѣя*). Мнѣ, ваше благородіе, лгать тоже тутъ не дѣлаче, — дѣло мое стороннее!... Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами доложить, что я ни прошто, почестъ, тутъ совершенно неизвѣстенъ.

Чинovníкъ (*вставая и подходя къ нему*). А! ты неизвѣстенъ, неизвѣстенъ!

Бурмистръ (*пятясь*). Совершенно такъ, ваше благородіе.

Чинovníкъ. Неизвѣстенъ, борода твоя скверная!! (*Хватая его за бороду и таская*). Неизвѣстенъ, какъ приходилъ къ нему съ народомъ и уводилъ отъ него насильно жену!...

Бурмистръ (*вставая на колѣни*). Въ томъ точно что, ваше благородіе, виноваты, значить... мы люди подчиненные, сами изволите знать, что прикажутъ намъ, то мы и дѣлаемъ.

Чинovníкъ. Значить, ты приходилъ къ нему?

Бурмистръ. Помилуйте, ваше благородіе, господинъ теперь приказываетъ, чтобъ онъ бабу не забивалъ, а онъ промежь тѣмъ бьетъ и тиранитъ ее...

долженъ же я, по своей должности проклятой бур-
мистерской, былъ остановить его.

Золотиловъ похизываетъ Бурмистру кулакъ.

Ч и н о в н и к ъ (*обращаясь къ Ананію*). Какъ же ты говоришь, что никто въ твоёмъ дѣлѣ не 'причиненъ?

А н а н і й Я к о в л е в ъ (*съ презрѣньемъ взглядывая на Бурмистра*). Коли говорить на себя, пускай по его будетъ... а я ничего того не помню и не знаю.

Ч и н о в н и к ъ (*пожимая плечами*). О-то дуракъ, ду-
ракъ!

Б у р м и с т р ъ (*вс тавая*). Ваше благородіе, теперь бить да наказывать ни за што изволите... за не-
волю наболтаешь, чего никогда отродясь и не бы-
вало...

Ч и н о в н и к ъ (*повертываясь къ нему*). Опять уже не бывало—а?... Сотскаго сюда, коли такъ... давайте мнѣ сотскихъ сюда...

Сотскій является.

Ч и н о в н и к ъ (*показывая на Бурмистра*). Заковать его сейчасъ въ вандалы и въ холодную избу по-
садить.

С о т с к і й. Нарукавниковъ-то другихъ, ваше благородіе, нѣту.

Ч и н о в н и к ъ (*колотя его*). Ты у меня, бестія, гдѣ хочешь возьми да закуй его.

С о т с к і й (*струся*). Пойдемте-съ.

Б у р м и с т р ъ. Хоша на огнѣ, ваше благородіе, палить приважите,—я ни въ чемъ тутъ невиноватъ.

Ч и н о в н и к ъ (*ударяя себя въ грудь*). Иди, говорятъ тебѣ, покуда я не убилъ тебя на мѣстѣ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Чиновникъ (*нѣкоторое время ходитъ по комнатѣ въ сильномъ азартѣ, а потомъ обращается къ Ананью*). А ты — дуракъ, совершенный дуракъ! Пойми ты, рожа твоя глупая, что когда ты докажешь, что у жены твоей былъ незаконный ребенокъ, ты наказанье себѣ облегчишь: вмѣсто того, чтобъ тебя, каналью, отдать подъ вѣхъ, сошлютъ, можетъ быть, только на покаяніе.

Ананій Яковлевъ. Все это, судырь, я самъ оченно знаю, но и себя тоже чувствуешь: ежели паче чаянія, что и сдѣлали они супротивъ меня, не мнѣ ихъ судьей и докащикомъ быть: мой грѣхъ больше всѣхъ ихнихъ, и наказанье себѣ облегчить нисколько того не желаю; помоги только Богъ съ терпѣньемъ перенести, а что хоша бы муки смертныя принять готовъ, авось хоша за то мало мальски! будетъ прощенье моему великому прегрѣшенью.

Чиновникъ. Нѣтъ, ты не Богу, а тому же дьяволу хочешь служить, потому что подкупленъ.

Ананій Яковлевъ (*горько улыбаясь*). Не для чего мнѣ, судырь, теиерь ни на какой подкупъ идти: я вотъ свои, кровнымъ трудомъ нажитые, 500 цѣлковыхъ имѣю и тѣ представляю... (*Вынимая и кладя деньги на столъ*).

Такъ какъ теиерь тоже, можетъ, доступу ко мнѣ не будетъ, такъ я желаю, чтобы священникъ нашъ ихъ принялъ. Дѣло мое они знаютъ и какъ имъ угодно: младенца ли на нихъ поминать, въ церковь ли примутъ, али сродственникамъ — семейству

моему — рздадутъ, ихняя воля; а миѣ они не для чево.

Чиновникъ. Какой благочестивый. Ахъ, вы окаянный народецъ! человекъ убилъ да свѣчку потолще поставилъ, и думаетъ, что Богъ проститъ ему. Нѣтъ, онъ лучше бы помиловалъ тебя, кабы ты говорилъ правду.

Золотилловъ. Какую еще правду ему говорить? Вы бьете и сажаете въ кандалы людей, заставляя ихъ пристрастныя показанья дѣлать, общаете преступнику облегчить наказанье съ тѣмъ только, чтобъ онъ оговаривалъ... (*Обращаясь къ стряпчему и исправнику*). Не угодно ли, господа, обо всемъ этомъ составить особое постановленіе?

Чиновникъ (*вставая и беря фуражку*). Сколько вамъ угодно, я ничего не боюсь и сейчасъ ѣду къ губернатору, потому что тутъ всѣ въ стачкѣ: и мужики, и чиновники. Пускай пришлютъ, кого хотять... (*уходитъ*).

Исправникъ. Вотъ дуракъ-то! наболтаетъ онъ тутъ: пропадешь ни за грошъ.

Золотилловъ. Никогда этого быть не можетъ. Я самъ поѣду къ губернатору и объяснюсь... Нельзя же какому нибудь мальчишкѣ молокососу выдавать дворянина съ руками и ногами.

Исправникъ. Извѣстно что-съ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ же и Сотскій.

Сотскій. Господишъ чиновникъ, ваше благородіе, Ананья приказалъ безпремѣнно, чтобъ сейчасъ въ острогъ подъ карауломъ справить.

(Всѣ потупляются. Ананій Яковлевъ слегка блѣднѣетъ. Между тѣмъ въ комнату набираются мужики и бабы, и между ними Матрена вводитъ подъ руку Лизавету).

Исправникъ. А бурмистра что же? тоже?

Сотскій. Бурмистра, ваше благородіе, они простили-съ... Разъ пятнадцать, пожалуй, имъ въ ноги поклонился: «коли, говоритъ, начальство теперь станеть меня спрашивать, я все доложу».

Исправникъ. Гмъ! собирайте, значить, подводу. *(Ананью).* Отправляйся, братецъ, дѣлать нечего.

Ананій Яковлевъ. Позвольте, ваше благородіе, поклониться народу.

Исправникъ. Сдѣлай милость.

Ананій Яковлевъ *(кланяется)*. Простите меня, христіане православные!... *(Начинаетъ со всѣми цѣловаться и съ первымъ бурмистромъ, а потомъ и съ прочими мужиками).*

Давыдъ Ивановъ. Прощай, Ананій Яковличъ... виноватъ, братъ, что привелъ тя... самъ просился.

Никонъ *(обливаясь слезами)*. Всѣ тамъ, Анаша, будемъ, всѣ—до единова...

(Ананій подходитъ къ матери и женѣ. Та бросается ему сначала на руки. Онъ цѣлуетъ ее въ голову. Она упадаетъ и обнимаетъ

А н а н і й Я к о в л е в ъ. Отнимите ее маненько...
(потомъ прощаясь съ Матреной). Прощайте-съ... благосло-
вите, коли не очень гнѣваетесь. (Матрена его креститъ.
Онъ снова обращается къ народу). Еще разъ земно кланя-
юсь: не помяните мени окаяннаго лихомъ и помоли-
тесь о моей душѣ грѣшной! (Уходитъ).

Всѣ его провожаютъ; Матрена съ другими бабами начинаютъ
выть: «уѣзжаетъ нашъ батюшка, отходить наше крас-
ное солнышко».

(Занавѣсъ падаетъ).

САМОУБРАВЦЫ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Князь Платонъ Илларионовичъ Имшинъ. Генераль-аншефъ, плохо говоритъ и понимаетъ по-французски, больше читаль священное писаніе.
- Княгиня Настасья Петровна Имшина, жена его, молодая и очень красивая женщина, но безъ всякаго образованія.
- Князь Сергѣй Илларионовичъ Имшинъ, совѣтникъ посольства; самъ съ собою постоянно думаетъ по французски, и только въ разговорѣ съ русскими переводитъ мысли свои на русскій языкъ.
- Княжна Наталья Илларионовна Имшина, въ молодости была фрейлиной, а теперь старая провинціальная барышня: бѣлится, румянится, пудрится и сильно душиется.
- Петръ Григорьевичъ Дѣвочкинъ, отецъ княгини Настасьи Петровны, отставной портупей-прапорщикъ; фигурой похожъ на Суворова, безпрестанно пѣтушится; цѣлый день пьянъ; куритъ изъ коротенькой трубочки корешки; человѣкъ, про котораго можно сказать: «чортъ его знаетъ, что такое?»
- Губернаторъ, высокій, худощавый и задумчивый мужчина съ длиннымъ носомъ.
- Рыновъ, молодой Гатчинскій офицеръ.
- Капитанъ-исправникъ, краснорожій, въ отставномъ военномъ мундирѣ.

Подъячій, какъ и слѣдуетъ быть подъячему.

Управитель князя Платона Илларионовича, ходитъ въ нѣмецкомъ камзолѣ, кафтанѣ, треугольной шляпѣ, видомъ похожъ на нѣмецкаго пастора.

Шутъ Кадушкинъ, до неистовства не любитъ когда *теленкомъ* называютъ.

Дворецкій.

Ульяша, горничная.

Карлица, какой и слѣдуетъ быть карлицѣ.

Митричъ, старый садовникъ; человекъ умный, но хвастунъ и лгунъ, очень любитъ болтать.

Фильна, молодой садовникъ, малый работающій, притворяется только, что думаетъ, а совершенно не можетъ этого.

Сарапна—горбатый, кривобокій и очень злой.

Буфетчикъ, офиціантъ и охотники.

Дѣйствіе происходитъ въ помѣсть князя Платона Илларионовича Имшина въ 1797 году.

ДѢЙСТВІЕ I.

Въ огромномъ, каменномъ домѣ князя Платона Илларионовича боскетная, съ зеркалами, вдѣланными въ стѣны и задрапированными съ краевъ нарисованною зеленью; мебель тяжелая изъ краснаго дерева и обитая яркимъ желтымъ штофомъ. На одной сторонѣ сцены огромный каминъ съ стоящими на немъ затѣйливыми часами; на другой сторонѣ горка съ фарфоровыми куклами и статуэтками. На потолкѣ виситъ хрустальная люстра, тоже съ зеленью изъ крашеной жести. На задней стѣнѣ два портрета: императора Павла и Вольтера; на двухъ другихъ стѣнахъ развѣшаны картины эротическаго содержанія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Платонъ Илларионовичъ въ дорожномъ мундирѣ, но съ полнымъ комплектомъ крестовъ, звѣздъ и лентъ, въ лосинахъ и ботфортахъ, въ парикъ съ косою въ кошелькѣ, сидитъ въ креслахъ. — Княгиня Настасья Петровна въ прическѣ «узелъ Аполлоновъ», въ узенькомъ и съ буфами на рукавахъ платьѣ, сидитъ въ другихъ креслахъ рядомъ съ мужемъ. Нѣсколько поодаль помп-

щается князь Сергѣй Илларионовичъ, въ щеголеватомъ нѣмецкомъ кафтанѣ и камзолѣ, съ косою, увитою лентою, въ сапогахъ сверхъ брюкъ. Самъ онъ въ манерахъ изященъ и мягокъ. Шутъ Кадушкинъ, одѣтый совершеннымъ маркизомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, стоитъ въ строго-официальной позѣ у дверей.

Князь Платонъ (обращаясь съ нѣжностью къ женѣ и кладя ей руку на плечо). Ну, прощай, моя птичка, не скучай да и не веселись очень; а главное молись Богу и будь здорова!

Князь Сергѣй. Это, я полагаю, внѣ душевной власти Настасьи Петровны: скучать она непременно будетъ.

Князь Платонъ. Что было тутъ дѣлать!... Я не былъ искателемъ счастья при новомъ дворѣ, хотѣлъ вотъ ей одной... (показываетъ на жену) посвятить всю жизнь мою; но государю самому угодно было избрать меня на столь важный постъ. Кто смѣлъ бы не повиноваться волѣ его!... брать же ее съ собой, когда она только еще недѣлю встала съ постели...

Княгиня. Я теперь никакъ не могу ѣхать, совершенно еще слаба.

Князь Сергѣй. О, да! тѣмъ болѣе, что и надобности такой неотклонимой нѣтъ.

Князь Платонъ (вздохнувъ и съ удареніемъ). Надобность есть-съ! Если бы кто побывалъ у меня на душѣ и посмотрѣлъ, какая печаль тамъ вѣдряется отъ разлуки съ ней, такъ не сказалъ бы надобности нѣтъ.

Кадушкинъ. Я тепель, васе сіясество, на

войну поѣду, сабью возьму, сьязаться буду, вотосто-сь!

Князь Платонъ. Непремѣнно, ты первый храбрець у меня будешь!

Кадушкинъ. Я піѣду съ войны, князю Сейгѣю гоеву сьюбью.

Князь Сергѣй. Мнѣ!... За что!

Кадушкинъ. А помнись ли, ономнись!... *(обращаясь къ князю Платону)*. Я, васе сіясество, пьсей въ нему съ пьзникомъ поздыавить, а онъ на-га, собаками стай тьявить меня.

Князь Сергѣй. Но мнѣ сказали, что не ты, а теленокъ зашелъ ко мнѣ въ садъ, я и велѣлъ его травить собаками.

Кадушкинъ. Я те дамъ, теенокъ, чойтъ, дьявой, пьиво! *(поднимаетъ на князя Сергѣя кулакъ)*.

Князь Платонъ. Ну, нишкни, Кадушка! *(обращаясь къ женѣ)*. Я на время моего отсутствія просилъ брата погостить у тебя, во-первыхъ, для развлеченія твоего, а во-вторыхъ, и по хозяйству, ибо моя Настасья Петровна хозяйшка никуда негодная.

Княгиня *(нѣсколько обиженнымъ тономъ)*. Я никогда себя особенно хорошей хозяйкой и не считала.

Князь Платонъ *(Кадушкину)*. Поди, вели подавать лошадей и самъ одѣвайся! *(шутъ уходитъ)*.

Князь Платонъ *(женѣ)*. Ну, я желаю сказать нѣсколько словъ съ братомъ наединѣ, а потомъ прощусь и съ тобой, можетъ быть, послѣднимъ поцѣлуемъ въ жизни.

Княгиня *(вставая)*. Почему же послѣднимъ?

Князь Платонъ. А потому, что на войнѣ,

говорять, прежде всѣхъ чиновъ и крестовъ надобно чаать смерти! *(Княгиня уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Такъ-то, братикъ, хоть мы съ тобой и различествуемъ во многомъ: и ужь старъ, а ты еще въ порѣ, я человекъ военный, служивый, ты свѣтскій, придворный; но все-таки полагаю, мы не по названью одному братья, по крайности въ моей душѣ, кромѣ пожеланія тебѣ всякаго добра, счастья и радостей, ничего другаго не было.

Князь Сергѣй. Точно также, братецъ, и я раздѣляю сіе чувство, съ присовокупленіемъ уваженія, которое всегда питаль къ вамъ.

Князь Платонъ. Богъ съ нимъ, съ уваженіемъ!... Любви твоей я паче всего желаль бы, и теперь хочу открыть тебѣ самые сокровенные мои помыслы. Господь Богъ, важется, всѣмъ меня благословилъ: богатствомъ, знатностью, чинами царскою милостью, а межъ тѣмъ душа моя болитъ.

Князь Сергѣй. Ничего такого, братецъ, я не вижу въ вашей жизни, что могло бы васъ огорчать.

Князь Платонъ. Огорчаетъ меня моя молодая жена... *(Князь Сергѣй взлядываетъ съ удивленіемъ на брата).*

Князь Платонъ *(продолжаетъ)*. Сколько я прельщенъ ея красотой и молодостью, сказать того не могу, но и опечаленъ тоже. Каждоминутно, не

успокоиваясь даже во снѣ, я ее ревную ко всему, ка-
жись, и къ каждому!

Князь Сергѣй (*потупляясь*). А къ этому вы
имѣете еще менѣ какихъ либо казій.

Князь Платонъ. Самъ не вѣдаю того... по-
смотри, однако, что выходитъ: изъ какой несладкой
жизни взялъ я ее—бѣдная дворяночка, отецъ иьяни-
ца, буянь!... Окружилъ я ее почестями, довольствомъ,
а между тѣмъ, все словно бы она печалится, о чемъ-
то груститъ; сидитъ по цѣлымъ часамъ, слова не
промолвить; оглянешь ее, встрепенется точно со сна.

Князь Сергѣй. Она, сколько мнѣ кажется,
отъ природы такого меланхолическаго характера...

Князь Платонъ. Нѣтъ. Въ дѣвушкахъ она
была рѣзвунья и шалуныя. Но какъ бы то ни было,
того ужъ не воротишь, по крайности, когда я около
нея, я зналъ, что она не измѣнитъ мнѣ, она тре-
пещетъ моею ревности, но теперь я увѣжаю!... по-
ложимъ, что опасность эта только во мнѣнїи моемъ
существуетъ, тѣмъ не менѣ она мучитъ меня, какъ
бы на самомъ дѣлѣ была... чѣмъ я предотвращу ее,
какія приму противъ нея мѣры?

Князь Сергѣй (*съ улыбкою*). Ceinture de vir-
ginité вы, можетъ быть, желали бы имѣть.

Князь Платонъ. Да я и тѣмъ не успокоился
бы!... Душа моя въ этомъ случаѣ ненасытима, я
хочу, чтобы она и мыслей своихъ никому другому
не отдавала!... средство теперь одно: останься ты
вмѣсто меня стражемъ, наблюдай за ней, и если въ
полусловахъ ея, въ минѣ, въ улыбкѣ замѣтишь что
либо подозрительное, сейчасъ же пиши мнѣ: я бро-
шу все и прискачу сюда.

Князь СЕРГѢЙ. Вы, братецъ, даете мнѣ порученіе... какъ это сказать порусски... *très embarrassant*. Есть восточная басня, что одинъ изъ персидскихъ шаховъ, когда имѣлъ гнѣвъ на кого либо изъ своихъ придворныхъ, онъ сейчасъ же заставлялъ его стеречь вѣрность одной изъ женъ своихъ, а потомъ всегда находилъ, что тотъ не усматривалъ, и онъ казнилъ его за то.

Князь Платонъ (*обезпокоеннымъ уже голосомъ*). И ты поэтому не надѣешься усмотрѣть?

Князь СЕРГѢЙ. *Au contraire*; я напередъ увѣренъ, что образъ поведенія Настасьи Петровны спасетъ меня отъ всякаго нареканія съ вашей стороны.

Князь Платонъ. Дай-ка Богъ твоими устами пить медъ, но впрочемъ, погоди, постой, открывать тебѣ, такъ ужь открывать все. Есть тутъ у меня черезъ рѣку сосѣдъ, молодой гатчинскій офицерикъ — Рыковъ, такъ себѣ, изъ худородныхъ... Только ты знаешь, какъ государь не любитъ, чтобы гатчинцы ѣздили въ отпускъ, а этотъ малый каждый годъ мѣсяца по два пребываетъ здѣсь, всячески втирается во мнѣ въ домъ, юлитъ передо мной, передъ прислугой даже...

Князь СЕРГѢЙ (*потупляясь и какъ бы скрывая свои мысли*). *Mais... je trouve cela fort naturel*, что молодой офицерикъ ищетъ чести быть принятымъ въ вашемъ домѣ.

Князь Платонъ. Положимъ такъ; но выслушай ты меня дальше: когда получено было мое назначеніе, но не рѣшено еще было, что внягиня останется здѣсь, онъ вдругъ является ко мнѣ и просится

въ адъютанты; брать мнѣ его никакой стати не было, но, чтобы повывѣдать его, говорю: «хорошо!» Малый нашъ раздвѣлъ какъ маковъ цвѣтъ; нотомъ, когда слухъ прошелъ, что я ѣду одинъ, онъ вдругъ пишетъ мнѣ письмо, благодаритъ, что я изъявилъ согласіе на принятіе его къ себѣ на службу, но что онъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, воспользо-ваться симъ не можетъ.

Князь Сергѣй. Все это... мнѣ трудно выражать мои мысли... есть одно... можетъ быть, обыкновенное столкновение вещей.

Князь Платонъ. Ты думаешь?

Князь Сергѣй. Совершенно увѣренъ въ томъ, а наконецъ, если это беспокоитъ васъ, я не буду здѣсь, въ ваше отсутствіе, принимать господина Рыкова.

Князь Платонъ *(почти съ плачемъ въ голосъ)*. Да, не принимай его. На пушечный выстрѣлъ, Бога ради, не пускай его сюда!

Князь Сергѣй. Не пущу, soyez tranquille!

Князь Платонъ. Спасибо!... *(цѣлуетъ его)*. Теперь ступай, позови сюда жену; я прощусь съ ней.

(Князь Сергѣй уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Князь Платонъ *(одинъ, складывая руки)*. Великій Боже, если въ предвѣчномъ рѣшеніи Твоемъ назначено мнѣ за грѣхи мои наказаніе на землѣ, то ниспошли мнѣ, какія только Твоей святой волѣ благоугодно будетъ, муки, но не измѣну жены моей!... молю о томъ не только за себя, колико за нее.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Платонъ и княгиня Настасья Петровна.

Князь Платонъ (*подходя къ женѣ и заключая ее въ свои объятія*). Прощай, моя милушка, лапушка, прелесть! покажи мнѣ твои глазки: есть ли въ нихъ печаль и горе о моемъ отъѣздѣ?

(*Княгиня потупляется*).

Князь Платонъ. Или, можетъ, они уже радуются и обращены въ сторону?

Княгиня (*еще болѣе потупляется*). Никуда они не обращены, и вы только этимъ меня обижаете.

Князь Платонъ. Ну, ну, не буду!... И на прощанье тебѣ скажу одно мое такое разсужденіе: тебѣ 25 лѣтъ, а мнѣ 65; живучи въ молодости моей, я тоже, какъ говорится, поджигалъ себя со всѣхъ концевъ, а по сему, много, много, проживу еще лѣтъ пять; не отравляй ты мнѣ сего времени и не губи ни себя, ни меня!... Я теперь именно, какъ въ священномъ писаніи сказано: что возлюбитъ человекъ жену свою какъ тѣло свое, такъ и я къ тебѣ прилѣпился; но если ты отворишься отъ меня, такъ и я поведу себя съ тобою, какъ бы съ собственнымъ тѣломъ своимъ: никого не боючись и никого не слушаюсь!

Княгиня. Ничего я этого не боюсь, потому что никогда ничего того не можетъ быть! Меня одно только теперь беспокоитъ, что князь Сергѣй будетъ жить у насъ.

Князь Платонъ. Но почему же тебя можетъ это беспокоить?

Княгиня. Онъ человекъ свѣтскій, жилъ всегда въ столицахъ; я женщина простая, онъ будетъ свучать со мной.

Князь Платонъ. Но онъ самъ, съ величайшей охотой и радостью, принялъ мое приглашеніе.

Княгиня (*отворачиваясь въ сторону и какъ бы нѣсколько про себя*). Тѣмъ хуже для меня!

Князь Платонъ. Чѣмъ же хуже для тебя?

Княгиня. А тѣмъ... Зачѣмъ вамъ нужно, чтобы онъ оставался здѣсь? Чтобы присматривать за мной?...

Князь Платонъ (*сконфузясь*). Не присматривать, а онъ похозяйничаетъ...

Княгиня. Что ему хозяйничать... у васъ очень вѣрный и усердный управитель... Вы вотъ ревнивы, а тутъ ^нне видите ничего.

Князь Платонъ. Что такое ревнивъ и что такое мнѣ видѣть?...

Княгиня (*торопливо и съ удареніемъ*). А то, что князь Сергѣй кидаетъ иногда на меня такіе взгляды, что мнѣ совѣстно дѣлается, а вы оставляете меня жить съ нимъ съ глазу на глазъ.

Князь Платонъ (*поблѣднѣвъ и сдерживаясь*). Какіе же взгляды?

Княгиня. Такіе взгляды, какіе я не желаю, чтобы ни одинъ посторонній мужчина на меня кидалъ.

Князь Платонъ (*притворно хохоча*). Ха, ха, ха! Сергѣй кидаетъ взгляды!... Ну, ты ошиблась! Я знаю, что онъ слабъ, по парижской своей привычкѣ, къ автрисамъ, къ дѣвкамъ городскимъ, — вообще къ жен-

щинамъ вольнаго поведенія; но, чтобы онъ сталъ видать взгляды на женщину замужняю, а тѣмъ паче на жену мою... Это не въ его правилахъ... Ха, ха, ха! Сергѣя подозрѣвать въ влюбчивости и въ сентиментальности,—этого даже всепредвидящая ревность моя не могла подмѣтить...

Княгиня. Я ни въ чемъ его не подозрѣваю, а говорю только, что онъ нѣсколько разъ позволялъ себѣ держать себя со мной очень вольно.

Князь Платонъ. Когда же онъ это дѣлалъ?

Княгиня. Нѣсколько разъ!... Я не хотѣла только говорить вамъ и разстроивать васъ съ бра-томъ.

Князь Платонъ. Все вздоръ!... Ступай, прикажи собрать все къ отъѣзду моему... Я сейчасъ уѣзжаю.

Княгиня (*уходя*). Подѣйствовало, вижу, а тамъ письмами докончу... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Князь Платонъ (*одинъ, въ сильномъ волненіи*). Что это такое она сказала? Только одно мѣсто въ сердцѣ оставалось здоровымъ,—и то поранили... Я теперь и ухвать не могу... (*приставивъ палецъ ко лбу*). Нѣтъ, пусть они полагаютъ, что я ухвалъ, а я вотъ буду сидѣть тутъ (*показываетъ на одну изъ боковыхъ дверей*), въ библіотекѣ, и подслушивать. У меня давно тамъ

сдѣлано отверстіе въ эту комнату, чтобы наблюдать за женой... *(сначала свиститъ а потомъ кричитъ)*. Кадушкина мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кадушкинъ мгновенно влетаетъ въ круглой шляпъ съ кокардой, въ гороховой съ нѣсколькими воротничками шинели, перетянутой португеей, на которой повѣшена сабля.

Князь Платонъ. Поди сюда!

(Кадушкинъ, приложивъ руки по швамъ, приближается).

Князь Платонъ. Я отсюда выѣду и у сада сойду, а ты съ людьми и лошадьми поѣзжай до первой станціи и дожидайся тамъ меня день, два, недѣлю, пока я самъ не пріѣду или не пришлю кого, — понялъ?

Кадушкинъ. Поняй, ваше сіячество!

Князь Платонъ. Если люди не будутъ тебя слушаться, покажи имъ вотъ мой перстень... *(подаетъ ему перстень)*.

Кадушкинъ *(принимая перстень)*. Будутъ съясаться, ваше сіячество, я имъ скажу: «цыць!»

Князь Платонъ. Цыць и ты! Дворецкаго ко мнѣ позовешь!

Кадушкинъ. Съясую, ваше сіячество!... *(прикладываетъ руку къ шляпъ, повертывается на лѣво кругомъ и уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Князь Платонъ и дворецкій, *сейчасъ же послѣ шута явившійся; одѣтъ онъ во французскомъ кафтанѣ изъ камлотовой матеріи, въ чулкахъ и башмакахъ.*

Князь Платонъ *(показывая на дверь въ библіотеку).* Запереть всю эту половину и никого не пускать туда!.. Если кто войдетъ туда и пропадетъ что-либо изъ вещей моихъ, ты мнѣ отвѣчать за то будешь.

Дворецкій *(модно раскланиваясь).* Никого не будетъ допущено, ваше сіятельство!

Князь Платонъ. А ключъ отъ балкона въ садъ отдать мнѣ!

Дворецкій *(проворно вынимая изъ кармана ключъ, почтительно подаетъ его князю).* Смѣю представить оный!

(Князь Платонъ кладетъ ключъ въ карманъ и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Дворецкій *(одинъ, запирая дверь въ библіотеку).* Не будетъ допущено—а какъ ты сдѣлаешь-то! У насъ такой на счетъ этого народецъ, что покажи имъ на какую-нибудь пустую, валящуюся на улицѣ палочку и скажи только: не тронь этого! такъ всякая бестія подойдетъ и дотронется!

(Изъ противоположныхъ дверей показывается Уляша).

Дворецкій *(строю къ ней).* Что тебѣ надобно?.. Горничная ты, <http://sej.org.ru> молодецкая дѣвушка, а шляешься на мужскую половину.

У л ь я ш а. Мнѣ князя Сергѣя Илларионовича надо.

Д в о р е ц к і й. Никакого тебѣ князя не надо, сиди ты въ своей свѣтлицѣ и тки золотомъ,—вотъ ваше дѣвичье дѣло!

У л ь я ш а (*робко*). Мнѣ нужно съ!

Д в о р е ц к і й. Ну такъ вотъ что: князь приказалъ, чтобы духу вашего человѣчьяго не было, и ежели я теперь кого изъ этихъ дураковъ лакеевъ или изъ васъ дуръ горничныхъ здѣсь застану, такъ, какъ собаку паршивую, возьму за шиворотъ и прямо приведу къ княгинѣ на ея распоряженъе!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Тѣ же и князь Сергѣй Илларионовичъ.

К н я з ь С е р г ѣ й. Что это, Федоръ Парменычъ, такъ разглагольствовать изволите?

Д в о р е ц к і й. Да вотъ-съ молодой дѣвицѣ нотацію читаю, какъ себя вести надо.

К н я з ь С е р г ѣ й. Кому же и поучить ихъ, какъ не вамъ, Федоръ Парменычъ!

Д в о р е ц к і й, (*самодовольно*). Нельзя безъ того, ваше сіятельство; насъ старики наши родители учили, а мы ихъ теперь учимъ.

К н я з ь С е р г ѣ й. Что же вы не провожали князя?.. Онъ ужъ уѣхалъ.

Д в о р е ц к і й (*почти съ ужасомъ*). Какъ уѣхалъ?

К н я з ь С е р г ѣ й. Сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Д в о р е ц к і й. Боже мой, бѣгу хотъ въ слѣдъ имъ поклониться... (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Князь Сергѣй и Уляша.

У л ь я ш а (*робко подходя къ нему*). Какъ же, ваше сіятельство, письмо-то отправлено ли?.. Княгиня и сегодня меня объ немъ спрашивала.

К н я з ь С е р г ѣ й. Отправлено, отправлено. Какая хорошенькая—а!.. (*береть ее за подбородокъ*).

У л ь я ш а. Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, чтобы отправлено было-съ; я очень боюсь, сохрани Богъ, княгиня узнаеть, что не сама я носила, куда я тогда поспѣла!

К н я з ь С е р г ѣ й. Все сдѣлано, все!

У л ь я ш а. Сдѣлайте милость!.. (*присѣдаетъ ему и уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

К н я з ь С е р г ѣ й (*одинъ, миновенно перемѣняя веселое выраженіе лица на озабоченное*). Когда братъ жалъ мнѣ при прощаньи руку, son regard était plein de colère et de mépris. Que voulait il dire par là. Je voudrais bien le savoir! Mais, Dieu, à quoi bon se tourmenter une fois qu'il est déjà parti. Occupons-nous de notre plan, que je brule de réaliser au plus vite!.. Аббатъ Десюисъ говаривалъ: «чего женщина не сдѣлаеть изъ любви, сдѣлаеть изъ страха!» C'est une femme privée d'éducation et de belles manières, mais n'importe elle est fort jolie!.. она производитъ на меня... comment dire cela... раздраженіе, mais chut!.. она идетъ... начну сейчасъ же не буду откладывать.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Князь Сергѣй и княгиня *входитъ печальная и серьезная.*

Княгиня. Какъ, братецъ, вы думаете проводить ваше время?... я по вечерамъ и при князѣ всегда почестъ сидѣла у себя одна наверху.

Князь Сергѣй. Ваше время совершенно въ вашемъ распоряженіи, и я прошу у васъ только на сегодняшній вечеръ исключенія, ибо имѣю надобность говорить съ вами.

Княгиня *(неохотно садясь)*. Только, пожалуйста, не обыкновенные ваши пустяки, которые вы мнѣ иногда говорите.

Князь Сергѣй *(пожимая плечами)*. Увы, кузина, бывъ съ вами наединѣ, могу ли удержать себя, чтобы не повторить вамъ своей мольбы!

(Княгиня дѣлаетъ недовольное движеніе).

Князь Сергѣй *(продолжаетъ тѣмъ же тономъ)*. Она, я знаю, въ глазахъ вашихъ не имѣетъ никакой цѣны; но тутъ есть, какъ бы сказать, un petit rien... одна маленькая вещь, которая, можетъ быть, васъ заинтересуетъ...

Княгиня. Какая бы это вещь ни была, она совершенно для меня неинтересна и неприятна.

Князь Сергѣй *(протяжнымъ и знаменательнымъ голосомъ)*. Не выслушавъ послѣдняго куплета пьесы, нельзя говорить объ ней своего сужденія. Вчера братъ прислалъ ко мнѣ своего лакея... онъ при мнѣ началъ изъ своего платка носоваго рѣ-

два письма: одно... адресованное рукою брата ко мнѣ, а другое надписанное вами къ Рыкову.

Княгиня (*дѣлая движеніе и вся поглядывая*). Гдѣ же это мое письмо теперь?...

(*Князь Сергій молчитъ*).

Княгиня. Князь, вы такой добрый и благородный! Надѣюсь, вы этого письма моего не перехватили, не прочли его?

Князь СЕРГІЙ (*не слыша и съ удареніемъ*). Я письмо ваше перехватилъ... прочелъ... и оно теперь у меня...

(*Княгиня опять дѣлаетъ движеніе*).

Князь СЕРГІЙ (*смотря ей въ лицо*). По вашему лицу, княгиня, видно, что вамъ поступокъ мой кажется неблагороднымъ... c'est une action ignoble; совершенно справедливо; но вспомните: изъ-за женщинъ люди десять лѣтъ сражались, изъ-за любви люди идутъ на плаху, въ тюрьму, убиваютъ коварно друзей своихъ, а потому, я думаю, мое маленькое неблагородство, особенно кто видѣлъ красоту вашу, извинительно.

Княгиня (*почти плача*). Князь, я и безъ того теперь такая несчастная, а вы еще смѣетесь надо мной!

Князь СЕРГІЙ (*пододвигаясь къ ней и страстнымъ голосомъ*). Не смѣюсь я, кузина, а плачу... Какъ и чѣмъ мнѣ доказать вамъ весь пламень сжигающей меня страсти?... я для васъ... какъ это... j'ai brisé, изломалъ всю мою жизнь!... мнѣ скученъ Петербургъ, дворъ... я живу болѣе года, безъ всякой надежды, около васъ и около ревнивой части вашего мужа, и мнѣ остается, какъ утопающему, схватиться за

соломенку, одна надежда воспользоваться вашимъ письмомъ!

Княгиня (*вставая и нампреваясь уйти*). Пустите меня! Я и то долго позволила себѣ слушать непристойныя рѣчи ваши.

Князь С е р г ѣ й (*останавливая ее*). Еще два слова, отъ которыхъ, можетъ быть, зависитъ ваша и моя жизнь: по письму вашему видно, что сердце и душа ваша все принадлежитъ тому счастливцу (*задыхающимся голосомъ*), но мнѣ дайте счастье обладать вами только на самый краткій мигъ, потомъ я буду глухъ и нѣмъ къ своимъ собственнымъ чувствамъ, буду аккомодировать вашей любви къ другому, буду скрывать ее.

Княгиня. Вы, князь, такъ ужъ низко меня разумѣете, что прошу васъ оставить мой домъ.

Князь С е р г ѣ й. Княгиня, я бѣшенъ и безжалостенъ буду къ вамъ: я отдамъ письмо ваше вашему мужу!

Княгиня (*ея вспыхнувъ и съ твердостью*). Кому хотите отдавайте!... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Князь С е р г ѣ й (*сердито топая ногой*). Она глупа, какъ послѣдняя крестьянская баба, но мужу вѣроятно будетъ писать; надобно предупредить ее; сейчасъ пошлю камердинера, чтобы онъ воротилъ брата... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Въ дверяхъ библіотеки шелкаетъ замокъ и появляется князь Платонъ блѣдный и весь дрожащій.

Князь Платонъ. Пріятныя рѣчи я выслушаль для себя... *(ударивъ себя въ грудь)*. Ни Богу, ни государю моему я жаловаться не стану, но только и вы уже, добрые люди, не подивитесь, вагъ я распоряджусь со всѣми ими.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

Та же боскетная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Сергѣй. Вы такъ, братецъ, скоро вернулись, что я никакъ васъ не ожидалъ.

Князь Платонъ. Я какъ получилъ отъ тебя вѣсточку, сейчасъ и поспекавалъ... *(поднимаетъ дрожащей рукой письмо)*. А что же я стану съ письмомъ этимъ дѣлать?

Князь Сергѣй *(пожимая плечами)*. Что заблагоразсудите.

Князь Платонъ. Я его, знаешь, пошлю по адресу; пусть Рыковъ явится сюда... Мнѣ все-таки любопытно видѣть, какъ это онъ стѣнотъ съ женой моею обращаться!...

Князь Сергѣй. Онъ, кажется, не далеко тутъ живетъ!

Князь Платонъ. Не далеко, только черезъ рѣчку въ моему, а можетъ, вѣдь, и къ его несчастью.

Князь Сергѣй. Hélas! онъ былъ по крайней мѣрѣ счастливъ!

Князь Платонъ. Да, въ самомъ дѣлѣ это такъ! Здѣсь, пожалуй, можетъ быть несчастливъ и тотъ, кто вовсе и не былъ счастливъ—а, такъ?...

Князь Сергѣй. Кто же, братецъ, не былъ здѣсь счастливъ?

Князь Платонъ. А я напримѣръ; я только былъ глупъ, а счастливъ не былъ.

Князь Сергѣй. Вы имѣете такъ много твердости характера, что эту непріятность вашу перенесете... Comment dire cela, plus avec du mépris, que de douleur, и меня, признаюсь, очень удивляетъ и беспокоитъ вашъ теперешній разстроенный видъ, вашъ странно измѣнившійся голосъ, тонъ рѣчи.

Князь Платонъ. Ну, да, я удивился очень; хоть и подозрѣвалъ нѣсколько, но все-таки это была для меня нечаянность; точно обухомъ по головѣ ударили! Нисъмо, впрочемъ, прежде, чѣмъ посылать его, ты мнѣ перечти: я не все понялъ, когда первый разъ читалъ его; какъ-то въ глазахъ у меня темнѣло при семъ!

Князь Сергѣй *(беретъ письмо и начинаетъ читать)*. «Безцѣнный голубчикъ мой, Митя! Наконецъ злодѣй нашъ уѣзжаетъ»...

Князь Платонъ *(перебивая его)*. Злодѣй! почему же я для нея и злодѣемъ ужь сталъ?

Князь Сергѣй *(читаетъ)*. «Хожу я цѣлые дни, и только и есть, что думаю объ тебѣ... Вчера я отъ тоски зашла въ нижній этажъ нашего дома. Тамъ

увидала изъ одного корридора, въ первый еще разъ, подвальные тюрьмы, съ цѣпями въ нихъ на стѣнахъ. Мужъ, говорятъ, сажалъ туда людей и пыталъ ихъ, когда имѣніе это бунтовало»...

Князь Платонъ *(перебивая его)*. Тюрьмы съ цѣпями!... Славная мысль... отличная! я запишу ее въ своей памятной книжкѣ... *(вынимаетъ бумажникъ и записываетъ въ него)*.

Князь Сергѣй *(продолжаетъ читать)*. «Болтаю, дружокъ мой, съ тобой и сама не знаю что. Приѣзжай въ четвергъ; старый медвѣдь, какъ ты его называешь, непременно ужь уѣдетъ, а ты приѣзжай подольше ко мнѣ погостить. Люди при мнѣ остаются тѣ же: Уляша и дворецкій; они оба вѣрны намъ и преданы».

Князь Платонъ. Старый медвѣдь... Уляша и дворецкій!... постой, мнѣ все это надо записать; я долженъ съ точностью все помнить!... *(записываетъ)*.

Князь Сергѣй *(продолжаетъ читать)*. «Я очень боялась, чтобы онъ не оставилъ шута Кадушки, этотъ дуракъ очень ему преданъ, и все ему передаетъ отъ слова до слова»...

Князь Платонъ. А, Кадушка! Давайте мнѣ его сейчасъ, я его расцѣлую... *(обращаясь къ брату)*. Ты понимаешь ли?... значить, есть еще человекъ около меня, на коего я могу положиться!... Читай дальше!

Князь Сергѣй. Дальше тутъ обыкновенныя фразы: «Обнимаю тебя» и прочее...

Князь Платонъ. А много она, чай, и со страстію его обнимала; но теперь я какъ-нибудь ужь постараюсь, что она больше не будетъ обнимать его.

Князь СЕРГЪЙ. Вотъ это, братецъ, я и желалъ бы знать, что вы намѣрены предпринять?

Князь ПЛАТОНЪ. Мнѣ это, знаешь, и самому какъ-то смутно еще представляется; но ревность и злоба, говорятъ, хитры на выдумки; можетъ быть, и я выдумаю, что-нибудь хорошее. Прежде всего ты пошли это письмо къ Рыкову съ какимъ-нибудь вѣрнымъ человѣкомъ.

Князь СЕРГЪЙ. Съ камердинеромъ моимъ!

Князь ПЛАТОНЪ. Хорошо!

Князь СЕРГЪЙ *(кричитъ)*. Jean!

(Является камердинеръ французъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

КАМЕРДИНЕРЪ. Monsieur?

Князь СЕРГЪЙ *(подавая ему письмо)*. Allez chez Monsieur Rikoff, qui demeure de l'autre coté de la rivière...

КАМЕРДИНЕРЪ. Oui, Monsieur!

Князь СЕРГЪЙ. Remettez lui cette lettre!

Князь ПЛАТОНЪ. И скажи ему на словахъ, что меня дома нѣтъ; а что письмо отъ жены, которая проситъ его сейчасъ же къ ней пріѣхать.

КАМЕРДИНЕРЪ. Oui, Monsieur!...

Князь ПЛАТОНЪ. И что письмо это подала тебѣ горничная Уляша... *(къ брату)*. Понимаетъ онъ меня?

КАМЕРДИНЕРЪ. Oui, Monsieur! j'ai compris tout ce que vous m'avez dit.

Князь СЕРГѢЙ. La femme de chambre de la comtesse!

КАМЕРДИНЕРЪ. Je la connais, Monsieur! une très jolie petite.

Князь СЕРГѢЙ. Allez!

КАМЕРДИНЕРЪ. Oui, Monsieur!... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Ну, а теперь, милый братъ, ты поди, скажи женѣ, что мнѣ занездоровилось, и что я воротился... Говори только это осторожноѣ и не вдругъ, а то она, пожалуй, перепугается по любви своей ко мнѣ; потомъ, когда она придетъ сюда и ты также приходи, и я, что называется, проведу вечеръ между нѣжной женой и добрымъ братомъ.

Князь СЕРГѢЙ. Въ чувствахъ моихъ къ вамъ и вашей жены, есть, я полагаю, нѣкоторое различіе.

Князь Платонъ. Я и дѣлаю сіе различіе: то нѣжная жена, а ты добрый братъ; а потомъ подѣдетъ молодой человекъ. Посмотрю я на него: какія же это такія онъ достоинства имѣетъ, что такъ ужь плѣнилъ ее. Ступайте, братъ, извѣстите жену и пошлите ко мнѣ моего Кадушкина.

Князь СЕРГѢЙ. Повинуюсь... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Платонъ (*одинъ*). Хотъ бы въ словъ, негодяй, заикнулся; но чортъ пока съ нимъ!... паче

всего мнѣ теперь жена моя. Гдѣ силы она брала въ своей маленькой душонкѣ такъ долго и такъ хитро притворятся? Какъ велика была любовь моя къ ней и какъ продолжительно было ея лувавство, такъ велико и продолжительно будетъ наказаніе ей мое.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотъ же и Кадушкинъ.

и Князь Платонъ. Ты пріѣхалъ, мой милый, ну и прекрасно! я тебя одѣну и награжу скоро очень!

Кадушкинъ (*выглянувшись во фрунтъ*). Я, ваше сіящество, какъ васъ цыгачикъ пыскавай: «свади, говоритъ, домой!» я заидишь, сейчасъ, повѣхали мы: князя Сейгея ольняцуска скажетъ: «Князя, говоритъ, посятъ домой!» Вдемъ, говою, ницего, недогадайся, сто васъ дѣтъ!

Князь Платонъ. Ты молодець! А сважи, что бы ты дѣлалъ, еслибы три, четыре, а можетъ и пять человекъ очень мени обидѣли?

Кадушкинъ. Я имъ койло пеегызу, какъ собака: амъ! амъ! (*ластѣ*).

Князь Платонъ. Отлично, неподобно. Теперь носи и припаси мнѣ дюжину охотниковъ помолодцоватѣе, чтобы они стояли внизу дома и дожидались моихъ приказаній; а самъ стой тутъ у дверей, какъ я хлопну въ ладоши такъ и являйся на лицо.

Кадушкинъ. Сьюсаю, васе сіясество!.. (дѣлаетъ рукой подъ козырекъ, поворачивается налѣво кругомъ и идетъ; въ дверяхъ сталкивается съ княгиней и также отдаетъ ей честь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Княгиня быстро и безпокойно входитъ.

Княгиня. Вы вернулись, не поѣхали... Я ничего не знаю, сижу тамъ у себя...

Князь Платонъ. Да, мнѣ занездоровилось, кровь или желчь прилила къ сердцу, но только мнѣ не хорошо.

Княгиня. Вы бы приняли что-нибудь успокоительное.

Князь Платонъ. То-то вотъ и есть: противъ моей болѣзни медицина не выдумала еще ничего успокоительнаго.

Княгиня. Но что же вы, по крайней мѣрѣ, чувствуете? Долго ли ваша болѣзнь продолжится?

Князь Платонъ. Тебя болѣе всего безпокоить: долго ли моя болѣзнь продолжится... скоро, вѣроятно, пройдетъ, и я уѣду... молодыя жены вѣдь любятъ, когда отъ нихъ уѣзжаютъ старые мужья.

Княгиня. Я никогда, кажется, не давала вамъ поводу такъ думать, но все-таки я васъ буду просить, что когда вы опять поѣдете, такъ князя Сергѣя не оставляйте здѣсь со мною.

Князь Платонъ (смотря на жену). Отъ чего же?.. Онъ такой милый, славный!..

Княгиня. А отъ того, что только что вы уха-
кали, онъ сдѣлалъ мнѣ декларацію въ любви.

Князь Платонъ *(какъ бы сильно удивленный)*.
Князь Сергѣй?.. декларацію въ любви?..

Княгиня. Онъ и прежде говорилъ мнѣ такія
слова...

Князь Платонъ *(перебивая жену)*. Князь Сер-
гѣй говорилъ такія слова?.. Вотъ кто бы подумалъ,
повѣса какой!... Я ему попеняю за это серьезно.

Княгиня. Онъ, вѣроятно, будетъ вамъ гово-
рить и про меня; примите это какъ вамъ будетъ
удобно; но я вамъ повторяю, что онъ самъ хотѣлъ
меня соблазнить.

Князь Платонъ. Шалунъ, шалунъ! Я ему
уши за это надеру. Однако онъ идетъ; прекратимъ
разговоръ объ немъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Вотъ и всѣ на лицо!..
(князю Сергѣю). Садитесь, братецъ.

Князь Сергѣй садится.

Князь Платонъ. Что же мы теперь будемъ
дѣлать? *(официантъ входитъ съ чаемъ)*. А вотъ кстати и
чай подаютъ... *(беретъ и ставитъ чашку женѣ. Официанту)*.
А я не хочу!.. *(официантъ подаетъ чай князю Сергѣю. Тотъ
беретъ)*.

Князь Платонъ *(развалился на креслѣ, какъ бы же-*

лая поньжится). Скажите вы мнѣ, милые мои, какую-нибудь сказочку, убаюкайте вы меня, старика.

Княгиня (*улыбаясь*). Я только и знаю сказочку про бѣлаго бычка, не начать ли ее съ конца.

Князь Сергѣй (*пожимая плечами*). А я и той не знаю.

Князь Платонъ. Ну такъ я вамъ скажу: одному французскому королю измѣнила жена; онъ вознамѣрился отравить ее, и для сего велѣлъ изготавить бульонъ съ тончайшимъ ядомъ, и подалъ его въ чашкѣ женѣ, какъ вотъ теперь подаю моей милой женѣ чай... (*подаетъ жени чашку*). По этикету, когда король самъ что подаетъ, близкіе ему и подчиненные сейчасъ должны выпить, и такъ какъ все-таки же я король здѣсь немножко, то приказываю вамъ, моя супруга, сейчасъ же выпить вашу чашку!

Княгиня. Можетъ быть она тоже съ ядомъ?

Князь Платонъ. Можетъ быть!

Княгиня. Ничего все равно!.. (*выливаетъ*).

Князь Платонъ (*взглянувъ ей прямо въ лицо*). Смѣла!.. (*обращаясь къ брату*). А вы, братецъ, выкушаете вашу чашку?

Князь Сергѣй. Но я не жена ваша и не измѣнила вамъ!

Князь Платонъ. Можно измѣнить и не бывъ женою, вы знаете!... И по этикету вы не имѣете права отказаться.

Князь Сергѣй. Нѣтъ-съ, я не буду пить чаю, вы меня напугали; я очень брезгливъ!

Князь Платонъ. Трусь вы послѣ того, и совѣсть, видно, у васъ чѣмъ-нибудь не чиста противъ меня... (*входитъ/идетъ*).

Лакѣй. Дмитрій Яковлевичъ Рыковъ.

Князь Платонъ. Проси! очень радъ видѣть молодого человѣка, очень радъ!.. (князь Сергій потупляется, княгиня блѣднѣетъ).

Княгиня (про себя). Письмо мое видно, дошло къ нему!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Рыковъ.

Князь Платонъ. Милости просимъ, мой бывшій, но не будущій адъютантъ! Скажите мнѣ по совѣсти: вы никакъ не чаяли застать меня здѣсь?

Рыковъ (почти совсемъ растерявшись). Я?.. нѣтъ, чтожь?.. конечно, что...

Князь Платонъ (обращаясь къ брату). Какой отвѣтъ удовлетворительный... (Рыкову). Какъ же это вы вошли въ гостиную и не кланяетесь дамѣ. Что это за неловкіе нынче молодые люди, точно молодой медвѣдь какой? Извольте сейчасъ подойти къ моей супругѣ и поцѣловать у ней руку.

Рыковъ конфузится окончательно, но подходитъ къ рукѣ княгини. Та, вспыхнувъ и не вставая съ мѣста, подаетъ ему руку.

Князь Платонъ (съ злобною насмѣшкой обращаясь къ женѣ). А какъ вамъ, княгиня, нравится мое прозвище ему: молодой медвѣдь?

Княгиня (нѣсколько овладѣвая собой). Я ничего въ этомъ не нахожу похожаго на Дмитрія Яковлича!

Князь Платонъ. Ну, а старый медвѣдь, какъ называютъ меня иные, неужели я такъ ужь и похожь

совсѣмъ на стараго медвѣдя? (снова повертывается къ Рыкову). Что же вы, садитесь хоть наконецъ!... А то ни съ чѣмъ не кланяетесь и стоите какъ столбъ.

Рыковъ. Ей-Богу, вашъ пріемъ до того меня озадачилъ: я немогу еще придти въ себя; впрочемъ, по вашему желанію я сажусь.

Князь Платонъ. Ну-съ, и чаю выкушайте... (Официанту). Подай г-ну Рыкову чай. Я сейчасъ рассказывалъ, что одинъ французскій король приревновалъ жену къ придворному своему, и самъ ему подалъ въ такой чашкѣ, въ какой вы пьете, ядъ, и тотъ вѣдалъ, что это ядъ, и вынулъ его изъ уваженія къ королю, не поморщась.

Рыковъ. Чтожь тутъ, морщись, не морщись, не поможетъ!.. (вытываетъ чашку).

Князь Платонъ. Вы думаете? А что, скажите, вы не чувствуете, что чай чѣмъ-то отзывается?

Рыковъ. Я не знатокъ въ чаю; для меня рѣшительно все равно, чѣмъ бы онъ не отзывался!

Князь Платонъ (брату). Не въ васъ, князь, не брезгливъ... (обращаясь ко всѣмъ). Приношу однако всѣмъ, всѣмъ вамъ маленькое извиненіе, что въ присутствіи вашемъ, произведу расправу съ нѣкоторыми мерзавцами изъ людей моихъ... (хлопаетъ въ ладоши является шутъ). Дворецкаго пошли мнѣ и горничную Уляшшу!

Кладушкинъ. Сюсаю, васе сіясество!.. (обертывается налво кругомъ и уходитъ).

Книгиня (въ сторону). Онъ точно читалъ мое письмо!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Тѣ же, дворецкій, Уляша и шутъ.

Князь Платонъ (*дворецкому*). Вы, Ѳедоръ Парменычъ, изобличаетесь въ измѣнѣ намъ, въ продажѣ нашей чести, въ сокрытіи отъ насъ того, что оскорбительнѣе для насъ всего.

Дворецкій. Я, ваше сіятельство?..

Князь Платонъ. Разговаривать еще послѣ будемъ съ вами... (*къ Кадушкину*). Ведите охотникамъ наложить на него цѣпи и въ подвалъ перваго номера запереть; ключъ принести ко мнѣ!... (*шутъ уходитъ дворецкою*).

Князь Платонъ (*къ Уляшѣ*). Ну ты, красавица!..

Уляша (*падаетъ ему въ ноги*). Я, ваше сіятельство, батюшка, отецъ милосердный!

Князь Платонъ. И съ тобой я тоже поговорю!.. (*къ вошедшему шуту*). Сковать и ее, и посадить въ подвалъ втораго номера.

Княгиня. Какъ же я останусь безъ горничной?

Князь Платонъ. Я къ вамъ приславлю отличную горничную, усердную, не вѣтренную! Такъ то-съ!...

Встаетъ и выходитъ на аван-сцену, какъ бы за тѣмъ, чтобы собраться съ духомъ.

Княгиня (*пользуясь этимъ мимовѣніемъ, подходитъ и говоритъ Рыкову*). Поѣзжайте сейчасъ къ отцу и скажите, чтобы онъ пріѣзжалъ спасать меня: мужъ что-то затѣваетъ!.. <http://rcin.org.pl>

Рыковъ (*подходитъ къ князю Платону*). До свиданья, ваше сіятельство.

Князь Платонъ. Вы ужь увъзжаете?

Рыковъ. Прошу позволенія на то!... (*раскланивается князю и князю Сергью и идетъ*).

Князь Платонъ. Я хочу, по крайней мѣрѣ, васъ проводить!

Рыковъ. Что вы беспокоитесь!

Князь Платонъ. Нѣтъ-съ, мы старинные хозяева вѣжливы... (*уходитъ за Рыковымъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Княгиня и князь Сергѣй.

Княгиня. Безбожникъ вы этакой и безстыдникъ!

Князь Сергѣй (*пожимая плечами*). Отъ васъ зависѣло!.. (*слышится шумъ и крикъ Рыкова*).

Княгиня (*въ испугъ*). Что такое? онъ убиваетъ его?

Князь Сергѣй. Не думаю.

Княгиня. Я пойду туда и посмотрю что такое... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Князь Сергѣй (*одинъ*). Непріятно даже немножко становится; этого вѣдръ, пожалуй, Богъ зна-

еть что начудесить!... (прислушивается). Что это такое? и княгиня, я слышу, плачетъ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Князь Платонъ. Какой однако сильный, двоихъ безъ всякаго оружія уложилъ, ну а пятеро одолѣли.

Князь Сергѣй. Что вы такое сдѣлали съ вашимъ гостемъ?

Князь Платонъ. Гораздо меньше, чѣмъ онъ со мной: онъ лишилъ меня всякаго душевнаго свѣта, а я пока его только дневнаго и посадилъ въ склепъ, а черезъ отѣну съ нимъ и княгиню...

Князь Сергѣй. Княгиню?

Князь Платонъ. Да; она сама научила меня этому въ письмѣ своемъ къ Рыкову. — Вы вѣдь читали?

Князь Сергѣй. Братецъ, вы отвѣчать будете за то передъ правительствомъ вашимъ!

Князь Платонъ. Правительство мое ничего мнѣ въ этомъ случаѣ не можетъ помочь, а потому и судить не можетъ!.. а гораздо лучше мы вмѣстѣ съ вами сообразимъ по всѣмъ законодательствамъ; что съ ними надо сдѣлать, то и сдѣлаемъ.

Князь Сергѣй. Это будетъ, сами согласитесь, одна только смѣшная комедія, въ которой я, *je vous le dis sérieusement*, не только участвовать не желаю, но даже и видѣть ее.

Князь Платонъ. А я вамъ говорю, что вы

будете участвовать!.. *(хлопаетъ въ ладоши: являютя двое охотниковъ)*. Запереть людей и лошадей князя, а также и его самого не отпускать отсюда никуда!.. *(киваетъ брату головой)*. До свиданія.

Князь Сергій остается въ удивленіи; охотники приближаются къ нему.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ III.

Длинная огромная комната въ нижнемъ этажѣ дома со сводами. У одной изъ стѣнъ стоитъ столъ, покрытый чернымъ сукномъ, на немъ горять двѣ восковыя свѣчки и лежатъ сложенные на крестъ двѣ шпаги.

ЯВЛЕНІЕ I.

По срединѣ стола, какъ бы на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидитъ шутъ Кадушкинъ, въ новомъ маркизскомъ костюмѣ, съ прищипленной шпагою съ боку. Князь Платонъ все въ томъ же дорожномъ мундирѣ; глаза у него горять какимъ-то неестественнымъ блескомъ; лицо блѣдно и искажено. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, съ понуренною головой, стоитъ управитель. По задней стѣнѣ стоятъ молодцоватые охотники въ казацкихъ казакинахъ, съ кинжалами за поясами и съ нагайками въ рукахъ.

Князь Платонъ (съ почетомъ обращаясь къ шуту).
Васъ, единственно вѣрный намъ другъ, избрала мы

къ судіи нашего дѣла. Вѣдомо вамъ, какою мы нѣжною любовью окружали супругу нашу, считая ее женою любящею и вѣрною намъ... Нынѣ же извѣстились мы, что считаетъ она насъ первымъ злодѣемъ своимъ, измѣнила супружескому долгу, предпочтя намъ гатчинскаго офицера Рыкова.

Кадушкинъ. Ево, васе сіясество, пайками надо ньягнать!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ князь Сергѣй, совсѣмъ взбѣшенный.

Князь Сергѣй (*обращаясь къ брату*). Долго ли вы будете не пускать меня и не приказывать отдавать мнѣ моихъ лошадей... Что же я плѣнникъ что ли у васъ?...

Князь Платонъ. Нѣтъ, не плѣнникъ, пока далеко еще не плѣнникъ... Не сердитесь и поприсядьте.

Князь Сергѣй (*сидя съ досадою на другой сторонѣ сцены*). Я никогда себѣ не прощу, что, изъ глупой моей преданности къ вамъ, я вмѣшался въ вашу семейную исторію, что до меня совершенно не касалось!

Князь Платонъ. Вы поступили въ этомъ случаѣ, какъ добрый братъ, и, какъ добрый же братъ, поможете мнѣ и въ настоящемъ моемъ горестномъ положеніи! (*къ охотникамъ*). Дворецкаго и горничную Ульяну привести (*обращаясь снова съ почтеніемъ къ шуту*). Я начинаю съ менѣ виновныхъ преступниковъ, "

надѣюсь, что вы каждому воздадите должное по-дѣламъ его!

Кадушкинъ (горячась). Я имъ дамъ, васе сія-ество!

Князь Сергѣй (кусая зубы, пожимая плечами и оборачиваясь въ сторону). C'est incroyable!

ЯВЛЕНІЕ III.

Двое охотниковъ вводятъ дворецкаго и Уляшу скованныхъ по рукамъ и ногамъ.

Дворецкій (падалъ князю въ ноги). Помилуй, государь-князь!

Князь Платонъ (обращая на него грозный взглядъ). Въ этомъ положеніи, подлый рабъ, и отвѣчай мнѣ!

Дворецкій (неподнимаясь). Въ какомъ прикажешь, государь-князь!

Князь Платонъ (помолчавъ и подумавъ). Зналъ ли ты о любовной связи жены моей съ офицеромъ Рыковымъ?

Дворецкій. Нѣтъ, государь-князь! Рабъ вашъ смѣетъ ли думать-то о госпожѣ своей!

Князь Платонъ. По долгу ли онъ въ мое отсутствіе пребывалъ здѣсь?

Дворецкій. Два по два, по три гостилъ.

Князь Платонъ. Отъ чего же ты не докладывалъ мнѣ объ томъ по моемъ возвращеніи?

Дворецкій. Государь-князь, какъ приказъ отъ тебя былъ: «чиновный или не чиновный, но ежели

дворянинъ, такъ чтобы пріемъ былъ!» такъ мы его и принимали, не думая прогнѣвить твою милость!

Князь Платонъ. Почему ты въ письмѣ жены моей названъ слугою вѣрнымъ?

Дворецкій. Государь-князь, какъ я служилъ тебѣ, такъ супругѣ твоей и всему роду твоему одинаково.

Князь Платонъ (*обращаясь къ шуту*). Чего онъ достоинъ?

Кадушкинъ. На посеенъе его, васе сіясество, подъеца!

Князь Платонъ (*обращаясь къ управителю*). Со всѣмъ семействомъ свести въ городъ и сослать на поселенье. (*Толкая дворецкаю ногою въ лицо*). Пошелъ!

Дворецкій (*поднимаясь*). Твоя воля, государь-князь!

Князь Платонъ (*Улыась*). Будешь ли ты все говорить?

Улыаша. Буду, ваше сіятельство!

Князь Платонъ. Ты носила письмо къ Рыкову отъ жены моей?

Улыаша. Я-съ!

Князь Платонъ. Когда снесла первое письмо?

Улыаша. Давно-съ. Года ужъ два.

Князь Платонъ. Кто тебя послалъ съ нимъ?

Улыаша. Сама княгини-съ... «Поди, говоритъ, снеси отъ меня къ Рыкову писулечку!» Я говорю: «Судариня-княгиня, ну какъ князь сповѣдуетъ это?» «Ничего, говоритъ, тебѣ же хуже будетъ, коли ты мнѣ этимъ не угодишь». Я и понесла.

Князь Платонъ. А братъ твой носилъ?

Улыаша. Братецъ только разъ, какъ его къ

князю Сергѣю Илларионовичу послалп; я тоже черезъ рѣву ходить—собакъ все боялась. «Снеси, говорю, письмецо»! онъ и взялся.

Князь Платонъ. Не приводила ли ты когда нибудь къ княгинѣ любовника ея ночью?

Ульяша. Нѣтъ-съ.

Князь Платонъ. Гдѣ-жь и когда они имѣли любовныя свиданья? Отвѣчай мнѣ все или сейчасъ-же на дыбу отдамъ.

Ульяша (*поблѣднѣвъ, задрожавъ и прерывающимся голосомъ*). Ваше сіятельство... только и есть... Когда Дмитрій Яковлевичъ у насъ ночевали съ... на другой день дѣвушки стануть убирать его комнату, и точно, что шпильки княгини тутъ нахаживали... особенныя у нихъ аглицкія... принесутъ мнѣ и смѣются: «Что это, говорятъ, гдѣ ужъ вы шпильки ваши теряете!»

Князь Платонъ (*сухимъ голосомъ*). Отъ чувства и страсти ихъ раскидывала и растеривала...

Ульяша. Да-съ!

Князь Платонъ. Есть у тебя отецъ и мать?

Ульяша. Есть маменька и папенька, въ садовникахъ въ Гурьинѣ.

Князь Платонъ (*къ шуту*). Назначьте ей наказанье!

Кадушкинъ. И ее на посеенье, мейзавку!... дую экая, смѣя байскія шпійки теять!

Князь Платонъ (*управителю*). И эту всю семью на поселенье! Рыкова сюда! (*управитель уводитъ Ульяшу и дворецкаго*).

Князь Сергѣй (*обращаясь къ брату*). Вы и г-на Рыкова отдадите суду вашего шута?

Князь Платонъ (*страннымъ голосомъ*). Г-нъ

Рыковъ можетъ ужь не г-нъ Рыковъ. Вы въ дѣтствѣ вѣроятно слышали сказки о чародѣѣ, который обращалъ людей въ волковъ, въ медвѣдей!... (*встаетъ со стула, отходить на другую сторону сцены и все время стоитъ обернувшись лицомъ къ публикѣ*).

Князь Платонъ (*обращаясь къ шуту*). Сейчасъ приведутъ злѣйшаго моего врага: его надобно будетъ наказать строго.

Кадушкинъ. Я ему дамъ, подъецу, хоешенько его,—пьяво.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вводятъ Рыкова, зашитаго въ медвѣжью шкуру, ноги и руки его скованы, и на лицо, тоже зашитое въ медвѣжью шкуру, но только съ прорѣзанными глазами и ртомъ, надѣтъ, какъ у медвѣдя, недоуздокъ, и отъ него идетъ цѣпь. Его вводитъ медвѣжій вожакъ съ дубиною въ руку.

Князь Платонъ (*встаетъ и кланяясь въ поясъ Рыкову*). Здравствуйте, молодой Михайло Ивановичъ! Ну какъ вамъ нравится быть въ моей шкурѣ, въ которую вы прозвищемъ вашимъ одѣли меня; вѣдь не хорошо, жутко?

Рыковъ (*съ скрежетомъ зубовъ*). Не надругательства твоей мучать меня, а то, что я не могу ничѣмъ тебѣ отомстить за нихъ!

Князь Платонъ (*обращаясь къ шуту*). Когда молодой медвѣженосъ сердится, что съ нимъ дѣлаютъ?

Кадушкинъ. Пайками его бьютъ, вотъ-сто.

Князь Платонъ (Рыкову). Слышите, палками велить бить!

Рыковъ. Подлецъ!

Князь Платонъ (бѣшеннымъ, но сдержаннымъ голосомъ). Возвращаю тебѣ это имя сторицею, не мнѣ оно принадлежить, а тебѣ. Я не ввѣдовался въ чужой домъ и не соблазнялъ чужихъ женъ! (обращаясь къ шуту). Отъ обязанности судимы васъ избавляемъ; извольте явиться къ намъ въ качествѣ горничной княгини, будьте одѣты прилично и приведите сюда самое княгиню.

Кадушкинъ. Сисасъ, васе сіясество! (убылаетъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ шума.

Князь Сергѣй (обращаясь къ брату). Г-нъ Рыковъ офицеръ, а люди нашего ранга въ подобныхъ случаяхъ стрѣляются, а не надругаются другъ надъ другомъ чрезъ своихъ лакеевъ.

Князь Платонъ. Что стрѣляться?... Потѣшиться одну минуту; а они со мной сдѣлали то, что я во всю жизнь не буду ничѣмъ радоваться.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Шутъ, одѣтый въ женское платье, вводитъ княгиню; лицо у ней заплакано, коса распущена. Отворотившись и съ омерзениемъ, она опирается на руку шута.

Князь Платонъ. Кресло княгинѣ скорѣй!

Князь Сергій, съ тоской и досадою въ лицѣ, торопливо подвигаетъ ей кресло.

Князь Платонъ (*княгиню показывая на Рыкова*).

Я хочу вамъ представить вашего стараго знакомаго, только въ новой шкурѣ... Какъ вамъ нравится: къ лучшему или худшему онъ измѣнился?

Княгиня (*кидая Рыкову нѣжный взглядъ*). Простите меня, Бога ради, Дмитрій Яковлевичъ, что вамъ изъ за меня дѣлаютъ такія оскорбленія!

Князь Платонъ. Паче всего ей жаль его!... Вамъ, можетъ, даже поцѣловать его желательно... Извольте, не только разрѣшаю это, но даже приказываю: я хочу видѣть, такъ-ли же вы цѣлуете *молодаго медведя*, какъ цѣловали прежде *стараго*!

Княгиня и Рыковъ отворачиваются другъ отъ друга.

Я васъ подвергну пыткѣ, если вы не поцѣлуете его. (*Рыкову*). Я ее подвергну пыткѣ, — цѣлуйте ее скорѣй!

Рыковъ. Чтобы спасти несчастную, я готовъ все сдѣлать! (*подходитъ и цѣлуетъ княгиню*).

Княгиня. Хоть бы вы передъ людьми вашими постыдились срамить такъ меня. Если не боитесь суда человѣческаго, то есть судъ Божій!

Князь Платонъ. И вообразите княгиня, судъ Божій также существуетъ для меня, для васъ, для этого малаго, для брата моего и еще неизвѣстно, кто будетъ на немъ правѣе. Если я всегда ненавистенъ вамъ былъ, зачѣмъ же вы выходили за меня замужъ?

Княгиня. Не тридцати лѣтъ шла за васъ, — что понимала?... а промежъ тѣмъ отецъ хотѣлъ косу

мнѣ обрѣзать, въ паневу одѣтъ, если не пойду за васъ...

Князь Платонъ. Жестокій родитель!... Я всегда разумѣлъ его канальей. Вы же обижались этимъ, говорили, что я изъ гордости не велю его пускать къ себѣ въ домъ; но, положимъ, то родитель; зачѣмъ же вы сами, не дальше какъ вчера, притворялись женой вѣрной мнѣ и нѣжной?

Княгиня. Жизнь всякому дорога: покажи разъ вамъ нелюбовь, такъ давно бы сидѣла въ тюрьмѣ, гдѣ очутилась теперь.

Князь Платонъ. Отъ чего же вы, по нынѣшнему, по модному, не убѣжали отъ меня съ вашимъ любовникомъ?

Княгиня. Убѣжала бы, какъ бы грошъ свой какой былъ.

Князь Платонъ. Изъ за грошей только не убѣгала?... Не безчестная ли вы послѣ того женщина? На мое богатство вы хотѣли жить въ довольствѣ, въ почестяхъ, носить мое княжеское имя и одновременно съ тѣмъ, надругаячпсь и надсмѣхаючись надъ моими сѣдинами, потѣшаться съ вашимъ любовникомъ... (обращаясь къ брату и показывая на Рыкова). По французскимъ законамъ, я могъ убить его, какъ собаку, безнаказанно; а по аглицкимъ ее (показываясь на жену) продать на площади; у насъ только нѣтъ ничего противъ этого; но я самъ себѣ напишу законы! (къ женѣ). Изготовили ли вы письмо, письмо, которое я вамъ приказалъ?

Княгиня. Написала.

Кадушкинъ (подавая письмо князю). Вонъ оно-тко-сь.

Князь Платонъ *(беря письмо и пробывая его)*.

«Милостивый государь, князь Платонъ Илларионовичъ! Увѣдомляю васъ, что сего числа бѣжала я отъ васъ съ гатчинскимъ офицеромъ Рыковымъ, и никогда не имѣю намѣренія прибыть къ вамъ обратно» *(обращаясь къ брату)*. Вотъ, вы укоряли меня въ неблагоразуміи, а посмотрите, какъ я остороженъ: письмо это я буду показывать всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ, буду печаловаться и жаловаться, что меня, бѣднаго, жена бросила; а межъ тѣмъ они будутъ сидѣть тутъ, на вѣки вѣченскіе заключенные; потомъ я еще женюсь на другой, молодой, и надъ ихъ головами буду веселиться, пиры и банкеты задавать, а они будутъ стенать въ подземельѣ,—какъ вамъ нравится мой планъ, а?

Князь Сергій ничего не отвѣчаетъ брату и еще больше отворачивается отъ него.

Рыковъ. Вы выжили, генераль, изъ ума: неужели вы думаете спрятать насъ? Что княгиня не бѣжала, знаетъ про то родитель ея, а за меня заступится мой Государь! Вспомните ваше званіе и не безчинствуйте!

Князь Платонъ. Воробью съ орлами не летать, ирапорщику генерала не учить! *(вожаку)*. Веди его на прежнее мѣсто! *(вожакъ ведетъ)*.

Рыковъ *(слѣдуя за нимъ)*. Не княжеская у тебя душа, а звѣря диваго!

Князь Платонъ *(шуту)*. Веди и ты госпожу свою!

Княгиня *(вставая)*. Бываютъ злодѣи, но все не такіе, какъ вы!

Князь Платонъ. Я былъ злодѣемъ для васъ,

когда не надохнулъ на васъ, какъ на собственную свою душу!

К а д у ш к и н ъ (*княгиня*). Пойдемте-съ!

Княгиня (*хватая себя за голову*). Бѣдная, бѣдная я!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Ну съ, братецъ любезный, теперь съ вами счеты! Въ тотъ вечеръ, какъ я уѣхалъ, и вы бесѣдовали съ супругою моею, я сидѣлъ рядомъ тутъ въ комнатѣ, и все слышалъ.

Князь Сергѣй (*измѣнившись въ лицѣ*). Что-жъ тутъ было слышать такого особеннаго?

Князь Платонъ. Тутъ было слышать то, что вы соблазняли жену мою, и за то обѣщали быть медиаторомъ ея съ другимъ.

Князь Сергѣй. Вамъ, вѣроятно, послышалось это по вашей ревности. Если я что нибудь подобное и говорилъ, такъ это былъ одинъ свѣтскій дискуръ, который я веду со всѣми женщинами, и за который ни передъ кѣмъ не считаю себя отвѣтственнымъ!

Князь Платонъ. Какъ! ты не отвѣтственъ передъ мужемъ, думая соблазнять его жену и медиаторствовать другому, не отвѣтственъ передъ братомъ, который открывалъ тебѣ всю душу свою? Всѣ могли меня обмануть, но не ты, мерзавецъ, ибо я тебя никогда ни въ чемъ не подозрѣвалъ.

Князь Сергѣй. Если вы вашими ругательст-

вами и насиліемъ воснетесь хоть волоса моего то, по моему положенію въ свѣтѣ...

Князь Платонъ. Не защититъ тебя отъ меня никакое положеніе твое... Я бы сейчасъ велѣлъ тебя колесовать, если бы не щадилъ въ тебѣ крови отца. *(Беретъ со стола двѣ шпаги и одну изъ нихъ кидаетъ брату).* На, защищайся, подлый трусъ, если въ тебѣ хоть капля чести осталась!

Князь Сергѣй. Волею Государя моего и вашего дуэли запрещены: намъ обоимъ угрожаетъ за то каторга.

Князь Платонъ. Прежде чѣмъ ты попадешь на каторгу, я распорю тебѣ животъ, и всѣ кишки твои вымотаю тебѣ на шею! *(бросается на брата со шпагою).*

Князь Сергѣй. Я васъ слабѣе и навѣрное долженъ быть жертвою!.. *(почти нарочно натъкиается плечомъ на шпагу и падаетъ).* Я раненъ, я умираю!

Князь Платонъ *(людямъ)*. Вытащите его и бросьте въ экипажъ; пусть ѣдетъ, куда хочетъ!

Люди поднимаютъ князя Сергѣя и уносятъ его.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Платонъ *(одинъ, опуская въ землю голову и руки)*. Будетъ! Комедія кончена! Маска снята; мѣсть насыщена, но душа моя болитъ еще сильнѣе; горе имъ, но горе и мнѣ... *(склоняетъ голову).*

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Темная аллея стариннаго барскаго сада. На одной сторонѣ видна часть каменнаго дома, на другой заборъ сада, а черезъ него въ аллею прорѣзываются лучи низко спустившагося солнца. На самой аллей лежатъ бревна, приготовленныя для постройки скамеекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Филька, со включенными волосами, въ рубахъ и лопатяхъ очищаетъ кусты, растушіе около надземныхъ, съ желѣзными рѣшетками, оконъ дома. Митричъ, въ худенькой суконной курткѣ, съ стриженной головой и бритой бородой, въ дыривыхъ чулкахъ, въ худыхъ башмакахъ, стоитъ, опершись на метлу.

Митричъ. Не хаживаль онъ тутъ, паря, николи!.. Я вотъ ужъ годовъ двадцать при садѣ, не помню того; а тутъ вотъ лавочку и столигъ велѣлъ себѣ устроить... Управитель прибѣжалъ ко мнѣ: «подметите, говорить, и подстригите хорошенько въ саду!»

Филька (*сдѣлавъ усиліе надъ своимъ мозгомъ*). Подметемъ! Намъ что велятъ, то и дѣлаемъ.

Митричъ *(видимо довольный этимъ отвѣтомъ)*. Такъ! такъ!.. Господа, что сами хотятъ, дѣлаютъ, а намъ, что велятъ, дѣлаемъ... Теперь взять — мельникъ и мельница... Мельникъ пуститъ мельницу, и мелеть она сколько только душѣ его угодно, безъ остановки; а мельница мельнику не можетъ приказать того: заперъ онъ ее, гуляетъ, пьянствуетъ,—мельница стой, молчи. То и мы: господа — мельникъ, а мы — мельница.

Филька *(совсѣмъ не понявъ Митрича)*. У насъ нынѣ, дядя, очень мало мельница вымалываетъ, все плотну прорываетъ!

Митричъ *(нѣсколько озадаченный подобнымъ замѣчаніемъ)*. Мельникъ пустой человекъ, такъ и быть тому надо!.. Обирай почище около оконъ!..

Филька *(обирая и прикладывая ухо къ стѣнѣ)*. Никого что то не чуть тутъ!

Митричъ. Тутъ не тутъ, а есть съ пудъ, какъ говорятъ про брюхатыхъ бабъ.

Филька *(обращая глупое лицо свое къ Митричу и улыбаясь, по обыкновенію, всѣмъ ртомъ)*. Дядя!.. Тутъ, говорятъ, княгиня посажена.

Митричъ. Тише, молчокъ!.. Вытянуть те языкъ-то!.. Подъ сюда!..

Филька подходитъ.

Митричъ *(кладя ему руку на плечо и почти шепотомъ)*. А болтовни, братецъ, Боже ты мой, сколько на счетъ этого идетъ.

Филька глупо усмѣхается.

Митричъ *(продолжаетъ тѣмъ же полушепотомъ)*. Вхаль я это изъ Еремина, нагоняетъ меня нашъ священникъ. «Митричъ, говоритъ, пересядь ко мнѣ

поговоримъ!» Съѣлъ я къ нему. «А что, говорить, правда ли, что у васъ княгиня въ тюрьму посажена?» Я говорю: «Какъ, говорю, ваше священство, вы, по вашему сану, такія слова говорите?.. Я, говорю, сейчасъ князю донесу о томъ!..» Батюшки! какъ онъ тутъ началъ: «Митричъ, говорить, сдѣлай милость, братецъ, не сказывай!» Завозить меня опослѣ того къ себѣ въ гости, водкой, ратафіемъ угощаетъ, студнемъ накормилъ, попадью съ мягкой постели согналъ, и меня на мѣсто ея положилъ: «На Митричъ, нѣжся, только не сказывай», а на другой день поѣхалъ я отъ него, два рубля деньгами подарилъ.

Филька (что то такое сообразивъ). Угостилъ онъ тебя!

Митричъ. Лихо... Это все теперь по барину нашему почетъ намъ такой. Князь нашъ по Государѣ второй человекъ въ Россіи; по его высокой и великой милости намъ никто ничего не можетъ сдѣлать. Теперь Рыковскіе сколько тоже много за барина своего зарятся на насъ, — вотъ имъ всѣмъ! (показывая кулакъ). Ономясь на торгу въ Горкахъ тоже выпито было ловко!.. Мнѣ вѣдь вездѣ угощенье. «Митричъ, Митричъ, пожалуйте, откушайте!» Только раскланивайся... Наперло на меня Рыковскихъ человекъ сорокъ. «Бей, говорю, только другъ дружкѣ не мѣшай!» И взялъ одного молодого парня, да какъ свисну его подъ микитки; смотрю, завертѣлся кубаремъ, упалъ на землю и духъ изъ себя испустилъ. «Ахъ, думаю, бѣда!» Сейчасъ верхомъ на своего коня и къ князю: «Такъ и такъ, молъ, говорю, повинную несую!» «Ты это, говорить, мнѣ служилъ,

ничего за то не будетъ! На записку моей руки!» такъ, паря, и проѣхало мимо!

Филька. Умеръ парень-то?

Митричъ. Нѣтъ, чортъ его дери, отдышался... Побогатырствовалъ я, паря, тоже на своемъ вѣву—довольно!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и управитель, а за нимъ идетъ подъячій, въ засаленныхъ брюкахъ, въ дырявыхъ чулкахъ, въ худомъ камзолѣ и кафтанѣ и вытертомъ рыжемъ парикѣ.

Подъячій (оглядываясь кругомъ и махая на себя худымъ носовымъ платкомъ). Какой здѣсь воздухъ свободный и мѣста восхитительныя!

Митричъ (невидержавъ, чтобы не говорить). Мѣста здѣсь привольныя, легкія!

Управитель (осматривая аллею). Все вы пообчистили тутъ?

Филька. Все-то-тко-съ!

Митричъ (съ гордостью). Больше сдѣлали, чѣмъ сказано было-съ! (раскрывая тавличку и подавая подъячюму. Смѣю спросить объ одолженіи!

Подъячій. Приемлю! (нюхаетъ табакъ и отщелкиваетъ пальцами). Сами стираете?

Митричъ. Самъ-съ! И ужь безъ золы-съ, сумлѣнія не имѣйте,—терѣтъ всегда не могъ этого!

Управитель (Митричу). Поди-ка старикъ, съѣзди на Бирючую отмѣль. Княжна пріѣхала, скоромнаго не кушаетъ, а у насъ щеки свѣжей рыбы нѣтъ; купи

стерлядей, а паче ершей и налимовъ... Поваренки—подлецы довели до чего: что князь ничего теперъ не кушаетъ, такъ ничего при домѣ и держать не надо!

Митричъ. Теперъ дѣло къ ночи, Николай Макарычъ, вся ваша воля: ѣхать опасно!.. На Волгѣ баловство идетъ несовѣтливое!

Почдячій. Рапортъ есть отъ Водяной Коммуникаціи поручика,—разбой сильные происходятъ.

Управитель (*Митричу*). Такъ что же и сидѣть все такъ дома, не ѣздить никуда?

Митричъ. Да помилуйте, за что же я то несчастнѣе всѣхъ?.. (*таинственнымъ голосомъ*). Вонъ Семена Гаврилыча Бахирева управитель Грузинки, барское помѣстье продалъ, деньги то господамъ повезъ, не много не мало, двадцать тысячъ: на Тарутинскомъ мосту остановили, самага избили, деньги похитили, лошадь угнали, а господа думаютъ, что онъ капиталъ этотъ весь у себя утаилъ,—наказываютъ его, и погибай, выходитъ, человѣкъ!

Управитель. Да ты, старый чортъ, съ деньгами что ли поѣдешь?.. Много, что рыбу у тебя отнимутъ, а тебя, если и схватятъ, такъ на другой же день отпустить назадъ, — ненадобень никому.

Митричъ (*обидясь*). Чтожь, вѣдь это про кажиннаго человѣка, пожалуй, то-же самое можно сказать!

Управитель. Про кажиннаго не про кажиннаго, а ты, старикъ, разсуди то: не молокососовъ же мнѣ посылать... а ты человѣкъ умный, толкъ въ рыбѣ знаешь... Дворецкаго теперъ на поселенье услали, на кого-жь мнѣ надѣяться?

Митричъ (*самодовольно*). Толкъ мы въ рыбѣ знаемъ почище вашихъ дворецкихъ.

УПРАВИТЕЛЬ. То-то и есть... Князь теперь узнаетъ и дворецкимъ, можетъ, тебя сдѣлаетъ за то!.. Вонъ возьми Фильку съ собой для безопасности, и повѣжайте съ Богомъ.

МИТРИЧЬ *(Филькѣ)*. Поѣдемъ, Филя!.. Жили, видно, при господахъ и умпрать за нихъ надо!

УПРАВИТЕЛЬ. Не ропщи, старикъ, не ропщи!

МИТРИЧЬ *(укоризненнымъ голосомъ)*. Да я и не ропщу! Докладовъ-только объ насъ что-то мало господамъ бываетъ! Зависть все въ человѣкахъ-то живетъ... *(уходитъ съ Филькой)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Управитель и подъячій.

ПОДЪЯЧІЙ *(почти со слезами въ голосъ)*. Осмѣлюсь вамъ доложить, — всѣ жилы живота моего подвело: алчу и жажду великій ужь день!

УПРАВИТЕЛЬ. Погодите маленько!.. Сейчасъ выйдутъ князь сюда, — вы имъ доложите, а потомъ я васъ поведу къ себѣ; водочкой и пирожкомъ угощу, баранинки жаренной дамъ.

ПОДЪЯЧІЙ *(голосомъ, исполненнымъ чувства)*. Всепокорнѣйше васъ благодарю. Очень нивѣ намъ по округѣ пріемъ скуденъ сталъ... Квасъ выпускаютъ, молоко разливаютъ по другимъ селеніямъ, въ кои пріѣдемъ мы; мимо винокурни ѣдемъ, хоть бы ставанчикъ гдѣ плеснули.

УПРАВИТЕЛЬ. За что вамъ угощенье дѣлать?.. Какая польза отъ васъ?

Подъячій. Какъ же, помилуйте, служба-съ!...
Порядокъ содержимъ; князь идетъ, — умолкаю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вдали аллен показывается князь Платонъ, очень печальный и похудѣвшій, съ нимъ идетъ княжна Наталья, напудренная, въ мушкахъ, въ фижмахъ. Карлица несетъ за нею шлейфъ ея. Управитель и подъячій почти тельно склоняютъ передъ ними головы.

Княжна (*привѣтливо кивая головой управителю*). Здравствуйте, Макарычъ!

Управитель. Честь имѣю съ прїѣздомъ поздравить, ваше сіятельство!.. (*къ князю, показывая на подъячаю*). Приказный отъ г-на капитанъ-исправника прибылъ.

Князь Платонъ (*неподнимая глазъ на подъячаю*). Что тебѣ надобно?

Подъячій (*склоня голову и прижимая треугольную шляпу къ животу*). Господинъ капитанъ-исправникъ проситъ позволенія явиться передъ свѣтлые взоры вашего сіятельства, понеже данъ ему указъ изъ земскаго суда по челобитной портупей-прапорщика Дѣвочкина.

Князь Платонъ (*еще болѣе нахмурился и мрачно взглядывая на подъячаю*). Ты самъ кто такой?

Подъячій (*потупляя глаза*). Подъячій, ваше сіятельство.

Князь Платонъ (*строю*). Зачѣмъ же капитанъ-

исправникъ, какъ гончую собаку, засылаетъ тебя до-
прежде себя!

Подъячій (*вытянувшись*). Ихъ высокородіе по
письменной части очень слабы, мыслей своихъ съ
ясностью на перо изливать не могутъ, а также на
счетъ подводки законовъ, и приказываютъ, чтобы
я былъ при нихъ.

Князь Платонъ. Гдѣ же теперича самъ капи-
танъ-исправникъ?

Подъячій. Въ полверстѣ, ваше сіятельство,
въ Марьянѣ, чинитъ извѣтъ по рапорту Водяной
Коммуникаціи поручика о разбояхъ.

Князь Платонъ. Пошелъ, скажи, что можетъ
пріѣхать.

Подъячій. Еще проситъ ихъ высокородіе объ
милостивомъ одолженіи: супруга ихъ на коняхъ
ихнихъ уѣхала на богомолье, они поѣхали въ округу
на обывательскихъ, и просятъ, нельзя ли имъ хоть
какую ни на есть подводу пожаловать — прибыть
сюда и доѣхать обратно до града.

Князь Платонъ (*потеревъ себѣ лобъ, управителю*).
Вели заложить мою вращеную сибирскую вибитку,
запречь тройку вятокъ, надѣть блестящую збрую;
Петру велѣтъ одѣться въ парадную кучерскую одежду
и ѣхать за исправникомъ... (*показывая на подъячаго*). А
этому дай рубль деньгами. Отправляйтесь.

Подъячій. Земно кланяюсь и благодарю, ваше
сіятельство...

*Раскланивается, сопровождаемый управителемъ, уходитъ на
цыпочкахъ изъ саду.*

ЯВЛЕНИЕ V.

Княжна (*карлица*). Ну, теперь можешь и ты идти отдохнуть.

Карлица. Слушаю, княжна матушка!... (*присядетъ госпожѣ и уходитъ*).

Княжна. Я нарочно, мой другъ, услала ее, чтобы еще поговорить съ тобою наединѣ. Какъ я предсказывала, такъ и случилось: исправникъ ѣдетъ по тому же дѣлу.

Князь Платонъ. Коли будетъ уменъ, такъ подарокъ сдѣлаю; а пѣтъ, такъ велю нагайками прогнать.

Княжна. Ахъ, мой другъ, не совѣтовала бы я тебѣ это дѣлать; при нынѣшнемъ государѣ просто опасно,—тавѣя строгости пошли, что уму невообразимо. Братъ Сергѣй прѣхалъ ко мнѣ, совершенно растерянный: «Братъ теперь, говоритъ, на службу не ѣдетъ, меня ранилъ»...

Князь Платонъ (*перебивая сестру*). Онъ меня самъ ранилъ поопаснѣе; моя царяпина скоро у него пройдетъ, а рана, что онъ мнѣ нанесъ, у меня неизлѣчима.

Княжна. Слышала я это, другъ мой, онъ мнѣ рассказывалъ все; но смѣю тебя увѣрить, что это былъ одинъ только свѣтскій, придворный дискуръ... Я сама была фрейлиной при дворѣ покойной императрицы... Конечно, благодарю Бога, что родилась отъ благочестивыхъ родителей, и сама всегда имѣла твердую мораль; но куртизановъ имѣла сотни около себя: точно бабочки на огонь летятъ къ тебѣ и какъ бы

соловьиные голоса окружаютъ тебя отовсюду и напѣваютъ тебѣ свои пѣсенки—что-жъ изъ того?

Князь Платонъ. То, что христіанину и неразвратнику жить становится не въ моготу посреди васъ, развратниковъ.

Княжна. Только братъ не таковъ — извини меня!.. И онъ тебя истинно любитъ и уважаетъ. Намѣстникъ при мнѣ къ нему пріѣзжалъ и прямо спрашиваетъ: «Что такое у князя Платона Илларионыча происходитъ»? Сергѣй юлилъ, юлилъ предъ нимъ, а потомъ тотъ уѣзжаетъ, онъ мнѣ и говоритъ: «Сестрица, вы видите, я не знаю, своимъ вліяніемъ успѣю ли отстранить, что брату, можетъ быть, угрожаетъ!»

Князь Платонъ. Ну, ужъ я лучше самъ какънибудь себя оберегу, и вообще я, какъ старшій братъ, приказываю тебѣ даже имени этого негодяя не произносить въ моемъ домѣ.

Княжна. Ты это, мой другъ, говоришь теперь въ твоемъ встревоженномъ состояніи, но надобно же думать, что и дальше будетъ... должно же тебѣ съ этой мерзкой бабенкой и съ полюбовникомъ ея сдѣлать чтонибудь; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ихъ держать, какъ арестантовъ, въ заперти.

Князь Платонъ (*устремляя на сестру пристальный взглядъ*). А что бы я по твоему долженъ былъ съ ними сдѣлать?

Княжна. Во-первыхъ: явись прямо къ государю, проси развода, тебѣ сейчасъ же дадутъ его; а потомъ можешь жениться: не бойся своихъ шестидесяти лѣтъ, найдутся невѣсты тебѣ.

Князь Платонъ. Такъ... Совѣтъ хорошъ...

А понимаешь ли ты то, что эта скверная, какъ ты называешь, бабенка, стала мнѣ милѣе во сто кратъ, чѣмъ когда либо была. Я думалъ, что злобы противъ нея у меня хватить на цѣлый вѣкъ, а ея едва достало на два дня. Въ бояхъ при мнѣ младенцевъ на штыки поднимали, женщинъ убивали, цѣлые города держалъ я въ осадномъ положеніи и морилъ городъ голодомъ,—душа моя жалости не знала; а ее вотъ посадилъ въ склепъ, и какъ цѣпная собака хожу все тутъ кругомъ; каждый кусокъ, который несутъ къ ней, я все осмотрю и оглядываю, хорошъ ли и вкусенъ ли; если послушу ея стонъ или вздохъ, такъ легче бы мнѣ было, если бы каленое желѣзо вонзили мнѣ въ сердце и ворочали имъ тамъ,—понимасшь ли ты это, глупая, безчувственная!... *(отворачивается отъ сестры, закрываетъ лицо руками и плачетъ).*

Княжна. Мало, что понимаю, но предсказывала это: ты мужчина съ твердымъ характеромъ, но добръ, какъ ангелъ. Я даже брату Сергѣю говорила: онъ ее проститъ и будетъ опять съ ней жить!

Князь Платонъ. Нѣтъ, я ее не прощу и жить съ нею не буду: пока она у меня на глазахъ, я ее стану попрекать на каждомъ шагу и буду ревновать ее къ каждому человѣку, къ каждому лакею моему.

Княжна. Въ такомъ случаѣ отпусти ее лучше отъ себя!

Князь Платонъ. Чтобы она ушла къ Рыкову? нѣтъ ужъ мнѣ легче ее мертвой видѣть!.. *(подумавъ довольно продолжительное время).* Одно мнѣ казалось лучше бы всего было—это, какъ у прежнихъ царей было: когда Господь не благословляетъ ихъ счастіемъ въ бракъ, супруги ихъ удалялись въ мо-

настырь и обрекали себя монашеству... пусть и она поступитъ въ какую нибудь женскую обитель и пострижется тамъ. Позволеніе на это я ей выхлопочу... Самому мнѣ съ ней видѣться и говорить объ этомъ тяжело, да я и не могу... Поди, сходи, спроси ее, согласна ли она это сдѣлать?

Княжна. Изволь, мой другъ, я рада хоть чѣмъ нибудь тебѣ быть полезной... Вели только проводить меня къ ней кому нибудь: я трусиха большая.

Князь Платонъ (*свиститъ и кричитъ*). Кадушкинъ!

Кадушкинъ является.

Князь Платонъ. Проводи сестру къ княгинѣ.

Кадушкинъ. Пойдемте, матушка - баисня!... (*ведетъ ее подъ руку и неторопливо уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь Платонъ (*одинъ*). А, можетъ быть, Настя скажетъ: пусть бы онъ простилъ меня, я поцѣнила бы это, а Рыкова и видѣть не хочу; можетъ быть она скажетъ то!... (*смѣется и плачетъ въ одно и то же время*). И я ее прошу!... непременно!... Царь и Владыка всѣхъ милостей для людей, дай мнѣ сію свѣтлую радость!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Изъ глубины сада выходитъ капитанъ-исправникъ.

Капитанъ-исправникъ. Честь имѣю представиться вашему сіятельству.

Князь Платонъ. О, дуракъ!... *(совладѣвъ съ собой и обращаясь къ исправнику)*. По какому дѣлу вамъ надо было видѣть меня?

Исправникъ *(прижимая руки по швамъ)*. Дворянинъ Дѣвочкинъ, являсь въ земскій судъ, заявилъ, аки бы дочь его, состоящая въ супружествѣ съ вами, заключена вами въ тюрьму.

Князь Платонъ. Дочь его не заключена мною въ тюрьму, а сама сбѣжала отъ меня, вотъ ея письмо... *(подаетъ письмо)*.

Исправникъ *(не читая его, кладетъ въ карманъ и опять продолжаетъ, держа руки по швамъ)*. Господинъ Дѣвочкинъ требуетъ сдѣлать обыскъ въ усадьбѣ вашей. Я говорю: «Какъ же, говорю, мнѣ въ княжескомъ домѣ дѣлать обыскъ, что вы», говорю... Онъ выругался, знаете по своему, по мужицки, и передавать-то даже его слова неприлично...

Князь Платонъ *(воруя перебивая его)*. Скажите, вамъ нравится мой экипажъ и лошади, на которыхъ вы пріѣхали сюда?

Исправникъ. Какъ птица, ваше сіятельство, прилетѣлъ!

Князь Платонъ. Ну, такъ садитесь опять въ этотъ экипажъ и поѣзжайте домой... лошади, кучеръ и кибитка—все ваше!

Исправникъ. Ваше сіятельство, достоинъ ли я принять такія благодѣянія!...

Князь Платонъ. Уѣзжайте скорѣе, мнѣ некогда!...

Исправникъ. Еще на счетъ подлеца этого, Дѣвочкина, осмѣливаюсь доложить... Слухи есть, что онъ стакнулся съ волжскими грабителями: «Я, гово-

рять, съ ними побываю въ гостяхъ у моего зятка!»

Князь Платонъ. Можетъ побывать у меня, съ кѣмъ ему угодно: у меня охотники всегда готовы. Отправляйтесь!

Исправникъ *(раскланиваясь)*. Я вамъ, ваше сіятельство, всегда вашъ рабъ нижайшій былъ! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Платонъ *(одинъ нервнымъ толсотомъ)*. Что это сестра такъ долго не идетъ,—толстая, неповоротливая дура?... и что-то Настя скажетъ ей...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тотъ же и княжна, *входитъ вся въ волненіи*.

Княжна. Боже, какъ тамъ страшно, гадко: духота... сырость... мыши... я чуть не задохнулась!

Князь Платонъ *(въ сторону)*. А Настя тамъ цѣлые дни и ночи *(къ сестрѣ)*. Что же она тебѣ сказала?

Княжна. Охъ дай собраться только съ духомъ... Она на все согласна и идетъ въ монастырь и проситъ только за все это—сейчасъ же освободить Рыкова, который за нее страдаетъ.

Князь Платонъ *(отступая отъ сестры)*. Освободить Рыкова... Зачѣмъ ты мнѣ это сказала... Она всей своей жизнію хочетъ освободить только Рыкова...

Что ты со мной сдѣлала, безумная старуха!... Слова твои зажгли во мнѣ опять прежній огонь; я пхъ опять буду пытаться и мучить!...

Княжна. Что ты это?... не я безумная, а ты!

Князь Платонъ. Да, я безумецъ, но теперь ужь вамъ меня не унять: илети и цѣпи сюда!...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, и вбѣгаютъ Митричъ и исправникъ.

Митричъ. Батюшка-князь, народъ какой-то съ пѣснями, съ гайканьемъ ѣдутъ къ усадьбѣ!

Исправникъ. Разбойники-съ, это, —вѣрно!

Кадушкинъ (вбѣгая съ другой стороны). Язбойники, ваше сіясество, ѣдутъ!... Ой, я беюсетва!

Князь Платонъ (бьетъ шута по лицу). Подлый трусъ, поблѣднѣлъ, какъ лягушка передъ морозомъ! Охотниковъ сюда, убью каждого, кто хоть шагъ отступить назадъ!... Всѣ за мной! (выхватываетъ шпагу и проворно уходитъ изъ сада; шутъ убѣгаетъ за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Княжна, исправникъ и Митричъ.

Княжна (припрыгивая на одномъ мѣстѣ). Ай, ай, разбойники!

Исправникъ (стоя около нея и тоже подскакивая)

Ничего, матушка княжна, я самъ оволо васъ.

На заборъ сада показывается нѣсколько человекъ мужчинъ и Дьвошкинъ, въ отставномъ военномъ мундирѣ на распахку.

ДѢВОЧКИНЪ. Вотъ они гдѣ,—всѣ тутъ!

КНЯЖНА (*отворячаясь отъ него и опуская голову почти до земли*). Самый главный атаманъ это и есть! (*убываетъ*).

ДѢВОЧКИНЪ (*соскакивая съ забора и хватая исправника за шиворотъ*). Гдѣ моя дочь?

ИСПРАВНИКЪ. Я по вашему дѣлу здѣсь: надо быть гдѣнибудь тутъ (*омядывается*).

МИТРИЧЪ. Въ склепѣ, вотъ тутъ-съ, противъ этихъ оконъ!

ДѢВОЧКИНЪ (*показывая мужикамъ на лежащія на дорожкѣ бревна*). Выбивайте и выколачивайте бревнами эти окна!

Мужики поднимаютъ и выколачиваютъ ими окна.

ГОЛОСЪ КНЯГИНИ. Кто это тамъ?

ДѢВОЧКИНЪ. Я, моя милая!

КНЯГИНЯ. Батюшка?

ДѢВОЧКИНЪ. Мы самые-съ!

МИТРИЧЪ (*показывая на другое окно*). А здѣсь вонъ господинъ офицеръ посаженъ; вонъ они глядятъ.

ДѢВОЧКИНЪ. Выбивайте и это окно!

Мужики выбиваютъ бревномъ и другое окно.

РЫКОВЪ (*выскакивая изъ окна*). Это вы, Петръ Григорьевичъ?

ЯВЛЕНІЕ XII.

УПРАВИТЕЛЬ (*вбѣгаетъ*). Петръ Григорьевичъ, мужикъ, что съ вами пріѣхалъ, ранилъ очень князя, бросилъ въ него топоромъ; а другіе мужики побѣжали усадьбу поджигать.

Рыковъ. Какъ ранилъ князя и усадьбу поджигать—этого нельзя! *(управителю)*. Пойдемъ со мной!

Уходитъ проворно за управляющимъ.

Княгиня. Кто это князя ранилъ и усадьбу поджигаетъ?

Дѣвочкинъ. Ничего! это мои молодчики! Я овины имъ велѣлъ зажечь. Первый всего, чтобы очистить дорогу къ крѣпости, предмѣстье надо выжечь... Суворовская тактика!.. Пусть несутъ миѣ ключи и знамена! Армеецъ съумѣетъ проучить гвардіянца, будьте покойны!

Слышится шумъ, крикъ и показывается пламя.

Дѣвочкинъ *(слезка похлопывая въ ладоши)*. Ого, какъ заиграло... Bravo! bravo!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ V.

(НА ДРУГОЙ ДЕНЬ).

Гостиная въ домѣ князя Platона.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Рыковъ съ озабоченнымъ лицомъ и княгиня, вся въ слезахъ.

Княгиня. Что изъ-за меня мужу приключилось... Теперь глаза мнѣ никуда показать будетъ нельзя.

Рыковъ. Родителя вашего благодарите... Теперь я не знаю, что съ нимъ дѣлать: съ этой сволочью своей полонилъ всѣхъ людей, кого перевязали, кого сѣкутъ, порютъ, самъ онъ по усадьбѣ разгуливаетъ...

Княгиня. Но я то, другъ мой, чѣмъ же виновата?.. За что ты на меня то сердишься?.. *(протягиваетъ къ нему руку).*

Рыковъ *(отстраняя ея руку)*. Остерегитесь, люди сюда идутъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и дворецкій.

Княгиня (*овладевъ собой*). Ты отъ князя?

Дворецкій. Точно такъ-съ!

Рыковъ. Какимъ же образомъ тебя отпустили?

Дворецкій. По первоначально меня и Уляшу губернаторъ изволилъ позвать къ себѣ. «Вотъ, говоритъ, вамъ царская милость: Государь не велѣлъ васъ отправлять на поселенье. Отправляйтесь къ господамъ вашимъ, кланяйтесь имъ и скажите, что сегодня я самъ къ нимъ въ деревню прїѣду!»

Княгиня. Ты говорилъ объ этомъ князю?

Дворецкій. Докладывалъ-съ!

Княгиня. Не разсердился онъ?

Дворецкій. Лица ихъ я не имѣлъ счастья зрѣть,—за ширмами они изволятъ лежать,—а по голосу не слышать того было... Приказали только, чтобы прислуга вся была въ мундирной формѣ и музыканты готовились.

Рыковъ и княгиня переглядываются между собой въ удивленіи.

Рыковъ. Это что такое еще онъ затѣваетъ?...
(къ княгини). Сходите, узнайте.

Княгиня. Но зачѣмъ же это?..

Рыковъ (*сердито перебивая ее*). Какъ зачѣмъ?...
Богъ знаетъ, какая баламутица происходитъ...

Княгиня. Мнѣ легче бы умереть, чѣмъ идти къ нему—вотъ каково мнѣ это.

Рыковъ. Бабья слабость, больше ничего.

Княгиня. Ну да, я знаю, что я глупая и сла-

бая, но въ такой жизни, какъ мой, и мущина потеряется... (*уходитъ неохотно*).

Рыковъ (*про себя*). Такая каша заварилась, что приведи Богъ и расхлебать ее!

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢ же и ДѢвочкинѢ.

ДѢвочкинѢ (*дворецкому*). Водочки, водочки, любезный, выдай.

Дворецкій. Сію секунду-съ! (*уходитъ*).

Рыковъ (*ДѢвочкинѣ*). Долго ли вы съ вашей сволочью тутъ останетесь?

ДѢвочкинѢ. Да ничего, погостимъ еще... что же вы такъ мало рады дорогимъ гостямъ?

Рыковъ. Дорогіе гости! Хоть бы вы то вспомнили, что вы, дворянинѢ, пріѣхали къ своему брату, дворянину, съ мужиками и разбойниками.

ДѢвочкинѢ. А какъ же мнѣ инако было къ моему высокочтимому затюшкѣ? Онъ меня съ самой свадьбы дочкиной... тоже я тогда понапился немного... въ подворотню къ себѣ заглянуть не пуцалъ; дуракомъ и пьяницей именовалъ меня на всѣ четыре стороны; я еще на прошлой балотировкѣ хотѣлъ его за шиворотокъ сгрестъ, да дворянство наше заступилось за него и оттащило меня.

Рыковъ. Благородные люди, коли кѣмъ кто обиженъ, не за шиворотокъ берутъ другъ друга, а въ судахъ жалуются.

ДѢвочкинѢ. Пробовалъ, жаловался, да что то

мало толку изъ того выходило, а посему самъ поймалъ, далъ въ рыло разъ, два, и дѣло съ концомъ...

РЫКОВЪ. Дали въ рыло?! Вѣдь это не простой мужикъ, а князь... его ранить, усадьбу раззорять и выжечь! Сейчасъ губернаторъ пріѣдетъ сюда. Сколько за все это отвѣчать будете?

ДѢВОЧКИНЪ. Сколько? Нисколько! Я дочку освободать пріѣхалъ... Шалишь, паря!.. самъ Государь прикажетъ мнѣ сдѣлать это; али теперь богатство зятя — тѣфу мнѣ оно! Онъ когда только еще предложенье Настенькѣ сдѣлалъ, раскошелился жидоморъ этакой: «на-те, говоритъ, вамъ сто душъ, собирайте, говоритъ, съ нихъ оброкъ и пользуйтесь!..» «Ненадо, говорю, силой—ограблю, а даромъ—не надо!»

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Уляша.

УЛЯША (*обращаясь къ Рыкову*). Княгиня васъ проситъ къ себѣ!

РЫКОВЪ. Вышла она отъ князя?

УЛЯША. Вышла-съ... (*оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ДѢВОЧКИНЪ (*одинъ, къ публикѣ*). Я какъ понимаю, такъ Рыковъ отличный офицеръ, благородный!.. Сколько то же князь ни наругался, онъ сейчасъ въ защиту ему пошелъ. «Мало-ли, говоритъ, что про-

межъ господъ бываетъ, зачѣмъ мужикомъ мѣшать въ то!..» благородно!... (*лукавымъ голосомъ*). Парень-то, что ранилъ князя, есауломъ у нихъ именуется... изъ-за хорошей нищи въ разбойники пошелъ... бурлакомъ былъ и еще маленькимъ какъ-то изловчился, укралъ изъ-подъ рыла лошади овесъ, та и фыркни на него; съ тѣхъ поръ ненаѣда напала: что ни жретъ, нажраться не можетъ и пошелъ на мірскіе хлѣбы... Подлецъ псиравникъ говоритъ: «Я, говоритъ, Петьку Дѣвочкина словлю, пошто онъ разбойникамъ пристанодержательствуетъ». «Самъ, говорю, ты первый разбойникъ и міроѣдъ»... У меня въ указѣ объ отставкѣ сказано: «жить ему вольной волею, подать не платить и къ службѣ не нудить», и живу, какъ хочу...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дѣвочкинъ и княжна, сопровождаемая карлицей.

Дѣвочкинъ (*расшаркиваясь передъ ней*). Фу, сватьюшка, какъ разфрантилась и разофуфырилась.

Княжна. Что ты, совсѣмъ, что ли, ужь надъ нами изнаругаться хочешь?

Дѣвочкинъ. Не изнаругаться, сватьюша; а я тоже худъ ли, хорошъ ли, родитель есть! Миѣ больно было за мое дѣтище... Пойду, думаю, выручу ее!.. Старый, вѣдь, рубака, сватьюшка, пѣхотинецъ, армеецъ, не больше-съ! Позвольте вашу драгоценную ручку подѣловать.

Княжна. Поди прочь отъ меня, недостойный человекъ. Не заступаться тебѣ надо бы за дочку-то,

а хорошенько поучить ее, какъ надо съ мужемъ жить.

Дѣвочкинъ. Я ее, сватьюша, и учу, и браню; Богъ ее теперь и наказуетъ за непочтеніе къ родителямъ... Я ужь, сватьюшка, офицерикомъ въ покойной маменькѣ мой пріѣхалъ; слѣпенькая ужь она была, съ клюкой ходила, да что-ли какъ-то поутру къ ручкѣ къ ней подойти и забылъ... Она подкликнула меня къ себѣ: «Подь-ка, говоритъ, сюда, Петька!» и по снпѣ-то клюкой душила, душила меня! а я только кланяюсь ей: «матушка, помнлуй, родимая прости!»

Княжна. И родители прежде не такіе были, не были у нихъ съ утра до ночи глаза, налитые виномъ.

Дѣвочкинъ. Это я, сватьюшка, не запираюсь, пью, потому мнѣ нельзя, я раненъ. Мнѣ его высокопревосходительство, господинъ генералъ штабъ-докторъ при отставкѣ сказалъ: «Нейте, говоритъ, водку и табакъ курите! Табакъ, говоритъ, будетъ у васъ мокроту вытягивать, а водка силу давать.»

Княжна. Дастъ она тебѣ силы, околѣешь гдѣнибудь подъ заборомъ.

Дѣвочкинъ. Никогда! Потому, — водка мнѣ не вредна; я все на воздухѣ и въ моціонѣ.

Княжна. Ну прахъ тебя возьми, убирайся только отсюда поскорѣе... (*къ карлицѣ*). Сведи къ брату. Заботитъ онъ меня очень, что съ нимъ дѣется...

Карлица подъ руку уводитъ госпожу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дѣвочкинѣ (*одинъ, смотря въ слѣдъ княжнѣ*). Старуха-то сдобная, какъ бы взять ее за шиворотокъ, да тряхнуть хорошенько. — Боже мой, сколько бы денегъ изъ нея посыпалось... Да-съ, да!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тотъ же и дворецкіи, входитъ съ водкой.

Дворецкіи. Мужикъ, что съ вами пріѣхалъ, спрашиваетъ васъ-съ.

Дѣвочкинѣ (*немного сконфузившись*). Ничего, подождетъ еще! (*Наливаетъ и выпиваетъ залпомъ рюмку*). Первая, говорятъ, коломъ!.. (*сейчасъ же наливаетъ и выпиваетъ другую рюмку*). Вторая соколомъ! (*наливаешь третью и четвертую и мгновенно выпиваетъ ихъ*). Третья и четвертая маленькими пташками! (*дворецкому*). Позови мужика.

Дворецкіи. Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

Дѣвочкинѣ (*одинъ къ публикѣ*). Есаула нашего буду имѣть честь представить вамъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Сарапка.

Горбатый, кривобокый, въ поддевку короткой, въ смазныхъ сапогахъ и съ кистенемъ за поясомъ.

Сарапка. Что-жь, Петръ Григорьичъ, долго-ли-жь намъ дожидаться тутъ?

Дѣвочкинѣ. Погоди, братецъ!.. Человѣкъ помираетъ, что мнѣ тутъ дѣлать.

САРАПКА. Коли годить-то, помилуйте? Мы не то, что народъ вольный,—можетъ уходить за всякій часъ безъ страха. Вы сами говорили: какъ дочку ослободимъ вашу, вы сейчасъ сто рублей выдадите.

Дѣвочкинѣ. И выдадутъ.

САРАПКА. Ну и выдайте коли!... Атаманъ съ меня спроситъ. Ребята у меня ужъ галдятъ: «Либо, говорятъ, утекаемъ, либо на деревню пойдёмъ!..» Исправникъ тоже скрылся; того и чай, съ командой найдетъ.

Дѣвочкинѣ. А зачѣмъ ты, скотина, князя ранилъ? Не будь того, онъ сдѣлся бы на капитуляцію, все бы тогда было: деньги, вино и пиво.

САРАПКА. Кто его ранилъ-то; самъ лѣзь, я только отмахнулся топоромъ; такъ ему голову-то и подставлятъ? — дворяне еще, право!

Дѣвочкинѣ. Ты не груби, пока цѣлъ. Зуба ни одного не оставлю! *(поднимаетъ руку)*.

САРАПКА. Свои напередъ береги *(прислушиваясь и задрожавъ вслѣмъ тѣломъ)*. Чу, это гарнизонный барабанъ... Влопался, право, я въ это дѣло... Убѣгать надо! *(вскакиваетъ на окно, выбиваетъ раму, свиститъ и соскакиваетъ, ему отъѣкаетъ нѣсколько свистовъ)*.

Дѣвочкинѣ. И мнѣ, черти, съ ними надо убираться! *(выбиваетъ торопливо еще рюмку водки, вскакиваетъ тоже на окно, свиститъ и соскакиваетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Сцена нѣсколько времени остается пустою, слышны крики и выстрѣлы. Вбѣгаетъ княжна, за ней карлица.

Княжна. Господи, опять ужь тамъ сраженіе и драка *(падаетъ въ кресло)*.

Карлица. Сраженіе, матушка, настоящее сраженіе.

Подбѣгаетъ къ окну и начинаетъ въ него смотреть; раздастся выстрѣлъ.

Княжна *(вздрагивая вслѣдъ тѣломъ)*. Царица небесная, прійми послѣдній мой конецъ!.. Не поварай меня въ моихъ грѣхахъ: аще злобствовала, ехидствовала, коварствовала.

Карлица *(смотря въ окно)*. Матушка, Митрій-то Яковличъ Рыковъ ловитъ того мужика, что ранилъ внизя; на-ка, матушка, какъ тотъ кистенемъ-то отмахнулся, ажно шапку у Митрія Яковлевича переломилъ.

Княжна. Архангелъ Михаилъ, вручи ему мечъ всеразящій!.. Кроткій Давидъ побѣдилъ Голіаѳа. Царица небесная, покррой его кровомъ твоимъ!

Карлица. Словилъ, матушка, онъ мужика-то!.. Охотники наши ему ужь руки и ноги перевязали! И, матушка, отъ воротъ то пыль какая идетъ!.. *(Слышатся звукъ трубъ и бой барановъ)*.

Княжна. Въ трубу ужь затрубили, — послѣдніе дни и часы приближаются.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же и *вбѣгаетъ* Кадушкинъ съ радостнымъ лицомъ; волосы у него все опалены; одинъ глазъ совсѣмъ вышибенъ.

Кадушкинъ. Матуска-княгинюска, губейнатою съ сойдатами и двоянство ѣдутъ.

Княжна. Откуда мнѣ сіе? приди помощь Господа моего!.. *(къ шуту)*. А ты живъ еще, бѣдняжка?

Кадушкинъ. Они меня, матуска, зазвенными вѣвниками пани; тоскуеть такъ все тепей... Побѣгу посьмотъеть, какъ ихъ, дьявоевъ, коетить стануть... *(убѣгаетъ)*.

Карлица *(продолжая смотреть въ окно)*. Какъ, матушка, разбойники-то побѣжали, словно саранча посыпала.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и Рыковъ, *весь запыленный, тревожно входитъ*.

Рыковъ. Все ли здѣсь благополучно?

Княжна. Все, мой другъ, все!

Рыковъ. Гдѣ же княгиня?

Княжна. Тамъ у князя... Онъ услышалъ шумъ и очень встревожился.

Рыковъ. Губернаторъ самъ прибылъ съ командой и сейчасъ идетъ сюда.

Княжна. Хорошо, я сейчасъ вышлю княгиню.

Спаситель ты нашъ, истинный спаситель, такъ и тебя я понимаю! (*уходитъ, сопровождаемая карлицей*).

Рыковъ (*почтительно отворяя дверь*). Хозяева просятъ, ваше превосходительство, пожаловать сюда.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Губернаторъ *входитъ*. За нимъ идетъ нѣсколько чело-
вѣкъ *дворянъ*; капитанъ-исправникъ, земскій засѣдатель
и засѣдатель отъ дворянства.

Губернаторъ (*кивалъ съ важностью Рыкову*). Я слышалъ, князь раненъ?

Рыковъ. Очень сильно-съ!.. причащался ужь и исповѣдывался; не полагаемъ, чтобъ живъ остался.

Губернаторъ (*грустнымъ голосомъ*). Грустныя и печальныя времена!

Капитанъ-исправникъ (*выдвигаясь нѣсколько впередъ и дрожащимъ голосомъ*). Это, ваше превосходительство, Дѣвочкинъ навелъ весь этотъ народъ; мнѣ нивакого сладу съ нимъ нѣтъ въ уѣздѣ; онъ всѣмъ ворами и разбойникамъ пристанодержательствуетъ, — пицу и вино имъ доставляетъ.

Губернаторъ. Арестуйте повтому его!

Капитанъ-исправникъ (*испуганнымъ голосомъ*). Онъ, ваше превосходительство, опять удралъ съ разбойниками; тѣ даже не пускали его, насильно въ телѣгу вскочилъ: погодите, говоритъ, еще увидимся!

Губернаторъ. Поэтому погоню за нимъ пошлите!

Рыковъ. Г-нъ Дѣвочкинъ, ваше превосходитель-

ельство, пріѣхалъ съ этимъ народомъ за дочку заступаться, чтобы тоже кто-нибудь подсобилъ ему: у князя дворянъ большая.

Дворянинъ среднихъ лѣтъ (*таинственнымъ голосомъ*). У насъ, ваше превосходительство, эти богачи вотъ гдѣ сидятъ (*показывая на швороть*). Онъ покормитъ тебя раза два въ годъ обѣдцемъ, а потомъ и дѣлаетъ съ тобой, что хочетъ; и поля у тебя мнетъ, и самага, коли попадешься, собаками за-травитъ!

Другой молодой дворянинъ. Дѣвочкинъ, не таючись, ѣхалъ съ шайкой своей... Селенья черезъ три на большой дорогѣ проѣхалъ... сзади двѣ пушки везутъ, а самъ впереди верхомъ ѣхалъ!.. Всѣмъ рассказывалъ: «князя Платона, говоритъ, полонить ѣду».

Третій старый дворянинъ (*самъ уже не знаетъ, зачѣмъ объяснилъ*). Съ насъ бѣдныхъ дворянъ, что спрашивать: разбойники пріѣдутъ къ тебѣ на домъ, за неволю къ нимъ съ хлѣбомъ, съ солью выйдешь.

Губернаторъ (*окончательно грустнымъ голосомъ*).
Печальныя времена!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и карлица, а за нею выступаетъ княжна.

Карлица. Княжна Наталья Илларионовна желаетъ видѣть государя губернатора.

Губернаторъ (склонивъ голову). Всегда готовъ быть ея покорнымъ слугою.

Княжна *входитъ и присѣдаетъ; всѣ подходятъ къ ней къ рукъ.*

Княжна (раскланиваясь всѣмъ общимъ поклономъ). Охъ, съ горя и печали и на привѣтствія ваши не умѣю какъ отвѣтить... Братецъ сейчасъ идетъ сюда!

Губернаторъ. Лучше поэтому ему?

Княжна. Какое, чуть живъ! Кажется и въ разсудкѣ ужь тронулся!

Одна изъ дверей отворяется и показывается князь Платонъ, худой, въ бархатномъ халатѣ. Съ одной стороны ведутъ его лакей и княгиня Настасья Петровна, а съ другой шутъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Князь Платонъ (губернатору). Извините, ваше превосходительство,—что я выхожу къ вамъ въ такомъ нарядѣ.

Губернаторъ придвигаетъ ему кресло. Князь Платонъ опускается въ него, но княгиню не отпускаетъ отъ себя. Той поднимаютъ тоже кресло. Она садится около мужа. Всѣ прочіе окружаютъ ихъ.

Князь Платонъ (снова обращаясь къ губернатору, слабымъ и протяжнымъ голосомъ). Ваше превосходительство, вѣроятно, пріѣхали усмирять меня; но я уже самъ усмирилъ себя.

Губернаторъ. Мы пріѣхали къ вамъ въ гости и привезли вамъ здоровья.

Князь Платонъ. Благодарю!.. (опускаетъ на нѣсколько мновеній голову, потомъ поднимаетъ ее). Я думалъ, что умереть мнѣ также легко будетъ, какъ кинуть въ огонь старое платье; но нѣтъ, животолубивъ,

видно, человекъ, и геенна адская страшнѣе ему всѣхъ мукъ земныхъ! *(крестится и потомъ, обращаясь къ губернатору, говоритъ)*. Мужика, ваше превосходительство, что меня ранилъ, не навазываютъ... я самъ искалъ смерти.

Губернаторъ. Будетъ исполнено ваше желаніе!

Князь Платонъ *(послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, какъ бы ищетъ кого мутными глазами и, наконецъ, останавливается изъ на Рыкова)*. Г-нъ Рыковъ! Вы поступили со мной, какъ великодушный врагъ. Я крови и смерти вашей искалъ, а вы хотѣли спасти мнѣ жизнь... *(опускаетъ голову; потомъ чрезъ нѣсколько миновеній поднимаетъ глаза на княгиню)*. Съ вами насъ, княгиня, будетъ Богъ судить, кто изъ насъ виноватѣе, но вы... послѣ претерпѣннаго отъ меня... оплакивали мои раны, а потому... *(слабо хлопаетъ въ ладоши)* дворецкаго мнѣ!

Кадушкинъ. Двоесскій!

Князь Платонъ. Сервированъ ли тамъ столъ и готовы ли музыканты?

Дворецкій. Все готово-съ!

Князь Платонъ. Вели играть веселый тушь! *(дворецкій уходитъ)*.

Князь Платонъ. Васъ, ваше превосходительство, и васъ, господа дворяне, призываю я въ свидѣтели, что, оставляя жену нашу, Настасью Петровну, наследницей всего нашего... состоянія, желаю я самъ отпраздновать сговоръ ея за господина Рыкова *(съ горькой усмѣшкой)*. Столъ готовъ, музыка играетъ, пожайдите кушать! *(Склоняетъ совсѣмъ низко голову. Слышится музыка)*.

Княгиня *(плача)*. Простите меня, князь, не называйте такъ! *(беретъ у него руку и цѣлуетъ ее)*.

Князь Платонъ *(горько усмѣхаясь)*. Я думалъ симъ сдѣлать вамъ пріятное!

Княжна *(клянишь)*. Не противорѣчьте ужъ ему!

Губернаторъ. Совершенно ненужно противорѣчить. Больной—что малый ребенокъ.

Князь Платонъ *(крестится и почти уже въ бреду)*. Ваше превосходительство, соблюдайте этикетъ... ведите сестру мою подъ руку... а г-нъ Рыковъ мою жену и свою невѣсту... *(умолкаетъ)*.

Всѣ остаются въ нѣмомъ недоумѣніи. Музыка продолжаетъ играть.

Кадушкинъ *(взглянувъ князю въ глаза, вскрикиваетъ)*. Умей!

Княгиня *(становясь на колѣни предъ княземъ)*. Благодаритель вы мой!

(Занавѣсъ падаетъ).

ПОРУЧИКЪ ГЛАДКОВЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

1067 JAN 21 1901
UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время, взятое мною для настоящей драмы, начинается вскорѣ послѣ смерти Петра и кончается восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны. Великій преобразователь Россіи сѣмѣлъ и окружать себя людьми *большими*. Минихъ, Остерманъ и Волынский конечно ужь принадлежатъ къ людямъ замѣчательныхъ дарованій и къ характерамъ сильнымъ и крупнымъ. При жизни Петра, подѣ страхомъ его прозорливости и его суровой и непреклонной воли, они были только энергическими исполнителями его предначертаній; но Петра не стало,—сила, исходящая изъ центра власти, рушилась. Юному Петру II-му, слабой Аннѣ Иоановнѣ и безпечной Аннѣ Леопольдовнѣ было не подѣ силу удерживать колеса петровской машины въ ихъ прежнемъ порядкѣ; личныя страсти въ нихъ заговорили: жажда корысти, оскорбленное и неудовлетворенное самолюбіе, постоянно и издавна накапливаемая другъ къ другу вражда—все это искало выхода, и находило себѣ просторъ

для выраженія. Посреди всего этого, какъ бы въ дополненіе картины, является еще новый могущественный честолюбецъ—герцогъ курляндскій. Трагическое столкновеніе между этими лицами было неизбежно, и эту то борьбу птенцовъ Петра съ Бирономъ, а потомъ борьбу ихъ между собою мы и имѣли цѣлю изобразить въ нашей драмѣ, строго придерживаясь исторической достовѣрности. Вступившая на престолъ Елизавета Петровна мгновенно прекратила эту трагедію, частію потому, что всѣ законность престолонаслѣдія было на сторонѣ ея, а частію и отъ того, что всѣ крупныя личности, созданныя Петромъ, сошли уже со сцены: Волынскій былъ казненъ Бирономъ, Биронъ свергнутъ Минихомъ, а Минихъ и Остерманъ въ свою очередь сосланы Елизаветою Петровною. Съ 24-го на 25 ноября 1741 года на русское небо взошла новая заря, а съ ней пришли и новые люди, не искусившіеся еще въ опьяненіи честолюбіемъ и чуждые личной вражды другъ къ другу: университетъ и отиѣна смертной казни, Шуваловъ и Ломоносовъ загорѣлись на немъ впоследствии яркими свѣтилами!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Іоаннъ Эрнстъ Биронъ, герцогъ курляндскій и семігалъ-скій.

Луиза Эмилиа Биронъ, его жена.

Графъ Левенвольде, оберъ-гофмаршалъ.

Князь Куракинъ, оберъ-шталмейстеръ.

Артемій Петровичъ Волынскій, кабинетъ-министръ.

Графъ Остерманъ, кабинетъ-министръ.

Бестужевъ-Рюминъ, кабинетъ-министръ.

Графъ Минихъ, генераль-фельдмаршалъ.

Князь Чернаскій, кабинетъ-министръ.

Князь Трубецкой, фельдмаршалъ.

Наумовъ, тайный совѣтникъ.

Мишуновъ, совѣтникъ адмиралтейства-коллегіи.

Минкулинъ, оберстеръ-криксъ-комисаръ.

Штрешневъ, маіоръ гвардіи.

Унковскій, бригадиръ отъ полиціи.

Ассесоръ Хрущевъ, секретаръ суда.

Полковникъ Манштейнъ, адъютантъ Миниха.

Маркизь де-ла-Шетарди, французскій посланникъ.

Графъ Динарь, саксонскій посланникъ.

Шварцъ, нѣмецкій музыкантъ.

Варвара Дмитріевна, фрейлина Анны Леопольдовны.

Краснобаевъ, капитанъ преображенскаго полка, старикъ уже, и одинъ изъ первыхъ потѣшныхъ солдатъ Петра.

судьи

надъ Во-
лынскимъ

Старикъ Салтыковъ, бывший московскій генераль-губернаторъ.

Пьеръ Салтыковъ, бывший поручикъ преображенскаго полка и перешедшій въ кирасирскій полкъ.

Старикъ Гладновъ, секретарь Волынскаго.

Молодой Гладновъ, сынъ его, поручикъ преображенскаго полка.

Вейсъ, голандецъ—учитель и гувернеръ Салтыкова.

Маюръ Репнинъ.

Кубанецъ, переименованный татаринъ и камердинеръ Волынскаго.

Дорошенко, малороссъ, гусярь и бандуристъ.

Петръ Сергѣичъ, дядька молодаго Салтыкова.

Молодые офицеры преображенскаго полка, капитанъ и солдаты семеновскаго полка, камеръ-лакеи, лакеи и народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургъ, въ 1740 и 1741 годахъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Богатая офицерская квартира въ Петербургѣ. 5-е марта
1740 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

*Людвигъ Вейстъ, въ скромномъ голандскомъ кафтанѣ и камзолѣ, сидитъ передъ столомъ, уставленнымъ глобусомъ, зрительной трубой, математическими инструментами и книгами. Пьеръ Салтыковъ, въ новомъ кирасирскомъ мундирѣ *) прыгаетъ передъ нимъ.*

САЛТЫКОВЪ (*напылая*). Ich will nicht lernen, ich will nicht lernen.

ВЕЙСТЪ (*покачивая головой*). Grosse Dummheit.... Grosse!...

*) Смотри рисунки одежды и вооруженія російскихъ войскъ, томъ II, стр. 272. <http://rcin.org.pl>

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Гладковъ, *въ мундиръ преображенскаго полка **).*

Салтыковъ *(также напльвая ему)*. Здравствуйте, милый вы мой Гладковъ!.. Пойдите! *(Проворно подблываетъ, надбываетъ шляпу и вытягивается передъ нимъ)*. Честь имѣю явиться, поручикъ върасирскаго полка!.. Хорошъ мундиръ?

Гладковъ. Хорошъ!

Оба выходятъ на аван-сцену.

Гладковъ *(съ запинкой и краснѣя)*. А преображенскіе мундиры твои ты куда дѣнешь?

Салтыковъ. Не знаю!.. Валяются тамъ гдѣнибудь будутъ.

Гладковъ *(еще больше конфузаясь)*. Одолжи на милость мнѣ одинъ пзъ нихъ надѣть. Мнѣ завтра надо во дворецъ къ Принцессѣ ѣхать, а мой мундиръ въ караулѣ солдаты табаконъ прокурили!

Салтыковъ. Съ великою радостью. *(Кричитъ во все горло и притоптываетъ ногой)*. Петръ Сергѣичъ! Петръ Сергѣичъ! Петръ Сергѣичъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Петръ Сергѣичъ.

Петръ Сергѣичъ *(быстро вхоя)*. Здѣсь-то-я-съ! Что такъ вричать изволите?

***) Тамъ же, стр. 276.

САЛТЫКОВЪ. Подай мнѣ сейчасъ всѣ мои пре-
ображенскіе мундиры!

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*перемѣняя добродушное выра-
женіе лица на удивленное*). Это зачѣмъ-тко они вамъ по-
занадобились?

САЛТЫКОВЪ. Иди, неси безъ прерѣканий,—
маршъ!

Петръ Сергѣичъ уходитъ, качая недовольно головой.

САЛТЫКОВЪ (*кладя руку на плечо Гладкова съ ковар-
ной улыбкой*). Варвару Дмитріевну, зело прелестную
вамъ, увидите тамъ?..

ГЛАДКОВЪ. Безъ сомнѣнія.

САЛТЫКОВЪ. И сильно плѣнены ею?

ГЛАДКОВЪ (*улыбаясь*). Всѣмъ сердцемъ моимъ
пристрастенъ къ ней.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Петръ Сергѣичъ *входитъ съ мундирами.*

САЛТЫКОВЪ (*показывая ему на Гладкова*). Отдай
ихъ всѣ Виктору Иринархичу.

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*сначала злобно взлядываетъ
на Гладкова, потомъ обращается укоризненнымъ голосомъ къ
барину*). Сами-то пррчѣмъ-же-тко останетесь?

САЛТЫКОВЪ. У меня теперь форма врасир-
ская—зачѣмъ же они мнѣ?.. Отдавай!

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ. Въ полку то не одни-то-
тко они—бѣдные офицерики; дали бы кому и другому
по мундирчику.

ГЛАДКОВЪ (*сконфузившись*). Въ самомъ-дѣлѣ за-

чѣмъ же мнѣ всё?.. Достаточно одного, и то для надевки только, пока мой новый мундиръ не поспѣетъ.

САЛТЫКОВЪ (*показывая кулакъ дядькѣ*). Петръ Сергѣичъ, вы такая скотина, что я сейчасъ же васъ велю въ палаши принять!

ПЕТРЪ СЕРГѢИЧЪ (*насмѣшливо*). Да мнѣ что-то-тео-съ, ваше добро! (*къ Гладкову, показывая на мундиры*). Съ собой изволите взять или въ экипажъ къ вамъ прикажете положить?

ГЛАДКОВЪ (*вспыхнувъ*). У меня нѣтъ экипажа, — ты это знаешь!

САЛТЫКОВЪ (*бѣшенымъ голосомъ*). Ты все свое, старый чертъ, пошелъ вонъ!.. Вонъ!..

Петръ Сергѣичъ съ прежнимъ насмѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ уходитъ.

САЛТЫКОВЪ (*Гладкову*). Тебѣ въ каретѣ надо во дворецъ ѣхать, нельзя же въ бѣлыхъ штиблетахъ пѣшкомъ идти, загрязишься!

ГЛАДКОВЪ (*нерѣшительнымъ голосомъ*). Да, тамъ какънибудь надо...

САЛТЫКОВЪ. У тебя, я думаю, денегъ нѣтъ на то; я самъ не имѣю оныхъ; но, погоди, какънибудь тебѣ добуду. (*Подходитъ къ Вейсту и начинаетъ гордымъ и въ тоже время заискивающимъ тономъ*). Illustrissime, sapientissime vir!.. Doctor der Philosophie!! membre de toutes les sociétés scientifiques!.. къ вамъ обращается съ просьбой вирасирскаго, ея величества, полка поручикъ Салтыковъ.

ВЕЙСТЪ (*поднимая на него глаза*). Ja, was will lieutenant Saltikoff?

САЛТЫКОВЪ. Лъетенантъ Салтыковъ проситъ доктора Вейста одолжить ему 50 пудленовъ взаймы.

Вейстъ (*поблѣдильвъ*). Ih habe kein Geld!

Салтыковъ (*сбертываясь къ Гладкову*). Онъ говоритъ, что у него нисколько нѣтъ денегъ. (*Вейсту*). Лъетевантъ Салтыковъ знаетъ, что у васъ есть деньги, и схоронены онѣ въ карманѣ вашего прекраснаго кафтана.

Вейстъ. Я не имѣю и кармановъ въ кафтанахъ моихъ.

Салтыковъ. Вы имѣете ихъ, и мы сейчасъ ихъ атакуемъ: поручикъ Гладковъ и поручикъ Салтыковъ, какъ бандиты итальянскіе, выдаются на васъ,—разъ! два! (*Кидается сзади къ Вейсту, притягиваетъ его голову къ креслу и заноситъ надъ нимъ руку, какъ бы съ кинжаломъ*) La bourse ou la vie! Гладковъ, кидайтесь и шарьте у него въ карманахъ!

Гладковъ нерѣшительно приближается.

Вейстъ. Г-нъ офицеръ, не подходите, я буду лягать васъ! (*Машетъ руками и лягается ногами*).

Салтыковъ (*крича во все горло*). Нападайте, Гладковъ, или я буду принимать васъ за труса!

Гладковъ (*Вейсту*). Хозяинъ мнѣ приказываетъ; я долженъ ему повиноваться, иначе онъ сочтетъ меня за труса. (*Сразу кидается Вейсту на руки и на ноги, а Салтыковъ лѣзетъ ему въ карманы*).

Вейстъ (*крича отчаяннымъ голосомъ*). Господа офицеры! es ist dumm! Я буду кричать на помощь, господа, караулъ!..

Въ передней слышатся голоса.

Гладковъ (*сейчасъ же бросая Вѣста*). Тамъ кто-то прибылъ.

Салтыковъ (*также отпуская Вѣста*). Только нечаянная помощь спасла тебя, злополучный Улисъ.

Вейстъ (проворно уходя и поправляя парикъ). Дуракъ—офицеры, скверна мальчишка! Я буду жаловаться, дуракъ—молокососы. (Уходитъ).

Салтыковъ (замыдывая въ дверь). Ба, все наши, и дѣдушка!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и капитанъ Краснобаевъ, а за нимъ входятъ молодые офицеры: Черскій, Квасниковъ, Голицынъ и Кудринъ *).

Салтыковъ (обращаясь къ капитану). Какими величнѣйшимъ рока? (прочимъ товарищамъ подиетъ руку). Здравствуйте, здравствуйте!

Гладковъ (также здороваясь съ ними). Здравствуйте, здравствуйте!

Салтыковъ (выводя капитана на аванъ-сцену). Что, дѣдушка, изъ крѣпости?

Краснобаевъ (пожимая плечами). Изъ крѣпости!

Салтыковъ. Изъ-за польскихъ дѣвокъ, говорятъ, тебя посадили?

Краснобаевъ (продолжая удивленнымъ тономъ). Ваютъ такъ!.. Только изъ компаніи съ командой воротился, прямо къ герцогу; выходитъ, и съ нимъ нѣкій панычъ польскій, въ курнушѣ и съ усищами «Вы, говорятъ, въ Польшѣ пьяничали, богомерзтво-

*) Форму мундировъ ихъ смотри рисунокъ одежды и вооруженія російскихъ войскъ, стран. 276.

вали, грабежничали!» Я, знаешь, уперъ ему очи-то въ очи. «Ваша свѣтлость, говорю, мнѣ неколи было дѣлать того: я проливалъ кровь мою за государыню императрицу!» Э, взѣрошился еще пуще! «Въ застѣнокъ его!» Кошками отодрали, на деревянную кобылу посадили, и паныча этого привели, показывать мя ему, — смѣется онъ!..

Салтыковъ. *Sacre Dieu!*.. Гвардейскаго капитана?!..

Между офицерами также слышатся восклицанія: «чертъ знаетъ!.. Колбасники!»

Салтыковъ. Повѣствуйте, дѣдушка, дальше!

Красноваевъ. Дальше, въ крѣпостцу ввергли; сию день, недѣлю, молюсь Творцу: «Буди святая воля Его!» а тутъ выпускаютъ: «государыня, говорятъ, васъ помиловала!» Я взглянулъ на Казанскую Божью Матерь, перекрестился... «Вѣрно, думаю, Артемій Петровичъ заступится!» зашелъ къ нему въ канцелярію... «Нѣту, говоритъ, не я, а ты ноги, говоритъ, собери субалтеръ-офицериковъ и пріѣзжайте къ Петрушѣ!» Я вотъ заѣхалъ за ними (*показываетъ на офицеровъ*) и пріѣхали!

Гладковъ. Государыню, я слышалъ, принцесса Анна Леопольдовна утруждала просьбой своей объ васъ.

Красноваевъ (*опять удивленнымъ голосомъ*). Ну вотъ, поди ты! откуда милость-то Божья пришла. А я такъ мнилъ на Артемья Петровича. (*Къ публикѣ*) вмѣстѣ вѣдь насъ обоихъ съ нимъ сюда на службу гнали; онъ-то еще молоденькій птенчикъ былъ; родители его тоже побогатѣе, поумнѣе были, сами его везли; а я то ужъ этакой дубинка годовъ двадцати

былъ, батька мой не пушалъ было меня отъ дому-то; два раза его за то въ воеводской канцеляріи сѣкли, меня-то тоже скованнымъ везли, чтобы не убѣгъ; а тутъ, слава тѣ Царица Небесная, отернѣлся, привыкъ къ службѣ.

Салтыковъ (*перебивая Краснобаева и обращаясь къ Гладкову*). А вслѣдствіе какихъ рацій и дискурцій принцеса просила за капитана?

Гладковъ (*потупляя глаза*). Принцессу за него просила Варвара Дмитріевна.

Салтыковъ. А вслѣдствіе какихъ рацій и дискурцій Варвара Дмитріевна просила принцессу?

Гладковъ (*скромно потупляя глаза*). Я просилъ ее о томъ.

Салтыковъ (*командуетъ*). Господа штабъ и оберъ-офицеры, на передній подзоръ! (*капитанъ и офицеры окружаютъ его*).

Салтыковъ. Военная честь капитана замарана; и мы, его вогорта, воздадимъ ему цезарскую почесть, и станемъ качать его.

Всѣ (*въ одинъ голосъ кричатъ*). Качать его, качать! (*подхватываютъ капитана и начинаютъ его подкадывать*).

Капитанъ (*совершенно довольный*). Благодарю васъ, братцы, благодарю!

Салтыковъ. Будеть! стой!... Дядя Волянскій говоритъ, что въ Питерѣ просьбы тѣже деньги; надобно ихъ тратить только для себя; а Гладковъ потрагилъ просьбу для своего начальника и камрада—зачать и его!

Всѣ офицеры. Качать и его! (*Подхватываютъ и начинаютъ качать Гладкова*).

КРАСНОВАЕВЪ (*выше всѣхъ его подбрасывалъ*). Встѣ тебѣ, дѣтенышекъ, за то, вотъ тебѣ!

ГЛАДКОВЪ (*также очень довольный*). Благодарю, господа, будетъ, будетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и дворецкій Кубанецъ.

КУБАНЕЦЪ. Артемій Петровичъ жаловать изволить сюда!

САЛТЫКОВЪ. Дядю бы покачать надо, да сердитъ очень за послѣднее время, озлится пожалуй! Примемъ и мы печальные лица!

Всѣ становятся въ шеренгу и принимаютъ серьезныя лица.

ЯВЛЕНІЕ VII.

*Тѣ же и Волынской *); онъ сильно кричитъ на старика Гладкова, который идетъ за нимъ въ униженной позѣ.*

ВОЛЫНСКІЙ (*Гладкову*). Я самого тебя велю палками отдуть!... Я еще вчера-тко тебѣ велѣлъ указъ дать, чтобы посадить его на кобылу!

СТАРИКЪ ГЛАДКОВЪ. Артемій Петровичъ, онъ тоже говоритъ: «я, говоритъ, какъ и Киштель, жаловаться буду императрицѣ»!

*) Форму мундира смотри портретъ Бестужева-Рюмина въ собраніи портретовъ Генади въ Чертковской Библиотекѣ.

В о л ы н с к і й (*бѣшеннымъ голосомъ*). Ты за то отвѣ-
чать будешь, а не я?.. Ты?..

Старикъ Гладковъ униженно молчитъ.

В о л ы н с к і й. Пошелъ, пиши!

Старикъ Гладковъ уходитъ.

В о л ы н с к і й (*къ молодому Гладкову, показывая на ухо-
дящаю отца*). Я изъ-за тебя, господинъ поручикъ,
только и держу это подъячее тряпье! (*къ Краснобаеву*)
За тебя, дѣдушка, сегодня же расчетъ будетъ сдѣ-
ланъ: на той вобылѣ, на которую тебя сажали, бу-
детъ у меня сидѣть нѣмецъ два дня, не спускаючись.
(*Къ племяннику*) Что же ты не потрудился объ угоще-
ніи дорогихъ гостей?

С а л т ы к о в ъ (*приложивъ руки по швамъ и рапорту-
ющимъ голосомъ*). Пензы не ма, ваше высокопревосхо-
дительство!

В о л ы н с к і й. По обычаю... (*Кубанцу*) Вели при-
готовить ужинъ въ оружейной залѣ, а пока подать
сюда романи и кипрсаго!... Хочу ужъ я за пле-
мянника справить и попировать съ вами, господа
офицерство! *)

С а л т ы к о в ъ (*кричитъ во все горло*). Добре; дядя—
ура!

Всѣ прочіе офицеры кланяются Волынскому.

В о л ы н с к і й (*прикладывая руки къ груди и склоняя
голову притворно-насмѣшливымъ голосомъ*). Впрочемъ-тко-съ,
напередъ всякаго пиру, чтобы не было опослн на меня
какихъ либо жалобъ и сѣтованій, я явио и неутайно
объявляю, что съ сего дня и часу: азъ есмь опаль-
ный бояринъ! (*Всѣ съ удивленіемъ взглядывають на него*).

*) Отечеств. Зап. 1860 года, статья Артемій Петровичъ Во-
лынскій, стр. 249.

САЛТЫКОВЪ (*нѣсколько встревоженнымъ голосомъ*).
У кого же дядя?... Передъ государыней?...

ВОЛЫНСКІЙ (*тѣмъ же насмѣшливымъ голосомъ*). Пе-
редъ его свѣтлостью герцогомъ курляндскимъ.

Всѣ невольно потупляются.

ВОЛЫНСКІЙ (*самодовольно потирая руки*). Не по
горлу имъ какъ-то съ Остерманомъ приходится моя
костяная лапа!

КРАСНОВАЕВЪ (*съ чувствомъ взлядывая на Волын-
скаю*). Чтобы не отгрызли они тебѣ ее, Артемій
Петровичъ!

ВОЛЫНСКІЙ (*восклицая*). Дѣдушка!... Римскій
гражданинъ Муцій Сцевола самъ сжегъ свою руку
изъ любви къ отечеству!... Мы съ тобой Царя Петра
сортировки люди; насъ выбирали у престола стоять
за умные глаза и за быстрыя дѣла, а не за льсти-
вые рѣчи! Для государыни моей я жизнь мою на
конъ ставилъ! Чтобы ногу верховникамъ подстав-
лять, надо было тоже забываючи,—есть ли голова
на плечахъ али нѣтъ! Долгоруковымъ руки вязать—
было не малыхъ ребятъ пеленать!...

КРАСНОВАЕВЪ. Согрѣшилъ, грѣшный, тогда,
какъ князь-то Василій Владиміровичъ сталъ требо-
вать, чтобы мы верховникамъ присягнули, какъ ряв-
кнули мы: «Скорѣе ноги вамъ, ваше высокопрево-
сходительство, переломаемъ, чѣмъ сдѣлаемъ то!» *).

ВОЛЫНСКІЙ (*подхватывая и все больше и больше разго-
рячась*). Да, а теперь все какъ-то и забываютъ то!
Не потаючись передъ вами, господа офицерство, ска-

*) Русскій Архивъ 1866 года, книжка I, статья: Царствованіе
Анны Іоанновны, стр. 10.

жу: ѣдучи въ Петербургъ, думалъ первымъ человѣкомъ быть, а вышло такъ, что еле на хвостѣ очутился! Болѣе уже году собакѣ лучше жить, чѣмъ мнѣ! *). Какія бы дѣла по кабинету не удумалъ, все по Остерманову не такъ и неладно!.. Слово пьянаго подъячаго мяѣнья мои касировкѣ передаютъ и извращаютъ. Одинъ только близиръ кабинетъ-министра ношу: все, что въ нашихъ кабинетскихъ указахъ изображено все не мое-съ! Все это трудъ и потъ Остермановъ **).

Салтыковъ. Да вамъ что, дядя! Ну и пусть будетъ Остерманово: что до того!

Волинскій. Ну, ты юнъ еще разумѣть то! Вонъ давеча Гладковъ про Киштеля помянулъ: замержь того, чтобы его, нѣмецкую кишку, за извѣтъ на начальство кнутыни драть — кабинетъ-министра, какъ послѣдняго воеводишку, подъ отвѣтъ ***)) подвели; и не стерпѣлъ, далъ имъ маненько сдачи: прямо изобразилъ государынѣ, что ежели де я или кто другой... внимните вы! такими дьявольскими каналами будетъ себя производить, то, Ваше Величество, внимните! меня или кого другаго не за вѣрнаго себѣ слугу, а за совершеннаго плута считать будете; а тамъ и разбери: кто и што и какъ есть! ****).

Салтыковъ. Петръ Биронъ, дядя, говорилъ, что вы тутъ разумѣли Остермана.

*) Чтенія Общества Исторіи и Древностей 1858 г., ст. Арт. Петр. Волинскій, стр. 137.

**) От. Зап. ст. Арт. Петр. Волинскій, стр. 111.

***)) Тамъ же.

****) Чтеніе Общества Исторіи и Древностей 1858 года, статья Артемій Петр. Волинскій, стр. 146.

Волынскій. Я сегодня самому родителю его досконально объяснилъ, кого я разумѣю: въ совѣтѣ, по докладѣ жалобъ его высокопочнаго посла Огинскаго, чтобы за грабежи, кои вонъ аки бы капитанъ въ Польшѣ чинилъ, слать туда милліонъ вознагражденія, его свѣтлость, герцогъ Биронъ, нашелъ сіи рацеи законноуважительными; но я возразилъ: «не раззоренія, говорю, коихъ, можетъ, и не было, претятъ Польшѣ глаза, а нашъ бѣлградскій миръ; но я не вассалъ сей республики, и имѣнья тамъ не имѣю; а по сему поблажать финансами моего государства сей не доброжелательствующій намъ народъ не желаю!» «Кого же вы вассаломъ симъ разумѣете?» изволилъ спросить меня герцогъ. «Тотъ, кто есть оный», отвѣтствовалъ я *). Онъ пожаловалъ меня гнѣвнымъ взглядомъ и вышелъ изъ совѣта.

Краснобаевъ. Вотъ этотъ-то самый Огинскій и есть, спомнилъ теперь, для коего надругались надо мной... Чтобы и тебѣ онъ чего не придучилъ: нѣмецъ и полякъ, что клопъ,—никакой травой не одолѣешь!

Волынскій. Да, вѣдь, и я то живуцъ; не съ разу меня тоже заморшъ; мнѣ съ рожденья, видно, дана такая звѣзда, что либо быть мнѣ велпку, либо погибнуть чрезъ то. Вирочемъ-то до поры нечего валякать! (*Кубанцу*) Позови сюда Дорошенку! (*Кубанецъ уходитъ*).

Волынскій (*къ офицерамъ*). Хочу васъ пѣсенками позабавить; больно у меня одинъ знакомый казакъ пѣсню одну складно поетъ.

*) От. Зап., стат. Арт. Петр. Волынскій, стр. 246.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Дорошенко въ костюмъ запорожца *).

Дорошенко входитъ и всѣмъ кланяется.

В о л ы н с к і й *(ему)*. Спой пѣсню, что мы съ тобой сложили!

Д о р о ш е н к о *(беретъ сначала на цуляхъ нѣсколько акордовъ, потомъ начинаетъ чистымъ теноромъ)*.

«Какъ въ лѣсу, лѣсу съ перелѣсками
Народилъ орелъ все орлятъ своихъ!

В о л ы н с к і й *(ходя по аванъ-сценѣ къ офицерамъ)*. Орлятами именуется!

Д о р о ш е н к о *(поетъ)*.

«Билъ крылами онъ воронье поганое,
Воронье поганое, турковъ съ шведами!

В с ѣ о ф и ц е р ы *(подхватываютъ въ одинъ голосъ)*.

«Воронье поганое—турковъ съ шведами!

Д о р о ш е н к о *(поетъ одинъ)*.

«Отлетѣлъ орелъ въ царство Божіе,
Налетѣлъ на орлятъ черный воронъ!

В о л ы н с к і й *(ходитъ по аванъ-сценѣ, къ публикѣ)*. Черный воронъ—нѣмецкій князь!

Д о р о ш е н к о *(поетъ)*.

«Сталъ орлятъ онъ бить, надругатися,
Въ кандалы—тюрьмы ихъ ввергаючи.

В с ѣ о ф и ц е р ы *(злбно-одушевленнымъ голосомъ)*.

«Въ кандалы—тюрьмы ихъ ввергаючи,
Надъ орлятами сталъ надругатися!

*) См. рисунки одежды и оружія російск. войскъ, стр. 206.

В о л ы н с к и й (*прихлопывая руками и самъ напивая*).
Еще!

«Въ кандалы, тюрьмы ихъ ввергаючи,
Надъ орлятами сталъ надругаться!

К р а с н о б а е в ъ (*утирая слезы, говоритъ*). Вотъ
пѣсню-то, господа офицерство, поете: *отлетѣлъ орелъ
въ царство Божіе*, а гдѣ дочь-то его, каково ей
житье-то, и забыли!

В о л ы н с к и й. Не забыли, дѣдушка,—вспомынемъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

К у в а н е ц ъ (*входя*). Столъ готовъ, Артемій Пет-
ровичъ!

В о л ы н с к и й (*къ офицерамъ*). Милости просимъ!

С а л т ы к о в ъ (*прямо перепрыгиваетъ черезъ стулъ, бѣ-
житъ и напиваетъ*). Столъ готовъ, столъ готовъ!

Всѣ офицеры идутъ за нимъ.

К р а с н о б а е в ъ (*также слѣдуя за ними*). Стыдно
вамъ, господа офицерство, ей Богу, право! забыли
царевну!

Дорошенко также уходитъ.

К у в а н е ц ъ (*подходя къ Волынскому*). Извощикъ,
Артемій Петровичъ, готовъ!

В о л ы н с к и й (*вдругъ придавая серьезное выраженіе лицу*).
Повзжай сейчасъ въ новгородскую губернію, отъищи
и сходи къ Аниѣ Петровнѣ Долгорукой!.. Если къ
ней не допустятъ, поймай ее хоша въ церкви и ска-
жи ей, что у престола одинъ за нихъ ходатай и
радѣтель имъ Артемій Петровичъ Волынский, и что
ежели ей или кому изъ конфидентовъ ихнихъ надо

сосланнымъ какія вѣсти передать, присылали бы о томъ въ Петербургъ ко мнѣ: все имъ въ удовольствіе сдѣлано будетъ!

Кубанецъ (*покорно*). По недовѣрію своему и по злобѣ своей, чтобы она не выкрикнула: «слово и дѣло!»

Волынскій. Коли выкрикнетъ, такъ заступлюсь; скажу, что нарочно подсылалъ тебя вывѣдывать! Позови мнѣ оттедова поручика Гладкова и повязай съ Богомъ!

Кубанецъ цѣлуетъ у него руку и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Волынскій (*одинъ*). По моему гороскопу всегда такъ сочетавалось, что когда мнѣ приходилось худо, то опосля того, какъ невзгодѣ разсѣввалось, выходило лучше того, чѣмъ и чайлѣ... Вчерашняго числа, Государыня при Эйхлерѣ сказала Бирону на его домогательства: «Волынскіе нужны для Россіи!» (*Со скрежетомъ зубовъ*). О, курляндская собака! (*подумавъ*). До прежде всего, въ оплотъ отъ него надо собрать партію... конфидентовъ Долгорувихъ приближу къ себѣ, къ цесаревнѣ доступъ себѣ разыщу... (*Слышитъ шаги, оборачивается и видитъ входящаго Гладкова*). А, это господннъ офицеръ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Гладковъ.

Гладковъ (*скромно подходя къ Волынскому*). Ваше высокопревосходительство спрашиваетъ меня изволили.

В о л ы н с к і й. Да! *(смотритъ нѣсколько мгновеній прямо въ лице Гладкову)*. Мнѣ всегда казалось, что вы умны и славожаждущи; жребій сей вамъ выпадетъ; васъ можетъ ожидать великая фортуна.

Гладковъ при этихъ словахъ поднимаетъ глаза и уставляетъ ихъ на Волынскаго.

В о л ы н с к і й *(потупляя нѣсколько брови и неторопливо юворя)*. Вникните, что я вамъ буду сказывать: государыня императрица тяжело больна... Анна Леопольдовна не желаетъ, чтобы сынъ ея престолонаследовалъ... Сама мнѣ лично изъяснила: «Вы, господа министры, выдали меня насильно замужъ, да и сына отнять хотите,—не дамъ я вамъ его!...» Какъ вы мыслите, кто при такомъ образѣ дѣйствій ближе всѣхъ стоитъ къ престолу? *(Послъ нѣкотораго молчанія)* Не Биронъ же, чаю такъ?

Г л а д к о в ъ *(пожимая плечами и слегка усмѣхаясь)*. Ваше высокопревосходительство!.. Я слишкомъ еще молодъ, чтобы предрѣкать такія великія дѣла!

В о л ы н с к і й. Не сваливайте на молодость!.. Я призываю васъ на подвигъ гражданской чести: исповѣдуйте мнѣ, какъ мнѣнять господа гвардейское офицерство насчетъ царевны Елизаветы?... Ежели всѣ они единодушны съ Краснобаевымъ, то мы съ вами первые, вникните вы!.. первые пойдемъ и явимъ ей то!

Г л а д к о в ъ *(твердымъ голосомъ)*. Я, ваше высокопревосходительство, напредъ сего, какъ за господъ офицерство, такъ и за себя скажу, что мы всѣ вѣрны единой присягѣ государынѣ императрицѣ, и во всемъ вождѣ ея!

В о л ы н с к і й *(насмурившись и недовольнымъ тономъ)*.

Я говорю не объ государынѣ, а объ ея наслѣдственникахъ! У людей есть двѣ свойственности: слова ихъ и мысли; такъ я желалъ-бы, чтобы вы мнѣ мысли господъ офицерства на счетъ того спознали.

Гладковъ. Гдѣ-жь мнѣ, ваше высокопревосходительство, спознавать чужія мысли?

Волынский. Мысли чужія либо въ видѣ спознаются, либо на деньги покушаются, и пона вотъ вамъ на депансы сѣн! *(даетъ ему кошелекъ съ золотомъ)*.

Гладковъ *(не беря кошелька)*. Ничего я, ваше высокопревосходительство, не могу сдѣлать чрезъ то.

Волынский *(не слушая его)*. Сдѣлаете или нѣтъ—моя рука не оскудѣетъ отъ того!... Если господа офицерство будутъ мало лицепріятны къ Елизаветѣ, то цесаревна безъ поддержанія еще болѣе отклонится отъ мысли о царствованіи; Анна Леопольдовна, какъ сказала мнѣ, не хочетъ его для сына, и тогда, послѣ смерти императрицы, въ разумѣ сената и народа и останется одинъ Биронъ. Словно по Божескому предсказанію, я давно еще предрѣкалъ, что онъ въ Годуновы ладить, и вся моя кровь, коя, скажу не таячись, носитъ въ себѣ наслѣдіе московскихъ царей, волнуется, и бѣснуетъ меня, и покуда духъ Волынскаго не изшелъ до послѣдняго—я не поущу того!.. Я самъ его ближе стою къ престолу царей російскихъ; прабабка моя была родная сестра Дмитрія Донскаго... Въ картинѣ родословнаго дерева моего она нарисована коронованною московскимъ вѣнцомъ, и я по прямой линіи отъ нея нисхожу, а не забѣглая курляндская собака.

При этихъ словахъ Гладковъ тупится и блѣднѣетъ.

Волынский. Вразумительнѣ всего промежъ

господь офицеровъ надо пустить сію рацею; что худо имъ было отъ него при императрицѣ, а когда самъ онъ, чего не дай Богъ и слышать, сдѣлается самодержцемъ, такъ будетъ еще и хуже того!.. (*прислушиваясь къ раздающемуся въ залъ пѣнію: «какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкъ»*). О-го, какъ ребята разгулялись!... Вы сами поѣзжайте въ Семеновскій полкъ... Тамъ, подъ моей сурдинкой, тоже поетъ Дорошенко... Посмотрите, какъ это все у нихъ на сердцахъ отражается, а я пойду покедова къ преображенцамъ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Гладковъ (*одинъ, съ злобной усмѣшкой*). Биронъ ладитъ въ Годуновы?.. Самъ-то ты тоже не туда ли ладишь? Поди этакія рацеи пускай промежь господь офицеровъ *). Больно ужъ вы, Артемій Петровичъ, привыкли людей-то кидать въ жерло огненное, словно щепки!... Анна Леопольдовна не хочетъ престолонаслѣдія сыну... Не приняла она васъ сегодня, какъ персону въ немилости,—это я знаю, вотъ и не надо значить ее (*съ поблѣднѣвшимъ мгновенно лицомъ и съ дрожащими губами*). Такъ я возведу принцесу на тронъ!.. Я клятву ей принесъ въ томъ—не однимъ вамъ тамъ выслуживаться!... Теперь, пожадуй, изъ за пустой его болтовни попадешь вмѣстѣ съ нимъ головой въ омутъ! Деньги эти, чертъ бы еще съ ними, даль!.. Если возвратить ему и оставить здѣсь,

*) От. Зап. А. П. Вольнскій, стр. 148.

сейчасъ догадается, что перекинулся на другую сторону!.. Лучше ужь послѣ, какъ ни на есть, возвращу; а теперь пока сначала заверну, для близиру, къ семеновцамъ, а потомъ и къ герцогу... все донесу ему!...

(Идетъ неторопливо. Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

Тайная канцелярія.

27 ІЮНЯ 1740 ГОДА.

ЯВЛЕНІЕ I.

За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, съ поставленнымъ на немъ зеркаломъ, сидятъ: фельдмаршалъ князь Трубецкой, кабинетъ-министръ князь Черкасскій, тайный совѣтникъ Наумовъ, совѣтникъ адмиралтействъ коллегіи Мишукъ, оберъ-стеръ-крикъ-комисаръ Микулинъ, майоръ гвардіи Стрешневъ, бригадиръ отъ полиціи Унковскій, секретарь суда ассесоръ Хрущевъ *).

Хрущевъ (читаетъ). «Бывшему кабинетъ-министру Волынскому, преданному суду по извѣтамъ на него камердинера его Кубанца и поручика пре-

*) Записка объ Арт. Петр. Волынскомъ. Чт. Об. Истор. и Древн. Т. II, стр. 161.

ображенскаго полка Гладкова, нынѣ по всѣмъ его винамъ, а также по винамъ его кофидентовъ, поручика кирасирскаго полка Салтыкова и секретаря г-на Волинскаго Иринарха Гладкова, приговоръ учиненъ; но допреждъ приведенія онаго въ исполненіе въ законахъ указано: опросить ихъ, не имѣютъ ли они чего сказать въ препону ихъ доносителямъ».

Трубецкой (мрачнымъ, но не совсемъ твердымъ голосомъ). Поставьте ихъ въ очную ставку!

Бригадиръ Унковскій встаетъ, кланяется ему и уходитъ.

Наумовъ. Все жалуется Волинскій, что мы его судимъ.

Мишуровъ. И Христа судили,—не то, что кого изъ насъ!...

Трубецкой на нихъ строго взлadyваетъ; оба они замолкаютъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Съ лѣвой стороны изъ трехъ разныхъ дверей выводятъ подъ стражей: изъ среднихъ дверей — Волинскаго; онъ безъ парика, лицо его болѣзненно, глаза потухшіе; на немъ нѣтъ ни крестовъ, ни лентъ; шелковой цвѣтной кафтанъ и камзолъ его изорваны и запачканы; правая рука раздроблена и не дѣйствуетъ *). Изъ ближайшихъ дверей къ аванъ-сценѣ вводятъ Салтыкова, въ домашнемъ мундирѣ кирасирскаго офицера; а изъ заднихъ — старика Гладкова, въ поношенномъ кафтанѣ и камзолѣ; онъ глядитъ на всѣхъ, какъ бы не понимая ничего. Изъ дверей на другой сторонѣ сцены вы-

пускаютъ Кубанца, а вслѣдъ за ними входитъ и Унковскій и становится у стола.

Трувецкой (не глядя на Волинскаго и показывая рукой на Кубанца). Прочтите его извѣтъ!

Хрущевъ (откашливается и читаетъ). «Родомъ я крещеный татаринъ Василій Кубанецъ. Господниъ баринъ мой, Артемій Петровичъ Волинскій, про его свѣтлость герцога Бирона говаривалъ, что аки бы онъ въ Годуновы ладить и сына хотѣлъ женить на принцесѣ; но, слава Богу, та и не подумала; сочиненіе генеральное писалъ, и все его для совѣщанія и похвальбы г-ну секретарю Гладкову читалъ; въ новгородскую губернію меня, Кубанца, посылалъ къ Аннѣ Петровнѣ Долгоруковой поклонъ свезть; всегда въ удовольствіе свое имѣлъ читать книгу Юстіа Липсіа, гдѣ писалось объ римскихъ царицахъ: «Это бы, говаривалъ, хоть и для нынѣшняго времени читать!» а иногда приговаривалъ: «она, она!» *) (къ Кубанцу). Твой ли это извѣтъ?

Кубанецъ (съ дрожжащими мускулами въ лицѣ). Мой самый-съ!

Хрущевъ (Волинскому). Не имѣете ли вы въ препону чего сказать противъ того?

Волинскій (съ горькой усмѣшкой разводя одной рукой). Что мнѣ сказать? — Семьдесятъ дней **) вы меня

*) Зап. объ А. П. Волинскомъ, Чтеніе Общества Исторіи и Древностей, стр. 147 и От. Зап. ст. А. П. Волинскій, стр. 555. примѣч. 17.

**) Волинскій преданъ слѣдствію и суду 13-го апрѣля 1740 г., а казненъ 27-го іюня 1740 года. (Зап. о Волинскомъ, Чтеніе Общества Исторіи и Древностей, стр. 141 и От. Зап. ст. А. П. Волинскій, стр. 569). <http://rcin.org.pl>

спрашиваете, мучаете, пытаете... наговорилъ, можетъ, на себя, чего и въ помыслахъ никогда не бывало, а тутъ еще холопа моего приводите на меня!... За деньги я его, поганца, купилъ, за деньги въ худыхъ и добрыхъ дѣлахъ онъ мнѣ служилъ, такъ, чаю, служить и теперь изъ-за того же кому это надо: никакихъ препонъ я болѣе того не скажу, и ни единого слова его за собой не оставлю!

Хрущевъ (*Салтыкову*). Вы?

Трувецкой (*строго Хрущеву*). Что вы не помните, что докладываете: на господина поручика Салтыкова у него нѣтъ извѣта!

Салтыковъ (*притопывая ногой и показывая публикѣ на Кубанца*). Мнѣ ужасно хочется расколотить его татарскую морду!

Хрущовъ (*старика Гладкову*). Вы?

Старикъ Гладковъ (*какъ бы очнувшись отъ сна*). Ваше высокородіе, пусть онъ самъ (*показываетъ на Кубанца*) скажетъ, на какомъ я у его высокопревосходительства Артемья Петровича ругательствахъ всегда былъ, а станетъ онъ мнѣ читать что для совѣщанія, али-бы похвальбы!

Кубанецъ (*потупляя глаза*). У нихъ-съ и другіе всѣ приказные и всякая прислуга всегда была на большихъ ругательствахъ.

Волынскій (*поднимая раздробленную руку и грозя ей Кубанцу*). Только не ты, каналья, не ты, мерзецъ! (*обращаясь къ судьямъ*). Въ законахъ указано: «въ дѣлахъ грабительскихъ и смертныхъ ничего на господъ отъ холоповъ не принимать,» почему же сего законоположенія не примѣнено ко мнѣ?

Трувецкой (*Ваши вѣны государственныя и*

измѣническія, а не грабительскія; окромѣ сего вы имѣете извѣтъ на васъ и отъ дворянина. (Къ Унковскому). Введите другаго извѣтчика.

Унковскій, дѣлая знакъ Кубанцу головой, уходитъ съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же безъ Унковскаго и Кубанца.

В о д ы н с к і й (*къ судьямъ своимъ*). Почтенные и превосходительные господа!... Горе и язвы мои (*показывая на раздробленную руку*) дали мнѣ прозрѣніе, коего вы, въ благахъ жизни вашей, можете, не имѣете: великъ и страшень господинъ герцогъ Биронъ, но Господь Богъ страшнѣе и грознѣе его! Не бойтесь временнаго, чelовѣчьяго гнѣва, чтобы не стяжать вѣчнаго гнѣва Божья!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Унковскій, впуская впереди себя поручика Гладкова.

С а д т ы к о в ъ (*первый его увидавъ*). Гладковъ!

В о д ы н с к і й (*взглянувъ на него и обращаясь къ старику Гладкову*). Сынъ твой?

Старикъ Гладковъ распускаетъ руки и потупляетъ голову.

Т р у б ь ц к о й (*съ презрѣніемъ обращаясь къ молодому Гладкову*). Въ войскахъ я зналъ измѣнниковъ, ренегатовъ, трусовъ, но за доносчика я первого васъ, гос-

подинъ поручикъ, встрѣчаю изъ господъ офицеровъ!...

Гладковъ молчитъ и только еще больше блѣднѣетъ.

Трувецкой. Повторите вашъ доносъ устно, а ежели какія слова скажете не такъ, какъ говорили, самихъ васъ велю пытать!

Гладковъ. Я повторю все-съ!

Салтыковъ, сложивъ руки на груди, уставляетъ на него насмѣшливый взглядъ; Волинскій стоитъ, склонивъ голову; старикъ Гладковъ отвернулъ свое лице въ сторону и закрылъ его руками.

Гладковъ (начинаетъ говорить нетвердымъ голосомъ и отрывистыми фразами). Г-нъ кабинетъ-министръ Волинскій... 5-го марта, на вечеринкѣ у господина Салтыкова... говорилъ мнѣ, чтобы я вывѣдывалъ сколько господа офицеры... лицепрiятны на счетъ цесаревны Елизаветы Петровны... говорилъ, что онъ самъ близокъ къ престолу росiйскому... что въ картинѣ его родословнаго дерева прабабка его... нарисована коронованною московскою короною... что она—родная сестра Дмитрiя Донскаго.

Салтыковъ (не стерпя). Вы лжете, Гладковъ!.. Когда это было?

Гладковъ (все болѣе и болѣе овладевая собою). Это было послѣ того, какъ вы пѣли пѣсню, какъ герцогъ Биронъ мучитъ и изтязуетъ офицеровъ... За то, чтобы я исполнилъ порученiе г-на Волинскаго, онъ далъ мнѣ сто червонцевъ, которые присемъ и возвращаю (подходитъ къ столу и кладетъ на него деньги).

Трувецкой (строимъ голосомъ Волинскому). Не имѣете ли вы чего сказать противъ того?

В о л ы н с к і й *(на нѣсколько минутъ поднимаетъ гордо голову)*. Господинъ фельдмаршалъ, вы не съ сего часу меня знаете! Чтобы я дѣлалъ такъ и говорилъ, надо полагать, али бы помѣшанный я былъ, али бы дуракъ съ рожденія! *(совсѣмъ мрачнымъ голосомъ)*. Какая теперь мнѣ впереди участь установлена, я ужъ зрю ясно; но за едино со мной, прошу васъ, велите казнить и доносчика моего!.. *(Показывая на Гладкова)*. Изъ скудныхъ гарнизонныхъ офицеришковъ я возвелъ его въ Преображенцы!.. Одинъ домъ мой, чаю, былъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ сладко съѣлъ и обласканъ былъ!.. Племянникъ мой, господинъ Салтыковъ, считая его себѣ за лучшаго друга, дѣлилъ съ нимъ послѣднюю рубаху, и за все сіе онъ пошелъ и оболгалъ насъ смертными преступленіями, такъ онъ оболжетъ и васъ, и герцога Бирона, такъ оболгалъ, чаю, и отца своего!

Г л а д к о в ъ. Я не оболгалъ, а донесъ ради соблюденія данной мною присяги.

В о л ы н с к і й. Двадцати еще присягамъ ты измѣнишь и донесешь, негодяй!

Т р у в е ц к о й *(строимъ голосомъ)*. Г-нъ Волинскій!...

В о л ы н с к і й. Не унижайте меня, г-нъ фельдмаршалъ! Я человекъ, а не Христось: не иму еще въ душѣ моей власти молится за враговъ моихъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Биронъ, въ полномъ мундирѣ оберъ-камергера и въ андреевской мантии; не обращая вниманія на поклонъ подсудимыхъ, онъ подходитъ къ судейскому столу.

Биронъ (къ членамъ суда). Пока вы судъ вашъ и дѣло производили, я не стѣснялъ вашей справедливости и нивакихъ по оному мнѣнїи не представлялъ; даже жалобъ на оскорбленія, которыя господинъ Волинскій учинялъ мнѣ персонально, не приносилъ.

Волинскій (поднимая голову къ Бирону). Когда и въ чемъ мои оскорбленія къ вамъ, герцогъ, были?

Биронъ (почти не обращая къ нему головы). Въ нашемъ домѣ меня чернымъ ворономъ именовали, намекая, полагаю, на ворона, кой въ герцогскомъ гербѣ моемъ изображенъ. Въ присутствїи совѣта вы въ лицо мнѣ меня вассаломъ польской націи и пожителемъ сего недоброжелательствующаго намъ народа назвали!.. За все сіе, если бы только оно персонально меня касалось, я, какъ честный рыцарь, потребовалъ бы отъ васъ сатисфакціи на оружіи; но здѣсь оскорбленъ титулъ герцога курляндскаго, титулъ за коимъ государыня императрица *) въ замужествѣ состояла, и ежели я титулъ сей чѣмъ либо унижилъ, или что къ измѣнѣ государства россійскаго сдѣлалъ, я государынѣ императрицѣ два смертныхъ

*) Прошеніе Бирона От. Зап. ст. А. П. Волинскій, стр. 115.

приговора представляяъ *): одинъ, (*къ судьямъ*) кой вы г-ну Волинскому составили, а другой, кой я самъ себѣ написалъ... Государынѣ благоугодно было утвердить первый и разорвать послѣдній!

В о л ы н с к і й (*отступая назадъ и весь поглядывая*). Не- правда, Биронъ, неправда! Государыня милостивѣе того ко мнѣ!

Б и р о н ъ (*подавая приговоръ Трубецкому*). Объявите приговоръ подсудимымъ!

Т р у б е ц к о й (*передавая приговоръ Хрущеву*). Прочтите!

Х р у щ е в ъ (*читаетъ нетвердымъ голосомъ*). «Вины г-на Волинскаго изображены нижеслѣдующія: первое, онъ составилъ продерзостное, плутовское письмо для приведенія вѣрныхъ ея величеству рабовъ въ подозрѣніе; второе, уподобляя ея величество, описанной въ Юстѣ Липсіа, паридѣ; третье, настоящее время называлъ временемъ Годунова; четвертое, сочиняя разные злодѣйскіе разсужденія и проэекты. За всѣ сіи его важныя, клятвопреступническія, возмутительныя и измѣнническія вины, злыя намѣренія и прочія преступленія вырвать ему языкъ, отсѣчь правую руку и голову; дочерей постричь въ монастырь; сына сослать въ Сибирь и по возрастѣ отдать въ солдаты, и все имѣніе ихъ, Волинскихъ, конфисковать» **).

Нѣсколько времени продолжается молчаніе. Всѣ судьи сидятъ, потупившись.

*) Приложенія къ запискамъ Нащекина, стр. 219.

***) Записк. объ А. П. Волинскомъ, Чтеніе Общества Исторіи и Древностей, стр. 161 и 162.

В о л ы н с к і й (*вдругъ выступаетъ и становится передъ Бирономъ на колѣни* *)). Биронъ... Герцогъ!... Ваша свѣтлость!.. по слабости человѣческой къ животолюбію, съ позору колѣнь моихъ молю васъ оставьте мнѣ жизнь! Каюсь, я виноватъ передъ Богомъ и ея императорскимъ величествомъ: много въ мерзкихъ словахъ и въ продерзостныхъ поступкахъ прегрѣшеній учинилъ, но учиню и исправленіе тому! Казнить меня вы всегда еще успѣете не то, что увидя отъ меня что худо, а ежели только не радѣленъ буду къ особѣ вашей: завѣрю васъ, герцогъ, Волынской будетъ еще вамъ нуженъ!.. Звѣзды великихъ людей восходятъ и нисходятъ, снисшите меня теперь вашей милостью, чтобы обрѣсти меня потомъ и въ дни вашей скудости!

Опять продолжается нѣсколько минутъ молчанія.

Б и р о н ъ (*съ опущенными въ землю глазами*). Я не могу измѣнить вашего приговора!

В о л ы н с к і й (*медленно поднимаясь съ колѣнь*). Ну, Биронъ, я думалъ, что вы умѣе того, чѣмъ являете теперь себя!.. Я думалъ, что вы вострой бритвы боитесь только въ чужихъ рукахъ, а въ свою съ радостью ее схватите...

Б и р о н ъ (*къ Унковскому*). Приступайте къ исполненію приговора!

У н к о в с к і й (*приближаясь къ Волынскому*). Поспѣшите!

В о л ы н с к і й (*не обращая вниманія и обращаясь снова къ судьямъ*). Я и прежде еще говаривалъ: намъ, русскимъ, хлѣбъ не надобенъ: мы другъ друга ѣдимъ и

*) Записк. объ А. П. Волынскомъ, Чтеніе Общества Исторіи и Древностей, стр. 165.

чрезъ то сыты бываемъ *)!.. Не за преступленія мои, коихъ вы каждый сторицею больше моего имѣете, казните вы меня; а разумъ мой свѣтлый противенъ вамъ! что къ государственному дѣлу я склонилъ и способилъ васъ!.. Кровь моя да падетъ на васъ и на чадъ вашихъ!

Биронъ поворачиваетъ свою голову.

Унговскій (торопливо стражамъ, показывая на Волынскаго). Уведите его!

Стража беретъ Волынскаго.

Волынскій (Салтыкову, который стоитъ, отвернувшись и плачетъ). Не плачь, прощай!

Салтыковъ. Со злости, дядя, плачу, а не отъ другаго чего!

Волынскій обнимаетъ Салтыкова, а старику Гладкову протягиваетъ руку.

Старыкъ Гладковъ (цѣлуя у Волынскаго руку). Простите меня, ваше высочайшее превосходительство, за моего змѣеныша!

Волынскій (останавливаясь, беря себя за голову и какъ бы въ безпамятствѣ). Въ отче нашъ сказано: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!» такъ стало, когда я не оставлю, я на себя прошу: «и мнѣ не оставь **»). (Кланяясь судьямъ). Оставляю вамъ все долги ваши! (Поворачивается къ дверямъ, чтобы идти, но вдругъ останавливается). Это ужъ и священникъ!.. Удивляюсь: — онъ тотъ

*) Зап. объ А. П. Волынскомъ, Чт. Общ. Ист. и Древн. стр. 136.

***) Зап. объ А. П. Волынскомъ, Общ. Ист. и Древн. стр. 164.

самый, коего я видѣлъ сегодня во снѣ, что онъ будетъ напутствовать меня! Буди во всемъ воля Божья! (склоняетъ голову и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ же безъ Волинскаго и Унковскаго.

Биронъ (по прежнему не перемѣняя своего неподвижнаго положенія и все оставаясь лицомъ къ аванъ-сценѣ). Прочтите и прочимъ приговоръ!

Хрущевъ (беретъ бумагу и читаетъ). «Поручива Салтыкова, за конфиденство его съ дядей Волинскимъ, лишивъ чиновъ, сослать въ Москву въ монастырь, подъ присмотръ настоятеля монастырскаго!»

Салтыковъ (съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ). Поблагодарите государыню, что она оставила мнѣ жизнь; служить ей я еще буду, а съ вами, Гладковъ, также еще повстрѣчаюсь!

Раскланивается своимъ судьямъ и, сопровождаемый стражей, уходитъ.

Хрущевъ (читаетъ). «Секретаря Гладкова, за слушаніе имъ съ похвальбой, богомерзкихъ и законопротивныхъ сочиненій начальника его Волинскаго, а также за писаніе указовъ объ выключеніи изъ коношенной службы нѣкоторыхъ нѣмцевъ, заковать въ ножны и держать въ крѣпости» *).

Старикъ Гладковъ (кланяясь сыну). Спасибо, сынокъ, всѣхъ въ тюрьму упряталъ... Единымъ я пе-

*) Зап. объ А. П., Волинскомъ, Чт. Общ. Ист. Древн. стр. 168.

редъ людьми и Господомъ виновать, что родилъ тебя на свѣтъ, ненавистнаго! Съ малыхъ лѣтъ мать и я были мы у тебя только на пересмѣшкахъ!.. Что тебѣ не сдѣлай, — все тебѣ мало и ничѣмъ ты не благодарствуешь, — и наконецъ всего, на! на благодѣтеля своего пошелъ и донесъ. Идя на вѣчное мое заключеніе, не прощаюсь я съ тобой, а прокли-
наю тя!

Поднимаетъ торжественно руки и уходитъ.

Трувецкой (обращаясь насмѣшливо къ Гладкову). Не желательно бы, господинъ поручикъ, быть на вашемъ мѣстѣ никому!..

Биронъ (серьезно взглядывая на Трувецкаго). Ваше засѣданіе, господа, вы можете превратить!

*Всѣ встаютъ, почтительно раскланиваются съ нимъ и уходятъ;
Гладковъ остается.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Биронъ и Гладковъ.

Биронъ (Гладкову). Я вамъ дамъ сейчасъ отчетъ, по коему исполнилъ ваши порученія. Вы желали, чтобы я предложилъ отъ васъ руку фрейлинѣ принцессы Анны Леопольдовны, дѣвицѣ Дмитревой?

Гладковъ. Въ этомъ, ваша свѣтлость, весь вѣнецъ моихъ желаній!

Биронъ. Гдѣ-жь вы познакомились съ дѣвицей Дмитревой?

Гладковъ. Я по два лѣта держалъ караулъ на дачѣ принцессы. <http://rcin.org.pl>

Биронъ. Дѣвица Дмитрева, сколько мнѣ кажется, не красива изъ лица!

Гладковъ *(потупляясь)*. Сердце, ваша свѣтлость, дороже красоты!

Биронъ. Гмъ... А сама дѣвица Дмитрева расположена къ вамъ душевно?

Гладковъ *(еще болѣе потупляясь)*. Имѣю увѣренія ея въ томъ.

Биронъ. Она теперь по приглашенію моему тамъ на верху. Велите служителю, чтобы онъ попросилъ ее сойти сюда!

Гладковъ уходитъ.

Биронъ *(одинокъ къ публикѣ)*. Русскіе многіе плуты, а этотъ и изъ многихъ очень плутоватый!

Гладковъ возвращается.

Биронъ *(снова продолжаетъ ему говорить)*. Вы потому просились быть адъютантомъ принца Антона Ульриха. Я говорилъ о томъ принцу, онъ беретъ васъ въ адъютанты. Такимъ манеромъ супруга ваша будетъ непрестанно пребывать передъ принцессой, а вы передъ принцемъ; какъ нѣжные супруги, вы будете откровенны другъ съ другомъ, и найдете потомъ маленькое время завернуть ко мнѣ, какъ къ вашему старому знакомому, рассказать, какъ у васъ тамъ происходитъ...

Гладковъ *(нѣсколько подумавъ)*. Мнѣ, кромѣ вашей свѣтлости, служить некому.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Варвара Дмитриевна въ костюмѣ фрейлины; съ лицомъ умнымъ, но рябымъ и некрасивымъ.

Биронъ (любезно встрѣчая ее). Verzeihen Sie, Fräulein, что я приглашаю васъ сюда; но дѣла не даютъ мнѣ свободы мѣнять не только костюма, но даже комнату (*подвигаетъ ей кресло и самъ садится*). Ich, bitte, setzen Sie sich!

Варвара Дмитриевна садится на кончикъ стула. Гладковъ остается на ногахъ.

Биронъ (*указывая ей на Гладкова*). Kennen Sie diesen jungen Offizieren?

Варвара Дмитриевна (*сильно сконфуженнымъ тономъ*). Да, я знаю очень хорошо Вячеслава Принархича!

Биронъ. Этотъ молодой человекъ имѣлъ сегодня неприятность: его родитель, по дѣлу Волынскаго, судомъ опредѣленъ на вѣчное зѣчненіе!

Варвара Дмитриевна (*взглянувъ съ участіемъ и съ удивленіемъ на Гладкова*). Батюшка вашъ? а вы мнѣ ничего и не говорили, что онъ подѣ судомъ!

Гладковъ. Я не ожидалъ самъ такой участи отцу!

Биронъ (*благоклонно взглядывая на него*). Я хотя на короткое время, но желаю заступитъ вамъ его! (*Обращаясь къ Варварѣ Дмитриевнѣ*). По русскому обычаю, говорятъ, можно быть родителемъ при крещеніи и свадебнымъ; крещеннымъ я ему не могу быть, потому что онъ выросъ и высокъ теперь... осталось

свадебнымъ, а это, онъ сказывалъ мнѣ, зависить отъ васъ!

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*сконфузившись*). Герцогъ!

БИРОНЪ. Er hat mir mitgetheilt, dass Sie sich heimlich lieben, и потому отказа я не жду!

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. О да, герцогъ, съ моей стороны, разумѣется; но принцесса! Sie wünscht für mich eine anständigere Partie!

БИРОНЪ. O, das thut nichts! Принцъ, по моему ходатайству, г-на Гладкова въ адъютанты къ себѣ зачислилъ, такимъ манеромъ вы имѣете совершенно равные ранги.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*плача*). Герцогъ, слезы благодарности наполняютъ всю мою душу; какъ и чѣмъ выразить ее?

БИРОНЪ. Будьте счастливы и откровенны другъ съ другомъ—вотъ чего я вамъ желаю (*встаетъ*). Оставляю васъ пользоваться первыми минутами счастливой любви! (*Кланяется обоимъ привѣтливо и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Варвара Дмитриевна, Гладковъ и потомъ служитель.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*восторжено*). Это ангелъ, а не человекъ! Я не знаю отъ чего принцесса такъ не любитъ его я не довѣряетъ ему!

ГЛАДКОВЪ (*разсѣяно*). А принцесса не любитъ его?

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. До глубины души

своей; но скажи, какъ и съ чего онъ тебѣ благодѣтелемъ становится?

Гладковъ (*сконфуженнымъ тономъ*). Началось, что призываетъ меня къ себѣ: «Хорошо, говоритъ, что вы не были конфидентомъ Волынскаго!»

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. А ты имъ никогда не былъ, а?

Гладковъ. Всегда совершенно избѣгалъ.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. Потомъ?

Гладковъ. Потомъ спросилъ, чего я желаю, чѣмъ меня наградить? Я говорю: «Одинъ вѣнецъ моихъ желаній просить руки Варвары Дмитриевны».

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*опять восторжено*). О, милый мой, мерсі, сто кратъ мерсі! (*Складываетъ набожно руки и устремляетъ глаза на небо*). Благодарю тебя, Боже, что меня взяли къ принцессѣ, и глупенькую меня поучили, и что я не противнымъ лицомъ моимъ, а разумомъ плѣнила тебя! А въ адъютанты самъ ужь ты попросился, чтобы не разлучаться со мной?

Гладковъ (*нетвердымъ голосомъ*). Въ адъютанты самъ попросился.

Входитъ служитель и начинаетъ убирать со стола.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*начиная тормошить Гладкова*). Ну такъ что же ты скучный и грустный такой?—будь веселъ!—Тебя участь родителя беспокоитъ—такъ, да?

Гладковъ (*пожимая плечами*). Разумѣется!

Раздается барабанный бой и пабатный колоколь.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*торопливо обертываясь къ служителю*). Что это такое?

СЛУЖИТЕЛЬ. Волынскаго везутъ казнить.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. Ужасъ что такое! (закрываетъ лице руками и потомъ вдругъ обращается къ Гладкову) и, говорятъ, какой-то офицеръ первый донесъ на него—ты слышалъ?

ГЛАДКОВЪ (дрожа). Нѣтъ!

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. Что онъ долженъ чувствовать теперь въ эту минуту, слыша этотъ погребальный звонъ; но посмотри и ты-то какой блѣдный!

Гладковъ отворачивается отъ нея.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. Отъ чего это—а?

ГЛАДКОВЪ (съ досадою). Я думаю, вѣдь, и участь отца моего также теперь рѣшается.

Колокольный звонъ и барабанъ прекращаются.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (восторженно). Затихло все!.. Радуйтесь и будьте счастливы теперь всѣ его враги и доносчики.

Гладковъ беретъ себя за виски, какъ бы боясь, что у него выскочитъ мозгъ.

СЛУЖИТЕЛЬ. Языкъ г-ну Волынскому еще въ темницѣ отрѣзали, чтобы не крикнулъ чего! Какъ стѣна тихая народъ шелъ! Кажись, кабы слово онъ промолвилъ, всѣхъ бы на кусочки розняли!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ Ш.

Парадная гостиная въ дворцѣ Бирона.

18 ОКТЯБРЯ 1740 ГОДА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Два камеръ-лакея; одинъ снимаетъ чехлы съ мебели, а другой сметаетъ метелкой пыль.

ПЕРВЫЙ КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ (*со вздохомъ*). Умерла, братъ, наша матушка государыня, Анна Іоанновна...
Добрая она была!

ВТОРОЙ КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ. Добрая. Теперь на счетъ присягъ ихъ всего больше мутить: на дняхъ какъ то этта въ Альбрехту привели мальчишку изъ фельдшарной школы—косу поправить. Онъ его сейчасъ въ допросъ. «Что, говоритъ, про присягу говорятъ?» Тотъ съ дуру то и бухни. «Дяденька, говоритъ, Карнауковъ съ лакеемъ Педрило разговаривали, что у царевны Елизаветы Петровны указъ

состоялся, чтобы въ дому Анны Леопольдовны никого не пущать!..» и пошла переборка... драли, драли ихъ всѣхъ, и докащика съ ними *).

ПЕРВЫЙ КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ. Изнадругался онъ, паря, порядочно и надъ барами-то, не то что надъ чернью!

ВТОРОЙ КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ. Да чего, братецъ, мнѣ одинъ монашинеъ проходящій свазывалъ: «Мы ужъ, говоритъ, его въ церквахъ нашихъ потихоньку проклинять начинаемъ!..» Плети да казни, моры и голодъ только и видитъ отъ него народъ!

ПЕРВЫЙ КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ. Сама-то этта...

ВТОРОЙ КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ. Герцогиня-то?

ПЕРВЫЙ КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ. Да, кричитъ на метръ д'отеля. «Гдѣ, говоритъ, говядина, что бульонъ нехорошъ!» «Говядина, говорятъ, ваша свѣтлость, на кухнѣ.» «Носить, говоритъ, мнѣ каждый обѣдъ и показывать ее!» И разложили, братецъ, эту говядинищу-то по серебрянымъ блюдамъ, несутъ во дворецъ, смѣхъ, хохотъ у лакеевъ, паръ, душина отъ нея валить... Герцогъ, какъ увидалъ: «Что такое, говоритъ, вонъ подите!» Лакей драло назадъ, и герцогиня не пивнетъ: видитъ, что не дворцовое это дѣло!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Герцогъ Биронъ въ полномъ траурѣ и за нимъ Гладковъ.

Биронъ (камеръ-лакеямъ). Уйти отсюда!

Тѣ почтительно кланяются ему и уходятъ.

*) Маркизь Шетарди въ Россіи, изд. Цекарскаго, стр. 180.

Биронъ (*Гладкову строго*). Офицеры Семеновскаго полка собрались у принца, бранили меня, какъ и въ домѣ г-на Волинскаго... Предлагали принцу быть регентомъ *).

Гладковъ. Ваша свѣтлость изволите знать, что принцемъ я былъ командированъ на двѣ недѣли дѣлать за Поклонной горой облаву на медвѣдя...

Биронъ (*внимательно взглядывая на него*). А жена ваша почему не писала вамъ о томъ?

Гладковъ. Жена моя, я увѣренъ, и не знала того, а если бы и знала, то письму побоялась бы довѣрить такую тайну.

Биронъ. По крайней мѣрѣ по прїѣздѣ она вамъ рассказывала, что у нихъ происходило?

Гладковъ. По прїѣздѣ она ничего мнѣ не говорила, а я ее также не спрашивалъ, боясь показать ей много любопытства, потому что, замѣть она это, совершенно ничего не будетъ говорить мнѣ, по преданности своей къ принцессѣ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Тѣ же и камеръ-лакей.

Камеръ-лакей (*звучнымъ голосомъ*). Саксонскій посланникъ, графъ Линаръ!

Биронъ (*нахмуривая брови и про себя*). Прїѣхалъ вывѣдывать! (*Къ камеръ-лакею*). Проси, помедля немного.
Лакей уходитъ.

*) От. Зап. статья: Событія въ Петербургѣ 1740 и 1741 годахъ, стр. 294.

Биронъ (*Гладкову*). Вы его видали: онъ частый гость у принцессы. Доложите ему, что печаль и государственныя занятія мѣшаютъ мнѣ къ нему выйдти, а приметь его герцогиня.

Гладковъ. А мнѣ потомъ какія будутъ приказанія, ваша свѣтлость?

Биронъ. Приказаніе дожидаться здѣсь во дворцѣ новыхъ моихъ приказаній. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гладковъ (*въ раздумьѣ*). Богъ вѣдаетъ куда приведетъ меня фортуна моя, идешь все равно что Данилъ во рву между львами—либо тотъ, либо другой растерзаетъ, а ноги оставь меня, какъ стараго архимандрита, на покоѣ, хуже смерти для меня то будетъ: словно змѣя какая, сосетъ мнѣ сердце непрестанное желаніе возвыситься... Отъ царства небснаго, кажись, готовъ бы былъ отказаться для того! (*Помолчавъ*) Жена мнѣ сказывала, что генераль - фельдмаршалъ Минихъ влѣтвенно обѣщался принцессѣ освободить ее отъ герцога Бирона. Принцесса сама изволила меня посылать къ нему и вѣроятно напредь сего сдѣлала ему рекомендацію обо мнѣ. Фельдмаршалъ смѣрялъ меня съ головы до ногъ: «Вы, говоритъ, сказываютъ, очень храбрый и смѣлый офицеръ», «Ваше превосходительство», говорю, «какія опасности въ жизни встрѣчалъ, никогда ими не утрашался!» «И не утрашайтесь, говоритъ, утрашаются только люди слабые умомъ и духомъ!» (*Показывая головою на дверь*). Графъ этотъ больше всѣхъ стоитъ мнѣ попе-

рекъ дороги — какъ нужно будетъ, такъ и убью: онъ проходитъ ночью поздно по коридору, на меня не подумаютъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Гладковъ и графъ Линаръ.

Г Р А Ф Ъ Л И Н А Р Ъ (*красавецъ изъ себя, свысока кивая Гладкову головой*). Gut Morgen!

Г Л А Д К О В Ъ (*почтительно*). Герцогъ занятъ и вась приметъ герцогиня!

Графъ Линаръ красиво ему улыбается.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ же и герцогиня въ дорогомъ траурномъ платьѣ.

Г Р А Ф Ъ Л И Н А Р Ъ (*ловко раскланиваясь передъ ней*). Герцогиня, отъ имени государя моего позвольте мнѣ выразить печаль о потерѣ, постигшей всю Россію, герцога и все ваше семейство.

Г Е Р Ц О Г И Н Я (*также передъ нимъ модно присѣдая*). Изъясните вашему государю, что какъ наша печаль ни велика, но мы ее забываемъ передъ тѣмъ, что потеряла Россія — какъ и что съ ней будетъ — не знаемъ! По крайней мѣрѣ такъ думаетъ мой мужъ. Движеніемъ головы приглашаетъ посланника садиться и сама также садится.

Г Р А Ф Ъ Л И Н А Р Ъ (*нѣсколько конфузясь*). Говорятъ,

по завѣщанію государыни, до совершеннолѣтія императора, государствомъ будетъ править герцогъ.

Герцогиня. Не знаю—это пока государственная тайна.

Камеръ-лакей (*входя*). Французскій посланникъ маркизъ де-ля-Шетарди!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и маркизъ де-ля-Шетарди.

Герцогиня (*слежа присѣдая передъ нимъ*). Герцогъ очень занятъ дѣлами и поручилъ мнѣ принять васъ.

Маркизъ де-ля-Шетарди (*нѣсколько поморщась*). Ваше траурное платье, герцогиня, объясняетъ причину моего визита.

Герцогиня (*уже нѣсколько кокетничая, но съ чувствомъ*). Да, пришлось надѣть этотъ печальный нарядъ.

Маркизъ де-ля-Шетарди. Генераль Любрасъ, вчерашняго числа, извѣстилъ меня, что императрица призвана въ вѣчность, и объявилъ, что на русскій престолъ вошелъ царь Іоаннъ III подъ регенствомъ герцога (*).

Герцогиня (*по прежнему съ важностью*). Въ этомъ есть много, что не рѣшено!

Маркизъ де-ля-Шетарди. По крайней мѣрѣ, я питаю надежду, что при настоящемъ порядкѣ дѣлъ не измѣнится благорасположеніе Россіи къ

(*) Маркизъ Шетарди въ Россіи. Изданіе Пекарскаго, стр. 141

Франціи, о чемъ я и поспѣшилъ извѣстить моего короля.

ГЕРЦОГИНЯ (*съ совершенной уже важностью*). Да, это такъ—да!

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ (*входя*). Графъ Остерманъ и графъ Минихъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графъ Остерманъ, его ввозятъ въ кресль, оба посланника поотодвигаются, чтобы дать ему мѣсто ближе къ хозяйкѣ.

ОСТЕРМАНЪ (*наклоня, какъ котъ, голову на сторону*). Желаніе представиться герцогу и вамъ, герцогиня, вызвало меня на величайшую невѣжливость: явиться къ вамъ въ креслѣ, къ которому приговала меня моя тяжкая болѣзнь.

ГЕРЦОГИНЯ (*съ важностью и тонируя*). Графъ, въ этомъ креслѣ вы являлись въ кабинетъ императрицы и только дѣдаете мнѣ величайшую честь, входя въ немъ и въ мою скромную гостиную.

ОСТЕРМАНЪ (*кивая головой посланникамъ*). Bonjour, Monsieur! Gut Morgen, графы! (*къ герцогинь, показывая на посланниковъ*). Присутствіе такихъ высокопочтенныхъ гостей не показываетъ, чтобы ваша гостиная была изъ скромныхъ!

ГЕРЦОГИНЯ (*обидясь*). Я васъ, графъ, не понимаю!

ОСТЕРМАНЪ (*ни мало не сконфузясь*). Я не помню гдѣ-то читывалъ въ исторіи, что возвышеніе госу-

дарственныхъ людей всегда можетъ познаваться потому, какъ много и какъ часто ѣздятъ къ нимъ посланники!

Герцогиня *(опять важно и протяжно)*. Да... вотъ что!

Маркизь де-ля-Шртарди. Oui, c'est vrai!
Графъ Динаръ только красиво улыбается.

Герцогиня Гдѣ же графъ Минихъ? объ немъ я слыхала докладывали!

Остерманъ *(Герцошнль)*. Мы пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ, но онъ увидѣлъ, что дворцовый караулъ что-то не въ порядкѣ, разшумѣлся, раскричался...

Герцогиня *(съ нѣкоторымъ уже безпокойствомъ)*. Что тамъ такое произошло?

Остерманъ. Не военный и человѣкъ; ничего въ ихъ гнѣвѣ не понимаю, хоть и признаю всю его основательность!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и графъ Минихъ.

Герцогиня *(любезно обращаясь къ нему)*. Какой вы, графъ, сегодня грозный, сердитый!..

Минихъ. Извиняюсь, герцогиня! *(Обращаясь къ Остерману)*. Наша воинская канцелярія, Бога забывъ, перевираетъ: я имъ одинъ разъ навсегда сказалъ, что герцогъ желаетъ, чтобы дворцовый караулъ держали гвардейцы, а они сегодня поставили армейскихъ драгунъ!

Герцогиня. Да, пожалуйста, чтобы гвардейцы были!

Минихъ. Я сейчасъ послалъ, чтобы преобразенцы постоянно держали. — Герцогъ?

Герцогиня. Онъ сегодня очень грустенъ и занятъ дѣлами.

Минихъ (*развязно и какъ бы ничегу не подозрѣвая*). Я не знаю, намъ вотъ сегодня съ графомъ (*показываетъ на Остермана*) Бестужевъ сигнализировалъ по-вѣтками, чтобы мы съѣхались во дворецъ, и что всѣмъ намъ настоятельно нужно видѣть герцога.

Герцогиня (*какъ бы съ неудовольствіемъ*). Ахъ, этотъ геръ Бестужевъ измучилъ герцога съ своими дѣлами: онъ прѣждаетъ къ нему днемъ, ночью, совѣтуется, спорить съ нимъ!

Маркизь де-ля-Шетарди. Это, я слышалъ, очень дѣятельный человекъ и любитъ трудиться.

Остерманъ (*потверждая*). Очень!.. очень!.. (*продолжаетъ нѣжнымъ голосомъ*). И что удивительнаго, Алексѣй Петровичъ еще молодъ, образованъ, сердеченъ (*прислушиваясь*). Вотъ кажется и онъ; леговъ на номинѣ! (*вздыхаетъ*).

Камеръ-лакей (*входя*). Кабинетъ - министръ Бестужевъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Бестужевъ, *входя тотчасъ же за камеръ-лакеемъ.*

Бестужевъ (*кивнувъ слегка головой Остерману, Миниху, посланникамъ и прямо обращаясь къ герцогинѣ*). Мы можемъ видѣть герцога?

Герцогиня. Онъ очень занятъ!

Бестужевъ (съ удареніемъ). Мы просимъ васъ, герцогиня, объяснить герцогу, что миѣ и товарищамъ моимъ нужно его видѣть и что онъ долженъ къ намъ выйти! (Обращаясь къ Остерману и Миниху). Полагаю что такъ?

Остерманъ (уклончиво). Если вы полагаете...

Минихъ (утвердительно). Такъ!

Герцогиня (поднимаясь съ креселъ). Повинуюсь вашей волѣ, господа!.. (Къ посланникамъ) Pardon, mes-sieurs! (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же безъ герцогини.

Маркизъ де-ля-Шетарди (перемянувшись съ графомъ Линаромъ и обращаясь къ Бестужеву). Можетъ быть вы находите нужнымъ, чтобы мы удалились?

Бестужевъ. Напротивъ-съ... по крайней мѣрѣ все, что я буду теперь говорить, я желаю, чтобы вы явили государямъ вашимъ и засвидѣтельствовали передъ лицомъ всей Екропы. (Къ Остерману и Миниху). Событія такого рода-съ: по городскимъ слухамъ и по нѣкоторымъ другимъ примѣтамъ, я извѣстился, что герцогъ хочетъ отказаться отъ регентства и уѣхать въ Курляндію.

Остерманъ и Минихъ перемядываются другъ съ другомъ.

Бестужевъ (Остерману). Какъ ваше мнѣніе, графъ Остерманъ, на счетъ сего?

Остерманъ (склоня голову). Это извѣстіе такъ

ново для меня: я никогда не думалъ объ немъ и полагалъ, что и думать никогда объ немъ не буду.

Бестужевъ. Откладывать, графъ, тутъ некогда; одна минута можетъ сдѣлать, что кормило останется безъ правящей руки!

Остерманъ (*соображая*). Полагаю прежде всего надобно доложить матери императора и спросить ее.

Бестужевъ (*настойчиво и насмѣшливо*). Я желаю знать ваше мнѣніе, графъ, а не матери императора,

Остерманъ. Чтожь мое мнѣніе? Вы у меня спрашиваете его, и не даете мнѣ времени составить оное.

Бестужевъ. Составить его очень не долго-временно: если герцогъ откажется отъ пріемства регенства, кто-жь останется опекуномъ при императорѣ! Родитель его? Но принцъ, я думаю, такъ будетъ честенъ, что самъ устранился отъ того!.. Принцесса мать, если?—Лучше ее въ такомъ случаѣ прямо избрать императрицей!

Минихъ и Остерманъ молчатъ, Маркизь де-ля-Шетарди лукаво улыбается, графъ Линаръ все болѣе и болѣе начинаетъ волноваться и принимать участіе въ разговоръ.

Бестужевъ (*продолжаетъ*). За избраніемъ принцессы пріѣдетъ сюда ея родитель, герцогъ мекленбургъ-шверинскій, который, по свойствамъ своего характера, неотвлонно насъ поссоритъ со всѣми германскими дворами *). (*Къ посланникамъ*). Не такъ ли я, господа, говорю?

Графъ Линаръ (*нетвердымъ голосомъ*). Почему же

*) Отеч. Зап. стр. 285. статья 1740 и 1741 года, въ Петербургѣ.

вы полагаете, что за избраніемъ принцессы въ императрицы непремѣнно пріѣдетъ ея родитель?

Бестужевъ (*дерзко*). Я полагаю, что за избраніемъ принцессы въ императрицы многимъ послѣдуетъ хорошо, но не для Россіи только!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Биронъ, съ заплаканнымъ лицомъ и въ полнѣйшемъ траурѣ.

Биронъ. Извините, почтеннѣйшіе гости, что печаль и мои занятія по дѣламъ удержали меня въ моемъ кабинетѣ.

Бестужевъ. Извините, герцогъ, и нашу, въ этомъ случаѣ невѣжливую, настойчивость; но насъ, какъ и всю, полагаю, Россію, смутила вѣсть, что ваша свѣтлость не изволите принимать регентства.

Биронъ (*съ чувствомъ*). Господинъ Бестужевъ, вы русскій и служите Руссіи, вы не узнаете моихъ чувствованій, но вы, господинъ графъ Остерманъ, и вы, господинъ графъ Минихъ, можете быть извѣстны въ нихъ. Великое затрудненіе и большая скорбь служить не своему отечеству!.. Какъ бы ни велика была ваша любовь и преданность къ нему — вамъ не повѣрятъ въ нихъ; будь всѣ ваши намѣренія чисты и безкорыстны, злобная клевета помрачитъ ихъ *). Отъ враговъ моихъ, коихъ я имѣю, какъ песчинъ морскихъ, меня спасала милость моей госу-

*) От. Зап. ст. 1740, 1741 года въ Петербургѣ, стр. 287.

дарыни и благодѣтельницы; но нынѣ, за смертію ея, я одинъ остаюсь въ ихъ власти и мнѣ два пункта: или оставить мою голову въ рукахъ ихнихъ, или имѣть за великое званіе регента Россійской имперіи, скромный титулъ герцога курлянскаго—избрать послѣднее велить мнѣ мой самый простой разумъ...

Бестужевъ. Герцогъ, позвольте васъ оставить на этомъ: званіе герцога курлянскаго, коему вы теперь являете такое предпочтеніе передъ службой Россіи, кто далъ вамъ его?

Биронъ (какъ бы обидясь). Избравшее меня дворянство курлянскаго и милость государыни моей!

Бестужевъ (перебивая его). Избравшее васъ дворянство, милость государыни и могущество Россіи!.. Вы всѣмъ обязаны моему отечеству, а если вы въ году его бѣдствія, когда кормило сего великаго корабля находится въ слабыхъ рукахъ младенца, хотите бѣжать изъ него, я первый лягу на порогъ вашемъ и буду требовать, чтобы васъ судили и казнили, какъ измѣнника!

Биронъ стоитъ, нахмурилъ брови и опустилъ глаза въ землю.

Остерманъ (въ сторону). Смѣлъ ужъ очень Бестужевъ; понимаю теперь откуда вѣтеръ дуетъ! надо и мнѣ горячиться! (Взглянувъ на Миниха, который все время стоитъ, опершись на шпагу). Ваша свѣтлость изволили упомянуть о врагахъ, кои васъ окружаютъ, и кто защититъ васъ отъ нихъ? Графъ Минихъ и войско русское, которое собственнаго царя Петра защищало отъ невѣжества и злоумышленности русскихъ! (къ Миниху). Не правда ли графъ?

Минихъ. Я самъ служу двадцать лѣтъ чужой

странѣ, и о врагахъ моихъ и злобѣ пхней ни минуты не помышлялъ.

Биронъ. И я не объ нихъ, графъ, помышляю—повѣрьте мнѣ!.. Не ихъ я боюсь, а моего правленія!.. Не за жизнь мою опасуюсь, а за дѣйствія мои, чтобы были они достойны моего избранія!

Бестужевъ. Дѣйствіе, которое вы теперь умышляете, отказываясь отъ регентства, есть худшее ваше дѣло, какое вы когда либо могли сдѣлать!..

Остерманъ *(съ чувствомъ)*. Да, душа императрицы не порадуется за него на небѣсахъ!

Биронъ *(какъ бы побѣжденный и совсѣмъ сѣмбуженный)*. Господа, вы поступили со мной какъ великіе римляне!.. хочу и буду служить моему и вашему отечеству регентомъ! *(Подходитъ и начинаетъ всѣхъ неловко обнимать и цѣловать *)*.

Маркизъ де-ли-Шетарди. Они больше бы походили на великихъ римлянъ, если бы поступили съ герцогомъ, какъ тѣ поступили въ мартовскія иды съ Цезаремъ **).

Графъ Линаръ *(улыбаясь)*. Да!

Бестужевъ. Ваша свѣтлость, тамъ внизу дожидается депутація отъ сената.

Биронъ. Просите ее сюда.

Бестужевъ дѣлаетъ знакъ головой камеръ-лакею.

*) От. Зап. стат. 1740 и 1741 года, въ Петербургѣ, стр. 290.

**) Тамъ же. <http://rcin.org.pl>

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и челоѡкъ шестъ или семь сенаторовъ.

Старшій Сенаторъ. Ваша свѣтлость, россійскій сенатъ, въ изъявленіе своей и всей Россіи преданности, имѣетъ счастье поднести вашей свѣтлости титулъ его высочества и 500 тысячъ, на содержаніе вашего всепресвѣтлѣйшаго двора *).

Биронъ (*ордо*). Благодарю и клянусь, что буду блюсти сенатъ: правосудіе есть особенное благополучіе государства, и гдѣ нѣтъ его, тамъ нѣтъ и благословенія Божія. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу, чтобы титулъ его высочества былъ поднесенъ и родителю императора **).

Сенаторъ. Передадимъ ваше желаніе присутствію. (*Отходитъ и вмѣстѣ съ товарищами становится нѣсколько въ сторонѣ*).

Биронъ (*Бестужеву*). На два слова, Алексій Петровичъ!

Отходитъ съ нимъ въ сторону и начинаетъ говорить вполголоса.

Остерманъ (*Шетарди*). Парижъ, пишутъ, славится нынѣ хорошими актерами?

Маркизь де-ля-Шетарди. Да.

Остерманъ (*наклоня голову и вполголоса*). Появляются и изъ русскихъ отличные!

*) От. Зап. стат. 1740 и 1741 года въ Петербургѣ, стр. 293.

**) Тамъ же.

Минихъ. И сочинители есть превосходные!

Маркизь де-ля-Шетарди и графъ Линаръ усмѣхаются.

Биронъ (*посланникамъ*). Сколь ни пріятно мнѣ ваше посѣщеніе, но мы сейчасъ должны заняться нѣкоторыми государственными дѣлами!

Посланники сейчасъ же раскланиваются.

Маркизь де-ля-Шетарди. Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи!

Графъ Линаръ. И съ моей стороны позвольте тоже... (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Биронъ, Остерманъ, Минихъ, Бестужевъ, Гладковъ и сенаторы.

Биронъ (*показывая на Бестужева*). Я сейчасъ объяснилъ Алексѣю Петровичу о главной причинѣ отказа моего: 17 октября, господинъ принцъ Антонъ Ульрихъ имѣлъ у себя собраніе господъ офицеровъ, кои, съ поднятіемъ шпагъ, пропозировали возвести его вмѣсто меня въ регенты *). Хотя снмъ высокнмъ званіемъ я обязуюсь неизрѣченной милости покойной государыни и утвержденъ нынѣ въ ономъ вашнмъ избраніемъ; но если предстоящіе здѣсь чины найдутъ господина принца Антона Ульриха способнымъ къ управленію дѣлами, то я имѣю намѣреніе сейчасъ же уступить ему всѣ права мои!..

*) От. Зал. стат. 1740 и 1741 года въ Петербургѣ, стр. 295.

В с ъ (*въ одинъ голосъ*). Мы желаемъ, чтобы вы были регентомъ, ваше высочество!

Б и р о н ъ (*всѣмъ кланяется*). Поэтому прошу поступокъ принца Антона Ульриха, какъ къ измѣнѣ государственной клонящейся, предать на всѣхъ васъ обсужденіе и наказаніе!

Всѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ перелмдываются другъ съ другомъ.

Б и р о н ъ (*показывая на Гладкова*). Адъютантъ его здѣсь и мною сюда потребованъ. Ему, желаю я, чтобы вы передали ваше рѣшеніе! (*Отходитъ и становится въ сторону*).

Всѣ нѣкоторое время недоумѣваютъ и молчатъ.

Б е с т у ж е в ъ (*къ Остерману и Миниху*). Чѣмъ же мы рѣшимъ?

М и н и х ъ (*Гладкову*). Подойдите сюда!

Гладковъ подходитъ.

М и н и х ъ. Вы самый тотъ офицеръ, котораго принцесса вчера присылала ко мнѣ?

Г л а д к о в ъ. Я самый, ваше сіятельство!

М и н и х ъ (*твердымъ начальническимъ тономъ*). За безпорядокъ, произведенный принцемъ въ семеновскомъ полку, я, властію фельдмаршала, арестую его домашнимъ арестомъ; къ нему во дворецъ, кромѣ меня, никого не допускать, а также и самъ онъ не имѣлъ бы изъ своихъ комнатъ выхода, а если имѣетъ какія либо надобности, командировалъ бы васъ.

Гладковъ кланяется и опять уходитъ въ глубь сцены.

Б и р о н ъ (*пожимая руки Миниху*). Благодарю!

Б е с т у ж е в ъ. По моему мало!..

Биронъ (Гладкову). Отправляйтесь и передайте рѣшеніе принцу! (Уходитъ сопровождаемый Бестужевымъ).

Сенаторы кланяются ему въ слѣдъ и уходятъ.

Минихъ (Остерману). А мы съ вами?..

Остерманъ. Съ вами пова, съ вами!

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Гладковъ (одинъ). Ежели Биронъ еще недѣлю оставитъ намъ съ Минихомъ головы на плечахъ, мы возведемъ принцессу на престолъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

8 НОЯБРЯ 1740 ГОДА.

Зала во дворцѣ Бирона: на одной сторонѣ ея мягкій диванъ съ стоящимъ передъ нимъ маленькимъ столикомъ; по разнымъ мѣстамъ сцены приготовлены карточные столы со свѣчами, картами и щеточками. По срединѣ сцены стоятъ три шльпитра и столикъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ графъ Минихъ и графъ Левенвольде.

Минихъ (*съ досадою*). Нельзя же, графъ, играть на скрышкѣ! *)

Левенвольде. А ваша игра, что вы затѣваете, очень опасна!

Минихъ. Передъ этимъ нечего останавливаться: терпѣть еще долѣе въ такой власти невозможно!

*) Маркизь де-ля-Шетарри въ Россіи 1740 и 1741 года, стр. 4.

Семьдесятъ тысячъ семействъ, пишутъ въ нѣмецкихъ газетахъ, сосланы въ его управленіе въ Сибирь. Русскіе переносятъ—переносятъ, да и намъ вмѣстѣ съ нимъ посшибаютъ головы.

Левенвольде возводитъ глаза къ небу и вздыхаетъ.

Минихъ. Потомъ его обращеніе съ семействомъ императора?.. Я вынужденъ былъ принца посадить подъ арестъ, иначе бы онъ его въ крѣпость упряталъ. Съ принцессой обходитесь какъ съ послѣдней камеръ-фрау.

Левенвольде. Доложить и объявить обо всемъ этомъ надо!

Минихъ. Кому-съ?.. Сенату, что ли?.. Смѣшно слышать васъ, графъ! Побойтесь онъ его очень...

Левенвольде (*съ нѣкоторой ядовитостью*). Не надобно было бы предлагать ему регенства, тѣмъ болѣе когда онъ самъ отказывался отъ него!

Минихъ. Э, полноте, пожалуйста, отказывался!.. Комедія, которую, по его приказу и сочиненію, сыгралъ Бестужевъ (*). Но какъ бы то ни было, ошибкой ли, стеченіемъ ли обстоятельствъ мы были приведены къ тому, но теперь надо поправить это!

Левенвольде. Чтобы поправить я не вижу какъ; а что головы наши будутъ на плахѣ,—это я почти навѣрное знаю!..

Минихъ. А вы думаете безъ того намъ оставлять ихъ? Будемте ужь, графъ, говорить не какъ государственные люди, а какъ человѣкъ съ человѣкомъ, коимъ близка жизнь своя. Не думаю, чтобы

(*) От. Зап. стат. 1740 и 1741 года въ Петербургѣ, стр. 286.

вы не замѣтили, какъ герцогъ любезенъ съ цесаревной Елизаветой Петровной.

Левенвольде *(какъ бы сообразивъ)*. Да, онъ внимателенъ къ ней!

Минихъ *(насмѣшливо)*. Женить ему на ней сына Петра не дурно будетъ!

Левенвольде *(съ нѣкоторымъ уже испугомъ)*. Но цесаревна сама очень далека отъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ.

Минихъ. Не знаю-съ; но знаю, что цесаревна ведетъ переговоры съ французскимъ посломъ, и когда я заявилъ о томъ Бирону и предложилъ ему, въ видахъ безопасности нынѣшняго моего государя, цесаревну Елизавету удалить на время въ монастырь, онъ руками и ногами противъ того; значить, у него улажено тутъ и тамъ; ему все равно — ну а намъ нѣтъ!

Левенвольде *(окончательно испугавшись)*. Что это, — кому намъ?

Минихъ. Намъ-съ, нѣмцамъ!.. Мнѣ и вамъ, и Фридриху какому нибудь, и Карлу...

Левенвольде *(потупляясь)*. Я конечно болѣе всего желаю восшествія на престолъ Анны Леопольдовны; но что же мы можемъ сдѣлать для того?

Минихъ. Пока я надѣюсь, вы на сегодняшній вечеръ только и пригласили тѣхъ лицъ, о которыхъ я вамъ говорилъ?

Левенвольде. Только къ тѣмъ и посланы билеты.

Минихъ. Ну, а объ остальномъ я ужь позаботился; а вы межъ тѣмъ улыбайтесь герцогу, забавляйте его музыкой!..

Левенвольде (*вздыхая*). Хороша для меня сегодня музыка будетъ!

ЯВЛЕНІЕ П.

Изъ кабинета Бирона выходитъ Гладковъ и медленно проходитъ по задней части сцены.

Левенвольде (*всматриваясь въ него*). Что это тамъ за офицеръ проходитъ?

Минихъ (*также взглянувъ туда, восклицаетъ съ удивленіемъ*). Поручикъ Гладковъ!

Гладковъ (*приближаясь*). Я, ваше сіятельство!..

Минихъ (*дрожа всѣмъ тѣломъ*). Какъ смѣли вы здѣсь быть?

Гладковъ. Я самъ просилъ герцога, чтобы онъ потребовалъ меня къ себѣ.

Минихъ (*Левенвольду*). Мы преданы! (*къ Гладкову*) Я велю васъ сейчасъ арестовать!

Гладковъ (*перебивая его*). Ваше сіятельство, не извольте беспокоиться; я имѣю вамъ два слова сказать.

Минихъ. Говорите!

Гладковъ. Я могу сказать только наединѣ.

Минихъ. Говорите, графъ изъ нашихъ.

Левенвольде (*отмахиваясь руками*). Нѣтъ, зачѣмъ же! Я могу и отойти! (*отходитъ нѣсколько въ сторону*).

Гладковъ (*вполголоса Миниху*). Я донесъ герцогу, что противъ него заговоръ, и что его предположено арестовать черезъ три дня.

Минихъ (*съ улыбкою*). Послѣ сегодняшняго?

Гладковъ. Да-съ. Точно о томъ же получилъ безъимянную записку г-нъ Лиманъ и тоже донесъ о томъ герцогу.

Минихъ. Записку г-нъ Лиманъ конечно получилъ отъ васъ?

Гладковъ. Отъ меня-съ.

Минихъ (*взянувъ на Левенвольда и показывая головой на Гладкова*). Не дурень.

Левенвольде грустно усмѣхается и качаетъ головой.

Минихъ (*Гладкову*). Поѣзжайте сейчасъ въ принцессѣ и скажите ей, что преображенцы съ заряженными ружьями стоятъ у ея дворца! По крайней мѣрѣ, вышла бы она въ нимъ и отдала бы имъ приказанія, о которыхъ я ей говорилъ. Потомъ пусть Манштейнъ ведетъ ихъ сюда! Караульному офицеру сказать моимъ именемъ, чтобы пропустилъ! Если будетъ сопротивляться, убить его или арестовать; здѣсь во дворцѣ проведете вы; расположеніе комнатъ вы знаете!

Левенвольде отворачивается, какъ бы боясь слышать, что говоритъ Минихъ.

Гладковъ. Ваше сіятельство, не прикажете ли раздѣлиться на два отряда: одинъ съ г. Манштейномъ войдетъ въ эти большія двери, а съ другимъ я изъ корридора, чтобы прервать герцогу всякую возможность въ отступленію.

Минихъ. Не дурно!.. Если не крѣпость, то челоуѣва одного съумѣете взять—ступайте!

Гладковъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Минихъ и Левенвольде.

Левенвольде. Какъ вы этому офицеру вѣ-
ряете такое порученіе: онъ тотъ самый, который
первый донесъ на Волинскаго!

Минихъ. Принцесса ему очень довѣряетъ...
Еще съ годъ тому назадъ, держа на дачѣ караулъ
у нея, онъ остановилъ ее въ саду, бросился передъ
ней на колѣни и повлялся возвести ее на престолъ.

Левенвольде (*останавливая его испуганнымъ голосомъ*).
Тсъ... Замолчите, Бога ради, идуть сюда...

ЯВЛЕНИЕ IX.

*Входитъ Биронъ; его сопровождаетъ, въ подобостраст-
ной позѣ, Куракинъ.*

Куракинъ. У Остермана, ваше высочество,
говорять, три бога: нѣмецкій, русскій и турецкій.
Сначала онъ помолится нѣмецкому богу, потомъ рус-
скому, потомъ турецкому, а выйдетъ изъ моленной, —
всѣхъ ихъ и обманетъ!

Биронъ (*слезка смѣясь*). Остроумно и справедливо.
(*Къ Миниху и Левенвольде*). Какъ я рано васъ вижу, госпо-
да, у себя; благодарю, что вы такъ нетерпѣливо же-
дали меня видѣть!

Левенвольде потупляется.

Минихъ (*спокойно*). Мы не знали часу, къ коему

вашему высочеству угодно, чтобы мы прибыли къ вамъ.

Биронъ (*съ гримасой*). Я желаю бы, чтобы вы всѣ часы дня и ночи были около меня!..

Минихъ. Это зачѣмъ такъ?

Биронъ (*съ удареніемъ*). Чтобы не были никогда *противъ меня*... Мнѣ сильно нездоровится сегодня, я попрошу извиненія у гостей и прилягу! (*Полужится на диванъ*). Левенвольде, распорядитесь этикетомъ, а вы, Куракинъ, ужиномъ; но вотъ и герцогиня!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и герцогиня.

Герцогиня (*входя*). Bonsoir, Messieurs, bonsoir. (*Прямо обращаясь къ Миниху*). Я непременно, графъ, желаю съ вами въ карты играть: вы мнѣ такъ любезно въ прошлый разъ проиграли 300 червонцевъ, что я желаю у васъ еще выиграть!

Минихъ (*въжливо ей кланяясь*). Если вамъ угодно! Оба усаживаются за карточный столъ. Входятъ другіе гости, все мужчины. Они кланяются герцогинь, та полуборачивается къ нимъ и киваетъ головой; потомъ они издали кланяются герцогу; тотъ имъ, не приподнимаясь съ дивана, киваетъ головой).

Герцогиня (*вполголоса Миниху*). Мужъ мой за что-то на васъ сердится!

Минихъ (*тасуя карты*). За что?

Герцогиня. Не знаю; но не беспокойтесь: я васъ помирю съ нимъ!

Б и р о н ь (*Куракину*). Куракинъ, присядьте ко мнѣ и расскажите, какой вы намъ ужинъ заготовили.

К у р а к и н ь (*присаживаясь и обрадованнымъ голосомъ*). Ужинъ, ваше высочество, будетъ букетъ всей европейской кухни: соте съ пѣтушьими гребешками,—пѣтухъ еще пѣлъ; ему отрубили голову, отрѣзали гребешокъ и бородку, сейчасъ сварили ихъ, и положили на блюдо.

Б и р о н ь. Пѣтухъ еще пѣлъ, и ему голову срубили! Что это, не намекъ ли на когонибудь и на чтонибудь?

К у р а к и н ь (*съ чувствомъ собственного достоинства*). Герцогъ, я въ кушанья всегда только кушанье и вижу, ибо предпочитаю сіе всему на свѣтѣ.

Б и р о н ь. Дальше!

К у р а к и н ь. Дальше!... Есть у насъ свои блага природныя, которыя человекъ не цѣнитъ,—это наши маленькія, гатчинскія форели...

Б и р о н ь. Не дурны!..

К у р а к и н ь. Я, ваше высочество, возилъ ихъ въ Парижъ на кораблѣ; четыре различныя воды они перемѣнили; жили въ удушья корабельнаго трюма, и мы ихъ потомъ съ графомъ Стенбокомъ вли въ одномъ изъ лучшихъ отелей—тамошнія форели и наши: наши вышли лучше!

Б и р о н ь (*не слушая его*). А жаркое какое?

К у р а к и н ь. Жаркое—фазаны!

Б и р о н ь. Фазаны сухи очень—вонъ какъ лицо у Миниха!.. Мнѣ, не знаю, почему-то представляется, что оно изъ фазаньяго мяса.

К у р а к и н ь. Но не полагаю, чтобы оно такъ же было вкусно!.. Все то зависить отъ того, что фа-

заны—дичь, убиваются на мѣстѣ и привозятся сюда почестъ вяленые; мой же фазаны, которые я имѣю честь презентовать вамъ на ужинъ, живые; маленькими изъ степей привезенные и на птичникѣ у меня вскормленные... Я однимъ могу похвалиться въ жизни, что блюда, для коего бы мясо было убито два дни тому назадъ, — не *фдаль*; въ животномъ то и дорого, чтобы оно у васъ на языкѣ сохранило бы еще остатокъ жизни своей, своихъ страстей, чувствъ...

Биронъ (*не слушая его и какъ бы про себя*). Левенвольде совершенно приросъ къ Маниху, точно отойти отъ него не смѣть... **Графъ Левенвольде!**..

Левенвольде вздрамиваетъ и обращается къ нему.

Биронъ. Займите и прочихъ моихъ гостей.

Левенвольде. Съ удовольствіемъ! (*Подходитъ и усаживаетъ нѣкоторыхъ гостей въ карты играть, а съ другими начинаетъ разговаривать потихоньку*).

Курякинъ (*стараясь съ своей стороны занять Бирона*). Про Левенвольде, ваше высочество, рассказываютъ, что онъ въ молодости такъ любилъ танцевать, что разъ, когда онъ ходилъ по залѣ отца, бывшая тутъ лежащая собака начала чесаться и стучать ногой, графъ сейчасъ же началъ подпрыгивать и приговаривать: «почаще, почаще, мой другъ!»

Биронъ (*нѣсколько улыбаясь*). Забавно! А что, скажите, про васъ рассказываютъ: хитрецъ вы или весельчакъ?

Курякинъ. Про меня докторъ Санхець говорилъ, что у меня одинъ недостатокъ и противъ него одно лекарство. <http://rain.org.pl> Это отправитъ меня въ такую

страну, гдѣ нѣтъ ни вина, ни водки, ни пива, ни меду *).

Биронъ. Всего этого и въ крѣпости нѣтъ!..
Графъ Левенвольде!

Левенвольде (*опять обертываясь къ Бирону съ нѣкоторымъ испугомъ*). Къ вашимъ услугамъ!

Биронъ. Вы намъ какое-то музыкальное удовольствіе хотѣли доставить?

Левенвольде. Квартетъ: двѣ скрипки, флейта и цымбалы; послѣднія очень пріятный инструментъ.

Биронъ. Гдѣ же они?

Левенвольде. Дожидають въ сосѣдней комнатѣ.

Биронъ. Позовите ихъ.

Левенвольде уходитъ и сейчасъ же возвращается съ четырьмя музыкантами. Биронъ ихъ внимательно осматриваетъ съ головы до ногъ.

Левенвольде. Прикажете начинать?

Биронъ. Прошу васъ.

Музыканты начинаютъ играть. Всѣ гости внимательно слушаютъ.

Герцогиня (*переставая играть*). Прелесть! Безподобно!

Минихъ. Отлично! (*смотритъ на часы*).

Биронъ (*Миниху*). Что вы все смотрите на часы?

Минихъ (*спокойно*). Смотрю: долго ли мы съ герцогиней играли.

Биронъ (*движеніемъ руки останавливая игру квартета*). Эти цымбалы очень похожи на наши русскія гусли,

*) О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Сочиненіе Щербатова.

и онѣ мнѣ напоминаютъ Волынскаго. Онъ нарочно выписалъ малоросса-гуслеяра, который пѣлъ про меня ругательныя пѣсни. Я потомъ велѣлъ этого музыканта заморозить...

Всѣ молчатъ и потупляются.

Гдѣ

Биронъ (*къ музыкантамъ*). Можетъ, и васъ сюда выписали играть что нибудь про меня?

Флейта (*вставая и довольно бойко*). Нѣтъ, ваше высочество!

Биронъ. Вы кто таковой—жидъ?

Флейта. Нѣтъ—нѣмецкій музыкантъ Шварцъ.

Биронъ. Врете — жидъ... продажный народъ; продажныѣ, чѣмъ русскіе!

Герцогиня (*оборачиваясь къ мужу и строишь голосомъ*). Что у тебя сегодня за голось, за выраженія?.. съ гостями надобно быть любезну, а не сердиту!

Биронъ. Да, я сердитъ сегодня. (*Къ музыкантамъ*) Какъ у васъ по имени этотъ царь, который, когда гнѣвался, его Давидъ успокоивалъ?

Музыканты переглядываются и молчатъ.

Минихъ. Царь Саулъ.

Биронъ. Да, Саулъ! Я самъ сегодня Саулъ. Говорятъ, когда человекъ сердитъ, ему скорѣй всего надо давать ѣсть!.. (*Къ Куракину*) Князь Куракинъ, будьте такъ добры—распорядитесь, чтобы намъ немедя давали ужинать!

Куракинъ (*подойдя къ дверямъ и къ столикамъ тамъ камеръ-лакеямъ*). Подавать!

Тѣ вносятъ нѣсколько маленькихъ, совсѣмъ уже накрытыхъ и съ винами, столиковъ, разставляютъ ихъ по сценѣ и пристав-

ляютъ къ нимъ стулья.

Минихъ (*съ неудовольствіемъ герцогини*). Что такъ рано ужинать?.. Мы не кончили еще партіи.

Герцогиня (*обертываясь къ мужу*). Эрнестъ! мы не кончили еще игры.

Биронъ. Это до меня нисколько не касается, я спать хочу! (*вставая и обращаясь къ гостямъ*) Прошу! (*Садится къ столу, ближайшему къ аванъ-сценѣ*).

Герцогиня (*Миниху*). Пойдемте, покоряйтесь ему! (*подходятъ съ Минихомъ и садятся за одинъ столъ съ Бирономъ, обращаясь къ мужу*) Я не понимаю, что такое съ тобой; ты забываешь всякое приличіе!

Биронъ. Вонъ графъ Минихъ, можетъ быть, понимаетъ, что со мной. (*Обращаясь къ Миниху*) Вы опять, какъ за обѣдомъ же, сѣли противъ меня!

Минихъ (*смѣясь*). Вы этимъ противъ цѣлый день меня сегодня попрекаете!

Биронъ. Боюсь, чтобы мнѣ всю жизнь не пришлось васъ этимъ попрекать; кстати, мнѣ давно хотѣлось васъ спросить: какъ вы больше дѣлали нападенія на непріятели днемъ или ночью?

Минихъ (*нѣсколько сконфузившись*). Мнѣ столько разъ случалось нападать, что всяко бывало: и днемъ и ночью; я только никогда не упускалъ благопріятнаго случая на то *).

Биронъ. Только!.. (*Прислушавшись и поблѣднѣвъ*) Что это за шумъ? (*Поднимается на ноги*).

Герцогиня (*также приподнимаясь*). Я, какъ будто бы, слышу солдатскіе шаги!

Минихъ встаетъ и отходитъ на другую сторону сцены.

*) Жизнь графа Миниха, сочиненіе Галема, стран. 192.

Биронъ (кричитъ страшнымъ голосомъ на камеръ-лакеевъ).
Что тамъ за шумъ?

Ть блѣднѣютъ и молчатъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ дверяхъ показывается Манштейнъ съ преобразженцами. На лицахъ всѣхъ гостей, кромѣ Миниха, изображается страхъ и удивленіе. Левенвольде не знаетъ, куда и глядѣть.

Биронъ (еще болѣе поблѣднѣвъ, отступая нѣсколько назадъ и хватаясь за стулъ, къ Манштейну). Какъ вы смѣли сюда войти?

Манштейнъ (ровнымъ голосомъ и приложивъ руку къ шляпѣ). По волѣ государя моего, Иоанна третьяго, и родительницы его, принцессы Анны Леопольдовны, арестую васъ, герцога курляндскій!

Биронъ (едва соображая, что говоритъ). На эту дерзость я могу только дать отвѣтъ въ моемъ кабинетѣ! (Повертывается и хочетъ уйти, но тамъ ему на встрѣчу выходитъ Гладковъ).

Биронъ (понявъ въ чемъ дѣло). А, а отсюда вы! (Отталкиваетъ Гладкова и хочетъ уйти, но тотъ хватается его за спину, оба скрываются, слышится шумъ).

Герцогиня (обращаясь къ Миниху). Графъ, спасите мужа моего и меня, я приказываю вамъ это... Я прошу васъ!

Минихъ (одному изъ офицеровъ). Арестуйте и герцогиню пока!

Герцогиня (въ отчаяніи). Минихъ? Я скорѣе бы

повѣрила смерти безсмертнаго Бога, чѣмъ тому, какъ вы поступили съ нами! *) (*Падаеть въ обморокъ на руки офицера и солдатъ; тѣ уносятъ ее*).

КУРАКИНЪ (*заглянувъ въ двери и обращаясь къ Миниху*). Солдаты начинаютъ бить герцога прикладами!

МИНИХЪ (*подойдя къ двери*). Отстать! Смирно! Герцогъ, не сопротивляйтесь, иначе я велю васъ убить!

ГОЛОСЪ ГЛАДКОВА. Теперь ничего-съ; я связалъ ему руки шарфомъ! **).

МИНИХЪ. Г-нъ Гладковъ! Свезите герцога за конвоемъ въ крѣпость и донесите правительницѣ, что ея приказаніе исполнено! (*Отходитъ отъ двери и обращаясь къ Манштейну*) А вы отправляйтесь къ войскамъ и объявите, что, по волѣ матери императора, герцогъ Биронъ арестованъ, и что впредь, до совершеннолѣтія сына, она сама вступитъ въ управленіе имперіей!

Манштейнъ раскланивается съ нимъ и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

МИНИХЪ, КУРАКИНЪ, ЛЕВЕНВОЛЬДЕ и нѣкоторые гости
которые не разбѣжались отъ страха.

МИНИХЪ (*самодовольно обращаясь ко всему обществу*). Извините господа, что я вамъ ужинъ поразстроилъ—можете продолжать его!

*) От. Зап. стат. 1740 и 1741 года въ Петербургѣ, стр. 104.

**) Тамъ-же, стр. 300.

Н ъ о к о л ь к о г о л о с о в ъ . К а к о й у ж и н ъ т е п е р ь ,
п о м и л у й т е !

К у р а к и н ъ . У ж и н ъ н е у ж и н ъ , а з а з д о р о в ь е
о с в о б о д и т е л я н а д о в ы п и т ь . (К ъ л а к е я м ъ) р а з л е й т е и п о -
д а в а й т е в и н о .

С т а р и к ъ С а л т ы к о в ъ . И м е н н о о с в о б о д и т е -
л я . (К л а н я я с ь М и н и х у) Д а й в а м ъ Б о г ъ в с я к а г о с ч а с т ь я
и з д о р о в ь я .

М и н и х ъ . Я ж е л а ю т о л ь к о с ч а с т ь я Р о с с и и .

С т а р и к ъ С а л т ы к о в ъ . А д л я Р о с с и и , ч т о б ы
д о н о с ч и к о в ъ м е н ь ш е б ы л о . В ъ м о е г е н е р а л ь - г у б е р н а т о р -
с т в о в ъ М о с к в ѣ , в ъ Е л ь ц ѣ п о г о р о д у х о д и л а в ъ б р и л -
л и а н т а х ъ и б а р х а т ѣ Н а с ь т ь к а - д о к а щ и ц а , к о т о р а я н а
в с ѣ х ѣ , н а к о г о о з л о б и т с я , д о н е с е т ъ , и в с ѣ р а д и т о г о
ч е с т в у ю т ъ и у г о щ а ю т ъ е е *) .

М а ю р ъ Р е п н и н ъ . И ч т о б ы н а р о д у п о л е г ч е
б ы л о . Я с а м ъ б ы л ъ г о н я е м ъ п о о б л а с т я м ъ и , е с л и
г д ѣ е с т ь н е п л а т е л ь щ и к и , п р е д п и с а н о б ы л о и х ъ с а -
м и х ъ , р о д н ы х ъ и х н и х ъ и с о с ѣ д е й с т а в и т ь г о л ы м и
н о г а м и н а с н ѣ г ѣ и б и т ь п а л к а м и **) . П р и Г р о з н о м ъ
о т ъ о п р и ч н и к о в ъ э т о г о н е б ы л о .

Л а к е и п о д н о с я т ь в и н о .

К у р а к и н ъ . В и н о г о т о в о - с ь !

*В с ь б е р у т ъ в з р у к и п о б о к а л у и п о з д р а в л я ю т ъ М и н и х а ; о н ъ
п о ч т и с о в с ь м и ц ѣ л у е т с я .*

К у р а к и н ъ (п о д о й д я т а к ж е к ъ М и н и х у) . А м н ѣ , в а -
ш е с і я т е л ь с т в о , п о з в о л ь т е , в м ѣ с т о п о х в а л ь н а г о с л о в а ,
в а м ъ р а з к а з а т ь о д и н ъ а н е к д о т ъ п р о м о н а х а . (С ѣ р а з -
с т а н о в к о й) С е и м о н а х ъ , с ѣ б о л ь ш и м ъ т р у д о м ъ , в ъ

*) Русскій Архивъ, стр. 365.

**) Тамъ-же, стр. 366.

постный день, приготовилъ себѣ яичницу, и, поставя оную въ шкапъ, пошелъ покалякать съ братіей въ садъ; въ сіе время другіе монахи, всѣ, имѣвшіе отличное обоняніе, пронюхали яичницу, пришли къ нему въ келью и съѣли ее.

Минихъ (*съ усмѣшкой*). Не похожъ ли я на этого монаха?

Куракинъ. Частію, и я даже боюсь, чтобы вамъ не прозвѣвать у принцессы вашей яичницы; по разнымъ придворнымъ запахамъ, я это сильно подозрѣваю,—вамъ не мѣшало бы сейчасъ же ѣхать туда!

Минихъ. Хорошо, поѣду! (*Поворачивается, но видитъ, что ввозятъ въ креслахъ Остермана и входитъ Гладковъ*). А, вотъ и нашъ любезнѣйшій графъ! (*Про себя*) Не къ добру эта лисица пріѣхала сюда!

Остерманъ (*совершенно бользненнымъ голосомъ, показывая на двѣ бумаги въ своей рукѣ*). Я привезъ манифестъ правительницы, а вотъ тутъ и награды!

Минихъ (*явно взволнованнымъ голосомъ*). Кому же и какія?

Остерманъ (*тѣмъ же бользненнымъ и неторопливымъ голосомъ*). Я назначенъ генералъ-адмираломъ, съ завѣдываніемъ иностранными дѣлами... Вамъ, Куракинъ, пожалованъ орденъ Андрея Первозваннаго... принцъ брауншвейгскій назначенъ генералисимусомъ...

Минихъ (*не могиши совладѣть съ собой*). А мнѣ что же? Я чѣмъ назначенъ?

Остерманъ. Вамъ, кажется, желалось быть герцогомъ малороссійскимъ?..

Минихъ. Да, если ужъ не я генералисимусъ!..

О С Т Е Р М А Н Ъ *(совершенно спокойно)*. Вы первымъ министромъ назначены!

М и н и х ъ. Но что-же я буду дѣлать тутъ?

О С Т Е Р М А Н Ъ *(какъ бы не слышавъ его)*. Вы сдѣланы еще полковникомъ конногвардейскаго полка! *(Всѣ въ удивленіи)*.

К у р а к и н ъ *(къ публикѣ)*. Яичницу-то и съѣли у Миниха!

М и н и х ъ *(обращаясь къ Gladкову)*. Вы чѣмъ награждены?

Г л а д к о в ъ *(потупляя глаза)*. Я произведенъ въ слѣдующій чинъ.

М и н и х ъ *(опять неутерпѣвъ и потирая руки)*. Мы съ вами больше всѣхъ дѣлали и меньше всѣхъ получили—ничего!

Остерманъ сидитъ, поникнувъ головой, какъ бы ни въ чемъ не повинный.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ V.

Лѣтній садъ. Въ лѣвой сторонѣ ворота дворца и находящаяся около нихъ гауптвахта съ будкою на платцу. Вдали виднѣется замерзшая и блистающая Нева. На небѣ, высоко надъ обезлиственными деревьями, стоитъ луна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Гладковъ и капитанъ семеновскаго полка.

Гладковъ (*Капитану*). Сегодняшнюю ночь на этой гауптвахтѣ вы будете держать караулъ! Будьте все время на платцу! Опасайтесь паче чѣмъ за жизнь вашу быть небдительнымъ.

Капитанъ (*флегматическимъ голосомъ*). Слушаю-съ! (*Хочетъ уйти*).

Гладковъ (*останавливая его*). Господинъ капитанъ!

Капитанъ останавливается.

Гладковъ. Генералисимусъ извѣстился, что вы съ вашей семьей терпите великую нужду; онъ

очень сожалѣеть, что вы не сказали ему о томъ; онъ желаетъ быть дружественнымъ покровителемъ господъ офицеровъ и посылаетъ вамъ 300 червонцевъ *).

Капитанъ (принимая деньги, прежнимъ равнодушнымъ тономъ). Благодарю-съ.

Гладковъ. Генералисимусъ надѣется, что вы, за его участіе, оплатите ему вашей вѣрностью.

Капитанъ. Мнѣ какъ прикажутъ, такъ я служить и буду.

Гладковъ. Идите на вашъ постъ!

Капитанъ отходитъ къ кауптавхтъ и, остановившись на платцу, облакачивается на барьеръ.

Гладковъ (одинъ на аванъ-сценѣ). Онъ либо дуракъ, либо что-то не вѣренъ!.. Самъ ужь буду бодрствовать!.. Четыре ночи я не сплю и стерегу ихъ!.. Лихорадка во всемъ тѣлѣ... Словно какое божеское потемнѣніе на нее снизошло... Маркизь Ботта при мнѣ ей говоритъ: «ваше высочество, спасите себя и императора, вы на краю бездны!».. **) А она ему указала въ карты прилежиѣ играть. Съ Минихомъ поссорилась, Остерманъ-же поддулъ; а потомъ и Остерману стала не довѣрять! Сегодня онъ еле выпросилъ аудіенцію у нея, чтобы хоть чтонибудь ей внушить. И теперь сидитъ у нея!.. Очень гребтить мнѣ, что она ему скажетъ...

Уходитъ озабоченною походкою подъ ворота дворца.

*) Шетарди, стр. 261.

**) Соб. въ Петер. въ 1740—1741 Ff., стр. 329.

ЯВЛЕНІЕ II.

КАПИТАНЪ (на платцу, смѣясь и показывая головою на Гладкова). Ишь какіе нынѣ добрые стали!.. (Съ таинственнымъ видомъ обращаясь къ публикѣ и винимая изъ кармана бумагу) Фирманъ отъ цесаревны разосланъ, чтобы испортить все барабаны у карауловъ; я ужь у своего размахнулъ ножомъ кожу; пусть по пустымъ-то дырамъ бьютъ—умора! (Звѣкаетъ и потомъ поворачивается и уходитъ въ караульню).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входятъ маркизъ де-ля Шетарди и Шварцъ, оба закутанные въ мѣховые плащи. Они проходятъ и говорятъ скороговоркой. За ними слѣдуетъ Краснобаевъ въ преобразенскомъ плащѣ.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛЯ ШЕТАРДИ. Вы говорите, что Лестокъ поѣхалъ уже въ казармы?

ШВАРЦЪ. Да. А оттуда по Невѣ: объѣздныхъ тамъ нѣтъ,—и сюда!

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛЯ ШЕТАРДИ. А деньги, скажите?

ШВАРЦЪ. Вручены въ собственныя руки ея высочества: «Чѣмъ, говорить, я заслужила такое участіе?» «Все, говорю, желаніе короля Франціи видѣть васъ на тронѣ предковъ вашихъ и надѣюсь, что со стороны маркиза ничего не упущено къ тому!» «О, да, говорить, и попросите господина мар-

кнѣза передать королю, что съ сего часу все мое вниманіе направлено будетъ на то, чтобы во всемъ пользоваться его совѣтами и выказывать ему слѣдующее уваженіе *)).

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛЯ ШЕТАРДИ. А что подвинуло ее такъ скоро на сегодняшнее предпріятіе?

ШВАРЦЪ. Ей извѣстно стало, что графу Левенвольде поручено сдѣлать ей предложеніе отъ Людвига Вольфенбютельскаго.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛЯ ШЕТАРДИ. А!

ШВАРЦЪ. Потомъ я доносилъ ей, что принцъ вчера опять говорилъ женѣ, что цесаревна будетъ не первою русскою царевною, которую укротитъ монастырь **). Наконецъ господинъ Лестокъ сегодня утромъ представилъ ей картинку, на которой она на одной сторонѣ изображена въ императорской коронѣ, а на другой въ монашескомъ одѣяніи и предлагалъ ей выбирать ***).

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛЯ ШЕТАРДИ. И она, разумѣется, выбрала первое... А кто, скажите, съ вами этотъ старикъ?

ШВАРЦЪ. Это одинъ изъ приверженцевъ цесаревны. Онъ больше всѣхъ теперь воодушевляетъ солдатъ.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛЯ ШЕТАРДИ (ласково обращаясь къ Краснобаеву). Вы участвуете въ этомъ дѣлѣ?

КРАСНОБАЕВЪ. Участвую, ваше... извините, титула вашего не знаю.

*) Шетарди, стр. 324.

***) Шетарди, стр. 331.

***) Жизнь принцессы Аяны Леопольдовны, стр. 29.

Шварцъ (*уча ею*). Господинъ маркизъ.

Краснобаевъ. Господинъ маркизъ!.. Государыня прывительница за жизнь мою просила покойную государыню, Анну Иоанновну. Теперь меня сама изъ рудниковъ освободила... Я, господинъ маркизъ, по дѣлу господина Волынскаго судимъ былъ. Тогда у него пѣсню пѣли... Изъ пѣсни, господинъ маркизъ, слова не выкинешь. До сихъ поръ, слезы проливаяючи, вспоминаю: *«отлетѣлъ орелъ въ царство Божіе»*.

Маркизъ де-ля Шетарди (*съ удивленіемъ глядя на Краснобаева, Шварцу*). Que me chante-t-il là?

Шварцъ. Это пѣсня, сочиненная въ честь Петра.

Краснобаевъ (*продолжаетъ, съ дрожющими губами*). Я говорю: «Вы, говорю, господа офицеры, пѣсню поете, а гдѣ дочь-то его, царствуетъ ли она на престолѣ»? Тогда Артемій Петровичъ: «погоди, говоритъ, дѣдушка!» Недождался, свѣтъ, царство ему небесное!.. Принцессѣ государынѣ дай Богъ всякаго благополучія, всякаго здравія, а ужъ на престолѣ пусть взыдетъ дочь Петра! (*Совсѣмъ рыдая*): *«Отлетѣлъ орелъ въ царство Божіе!»* и я за тобою скоро буду тамъ, ваше императорское величество!.. (*Поднимаетъ руку къ небу*).

Маркизъ де-ля Шетарди (*Шварцу*). Est-ce qu'il est fou?

Шварцъ. Non, mais il adore Pierre le Grand et toute sa famille.

Краснобаевъ (*обиженнымъ тономъ*). Не знаю, что вы по вашему, по иностранному, говорите; можетъ, смѣтеть надо мной, —но я вамъ слуга надобный. Миѣ тоже нашъ молоденькій офицеръ Кудавъ

сталъ было поперѣчить, я какъ зыкнулъ на него: Гдѣ, говорю, тебѣ, молокососу, вѣдать то; пропала вся наша Россія, если царевна не приметъ престола,—весь народъ гребтить о томъ.

Маркизь дѣ-ля Шетарди. И народъ?

Краснобаевъ. Паче, чѣмъ твои всѣ-съ! Я своимъ преображенцамъ что рѣкъ?.. коли теперъ въ нашемъ простомъ званіи отецъ помираетъ, сына нѣтъ, разѣ не дочь ему наслѣдствуетъ, али сестра, али племянница?.. Ну тогда Анну Іоанновну пріяли, молоденька еще цесаревна была, а тутъ, на-ка, и сына Анны Леопольдовны. Намъ тоже въ той силѣ нѣдомо, что Екатерина Іоанновна жила въ несогласіи съ своимъ супругомъ, а Елизавета Петровна монаршая дочь. «Что-жь, говоритъ ужь и Кудаевъ, вся наша рота желаетъ быть на престолѣ цесаревнѣ, и я, Кудаевъ, хотъ на смерть подпишусь въ томъ!» *)

Маркизь дѣ-ля Шетарди (*Шварцу*). Цесаревна знаетъ его?

Шварцъ. Мы сейчасъ изъ дворца. Онъ будетъ командовать переднимъ отрядомъ. Время однако торопить насъ. Честь имѣю раскланяться. (*Краснобаеву*)
Пойдемте!

Краснобаевъ. Пойдемте-съ!.. Помогите Господи—наша матушка, царица небесная! (*Оба уходятъ на Неву*).

*) Шетарди, стр. 205.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маркизь де-ля Шетарди *(одинъ размышляя)*.
 Золотомъ Франціи цесаревна будетъ возведена на престолъ... Благорасположеніе двухъ державъ такимъ образомъ укрѣпится на долго... Не забыть приписать въ донесеніи министру, что «иностранные послы здѣсь ежедневно подкупаютъ приверженцевъ для своихъ государей... Службѣ короля можетъ быть нанесетъ ущербъ, если и на будущее время пренебрежено будетъ пріобрѣтеніемъ такихъ друзей для Франціи; какимъ бы переворотамъ дворъ здѣшній не подвергался, подобныя средства всегда ведутъ къ раскрытію истины и къ возстановленію вѣрныхъ соображеній» *). *(Слыша стукъ отъѣзжающаго экипажа)* Я слышу стукъ экипажа; уйду въ этотъ сосѣдній домъ; онъ у меня давно ужъ нанятъ, чтобы наблюдать за дворцовыми событіями. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

На горизонтѣ начинаетъ занимать заря. Изъ подъ воротъ дворца выбѣгаетъ Гладковъ, въ одномъ мундирѣ и безъ шляпы. Выраженіе лица его отчаянное. Онъ хочеть какимъ-то судорожнымъ смѣхомъ. Варвара Дмитриевна, такъ-же въ одной накинутой на плечи кацавейкѣ, идетъ за нимъ.

***) Шетарди, <http://rcin.org.pl> стр. 342.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. Вячеславъ, побойся Бога: ты въ одномъ мундирѣ на такомъ холоду.

ГЛАДКОВЪ (*не обращая вниманія на слова жены, съ тѣмъ-же хохотомъ, обращаясь къ публикѣ*). Остерманъ сталъ ей докладывать и устрашать ее; а она велѣла принести новенькую рубашечку императора и начала ему показывать ее *).

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*кратко*). Отъ разлуки съ графомъ она сама не помнить, что говорить и дѣлаетъ.

ГЛАДКОВЪ (*блѣшнымъ голосомъ*). А это она помнить, что графъ, передъ отъѣздомъ, взялъ у невѣсты тридцать тысячъ, да бриліантовъ тысячъ на полтораста **) и обѣимъ имъ ни строчки не пишетъ,—помнить это? А промежъ тѣмъ другихъ людей, коихъ къ ней преданность не такова, обижаетъ: я ей сталъ подтверждать донесеніе Остермана, а она мнѣ на это сказала: «Вы, говорить, обманули-же Вирона, можетъ быть и меня обманываете».

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА. Ахъ! это она сказала безъ всякаго умысла, и какъ это одно ея слово такъ тебя печалить?

ГЛАДКОВЪ (*съ рыданіемъ и ожесточеніемъ въ голосъ*). Меня?.. меня?.. Когда всѣ помыслы и чаянія жизни моей я сопрягъ съ нею!.. За едино слово противъ нея я на благодѣтеля моего донесъ смертный доносъ!.. Отцемъ моимъ, какъ Каинъ братоубійца, проклять за нее. Честь мою офицерскую проигралъ для нея за ничто какъ мѣдную пуговицу.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА (*сначала какъ бы шутя*). Ты говоришь, какъ будто бы плѣненъ ею былъ.

*) Шетарди, стр. 330.

**) От. Зап. событія въ Петербургѣ въ 1740—1741 годахъ.

Гладковъ *(снова захохотавъ судорожнымъ смѣхомъ)*. Ха, хэ, хэ!.. А ты думала, что Фрейлина принцессы была вѣнцомъ моихъ желаній!

Варвара Дмитриевна *(совсѣмъ ошеломленная этими словами)*. Да, Вячеславъ, я думала это; но будь повоенъ, Фрейлина принцессы не будетъ обременять тебя; завтра же уйду въ монастырь и постригусь.

Гладковъ *(насмѣшливымъ тономъ)*. Васъ постригутъ и безъ того, если еще сдѣлаютъ вамъ милость эту! *(Совсѣмъ отчаяннымъ голосомъ)* Завтра, послѣ-завтра насъ непременно арестуютъ; единое спасеніе—измѣнить ей!

Варвара Дмитриевна. Нѣтъ, не измѣняй! *(Ядовито)* Тѣмъ паче ты ее любишь!

Гладковъ *(въ совершенномъ экстазѣ)*. Не знаю, любилъ-ли я ее, —душа человѣческая потемки; но я хотѣлъ высоко, высоко стоять около ея трона, какъ Волынской, какъ Биронъ около императрицы... Выходило же тѣмъ такое счастье!.. *(Прислушавшись)* Тсс.. постой!.. Гости ужь, кажется, жалуютъ. *(Блѣжитъ къ Невѣ)* Такъ и есть! *(Снова блѣжитъ на аванъ-сцену, къ жемъ)* Бѣги во дворецъ, спасай принцессу, себя, спрячьтесь пока куда нибудь.

Варвара Дмитриевна. Но какъ-же ты, Вячеславъ?

Гладковъ *(блѣшнымъ голосомъ)*. Иди, иди, клянусь Богомъ, я самое тебя, какъ измѣнницу, веди поднять на штыки!!!

Варвара Дмитриевна уходитъ.

Гладковъ *(подбѣгая къ гауптвахтѣ)*. Господинъ капитанъ, приготовьтесь къ отпору!

Капитанъ льниво выходитъ изъ гауптвахты; а вслѣдъ за нимъ и

Гладковъ (барabanщику). Бей тревогу!

Барабанщикъ (испуганнымъ голосомъ). Барабанъ испорченъ.

Гладковъ. Бей на головѣ своей ее, каналья! *Замахивается на него шпагой; но съ поднятой рукой останавливается, потому что къauptважтѣ подошли преображенцы. Самой ротой командуетъ Краснобаевъ, а переднимъ взводомъ Салтыковъ.*

Краснобаевъ (звучнымъ голосомъ). Именемъ государыни Елизаветы Петровны требую, господинъ капитанъ, чтобы вы сдались!

Капитанъ (солдатамъ). Власти оружіе!

Гладковъ (тѣмъ-же солдатамъ). Не смѣть! Я адъютантъ генералиссимуса и не приказываю вамъ! (Къ капитану) Вамъ сейчасъ генералиссимусъ денегъ далъ, хотя бы то вспомнили.

Капитанъ. Вамъ самимъ господинъ Волынской денегъ давалъ, на-те вамъ ваши деньги! *Кидаетъ ему кошелекъ и переходитъ въ ряды преображенцевъ.*

Гладковъ (опять къ солдатамъ). Не смѣть сдаваться! Я вами командую.

Краснобаевъ. Не дури, Вячеславушка, измѣнить не грѣхъ, коли надо-то.

Гладковъ. Много ужъ измѣнялъ, только проку изъ того нѣтъ! *(Вырываетъ у одного изъ солдатъ ружье).*

Краснобаевъ А коли такъ! *(Къ фузилеру) Пристрѣли-ка его!*

Салтыковъ. Нѣтъ, ужъ это я! *(Поднимаетъ ружье противъ Гладкова)* Защищайтесь, Гладковъ; я васъ вызываю на дуэль.

Оба выстрѣливаютъ въ одно время. Гладковъ падаетъ.

Салтыковъ (мотнувъ головою). Это тебѣ поминки по дядѣ!

КРАСНОВАВЪ *(взянувъ на упавшаго Гладкова).*
 Ловко цапнуто, не пивнулъ, сердечный!
 Всѣ преображенцы уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Изъ углаго дома выходитъ маркизъ де-ля Шетарди, и садъ начинаетъ постепенно наполняться народомъ.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛЯ ШЕТАРДИ *(проворно проходя).*
 Переворотъ, кажется, кончился! Каждый день я здѣсь жилъ, ожидая, что меня арестуютъ, колесуютъ, четверуютъ... Сама цесаревна меня предостерегала, что на обѣдѣ у генералисимуса меня могутъ отравить— времена и нравы добрые! *(Уходитъ).*

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ. Бають — царевна царствовать начала.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ. Читаютъ про то на улицахъ, самъ слышалъ.

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ. Въ колокола бы, паря, звонить надо.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ. Просился, прахъ дери, на колокольню, не пущаютъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Изъ дворца выбѣгаетъ Варвара Дмитриевна, ее преслѣдуютъ солдаты.

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА *(умоляющимъ голосомъ).*
 Вячеславъ, Вячеславъ, спаси меня! *(Увидя трупъ Гладкова).*

А, это ты!... Убить уже! (*Падаютъ съ рыданіемъ на трупъ*).

Одинъ изъ преслѣдовавшихъ ее солдатъ. Не трожь ее, паря, чортъ ее деря!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Изъ подъ воротъ дворца выходятъ остальные преобразенцы. Съ другой стороны възъезжаетъ верхомъ камеръ-юнкеръ Воронцевъ, преслѣдуемый толпою народа.

Воронцевъ. Манифестъ: «Божью милостію мы, Елизавета Петровна...

Народъ и войско залушаютъ его криками «ура».

Краснобаевъ (*громче всѣхъ крича*). Ура!

Салтыковъ (*вторя ему*). Ура, дѣдушка!

Воронцевъ (*быстро повернувъ лошадь и показывая на Неву шляпой*). Государыня въ саняхъ ѣдетъ!

Всѣ кидаются туда, летятъ шапки на воздухъ и неумолкаемо «ура!»

Заря все болѣе и болѣе разгарается.

(Занавѣсъ падаетъ).

БЫВШІЕ СОКОЛЫ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евграфъ Осипычъ Бакреевъ, статскій совѣтникъ и очень богатый помѣщикъ.

Вѣра }
Софья } дочери его.

Борисъ Бакреевъ, сынъ его.

Петръ Николаичъ Сашанскій, оберъ-секретарь сената и пріятель молодаго Бакреева.

Лука Кузьмичъ Цаплинъ, отставной военный, пріятель старика Бакреева и его управляющій.

Ключница Бакреева, молодая дворовая женщина.

Егоръ, мужъ ея—ткачъ.

Вдова Крапивнина, приказничиха.

Миша, семилѣтній ребенокъ.

Засѣдатель Московскаго земскаго суда.

Читальщикъ.

Ланей, конюхъ Порфирій; одна старуха, другая старуха, дворовые бабы и мужики.

Дѣйствіе происходитъ въ Подмосковной Бакреева.

ДѢЙСТВІЕ I.

Зала въ домѣ Бакреева, посрединѣ столъ, на которомъ приготовленъ чайный приборъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Борисъ Бакреевъ и Сашанскій входятъ.

Борисъ. Это странно было съ твоей стороны—стыдиться мнѣ сказать.

Сашанскій. Я не знаю—стыдъ-ли это или страхъ; но только откровенно говорю: она, въ этомъ черномъ платьѣ, съ вѣчно опущеннымъ взоромъ, какимъ-то восторгомъ наполняетъ мнѣ сердце.

Борисъ. И сенатскіе секретари, значить, иногда бываютъ поэтами.

Сашанскій. Видно, что бываютъ.

Борисъ (*серьезно*). Она дѣвушка славная; я, хоть и братъ ей, но могу сказать это... Хочешь, я переговорю съ ней?

Сашанскій. Сдѣлай милость! Практическіе

мои расчеты таковы: жалованья я получаю 600 руб., съ имѣнья своего—до тысячи, а тамъ, если нужно будетъ, уроки стану давать.

Борисъ. Да это вздоръ—проживете! Наконецъ, у нея приданое свое будетъ—отецъ долженъ-же дать... Я хочу для обѣихъ сестеръ теперь-же настоять, чтобы онъ объявилъ имъ приданое... дѣвушки богатая; а, пожалуй, по милости его молчанія, просидать въ дѣвкахъ... И младшая Соня молода еще, но отличная дѣвушка, съ превосходнымъ сердцемъ!

Сашанскій. Это какой-то сіяющій херувимъ!

Борисъ (*съ удовольствіемъ*). Да, и наружности прекрасной! Въ Вѣрѣ, признаюсь, меня ужасно удивляетъ эта ея какая-то страстная религіозность: откуда она, почему, отчего явилась?

Сашанскій. Бугорокъ, вѣроятно, у нея религіозный есть, у васъ это семейное: она въ отца пошла!

Борисъ. Что въ отца?!.. Богомольству его, во первыхъ... говорить только какъ-то неловко... я не вѣрю; а Вѣра если это дѣлаетъ, такъ совершенно искренно; точно какое несчастье или горе съ ней случилось... дѣвушка 25 лѣтъ, для нея ужь не существуетъ невакихъ радостей!

Сашанскій (*съ нѣкоторымъ волненіемъ*). Ваши, должно быть, пріѣхали!.. Лука Кузьмичъ идетъ.

Борисъ. Вотъ и этотъ тоже—богомольный человекъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Цаплиновъ.

Цаплиновъ (*входя*). Съ праздникомъ честнымъ, господа!

Борисъ. Съ праздникомъ честнымъ.

Цаплиновъ (*Сашанскому*). Давно-ли вы изволили прибыть?

Сашанскій. Съ часъ пріѣхалъ! И знаете, что передъ самымъ моимъ отъѣздомъ сюда, мнѣ цѣлый вечеръ рассказывали про васъ, что вы прежде и вутила, и волокита, и въ карточки перекинуть—были.

Цаплиновъ (*потупляя голову*). Всѣмъ былъ—каюсь!

Борисъ. Вмѣстѣ съ родителемъ моимъ подвизались.

Цаплиновъ. Все вмѣстѣ съ Евграфомъ Осипычемъ: съ кадетскаго званія въ дружбѣ пребываемъ; въ нынѣшнемъ вѣкѣ ужъ этого нѣтъ.

Борисъ. Хорошъ и вашъ вѣкъ былъ!

Цаплиновъ. Не хвалю! Хоть-бы на счетъ тѣхъ-же картъ, мы съ Евграфомъ Осипычемъ мичманами, мальчишками... Не любитъ онъ теперь этого—и вспоминать даже не приказываетъ... Мичманами и мальчишками ѣзжали въ Рагу съ англичскими шкиперами играть, и прежде такъ это считалось: лошадю кого надуть, въ карты навѣрнякъ обыграть, жену у другаго отбить, никакой вины въ этомъ нѣтъ человѣку, и еще честь великая,—такъ мы дур-

манчивъ съ собой важивали: у жиды одного въ Петербургѣ тогда только и приготавлился. Удивительная вещь: съ рюмки—человѣкъ ходитъ, глядитъ, говоритъ,—а настоящимъ манеромъ ничего не понимаетъ.

Борисъ. Какъ-же васъ не били? Замѣчали же, вѣроятно?

Цаплиновъ. Ну да, бить... ужь это что-же!.. А что точно, что неудовольствія большія бывали съ. Алябьевская-то исторія при насъ была, на нашихъ глазахъ—пьяные, вѣдь, всѣ были, и пьянство такое вообще было непомерное, пуншъ саженями пили: такъ, знаете, стаканчикъ на стаканчикъ, чтобы сажень вышла. Ну, а Евграфъ Осипычъ всегда. вѣдь, во всемъ гигантъ былъ! «Мнѣ, говоритъ, сажень много... мнѣ всего аршинчикъ этакой аршинный,» и сколько въ него стакановъ установится,—сорокъ восемь, кажется, пришлось... всѣ и выкушалъ въ вечеръ.

Сашанскій. Какъ еще вы оба до сихъ поръ здоровы такъ и крѣпки!

Цаплиновъ (со вздохомъ). Больше милосердіемъ Божиимъ... Тогда у Евграфа Осипыча эта ссора съ капитаномъ корабля вышла. При морской-то дисциплинѣ, не оробѣлъ начальника своего, по чину капитана 2-го ранга, схватилъ за шиворотъ и спустилъ было его за бортъ. Шесть мѣсяцевъ потомъ солдатомъ былъ, да, къ счастью, императоръ Александръ I-й воцарился; онъ его какъ-то зналъ, любилъ и простилъ его сейчасъ-же. Призываетъ меня послѣ того Евграфъ Осипычъ... «Нѣтъ, братъ, говоритъ, Лука, такъ жить нельзя...» и вступили

послѣ того въ законный бракъ—и пошло ихъ честное и праведное житіе.

Борисъ. А вы послѣ того еще долго пьянствовали?

Цаплиновъ. Не то что пьянствовалъ, въ бѣдность больше впалъ. Три года помощникомъ писемоводителя въ кварталѣ былъ.. Воспитательный домъ тогда отстраивали... мусоръ нанялся возить на себѣ въ тачкѣ; думалъ, не подойдетъ-ли кто изъ царской фамиліи и не замѣтитъ-ли, что отставной офицеръ мусоръ на себѣ возить... ночь ночуешь на улицѣ—холодно, другую—еще холоднѣе... Пришелъ къ Евграфу Осипычу,—тогда они Подмосковную эту купили,—аки блудный сынъ къ отцу: иагъ, босъ и гладенъ. «Прими,» говорю! Принялъ!

Сашанскій. Ну и блаженствуете съ тѣхъ поръ?

Цаплиновъ. Да я не знаю, какъ это называть, — пожалуй, что блаженствую: тѣломъ моимъ сталъ здоровъ, душой—покоенъ... Какъ Муравьевъ въ наше время сочинитель былъ, должно быть, сродственникъ тому, что ко святымъ мѣстамъ путешествовать изволилъ, пишетъ это Брянчанинову, своему другу:

«Тѣснятся вокругъ тебя прилежные селяне!

Ахъ, счастливы стократъ, свое лишь счастье зная.

Трудятся, суетно свой умъ не бременя,

Гуляютъ лѣтні дни, иль пляской заключаютъ!»

Такъ и я: всему, кажется, сердцемъ моимъ радуюсь: каждою травкѣ, каждою коровкѣ, лошаdkѣ,—каждый человекъ мнѣ кажется милъ.

Борисъ. А посвѣкать этихъ прилежныхъ селянъ все-таки любите?

Цаплиновъ. Творю волю пославшаго мя,— что вашъ родитель велить, то и дѣлаю,— въ единой руцѣ держу пальму благословляющую, а въ другой— мечъ наказующій.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Софья.

Софья (*входя*). Отецъ пріѣхалъ?

Цаплиновъ. Со старостой церковнымъ счеты свести изволилъ остаться.

Сашанскій кланяется Софьѣ.

Софья (*нѣсколько сконфузаясь*). Здравствуйте, Сашанскій! Я видѣла изъ окна, какъ вы подѣхали... (*Цаплинову*) А сестра гдѣ?

Цаплиновъ. На могилку къ маменькѣ, должно быть, пошли. Понафиду, кажется, желаютъ тамъ отслужить.

Борисъ. Вѣчно съ понафидами!

Софья (*Борису*). Мнѣ съ тобой, братъ, надо еще поговорить по секрету— pardon, М-ег Сашанскій!

Сашанскій. Сдѣлайте одолженіе!.. (*отходитъ злѣсть съ Цаплиновымъ всторону*).

Софья (*вполголоса брату*). Вѣра рѣшительно хочетъ идти въ монастырь!.. Мы сегодня всю ночь съ нею проплакали,— и непременно требуетъ, чтобы и я съ тобой ѣхала въ Москву и никакъ не оставалась здѣсь жить.

Борисъ. Богъ знаетъ, что такое! А я было ей жениха приготовилъ,—предложеніе хотѣлъ было дѣлать

Софья. Кого?

Борисъ. Сашанскій сватается.

Софья (*вся вспыхнувъ*). Сашанскій?!.. Я этого не ожидала!

Борисъ. А вы отъ чего это покраснѣли—а? Это что значить?

Софья. Вовсе и не думала краснѣть,—нисколько!

Борисъ. Чего нисколько!.. И слезы ужь на глазахъ.

Софья (*быстро утирая слезы*). Никакихъ слезъ нѣтъ.

Борисъ (*беря и показывая ей ея руку*). А это что-же?.. Вода?

Софья (*топнувъ ножкой*). Борька, перестань! Я въ самомъ дѣлѣ заплачу.

Борисъ (*поддразнивая*). А!.. Такъ вотъ въ чемъ дѣло,—вотъ въ чемъ!

Софья (*быстро говоря*). Ну что-жь, положимъ, было маленькое увлеченіе, а теперь и прошло все... Для сестры, дѣйствительно, если только она согласится, прекрасная это партія будетъ... Ты, пожалуйста, наставляй.

Борисъ (*нахмуриваясь*). Да, съ Вѣрой надобно будетъ поговорить серьезно, какъ объ этомъ, такъ и вообще обо всемъ ея душевномъ состояніи.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и ключница, быстро входя съ самоваромъ.

Ключница. Баринъ изъ церкви пріѣхалъ!

Всѣ обращаютъ свой взглядъ на дверь.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и старикъ Бакрѣевъ, очень съдой, но еще здоровый и крѣпкій мужчина, съ вѣстонависшими бровями, съ сухимъ твердымъ взглядомъ, въ щеголеватомъ бѣломъ жилетѣ, низенькой, круглой шляпѣ и съ тростью съ серебряннымъ набалдашникомъ. За нимъ идетъ Вѣра, такъ же, какъ и Софья, высокая и красивая дѣвушка, но старше ея лѣтъ на пять, и съ лицомъ истощеннымъ и печальнымъ.

Старикъ Бакрѣевъ (кланяясь всѣмъ общимъ поклономъ). Богъ вамъ милости прислалъ!

Софья и Борисъ подходят и цѣлуютъ руку у отца. Сашанскій ему почтительно кланяется.

Старикъ Бакрѣевъ (Сашанскому). Здравствуйте, очень радъ васъ видѣть!

Цаплиновъ подходитъ и раболопно беретъ у него, шляпу и палку, и ставитъ въ уголъ. Ключница тоже подходитъ и цѣлуетъ руку у барина.

Старикъ Бакрѣевъ (грозя ей пальцемъ). Твой мужъ снова мнѣ нагрубилъ: только я изъ церкви, онъ на встрѣчу мнѣ пьяный и, по обыкновенію,

цѣлое море дерзостей и неприличія... Ну ужь, извини, я опять велѣлъ его взять.

Ключница (*покраснѣвъ*). Вся ваша воля господская.

Старикъ Бакреевъ (*обращаясь къ Цаплинову*). Вы взяли, надѣюсь?

Цаплиновъ. Взять-съ... Пускай теперь попроститься, а завтра и поучимъ.

Старикъ Бакреевъ (*садясь за столъ*). Ну теперь станемъ чай распивать!.. Помолясь, можно и покушать. (*Садится на особое предъ столомъ покойное кресло*).

Въра начинаетъ разливать чай, *Софья* помѣщается около нея, *Цаплиновъ* присаживается только на кончикъ стула. *Молодой Бакреевъ* и *Сашанскій* усаживаются поотдалъ на другой сторонѣ сцены.

Въра (*Сашанскому*). Вамъ угодно чаю?

Сашанскій. Нѣтъ, мерсі.

Въра (*Борису*). А тебѣ, братъ?

Борисъ. Нѣтъ, я ужь пилъ.

Старикъ Бакреевъ (*нахмуриль брови*). Ты-бы могъ, кажется, и подождать отца. Я люблю, чтобы когда дѣти мои живутъ у меня, такъ подчинялись-бы и привычкамъ моимъ.

Борисъ (*усмѣхаясь про себя*). Я не зналъ, что вы придаете этому такую цѣну,.. Если хотите, я и со всѣмъ не буду пить чай.

Старикъ Бакреевъ. Вамъ говорятъ не объ совѣтѣ, а объ нѣкоторыхъ обычаяхъ, которые у меня въ домъ введены и соблюденіемъ воторыхъ вы бы показали уваженіе ко мнѣ.

Нѣсколько минутъ продолжается тяжелое и непріятное молчаніе.

Старикъ Бакреевъ *(обращаясь къ Сашанскому)*.
На васъ, Петръ Николаичъ, я тоже сердить.

Сашанскій. За чай-же?

Старикъ Бакреевъ. Нѣтъ, не за чай! До такой степени я не позволю себѣ распространять правъ моихъ на васъ; но за дѣло мое, которое опять вернули для справокъ. Скажи имъ, гдѣ дверь находилась: на церковномъ-ли игоствѣ или за оградой, и оцѣни ее по мѣстнымъ цѣнамъ, чего она стоитъ... Такъ между пріятелями не дѣлается... По крайней мѣрѣ въ наше время мы и не такими вещами другъ друга обязывали.

Сашанскій *(немного сконфузившись)*. Что-жь тутъ пріятель или непріятель,—это все равно; но, во первыхъ, дѣло ваше разсматривалъ не я одинъ и, кромѣ того, по личному моему убѣжденію, нахожу, что эти вопросы нужны и законны. Нельзя-же было не обсудить двухъ вещей: имѣлъ-ли мужикъ, беря дверь, денежный интересъ или желалъ подсмѣяться надъ церковною вещью? Разумѣется, ни то, ни другое...

Старикъ Бакреевъ *(перебивая его)*. Гдѣ-же этотъ законъ, что цѣнная вещь или нѣтъ; крупица хлѣба и жемчужина тамъ едино стоитъ. Укравшій ее—тать!... Каторга ему.

Сашанскій *(пожимая плечами)*. Ну нѣтъ, я этого не думаю.

Старикъ Бакреевъ *(неслушая его и все больше и больше разгораясь)*. При царѣ Алексѣй Михайловичѣ дѣвку, съ придурью отъ рожденья, за то что она на денежку, которую ей дали на свѣчку, купила себѣ вачачъ, судили и били внутьями безщадно, то были

религія и судьи, а нынче судять все мальчишки мо-
локососы.

С а ш а н с к і й (*усмѣхаясь*). Такого рода правосудіе,
я не нахожу, чтобъ было высокаго качества.

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Нѣтъ-съ, высокаго, по-
тому что изъ высокаго источника истекаетъ.

Б о р и с ъ (*весь вспыхнув и обертываясь къ отцу*). Между
этимъ высокимъ источникомъ и подобнымъ варвар-
ствомъ, точно также, какъ между этимъ высокимъ
источникомъ и вашимъ дѣломъ съ мужикомъ, ничего
нѣтъ общаго,—нисколько

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ (*нахмуря брови*). Что ты
хочешь этимъ сказать?

Б о р и с ъ. То, что всѣ говорятъ. Въ Москвѣ
одинъ господинъ въ цѣломъ обществѣ при мнѣ гово-
рилъ, что вы все это дѣло затѣяли даже и не изъ
религіознаго рвенія, а просто изъ личной мести
къ мужику.

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. При тебѣ это говорили?
Что-же ты сказалъ этому господину и клеветнику на
меня?

Б о р и с ъ. Ничего не сказалъ!... Я не счелъ даже
за нужное объявить ему, что я сынъ вашъ.

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Ты, значить, усты-
дился меня?—Чѣмъ-же я такъ ужъ особенно прови-
нился, что лишенъ былъ этой высокой чести? Мнѣ,
по крайней мѣрѣ, надобно знать, чтобы исправиться
потомъ.

Б о р и с ъ. Я не знаю, есть-ли тутъ ваша вина
или нѣтъ; равно какъ и того, что клевететь-ли
этотъ господинъ на васъ или говоритъ правду.

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Нѣтъ, ты, я увѣренъ

въ томъ, совершенно убѣжденъ, что онъ говорить правду.

Борисъ. Никакихъ данныхъ не имѣю ни за, ни противъ того.

Старикъ Бакреевъ. А, ты не имѣешь никакихъ данныхъ за! Такъ пошелъ-же вонъ, мерзавецъ, изъ моего дома! Какъ онъ сталъ нынче разговаривать съ отцемъ!.. Я не хочу, чтобы одинъ видъ твой развращалъ твоихъ сестеръ.

Борисъ. Съ большимъ-быудовольствіемъ ушелъ, если-бы не было этихъ бѣдныхъ сестеръ моихъ, которымъ я обязанъ быть защитникомъ.

Старикъ Бакреевъ (*обертывался къ дочерямъ*). Стало быть вы нуждаетесь въ защитникахъ?... Значить, нуждаетесь?

Объ двѣушки молчатъ.

Старикъ Бакреевъ (*совершенно бѣшенымъ голосомъ*). Ну такъ и я найду себѣ защитника, погодите! (*обращаясь къ Сашанскому*) А васъ, милостивый государь.. во всѣмъ этомъ я вижу и ваше вліяніе, но кто такимъ образомъ вооружаетъ дѣтей противъ родителей, вы сами знаете какое заслуживаетъ названіе... и васъ прошу сдѣлать для меня то-же, что и сыну предложилъ сдѣлать. Надѣюсь, вы поняли меня? (*уходитъ*).

Сашанскій (*очень сконфузаясь*). Что-жь... Конечно я...

Софья (*вставая и идя за отцомъ*). Я пойду какънибудь вразумлять его! (*уходитъ*).

Цаплиновъ (*изъ другаго угла комнаты*). Стыдно вамъ, молодые люди, такъ старичка сердить,—очень стыдно,—а еще ученые!

Борисъ (*обращаясь къ нему*). Ты что тутъ квакаешь?... Убирайся отсюда!

Цаплиновъ Нѣтъ-съ, вы не можете мнѣ сказать того... Вонъ, родитель вашъ вамъ и вашему пріятелю сказали, чтобы вы уѣзжали, онъ имѣлъ право, а вы не можете того приказать.

Борисъ Я не могу?... (*Подходитъ и беретъ его за воротникъ сюртука*).

Цаплиновъ. Не можете!... За воротникъ-то не позволяйте брать.

Борисъ. Не могу?... (*подтаскиваетъ Цаплинова къ дверямъ и, что есть силы, выталкиваетъ его за дверь въ шею*).

Цаплиновъ (*за дверьми*). Припомните, г-нъ Бакреевъ, я кавалеръ и дворянинъ!

Борисъ. Я тебѣ дамъ, кавалеръ и дворянинъ!

Сашанскій (*подходя къ Борису*) Полно, Борисъ перестань!

Борисъ (*бѣшенымъ голосомъ*). Смѣетъ мнѣ сказать, что отецъ можетъ меня выгнать, а его нѣтъ!

Сашанскій. Ну и пускай его говорить!... Что съ нимъ разсуждать очень. А я пока... прощай, досвиданья,—я ѣду!

Борисъ. Что за-вздоръ,—оставайся: на зло этому старому хрычу надобно остаться!

Сашанскій. Не могу я этого сдѣлать: онъ послѣ этого въ самомъ дѣлѣ велитъ меня выгнать.

Борисъ (*съ сердцемъ*). Ну, пожалуй, поѣзжай,—для меня все равно.

Сашанскій. На всѣхъ разсердился. (*Вѣрь съ нѣкоторымъ чувствомъ*). Честь имѣю кланяться. (*Борису*). Мы съ тобой вскорѣ, какъ нибудь, увидимся или перевишемся.

Борисъ (*какъ-бы думая о другомъ*). Хорошо! (*Подаетъ Сашанскому руку; тотъ пожимаетъ ее, еще разъ раскланивается съ Вѣрой и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Вѣра и Борисъ.

ВѢРА (*подходя къ брату, ласково ему*). Успокойся, Борисъ!... Ну, зачѣмъ было такъ говорить и затѣвать всѣ эти сцены!

БОРИСЪ. Что-жь терпѣть все. Онъ мало того, что бранитъ меня, какъ ему угодно,—онъ сталъ ужь дѣлать грубости и небѣжливости моему пріятелю, выгоняетъ его изъ дому и дойдетъ, наконецъ, до того, что будетъ требовать, чтобы всѣ не только дѣлали, какъ онъ хочетъ, но чтобы всѣ думали, какъ онъ думаетъ. Я, впрочемъ, очень радъ, что объясненіе этъ такъ кончилось... Теперь дѣло все въ тебѣ: выходи за-мужъ, возьмемъ Софью и перѣдемъ всѣ въ Москву.

ВѢРА (*удивленнымъ и испуганнымъ голосомъ*). Миѣ замужъ?

БОРИСЪ. Что-жь тутъ необыкновеннаго? Сашанскій сватается къ тебѣ; кажется, человекъ достойный.

ВѢРА. Нѣтъ, Борисъ, я не хочу замужъ ни за Сашанскаго, ни за кого.

БОРИСЪ. Что же въ монастырь все?

ВѢРА (*кратко*). А куда же миѣ больше?

БОРИСЪ. Послушай, Вѣра, ты дѣвушка умная, неужели ты не понимаешь, что, живя въ мірѣ и въ

даже замужъ, ты также можешь молиться Богу и быть хорошей женщиной.

ВѢРА. Я не могу ни выйти замужъ, ни быть хорошей женщиной.

БОРИСЪ. Но сознайся: или у тебя есть какая нибудь тайна, или ты помѣшанная?

ВѢРА. И тайна есть у меня, и помѣшанная я.

БОРИСЪ. Какая-же тайна? Отчего-же ты не хочешь сказать мнѣ! Неужели я не заслужилъ отъ тебя столько довѣрія, что ты боишься открыть мнѣ, что тѣготитъ твою душу?

ВѢРА. Открыть мою душу я могу только одному Богу; можетъ быть, Онъ проститъ меня, а, можетъ быть, и нѣтъ,—а ты не спрашивай. (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

БОРИСЪ (*одинъ*). Богъ знаетъ, что такое: «не могу быть хорошей женщиной», «можетъ, проститъ меня Богъ, а, можетъ, и нѣтъ», ничего не понимаю! Всего вѣроятнѣе—какая нибудь несчастная любовь; но къ кому-же? Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ института, я думаю, у нашего родителя лица человѣческаго не видала! Какъ знать, можетъ быть какая нибудь несчастная встрѣча въ дѣсу съ какимъ нибудь мерзавцемъ. Я это развѣищу, пораспрошу, стороной, сосѣдей, людей и доберусь, въ чемъ тутъ дѣло.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ II.

Утро. Кабинетъ; на стѣнѣ портреты разныхъ генераловъ и духовныхъ особъ; мебель тяжелая и вальяжная.

ЯВЛЕНІЕ I.

На одной сторонѣ старикъ Бакреевъ помѣщается около стола, на другой Цаплиновъ сидитъ передъ старинной конторкой съ листомъ бумаги въ рукахъ.

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ. Ну!

ЦАПЛИНОВЪ (*откашливаясь, начинаетъ читать*): «Вдова чиновница, предъявила аттестатъ мужа, десять человекъ дѣтей».

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ (*подумавъ*). Ну!... дать ей... полтинникъ.

ЦАПЛИНОВЪ (*продолжаетъ читать*). «Священникъ села Грохова, побилъ весь хлѣбъ градомъ, просить о вспомошествованіи.»

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ. Выдать ему четверть изъ старой ржи.

Цаплиновъ. «Кузьма Николаевъ, мастеровой, два дня вышелъ изъ больницы».

Старикъ Бакреевъ. На заводъ, на чугунный, мять глину на формы.

Цаплиновъ (*на минуту приостановясь читать*). Не желаютъ они, проклятые, какъ-то этого. Сколько вотъ ихъ посыляли,—всѣ уходятъ.

Стрикъ Бакреевъ. Не желаютъ, такъ и уби-
рались-бы...

Цаплиновъ (*продолжая читать*). «Статская со-
вѣтница Лингенштейнъ обращается съ письмомъ, —
жалуется на болѣзнь и тяжкую нужду».

Старикъ Бакреевъ. О, чортъ!... согрѣшилъ
грѣшный!... Эти ужъ мнѣ статскія совѣтницы...
послать ей десять цѣлковыхъ... Теперь письмо...
гдѣ главная-то заноза и чирій мой... Пиши!

Цаплиновъ беретъ перо, бумагу и готовится писать.

Старикъ Бакреевъ (*диктуетъ*). «Ваше вы-
соксіятельство... имѣю смѣлость... приложить при
семъ... двѣ тысячи цѣлковыхъ на пособіе... на посо-
біе къ воздвигаемому вами храму»...

Цаплиновъ (*остановившись писать*). Храму...

Старикъ Бакреевъ. «И дерзаю при семъ...
раскрыть раны собственной... грѣшной души моей...
единородный сынъ мой... Борисъ Бакреевъ... послѣ
разгратной и раззорительной жизни... влекущей
меня... къ непрерывной уплатѣ... по его долгамъ,
прибылъ ко мнѣ въ имѣнье... возмутилъ своихъ
сестеръ противъ меня... избилъ моего управляю-
щаго»...

Цаплиновъ (*останавливаясь писать*). «Дворянина
и кавалера,» я полагаю, прибавить надо ..

Старикъ Бакреевъ. Ну, прибавь: «дворянина и кавалера»... *(продолжаетъ диктовать)* «и свою дерзосную руку... объѣзжаетъ поднять и противъ меня»...

Цаплиновъ *(написавъ)*. Меня...

Старикъ Бакреевъ *(продолжаетъ диктовать)*. «Ваше высокосіятельство, не столько въ личное охраненіе... сколько въ исправленіе его дурной нравственности... я, по слѣдъ 2164 ст. XV тома свода законовъ... желаю посадить его въ смиренный домъ»...

Цаплиновъ *(останавливаясь)*. Смиренный домъ, слово и добро большія писать?

Старикъ Бакреевъ. Большія, разумѣется *(диктуетъ)*. «Надѣюсь, ваше высокосіятельство, что вы поймете чувства... несчастнаго отца... камнями и жерновами... плачу я, пиша сію просьбу... но исполненіе оной... приму однако же... за новое проявленіе ко мнѣ милости Божіей... и вашей высокочтимой мною благосклонности ко мнѣ». Дай-ка, покажи теперь.

Цаплиновъ подаетъ.

Старикъ Бакреевъ. Что ты такое тутъ нацарапалъ?... Одна строчка сюда, другая — туда... на смѣхъ, что ли, ты такъ пишешь?

Цаплиновъ *(сконфузья и трусливо усмѣхаясь)*. Ну, сударь, Евграфъ Осипычъ, старъ вѣдь ужъ я, слѣпъ тоже...

Старикъ Бакреевъ. Врешь! врешь! Пьянствуешь съ своей метросой по ночамъ, вотъ граблято и дрожатъ по-утру... Человѣка нѣтъ около меня... Всякое пустое дѣлшко долженъ сдѣлать самъ... Для

чего я держу тебя?... На физиономію твою глядѣть, что ли? Такъ, слава Богу, насмотрѣлся...

Цаплиновъ. Я перепишу-съ.

Старикъ Бакреевъ. Десять разъ переписи!... двадцать!... чтобы буквы у меня кривой не было... понимаешь ли ты, къ кому пишешь?.. только въ грѣхъ меня ввелъ передъ молитвой. *(Сердито встаетъ, уходитъ въ спальню и захлопываетъ дверь).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Цаплиновъ *(одинъ къ публикѣ)*. За что онъ меня разбранилъ? За то, что онъ богатъ, а я бѣденъ,— за то только!... Старъ я теперь; но если бы еще сто лѣтъ пришлось мнѣ прожить на свѣтѣ и каждый день я могъ надругаться и казнить этого человѣка, такъ сотней доли ему не отплатилъ бы за себя и за другихъ. Что ему дочери, лакеи, дѣвки, мужики — все равно, всѣхъ одинаково лаеетъ. Словно конь степной! Закусить удила и несется въ сей жизни, куда ему угодно и какъ угодно. Какую я теперь про него штуку подозреваю, — давно бы наказану ему надо быть, а дѣлать нечего—молчи, переписывай его посланіе *(беретъ свое письмо и начинаетъ его переписывать)*. И сыновъ-то тоже такой же озорникъ,—не лучше папиньки будетъ. Вотъ теперь посиди-ка въ тюръмѣ... тѣмъ я, по крайней мѣрѣ, доволенъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ ключница и начинаетъ сердито переставливать разныя вещи.

Ц а п л и н о в ъ (*обертываясь къ ней и тоже сердито*).
Что ты тутъ дѣлаешь?

К л ю ч н и ц а. Пыль стираю-съ!

Ц а п л и н о в ъ. Смотри, расшиби что-нибудь.

К л ю ч н и ц а. Голову бы себѣ разбить я была бы рада больше всего.

Ц а п л и н о в ъ (*продолжая писать*). Голову свою, пожалуй, бей, никто не запретитъ того, хоть и пожалѣемъ мы немножко.

К л ю ч н и ц а. Пожалѣете вы!... теперича мужа... за что и про что мучите человѣка?

Ц а п л и н о в ъ (*продолжая писать*). За грубость!

К л ю ч н и ц а. Оставьте меня, такъ онъ и не станетъ грубить... Словно на деревнѣ дѣвокъ одиновихъ нѣтъ; на меня, несчастную, пала эта участь!

Ц а п л и н о в ъ (*продолжая писать*). Воля господская, иже не приидеши ее.

К л ю ч н и ц а. На одной недѣлѣ третій разъ хлещутъ человѣка; спина-то у него и то ужь, точно у татарской лошади, не заживаетъ даже. Терпимъ, терпимъ, да и жаловаться пойдёмъ.

Ц а п л и н о в ъ (*продолжая писать*). Ничего изъ того не будетъ.

К л ю ч н и ц а. Простите его хоть на сегодняшній-то разъ!

Ц а п л и н о в ъ (*обертываясь къ ней*). Да я то что тутъ?.. Проси барина.

К л ю ч н и ц а. Они гнѣваться еще больше изволятъ, когда я ихъ прошу; «ты, говорятъ, очень его любишь!» Попросите ужь вы, сдѣлайте милость!

Ц а п л и н о в ъ. Я доложу,—мнѣ не тяжело.

К л ю ч н и ц а. Онъ говоритъ: «я, говоритъ, барину въ ноги поклониться желаю и прощенья у него попросить; грубить ужь, говоритъ, больше не стану.»

Ц а п л и н о в ъ (*не поднимая головы*). Кабы онъ дѣйствительно искренно раскаялся, такъ мы-бы его пальцемъ не тронули: сиди себѣ въ своей ткацкой и три полотна.

К л ю ч н и ц а. Мнѣ-то-бы очень тоже сладко было жить.

Ц а п л и н о в ъ. И горечи особенной я никакой не вижу.

К л ю ч н и ц а (*какъ-бы не слушая его*). На улицу страмъ выйти. Явно, да открыто, экое дѣло дѣлать! (*Сморкается въ фартукъ и утираетъ слезы*).

Ц а п л и н о в ъ. Ну, нечего тутъ рюмить—доложить...

К л ю ч н и ц а. Сдѣлайте милость (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ц а п л и н о в ъ (*одинъ*). Не дожить намъ до добра съ этой четой... Другой годъ, кажется, Евграфъ Осипычъ взялъ эту госпожу въ приближенные себѣ; супругъ ея каждую <http://meim.org/> неделю ему грубить и каждую

недѣлю мы его сѣчемъ. Рожа-то точно у него не человекъчья стала... звѣремъ какимъ-то на тебя смотритъ. Въ первый разъ вотъ почувствовался немножко и хочеть попросить прощенія.

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Вѣра въ черномъ дорожномъ платьѣ.

ВѢРА. Батюшка въ своей комнатѣ?

ЦАПЛИНОВЪ. На молитвѣ, надо полагать, изволить стоять... у себя въ спальнѣ-съ.

ВѢРА. Скажите, что я пришла.

ЦАПЛИНОВЪ *(рабочьино подходитъ и стучитъ три раза въ дверь)*.

ГОЛОСЪ БАКРЕЕВА. Аминь!

ЦАПЛИНОВЪ *(пріотворяя въ спальню дверь)*. Вѣра Евграфовна пришли къ вамъ.

ГОЛОСЪ БАКРЕЕВА. Хорошо!

Цаплиновъ той-же рабочьиной походкой отходитъ отъ двери и совсѣмъ уходитъ изъ кабинета.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вѣра и старикъ Бакреевъ съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ. Это ты, Вѣра?

ВѢРА. Да, батюшка... Я совсѣмъ ужь увѣжаю въ монастырь.

Старикъ Бакреевъ, Ну, да приметъ тебя Господь Богъ въ свое лоно.

Въра (*нѣсколько помолчавъ*). Батюшка!.. Монашество, говорятъ, есть та-же смерть. Желаніе и волю умирающихъ близкіе, обыкновенно, исполняютъ (*съ улыбкою*). И мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы три мои желанія исполнили.

Старикъ Бакреевъ (*не совсѣмъ сурово*). Говори, ну!

Въра. Первое желаніе—простите брата.

Старикъ Бакреевъ (*сейчасъ-же нахмурясь*). Чтобы онъ билъ меня, за тѣмъ развѣ.

Въра. Онъ и не думалъ, батюшка, никогда этого; онъ вспыльчивъ, но благородень.

Старикъ Бакреевъ. Не вспыльчивъ онъ, а нарочно разстраиваетъ меня, чтобы ускорить мою смерть, которой онъ только и ждетъ; такъ нѣтъ еще: вретъ!.. Я самъ надъ нимъ надругаюсь прежде.

Въра. Никогда онъ, батюшка, этого не ждетъ и, если виноватъ въ чемъ, такъ самъ придетъ попросить прощенья у васъ... Второе—отпустите съ нимъ въ Москву сестру,—это моя твердая и непреклонная воля!

Старикъ Бакреевъ (*съ раздраженіемъ*). Не могу я этого сдѣлать!.. Не могу!-. Вы ужь, значить, всѣ меня хотите покинуть... Она тамъ съ этимъ негодяемъ—братдомъ своимъ, Богъ знаетъ, что надѣлаетъ!

Въра. Ничего она не надѣлаетъ. (*Строго*) Я, батюшка, жила все въ деревнѣ, при васъ, а надѣлала то, чего никто, я думаю, не надѣлалъ!..

Старикъ Бакреевъ (*сконфуженный и смущен-*

ный). Вѣра, въ такую минуту, передъ такой продолжительной разлукой... мы, можетъ быть, даже не увидимся съ тобой,—ты говоришь мнѣ это и укоряешь меня,—это жестоко съ твоей стороны.

ВѢРА. Я не уверяю васъ, батюшка, а прошу только за Сою: она молода еще, ей хочется развлеченій; а жизнь въ уединеніи можетъ повліять дурно и на ея здоровье, и на ея характеръ.

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ *(съ тѣмъ-же смущеніемъ)*. Но долженъ-же я это переселеніе молодой дѣвушки къ холостому брату обдумать хоть сколько нибудь... компаньонку, что-ли, ей нанять.

ВѢРА. Наймите компаніонку... Теперь третья просьба о васъ самихъ: батюшка, молитесь искреннѣй, усерднѣй!.. Объ этомъ молить васъ ваша несчастная дочь... *(кидается ему на грудь и обнимаетъ его)*.

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ *(совсѣмъ растерявшись)*. Вѣра, милая, ангелъ мой, я буду молиться, буду!..

ВѢРА *(со стономъ)*. Молитесь и покайтесь: насъ страшное на томъ свѣтѣ ожидаетъ наказаніе,—страшное!

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ. Ничего, Вѣра, ничего!.. Царь Небесный милосердъ: Онъ, можетъ быть, простить и меня, а тебя за что-же?.. ты святая и безъ того.

ВѢРА *(возкликаетъ)*. Я святая!.. Господи, и Ты до сихъ поръ не поразишь меня громами Твоими!

СТАРИКЪ БАКРЕЕВЪ *(перебивая ее испуганнымъ голосомъ)*. Братъ и сестра твои идутъ!.. Я не хочу и не могу ихъ видѣть!

ВѢРА. Уходите!

Старикъ Бакреевъ уходитъ. Вѣра нѣсколько оправляется и утираетъ слезы на глазахъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Вѣра, Борисъ и Софья.

Софья (*Впрѣ*). Неужели ты хочешь ѣхать, не позавтракавши?

Вѣра. Ахъ, я совершенно ничего не хочу!

Софья. Какъ-же это?.. Сорокъ верстъ ѣхать голодной!.. Извольте кушать!.. Потомъ люди желаютъ съ тобой все проститься.

Вѣра. Ну, хорошо.

Софья (*подходя къ двери*). Подавайте!

Блющница вноситъ закуску; за ней постепенно входятъ горничная, два лакея, нѣсколько дворовыхъ мужиковъ и бабъ, и Цаплицовъ.

Вѣра (*брату*). Я просила за тебя отца, чтобы онъ простилъ тебя. Онъ желаетъ, чтобы ты попросилъ у него извиненія.

Борисъ. Въ чемъ-же мнѣ у него извиненія просить?

Вѣра. Ну да такъ... ты знаешь эти старики... у нихъ въ этомъ случаѣ самолюбіе даже страдаетъ... Сестру онъ отпускаетъ съ тобой.

Борисъ. Я радъ, разумѣется, этому; но во всякомъ случаѣ, онъ долженъ же хоть сколько нибудь обезпечить насъ: самъ я, ты знаешь, живу на холостую ногу.

Вѣра. Разумѣется, обезпечить; значитъ, все теперь улажено! (*къ людям*) Прощайте, милые! Не со-

грѣшила-ли я передъ кѣмъ нибудь; не обидѣла-ли кого нибудь?

Всѣ юрничныя подходятъ къ ней къ рукъ и въ одинъ почти голосъ:

Ой, матушка, какія ужь обиды отъ васъ были!

Одна старуха. Жаль намъ, матушка, очень больно жаль всѣмъ тебя. Экая ты молоденькая въ монастырь идешь!.. На одной молитвѣ заморять тебя тамъ!

Другая женщина. За то Богу она будетъ пріятна.

Прежняя старуха. Будетъ, вѣстимо.

Конюхъ Порфирій (*подходитъ къ рукъ Вѣры.*)
Сѣрку-то, сударыня, кто безъ васъ хлѣбцомъ будетъ кормить? Ему будетъ скучно безъ васъ.

Вѣра. Ты корми!

Конюхи. Кормить и мы будемъ!

Ключница подходитъ къ ея рукъ.

Вѣра. А мужъ твой все еще сидитъ?

Ключница. Все сидитъ съ!

Вѣра (*обращаясь къ Цаплинову*). Сейчасъ-же извольте его выпустить! Я забыла отцу сказать объ этомъ.

Цаплиновъ. Выпустимъ-съ, Евграфъ Осипычъ можетъ прикажутъ.

Вѣра. Непремѣнно!... Я, впрочемъ, сама пойду попрошу отца. (*Идетъ; ключница догоняетъ ее и цѣлуетъ у нея руку*).

Софья. И я съ тобой пойду! (*Уходитъ вслѣдъ за сестрой*).

Дворовые люди и Цаплиновъ тоже уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Борисъ на аванъ-сценѣ, а ключница въ глубинѣ сцены.

Борисъ (*самъ съ собой*). Совсѣмъ ужь уѣзжаетъ... такими вещами люди не шутятъ... (*Показывая головой на ключницу*). Попробую распросить эту дуру, не скажетъ-ли она мнѣ чегонибудь... Эй, Агафья, поди сюда!

Ключница подходитъ.

Борисъ. Послушай, отъ чего и для чего барышня въ монастырь идетъ?

Ключница. Богомольны, вѣдь, сударь, онѣ очень... года три богомольствуютъ.

Борисъ. Не любила-ли она когонибудь?... Не была-ли этакъ... въ когонибудь несчастнымъ образомъ влюблена?

Ключница. Нѣтъ-съ!... ничего этого про нихъ сказать нельзя. Извѣстно вѣдь-съ, папеньку своего одного онѣ всегда только и любили.

Борисъ (*поблѣднѣвъ*). Какъ папеньку любила? Что ты хочешь этимъ сказать?

Ключница. Любили-съ, почитали ихъ очень.

Борисъ (*беря себя за голову*). Развѣ было насчетъ этого какаянибудь болтовня?

Ключница (*мужимъ голосомъ*). Насчетъ чего-съ?

Борисъ. Насчетъ папеньки и Вѣры?

Ключница (*испугавшись и покраснѣвъ*). Ну, батюшка, развѣ мы слуги и служанки можемъ знать, что тамъ у господъ есть?

Борисъ. Говори правѣе и яснѣй!... На тебѣ денегъ! *(дастъ ей денегъ)*.

Ключница. Здѣсь въ домѣ, извѣстно, гдѣ-же? хоть-бы и Софья Евграфовна все тоже вмѣстѣ больше съ Вѣрой Евграфовной...

Борисъ. Такъ стало было-же гдѣ нибудь?

Ключница. Ну, батюшка, помилуйте — виновата я. Извѣстно, онѣ часто съ папенькой ѣздили вдвоемъ... кучера болтали потомъ, рассказывали...

Борисъ *(перебивая ее)*. Довольно ступай!

Ключница уходитъ.

Борисъ. Такъ вотъ оно что!... Распрашивать даже теперь боюсь.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Борисъ, Вѣра и Софья.

Вѣра. Ну, вотъ я и совсѣмъ теперь! *(Софья)* Поцѣлуй меня еще!... Не изволь плакать, —будетъ ужь... наплакались мы съ тобой! *(подходитъ къ брату)* Прощай Борисъ!.. Но что такое, что съ тобой?

Борисъ *(Софья)*. Софья, выйди!... мнѣ надо съ Вѣрой одному остаться.

Софья уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Вѣра и Борисъ смотрятъ нѣкоторое время прямо въ лицо другъ другу.

Борисъ *(неторопливо)*. Мнѣ теперь становятся немножко понятно ваше богомольство и отчужденіе

отъ свѣта!... Это хорошо... оно такъ и быть должно... необходимое послѣдствіе.

ВѢРА. Я очень рада, что тебѣ нравится то, что я дѣлаю.

БОРИСЪ. Она рада!... Вы, вѣроятно, не совсѣмъ меня понимаете... Я предугадываю, напримѣръ, причину, по которой вы идете въ монастырь.

ВѢРА. Ты?!...

БОРИСЪ. Да, я... вы идете потому, что очень любили отца.

ВѢРА (*вспыхнувъ, но спокойно*). Я любила его!

БОРИСЪ (*ударивъ себя въ грудь*). ВѢРА, пойми ты это и скажи мнѣ скорѣй: правда это или нѣтъ?

ВѢРА. Въ чемъ правда,—я не понимаю и, наконецъ, ты не духовникъ мой?

БОРИСЪ. Нѣтъ, ты понимаешь, и я повторяю тебѣ: не отыгрывайся словами; если существовало то, что я думаю, такъ монастыремъ не отвертишься; лучше отдай себя гражданской казни, пусть тебя колесуютъ, четвертуютъ, раскидаютъ твои поганые остатки на сѣденіе псамъ...

ВѢРА. Всѣ твои слова и оскорбленія я не принимаю: въ тебѣ говоритъ не ты, а твой безумный гнѣвъ. Увзжай въ Москву, возьми сестру съ собой,— а обо мнѣ совершенно забудь.

БОРИСЪ (*хватая себя за виски*). О, я выжму изъ головы весь мозгъ мой, чтобы частичка имени твоего не осталась въ моей памяти, низкая, подлая ханжа!.. Ступай!

ВѢРА (*поднимая глаза къ небу*). Господи, прости ему!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Софья (*вбѣгая*). Братъ, что такое?

Борисъ. Прочь и ты отъ меня!.. Ты такая же притворщица и развратница будешь, какъ и та, что ушла!.. Врагомъ я вамъ дѣлаюсь изъ нѣжнаго брата!

Софья (*глядя на него со страхомъ*). Боже мой!.. Онъ, кажется, съума сошелъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

Гостинная. Направо комната Вѣры, а налѣво комната Софьи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья (*быстро входит и съ волненіемъ*). Кажется, это онъ пріѣхалъ. (*Торопливо подходитъ къ зеркалу и начинаетъ поправлять прическу*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Сашанскій.

Софья (*торопливо*). Pardon M-er Сашанскій, что я васъ беспокоила и писала къ вамъ.

Сашанскій. Напротивъ!.. только, вѣдь, какъ понравится мой пріѣздъ вашему батюшкѣ!

Софья. Отецъ ничего... Да онъ, я не знаю, куда-то уѣхалъ сегодня.

Сашанскій. <http://rcin.org.pl> Что такое съ Борисомъ Евграфовичемъ происходитъ?

Софья. Понять не могу!.. Въмѣсто того, чтобы проститься съ Вѣрой, онъ ее разбранилъ... Та уѣхала вся въ слезахъ... На меня тоже завричалъ... И вотъ другой день ходитъ мрачный и сердитый; ни съ кѣмъ не говоритъ,—и все это, вѣроятно, за то, что Вѣра не пошла за васъ замужъ.

Сашанскій. За это?

Софья. Да, онъ ужасно въ этомъ случаѣ похожъ на отца: что захочетъ, такъ чтобы непременно по его дѣлалось,

Сашанскій. Очень жаль въ такомъ случаѣ, если это за меня...

Софья. Неиремѣнно за васъ! Вы, пожалуйста урезоньте его... Наконецъ, на меня-то за что онъ сердится, — я то ужъ ни въ чемъ не виновата... До свиданья покуда... Онъ видѣлъ, что вы пріѣхали, и сейчасъ же, вѣроятно, выйдетъ къ вамъ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Сашанскій *(одинъ)*. Славная дѣвушка! На Вѣру Евграфовну теперь ужъ надежды нѣтъ... Что если-бы эта за меня пошла,—отлично-бы.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сашанскій и Борисъ.

Борисъ *(входитъ)*. Очень радъ, другъ любезный, что ты надумалъ и опять пріѣхалъ къ намъ.

Сашанскій. Пріѣхалъ, какъ ты изволишь видѣть! Говорятъ: ты тутъ очень буянишь и сердишься и главное за меня будто бы?

Борисъ. Кто тебѣ это говорилъ?

Сашанскій. Миѣ писала Софья Евграфовна. Она очень огорчена, что ты такой печальный и разстроенный, и просила меня пріѣхать сюда.

Борисъ. Она лучше бы объ себѣ больше заботилась... Вѣрѣ я дѣлалъ предложеніе,—она не приняла его и сама совсѣмъ отправилась въ монастырь.

Сашанскій. Слышалъ это я. Очень жаль.

Борисъ. Нѣтъ ты благодари Бога тысячекратно, что она настолько еще честная дѣвушка, что сочла за лучшее не замужъ выйти, а погребсти себя въ монастырь.

Сашанскій. Что жъ тутъ лучшаго,—я не вижу.

Борисъ. А то: дѣлай самое смѣлое предположеніе—пороку, злу,—и ты только сотую долю вообразишь себѣ того, что тутъ происходило.

Сашанскій. Не понимаю я тебя!..

Борисъ (*беря его за руку*). Я долго думалъ, говорить-ли миѣ тебѣ или нѣтъ; есть случаи, которые страшно и произносить даже собственному своему уху; но молчаніе о преступленіи, говорятъ, есть тоже потворство!.. Слушай! Темное предчувствіе давно миѣ говорило, что домъ отца моего—это вертепъ,—бездна, въ которой клокочутъ пороки, и что для этого человѣка ничего нѣтъ святаго, ни Бога, ни совѣсти, ни чести женщины, ни даже чести собственной своей дочери!

Сашанскій (*даже послѣднѣе*). Борисъ, что ты говоришь?!

Борисъ (*колотя себя въ грудь*). Да!... Собственной дочери...

Сашанскій. Большое воображеніе твое тебя, можетъ, Богъ знаетъ, увести куда!

Борисъ. Воображеніе!.. А отъ чего-же, когда я намекнулъ ей объ этомъ, она ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ не возразила мнѣ? Она очень хорошо видѣла, что это сушить мой мозгъ, поднимаетъ ужасомъ мои волосы! Если это нелѣпость, такъ разсмѣйся, расхохочись сама, а то у нея, какъ у каторжныхъ преступниковъ это бываетъ, кромѣ полнѣйшаго равнодушія, ничего не было на лицѣ.

Сашанскій. Очень естественно!.. Она вѣроятно до безумія оскорбилась этимъ.

Борисъ. А я не оскорбленъ? Не оскорбленъ, не говорю уже какъ братъ, какъ сынъ, а какъ человѣкъ въ своихъ общечеловѣческихъ чувствахъ? Что-жъ мнѣ потатчикомъ, что-ли ихъ быть?.. Я открыто судомъ буду требовать, чтобы ее выгнали изъ монастыря, а этого злодѣя на каторгу сослали!

Сашанскій. Ей Богу, мой умъ даже помрачается отъ всего того, что я слышу: отца твоего, во первыхъ, никакъ не сошлютъ и ты достигнешь только одного, что эту несчастную жертву подвергнешь небывалому позору за проступокъ, въ которомъ она, можетъ быть, и не виновата; а если и виновата, такъ давно ужъ обмыла его слезами покаянія.

Борисъ. Нѣтъ, такія вещи покаяніемъ не обмываются!.. Отъ чего-же не сошлютъ отца?.. Деньгами откупится?.. Такъ я дойду до царя, — того не купишь!..

С а ш а н с к и й. Не деньгами откупится, а, главное, какъ и чѣмъ ты докажешь?

Б о р и с ь. Въ такомъ случаѣ и убью или его, или себя! Понимаешь-ли ты меня: я не въ состоянїи выносить подобнаго семейнаго позора... Мнѣ стыдно стѣнъ, гадко собственное тѣло, потому что оно состоитъ изъ однихъ частичекъ съ нимъ. Кромѣ того, какъ справедливо говоритъ Вѣра, мнѣ необходимо увезть съ собой Соню въ Москву, а то милый родитель измучить ее своими капризами, бранью, своими расправами съ людьми; но какъ я это сдѣлаю? — у меня копѣйки своей нѣтъ! Хорошо, если онъ соблаговолитъ отпустить ее со мной, а если нѣтъ, такъ, значить, и оставляй эту новую жертву въ его когтяхъ.

С а ш а н с к и й. Нѣтъ, это невозможно!.. Ее необходимо увезти хоть бы даже безъ позволенія его.

Б о р и с ь. Тогда онъ лишитъ меня и послѣднихъ крохъ; значить, ступай мы съ нею оба прямо на снѣгъ.

С а ш а н с к и й. Ну, нѣтъ!

Б о р и с ь. Да какъ нѣтъ!.. Ты теперь юристъ,— научи, гдѣ у насъ законы, которые бы въ подобныхъ обстоятельствахъ спасали отъ подобныхъ родителей?

С а ш а н с к и й. Законъ есть... но путемъ суда, какъ ты думаешь, это невозможно: произойдетъ такая ужасная огласка... лучше бы всего, мнѣ казалось,—нынче вотъ эти новые жандармы образовались,—ѣхать къ жандармскому генералу, объявить ему и просить его защиты, чтобы онъ вызвалъ старика, напомнилъ ему обязанности отца; а если онъ и въ этомъ случаѣ станетъ упорствовать, такъ попугалъ бы его.

Борисъ. Хорошо и это пока!.. Я готовъ сейчасъ же ѣхать... откладывать нечего... Экипажъ съ тобой,—ты не отпускалъ?

Сашанскій. Со мной!

Борисъ. Довези меня, пожалуйста!.. мнѣ самому, хоть-бы влячи какойнибудь подъ верхъ, нанять даже не на что.

Сашанскій. Сдѣлай милость!

Борисъ. Такъ я желаю немедленно это сдѣлать!.. Довольно ужъ терпѣть отъ него!.. Я въ минуту соберусь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сашанскій (*одинъ*). Ей Богу, до сихъ поръ не вѣришь тому, что слышишь; а съ другой стороны—что мудренаго? Въ сенатѣ у насъ судится три дѣла такого же рода, а сколько вѣроятно неоглашенныхъ подобныхъ случаевъ: по дикости и преступности нравовъ, мы точно еще живемъ въ средневѣковыя времена.. (*Слышится колокольчикъ*). Кто это таковъ?.. (*Подходитъ и глядитъ въ окно*). Какой-то маленькій и пузатенькій господинъ пріѣхалъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сашанскій и засѣдатель земскаго суда.

Засѣдатель (*входя, раскланивается съ Сашанскимъ*).
Вы господинъ Бакреевъ?

САШАНСКІЙ. Нѣтъ-съ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Кто-же вы такой?

САШАНСКІЙ. Я Сашанскій.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. А, да, такъ-съ! Да вы не обманываете-ли меня?

САШАНСКІЙ (*усмѣхался*). Съ какой-же стати мнѣ васъ обманывать! Вамъ кого собственно нужно: стараго Бакреева или молодаго?

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Стараго я ужь видѣлъ, — у прихода бесѣдовалъ съ нимъ... Мнѣ молодаго надо.

САШАНСКІЙ. Молодой сей-часъ выйдетъ; присядьте немножко.

Засѣдатель садится.

САШАНСКІЙ (*ему*). Вы чиновникъ, что ли, какойнибудь?

ЗАСѢДАТЕЛЬ (*съ гордостью*). Я засѣдатель земскаго суда!

САШАНСКІЙ. Зачѣмъ-же вы сюда пріѣхали и молодой Бакреевъ вамъ нуженъ?

ЗАСѢДАТЕЛЬ (*разводя руками и въ нѣкоторомъ раздумьѣ*). Я не знаю, какъ считать: секретное-ли это дѣло, или нѣтъ?.. Въ смирительной домъ, по волѣ родителя, ихъ велѣли провезти и посадить.

САШАНСКІЙ (*испуганный и удивленный*). Что за глупости такія... не можетъ быть!..

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Предписаніе на то имѣю строжайшее: въ 24 часа велѣно исполнить.

САШАНСКІЙ (*растерявшись*). Господи Боже мой, есть же твой судъ! Вы, пожалуйста, не говорите ему, по крайней мѣрѣ, вдругъ, — это надобно какънибудь постепенно сказать.

Засѣдатель. Да вы сами-то кто такой?

Сашанскій. Я другъ его, оберъ-секретарь сената.

Засѣдатель. А, оберъ-секретаремъ сената изволите служить!.. Ну такъ сами знаете: наша часть только исполнительная.

Сашанскій. Никто отъ васъ ничего и не требуетъ, кромѣ нѣкоторой вѣжливости и деликатности.

Засѣдатель. Да это что-съ! Извольте!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Борисъ Бакресвъ.

Борисъ (*въ дорожномъ платьѣ*). Ну, ѣдемъ! (*увидя засѣдателя, раскланивается съ нимъ*).

Сашанскій. Это г-нъ засѣдатель земскаго суда... Тутъ ужасная глупость вышла.. отецъ твой подалъ тамъ на тебя влязное прошеніе и требуетъ посадить тебя въ смирительной домъ.

Борисъ. Кто-жь его послушаетъ?

Сашанскій. Статья эта есть, — онъ имѣетъ такое право, но это, разумѣется, вздоръ, и арестъ даже, по закону, долѣе шести мѣсяцевъ продолжаться не можетъ.

Борисъ. Такъ, стало быть, меня, однако, все-таки сажаютъ?

Сашанскій. Ну да, разумѣется.

Засѣдатель. Строжайшее предписаніе на то имѣю.

Борисъ. Вы, что-ли, сажать меня будете?

Засѣдатель. Я-съ!

Борисъ *(уже смѣясь къ Сашанскому)*. А, каковъ?!.. Коковъ родитель, а?.. Я все-таки прежде заѣду къ жандармскому генералу.

Сашанскій *(къ засѣдателю, нѣсколько заискивающимъ голосомъ)*. Мы все вмѣстѣ заѣдемъ къ жандармскому генералу и объявимъ ему, по какой причинѣ этотъ арестъ происходитъ.

Засѣдатель. Не могу того-съ! Мнѣ предписано г. Бакреева съ мѣста взять и на мѣсто привезти.

Сашанскій. Что за пустяки!.. Такая формальная точность... Г-нъ Бакреевъ не государственнѣй преступникъ.

Засѣдатель. Мнѣ какъ предписано, я и долженъ исполнить такъ.

Сашанскій *(разсердясь)*. Ничего вамъ не предписано!.. Денегъ вамъ дали, — вотъ что!

Засѣдатель. Нѣтъ, господинъ оберъ-секретарь, не извольте такъ говорить, — я про васъ сказать того не могу и вы про меня тоже.

Сашанскій. А я могу!

Засѣдатель *(тоже разсердясь)*. Ну такъ и я могу!.. Извѣстенъ тоже сенатъ вашъ вдоль и поперекъ, къ кому и какъ ходятъ *(вытрамляясь)*. Зная законы, какъ вы позволяете себѣ вмѣшиваться въ совершенно постороннее вамъ дѣло? Я съ вами и разговаривать не хочу, да-съ! *(ордо отворачивается отъ Сашанскаго и обращается строго къ Борису)*. Г-нъ Бакреевъ, извольте сейчасъ-же со мной ѣхать; иначе — я составлю постановленіе.

Борисъ (*оборачивается къ засѣдателю и, подойдя къ нему, начинаетъ тихимъ, но бѣшенымъ голосомъ*). Дня три тому назадъ, я такаго-же подлеца и агента моего отца, который вздумалъ мнѣ давать совѣты, вытолкалъ въ шею; точно тоже сдѣлаю и съ вами.

Засѣдатель (*раскланиваясь*). Благодарю васъ покорно... Чѣмъ я заслужилъ это?

Борисъ (*наступая на него*). А вотъ тѣмъ!.. Вы знаете моего отца и знаете каковъ онъ?

Засѣдатель (*совсѣмъ оробѣвъ*). Вашъ родитель человѣкъ почтенный,—только то и могу сказать.

Борисъ. Ну такъ я тоже сынъ его, во мнѣ его-же кровь течетъ... Если онъ замучить васъ кляузами, такъ я задушю васъ собственными руками сію-же минуту, если вы не повезете меня къ генералу.

Засѣдатель. Позвольте-съ!.. Вы сами говорите про родителя вашего; узнаетъ онъ, что тогда мнѣ будетъ?

Борисъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до васъ, ни до родителя моего, мнѣ нужно къ жандарму,—понимаете ли вы?

Сашанскій. Родитель этого никакимъ образомъ не узнаетъ.

Засѣдатель (*съ нѣкоторою торжественностью*). Господа, извольте, я готовъ... отсюда, по крайней мѣрѣ, поскорѣ уѣдьте.

Борисъ. Отсюда сейчасъ, только съ сестрой переговорю... Соня! Соня!

Засѣдатель (*къ публикѣ*). Положеніе полицейскаго чиновника хуже собачьяго, ей Богу: и губернаторовъ-то бойся, и начальству угождай!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Соня вбѣгаетъ; но увидя засѣдателя, становится въ нѣсколько удивленную позу.

Борисъ. Поздравь меня еще съ радостью: отецъ сажаетъ меня въ смирительной домъ.

Софья (*поблѣднѣвъ*). Какъ?.. за что?

Борисъ. Не знаю.

Софья (*обращаясь къ Сашанскому*). За что его сажаютъ?

(*Сашанскій пожимаетъ плечами*).

Засѣдатель. За раззорительное поведеніе и грубые поступки.

Софья (*почти не помня себя, къ брату*). Какъ-же я буду?.. Я ни за что тутъ одна не останусь!.. Что я безъ тебя и безъ Вѣры буду дѣлать?..

Борисъ (*потряся кулаками въ воздухъ*). О, силы небесныя!

Софья (*начиная рыдать*). Несчастливая я, несчастная!

Сашанскій (*подходя къ ней*). Послушайте, если вы не хотите разставаться съ братомъ, поѣдьте со мной и остановитесь пока у меня.

Софья Извольте, только я не знаю, прилично-ли это будетъ (*къ брату*). Можно?

Борисъ. Должно даже!.. Я скорѣй умру, чѣмъ оставлю здѣсь тебя!.. (*къ засѣдателю*) Ѣдьте!

Софья (*къ Сашанскому сконфуженнымъ голосомъ*). Ѣдьте и мы!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Ключница *(быстро входя)*. Батюшки, и барышня-то уѣхала съ чужимъ бариномъ!.. Чтобы не разсердился старый-то баринъ.. отъ него и жива не уйдешь!.. Когда, Господи, жизнь этакая пройдетъ!.. И онъ, чу, подъѣхалъ къ крыльцу!.. Онъ и есть!.. Идетъ ужь, пыхтитъ!

ЯВЛЕНИЕ X.

и сива

Та же и старикъ Бакреевъ.

Старикъ Бакреевъ *(по обыкновенію, отдавая шляпу и пальто, мрачнымъ голосомъ)*. На, бери!

Ключница. Барышня наша уѣхала; вы пзволили видѣть?

Старикъ Бакреевъ. Видѣлъ!.. Богъ съ ней!.. Брата проводить, видно, поѣхала... *(садится у стола и задумывается; потомъ разводя руками)*. Какъ Вѣра уѣхала, словно ангелъ отлетѣлъ изъ дома!.. Такъ мнѣ все что-то грустно, тошно.

Ключница. Ну, батюшка, все вотъ вы гнѣваться изволите и беспокоите себя этимъ,—тревожите.

Старикъ Бакреевъ. Да, я гнѣвенъ и строптивъ! А кто меня гнѣвить?.. все вы, да дѣтки.

Ключница. Ну, батюшка, мы развѣ что отъ глуности и неразумія скажемъ или сдѣлаемъ.

Старикъ Бакреевъ. Твой мужъ, небось,

мнѣ горло переѣдаетъ: то же отъ глупости или неразумѣнія?

Ключница. Онъ, батюшка, прощенья у васъ просить. «Мнѣ ужь, говоритъ, наказанья тоже очень не переносны». Дува Кузьмичъ собирается теперь прутьями съ проволокой сѣчь его. «Если, говоритъ, баринъ проститъ меня, я впередъ никогда не буду».

Старикъ Бакреевъ. Да, не будетъ-ли?

Ключница. Не будетъ-съ!

Старикъ Бакреевъ. Ну, хорошо. Позови ко мнѣ Цаплинова, да и сама, смотри, служи послѣ того хорошо.

Ключница (*уходя*). Я служить буду-съ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Старикъ Бакреевъ (*одинъ*). Тяжко мнѣ сегодня... что-то больно тяжело!.. Сына вотъ въ смиренный домъ посадилъ, а теперь словно-бы и жалъ!.. Каналья, вѣдь, встрѣтился: ѣдетъ, шапки не приоднялъ отцу!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тотъ-же и Цаплиновъ.

Старикъ Бакреевъ. Ты что это вздумалъ прутьями съ проволокой ужь сѣчь народъ?

Цаплиновъ. Да, вѣдь, отъ васъ приказанье такое было!

Старикъ Бакреевъ. Тебѣ когда приказано

было?.. Въ гнѣвѣ тебѣ человѣкъ сказалъ, такъ ты нѣтъ, чтобы умиротворить, да отвести его отъ этого, ты, какъ бѣсъ какой, на худое-то еще его наведешь и наставишь.

Ц а п л и н о в ъ (*разведя руками*). На что жь такое на худое и васъ наставилъ?

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Ты сына у меня въ смиренный домъ посадилъ!.. Ты за чѣмъ письмо это сейчасъ переписалъ, фю-ты, запечаталъ и от-правилъ?..

Ц а п л и н о в ъ. Да, помилуйте, вы хоть сей-часъ его простите, кто вамъ это запретить!

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Нѣтъ, ужь теперь я изъ гордости не прощу... я въ жизнь мою еще ни отъ одного слова, которое сказалъ или написалъ, не отпирался. Я въ грѣхахъ моихъ каюсь одному только Богу, я и священнику ихъ не сказываю, такъ ужь передъ сыномъ финтить да изгибаться не стану: разъ наказалъ, такъ и быть должно!

Ц а п л и н о в ъ. Такъ и будетъ!.. Чѣмъ-же я-то тутъ виноватъ?

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Ты виноватъ тѣмъ, что онъ по шеѣ тебя вытолкалъ.

Ц а п л и н о в ъ (*склоняя голову*). Что и по шеѣ меня вытолкали—и въ томъ я виноватъ сталъ... Слава Тебѣ, Госноди!

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Оба мы съ тобою виноваты, оба окаянныя!

Ц а п л и н о в ъ. Окаянныя-то, окаянныя.

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ. Поди сей-часъ позови Егорву: я хочу простить его!

Ц а п л и н о в ъ. Простите его... и мнѣ то же легче будетъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ (*одинъ*). Человѣкъ думаетъ, что онъ царь земли, а онъ такая-же слабая былинка, какъ и послѣдняя гадина морская; одно дуновение Божіе—и нѣтъ его!.. Я, вотъ, величаюсь передъ людьми, когда разговариваю съ ними; а самъ съ собой въ душѣ моей думаю другое... Вѣрѣ я сказалъ, что молюсь,—а много-ли?.. минуты молитвы... а цѣлые дни плотоугоды, злобы, отчаянія!.. Дьяволъ словно по стопамъ моимъ ходитъ и шепчетъ мнѣ: <ты грѣшникъ нераскаянный; тебѣ не отпустится твои грѣхи... Дѣлай все,—тебѣ все-равно!.. Теперь, вотъ, я Егорку простилъ, а не знаю на долго-ли?.. Какой-то огонь горитъ во мнѣ противъ всѣхъ и всего, потому-что я знаю, что эти всѣ и все тоже противъ меня...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Старикъ Бакреевъ, Цаплиновъ и Егоръ со *всклоченной бородою и головою, съ обезображеннымъ лицомъ и весь перепачканный въ глинтъ и снѣгъ.*

С т а р и к ъ Б а к р е е в ъ (*обращаясь къ нему*). Ты ньянствуешь, грубишь!.. не дорожи я твоею женою, я-бы тебя давно въ Сибирь сослалъ, — не надобенъ ты мнѣ совершенно.

Егоръ. Я не буду-сь!

Старикъ Бакреевъ. Ну и не будь!.. А если хоть слово мнѣ дерзкое скажешь, буду съчь, не милоя, не щадя, каждый день.

Егоръ. Не буду-сь! Позвольте въ ноги вамъ поклониться?

Старикъ Бакреевъ. Поклонись,—это хорошо; но только искренно, съ раскаяніемъ; а не такъ, какъ вы обыкновенно передъ господами и образами бултыхаетесь.

Егоръ подходитъ, кланяется барину въ ноги, потомъ вдругъ поднимается.

Старикъ Бакреевъ (*схватывая себя за желудочный бокъ*). А, что такое?.. (*вытягивается въ конвульсіяхъ и начинаетъ хрипеть: хы, хы, хы*).

Цаплиновъ. Злодѣй, что ты сдѣлалъ?! (*кидается на Егора*).

Егоръ. И тебѣ то-же будетъ! (*хочетъ ударить его ножомъ, но Цаплиновъ схватываетъ его за руку и начинается борьба*).

Цаплиновъ. Караулъ!

Егоръ. Не скричишь никого! (*выдерживаетъ изъ рукъ Цаплинова руку свою съ ножомъ и сразу перерѣзываетъ ему горло. Цаплиновъ, отскочивъ отъ него, падаетъ*).

Егоръ (*мрачно осматрѣвъ оба трупа, подходитъ къ дверямъ*). Кто тамъ есть?... Я обоихъ баръ убилъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Ключница (*вбѣгая*). Эго что такое?!.. Варваръ!.. Развѣ за тѣмъ тебя привели сюда?!.. Крови-то сколько

батюшки!... (бросается на полъ и начинаеть фартукомъ вытирать кровь).

Егоръ (по прежнему смотря мрачно). Не трожь, не вытирай—все заодно отвѣчать-то.

(Занавѣсъ падаетъ)

ДВѢЙСТВІЕ IV.

Та-же гостинная. Два огромные зеркала завѣшаны чернымъ сукномъ. Двѣ арки въ залъ задрапированы тоже чернымъ сукномъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

У окна передъ маленькимъ аналойцемъ стоитъ читальщикъ.

Ч И Т А Л Ъ Щ И К Ъ (смотря въ развернутую передъ нимъ книгу). «Помилуй мя Боже по велицей милости твоей»... (пересчитывая по пальцамъ). Господи помилуй... Господи помилуй... Господи помилуй...

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Крапивкина въ худенькомъ салопишкѣ и вѣдя подъ руку семилѣтняго мальчика.

К Р А П И В К И Н А (подходя робко къ дьячку). Господинъ читальщикъ, скоро будутъ подавнїя раздавать?

Ч и т а л ь щ и к ъ (*останавливаясь читать и нюхая табакъ*). Скоро, надо быть.

К р а п и в к и н а. Я теперича дворянка и вонъ у меня мальчикъ—сыннокъ... Конечно, что на улицѣ много собралось нищей братіи, но мнѣ тоже толкаться промежъ мужиковъ?...

Ч и т а л ь щ и к ъ. Посидите тутъ—ничего.

К р а п и в к и н а (*ребенку*). Поклонись прежде дяденькѣ, милушка! (*Подходитъ съ ребенкомъ къ одной изъ аркъ, раздвигаетъ нѣсколько драпировку, нагибаетъ голову мальчика въ землю разъ, два, три и потомъ полуборачаясь къ читальщику*). Любилъ моего Петеньку покойникъ—и, Боже ты мой, какъ любилъ! (*Отходитъ затѣмъ отъ арки, садится и начинаетъ вздыхать; ребенокъ становится около ея колыбель*).

К р а п и в к и н а (*снова обращаясь къ читальщику*). Ножомъ, говорятъ, батюшка, обоихъ онъ норстнулъ?..

Ч и т а л ь щ и к ъ. Ножомъ: генерала-то въ животъ подъ самое сердце, а тому горло перемахнулъ.

К р а п и в к и н а (*слеза простанывая*). Царица небесная!... родятся на свѣтъ экіе злодѣи!

Ч и т а л ь щ и к ъ (*продолжая читать*). Господи помилуй... Господи помилуй... Господи... Господи помилуй!

К р а п и в к и н а (*снова обращаясь къ нему*). Много видно, батюшка, васъ, чтецовъ-то (*показывая голову на залу*).—И тамъ, вонъ, читаютъ?

Ч и т а л ь щ и к ъ (*опять нюхая табакъ*). Двѣнадцать человекъ... во всѣхъ комнаатахъ, гдѣ покойникъ сидѣлъ, али что дѣлалъ.

К р а п и в к и н а. Такъ, такъ... грѣшныя тоже

души... не своей смертью померли... надо все это отчитать,

Ч и т а л ь щ и к ъ. Нельзя безъ того: всѣ мертвыми-то брезгаютъ; одна церковь пріемлетъ ихъ... «Камо поиду отъ духа твоего святаго и отъ лица твоего камо бѣжу».

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и ключница съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ, въ трауръ и плерезахъ, выходитъ изъ подъ арки.

К р а п и в к и н а (сейчасъ вставая и подходя къ ней). Г-жа служанка, — Вѣра Евграфовна скоро сюда выйдутъ?

К л ю ч н и ц а. Придутъ-съ.

Ч и т а л ь щ и к ъ (показывая на догорѣвшую свѣчку). Свѣчи, вотъ, всѣ вышли.

К л ю ч н и ц а. Принесетъ барышня сама... Меня въ исправнику требуютъ за пса экаго!... (проворно уходитъ подъ другую арку).

Ч и т а л ь щ и к ъ (продолжая читать). «Хвалите Бога во святыхъ его, хвалите его во утверженіе силы его».

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Вѣра въ черной ряскѣ, повязанная простымъ бѣлымъ платкомъ на голову и съ пучкомъ восковыхъ свѣчъ въ рукахъ.

ВЪРА (*увидавъ Крапивкину и очень сконфузясь*). Ахъ, вы это!

Ребенокъ по знаку Крапивкиной подходитъ и цѣлуетъ руку у
Въры.

ВЪРА (*въ сильномъ волненіи*). Здравствуй, Петя!

КРАПИВКИНА (*вполголоса такъ, чтобы не слыхалъ читальщикъ*). Ужъ бѣдной доорянкой назвалась!... Всѣмъ сказывалась, что подаяніе пріѣхала просить... Несчастіе-то, матушка, думано-ли, гадано-ли какое случилось!

ВЪРА (*все еще въ волненіи и не спуская глазъ съ ребенка*). Да, что дѣлать!

КРАПИВКИНА. Отъ Евграфа Осипыча я въ прошломъ мѣсяцѣ всего получила пятьдесятъ рублей; стало быть, до того полугодья мнѣ слѣдуетъ еще дополучить 30 рублей. У меня и росписка на-счетъ этого ихней рукой есть.

ВЪРА. Хорошо, хорошо!... Заплатятъ все вамъ... Вы ступайте пока въ мою комнату и, пожалуйста, ни куда не выходите и ребенка не выпускайте... Я позову васъ потомъ.

КРАПИВКИНА. Я пріѣхала... Слышу тоже, этакая Божья воля разразилась; думаю, можетъ пожелаютъ, чтобы и мальчикъ на похоронахъ былъ... За своего сынишку ужъ всю дорогу выдавала.

ВЪРА. Ну да, это хорошо, что вы пріѣхали!... Ступайте только поскорѣе и сидите тамъ.

Крапивкина съ мальчикомъ уходитъ въ комнату направо. Въра плотно притворяетъ за ними дверь и отдаетъ свѣчи читальщику.

ЯВЛЕНІЕ V.

Изъ комнаты Сони выходитъ Сашанскій.

ВЪРА (*читальщику*). Разставьте тамъ свѣчи,
Читальщикъ уходитъ подъ арку.

ВЪРА (*Сашанскому*). Здравствуйте, Николай Петровичъ! Поздравляю васъ!... Я очень рада, что вы сдѣлали Сонѣ предложеніе и женитесь на ней; ей нуженъ хорошій руководитель!

САШАНСКІЙ (*сконфуженнымъ голосомъ*). Вамъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ мое поведеніе. Всего нѣсколько дней тому назадъ, я дѣлалъ вамъ предложеніе и не былъ такъ счастливъ, чтобы получить согласіе.

ВЪРА. Какое ужь мое согласіе: я не замужница...

САШАНСКІЙ (*тѣмъ-же нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ*). Я, ей Богу, все ваше семейство, брата вашего, васъ обѣихъ, какой-то одинаковой любовью люблю... Когда Софья Евграфовна, въ этомъ ея непріятномъ положеніи, поѣхала ко мнѣ на холостую квартиру, Борису Евграфовичу угрожалъ этотъ смирительный домъ, думаю, лучше позволю себѣ сдѣлать предложеніе, по крайней мѣрѣ, буду имѣть официальное право быть ихъ защитникомъ.

ВЪРА (*съ удареніемъ*). Все это показываетъ одно, что вы добрый и чудесный человекъ! Сестра васъ давно любитъ!

САШАНСКІЙ (*сконфузясь, съ удовольствіемъ*). Борисъ Евграфычъ говорилъ мнѣ это.

ВЪРА. А скажите, гдѣ онъ и что дѣлаетъ?

САШАНСКІЙ. Сидитъ у себя въ кабинетѣ, разстроенный очень, задумчивый...

ВЪРА. Мнѣ-бы хотѣлось переговорить съ нимъ.

САШАНСКІЙ. Я ему скажу.

ВЪРА. Да, пожалуйста скажите.

(Сашанскій уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЪРА *(одна)*. Попросить его объ ребенкѣ и сказать ему все, какъ было... Это, значитъ дать ему поводъ обременить свою душу еще новымъ пролятіемъ меня и отца... Но это ужь Богъ съ нимъ, пусть-бы только ребенку простилъ его несчастное рожденіе.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Въра и Борисъ Бакреевъ.

ВЪРА. Сейчасъ вынось тѣла будетъ.

БОРИСЪ. Это, я полагаю, и безъ меня-бы могли сдѣлать.

ВЪРА. Братъ, не говори такъ!.. Провожать отца въ могилу, съ такимъ чувствомъ неприязни, грѣхъ!

БОРИСЪ. Есть у людей грѣшки и побольше этого да ничего себѣ—живутъ; а я у себя, въ этомъ случаѣ, грѣха даже не вижу: Я никогда не былъ особенно нѣжнымъ сыномъ и не пользовался особенно пылкою любовью отца, какъ вы, напримѣръ.

ВЪРА. Тебѣ хочется оскорблять меня, — ну и

оскорбляй!.. Я знаю, что нѣтъ въ мірѣ оскорбленія, котораго я не была-бы достойна, но я страдаю за тебя, братъ!.. Умиротвори твое сердце, прости отцу все, что онъ сдѣлалъ тебѣ злаго — и тебѣ будетъ легче!..

Борисъ (*заскрежетавъ зубами*). Не отецъ мнѣ сдѣлалъ злое, а ты!.. Я тебя считалъ за ангела чистоты, а ты преступница, которой имени нѣтъ!.. (*Показывая на публику*). Смотри, тысячи глазъ глядятъ на тебя!.. И ты всеѣмъ внушаешь ужасъ!.. Нѣтъ въ мірѣ уголка, гдѣ-бы ты могла пріютиться и не произвести омерзѣнія!.. Нѣтъ милосердія, которое-бы простило тебѣ вину твою!

Вѣра. Господь Богъ вывелъ-же Лота съ дочерьми изъ Гомморы!

Борисъ. Такъ вѣдь мать, иотакавшую ихъ преступленію, Онъ обратилъ въ камень,—обрати и ты меня!.. Можетъ быть я и буду смотрѣть на все это иначе. Что тебя могло привести и подвигнуть на подобное страшное преступленіе?

Вѣра. Дьяволъ!

Борисъ (*трагически смѣясь*). Вотъ это лучше всего: дьяволъ! Ахъ, вы, ханжи и изувѣры! Если ты сама въ самомъ дѣлѣ вѣришь искренно въ это, то неужели ты думаешь меня убѣдить въ томъ? Я, слава Богу, еще не идиотъ и не дуракъ совсѣмъ. Весь этотъ дьяволъ состоитъ изъ невѣжества, изъ жизни въ глуши и изъ какого-то дурацкаго слѣпаго благоговѣнія передъ родителемъ. «Охъ, папенька! ахъ, драгоценный родитель! Онъ великій у насъ человекъ». А тутъ, можетъ быть, пришла на подмогу выпитая лишняя рюмка вина и разыгравшаяся

кровь. Этоть злодѣй англійскихъ шкиперовъ дурманомъ онаиваль, чего-жь ему стоило женщину одурманить?

ВѢРА. Ничѣмъ онъ меня не одурманиваль; онъ самъ былъ во власти того же дьявола.

Борисъ (*ударя себя въ грудь*). Не говори ты мнѣ о дьяволѣ, не серди ты меня! Я еще понимаю, что можно сдѣлать мерзость, гадость, преступленіе; но не понимаю, какимъ образомъ ты остаешься жить послѣ того! Какъ ты не утопилась и не удавилась, что бы сдѣлала, вѣроятно, всякая хоть сколько нибудь честная и порядочная крестьянская дѣвка!..

ВѢРА (*перебивая его*). А если жизнь моя еще нужна была другому, ни въ чемъ не повинному существу?

Борисъ (*съ ужасомъ отступая отъ нея*). Такъ, значитъ, есть еще и вѣчный напоминатель вашего преступления?.. Нѣтъ тебѣ прощенія!..

ВѢРА (*съ воплемъ*). Братъ!

Борисъ. Нѣтъ, я не братъ тебѣ и ты мнѣ не сестра! (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВѢРА (*одна*). Скорѣй тигра можно умилоствовать, чѣмъ его!.. Вашей, по крайней мѣрѣ, жалости я умоляю, всѣ матери земли: въ этомъ нѣжномъ, страстномъ чувствѣ, столь знакомомъ вашему материнскому сердцу, — я не могу даже признаться сыну моему безъ того, чтобы онъ не возненавидѣлъ меня!.. Рожденіемъ его мало-что преступила законы Воже-скіе, человѣческіе, — я оскорбила самую природу!..

Но, кажется, идетъ Сашанскій!.. Попробую еще его попросить!.. Господи, подкрѣпи меня!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вѣра и Сашанскій быстро входятъ.

Сашанскій. Борись Евграфычъ сейчасъ уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву.

Вѣра (*постепенно овладевая собой*). Да!.. его очень разстраиваетъ вся эта процессія!.. У него такъ еще недавно была неприятность съ отцомъ... а теперь онъ его видитъ умершимъ такой ужасной смертью... Пускай его поуспокоиться. Богъ съ нимъ, мы и безъ него все это справимъ.

Сашанскій. Въ такомъ случаѣ совершенно мною располагайте!.. Не нужно-ли, чтобы я чтонибудь дѣлалъ, помогалъ вамъ?

Вѣра (*съ улыбкою*). О, до васъ есть у меня большая просьба!

Сашанскій. Сдѣлайте милость, приказывайте!

Вѣра. Дѣло вотъ въ чемъ.. У отца моего... я монахиня, — стало быть, мнѣ можно говорить прямо, чѣмъ позволительно это дѣвицѣ, — была связь съ одной женщиной... и есть ребенокъ отъ нея. Мать умерла, и малютка воспитывался у одной женщины... Когда отецъ былъ самъ живъ, разумѣется онъ наблюдалъ, чтобы ребенку было хорошо; но теперь этого нѣтъ, я тоже ухажу въ монастырь и хочу даже дать обѣтъ — не выходить изъ стѣнъ его ни для какихъ мірскихъ дѣлъ.

С а ш а н с к і й. Мальчица взять и помѣстить въ какое-нибудь болѣе благонадежное мѣсто?

В ѣ р а. Нѣтъ, нѣтъ!.. Мнѣ бы хотѣлось не того... Если-бы вы... я ужь совсѣмъ всякую церемонію откладываю... у васъ у самихъ могъ быть до жеиньбы ребенокъ; мать его, положимъ, умерла, и вы бы этого ребенка, о которомъ я вамъ говорила, взяли къ себѣ, какъ вашего собственнаго сына, а въ приданое за нимъ, по волѣ покойнаго отца, пойдетъ вся часть моего состоянія.

С а ш а н с к і й. Мнѣ ничего этого, Вѣра Евграфовна, не нужно. Но чтобы только это не подѣйствовало неприятно на Софью Евграфовну.

В ѣ р а. Спросимъ ее. Если ей объявить, что это ребенокъ отца, то я, признаться, не надѣюсь на ея скромность: она непременно скажетъ Борису; а того, въ этомъ случаѣ, я рѣшительно боюсь: онъ непременно станетъ мстить и преслѣдовать несчастнаго сироту! *(Подходя къ Софьиной комнатѣ).* Соня!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Соня.

В ѣ р а *(беря ее за руку и полушутливымъ голосомъ).* Я становлюсь между женихомъ и невѣстой посредницей. Вы, можетъ быть, Софья Евграфовна, немножко предполагаете, что Николай Петровичъ не первую-же васъ полюбилъ?

С о ф ѣ я *(вспыхнувъ).* Какъ не первую?

В ѣ р а. Да вотъ меня-же прежде тебя полюбилъ!

Софья. Ахъ, та соеуг, ты шутишь?

ВѢРА. А прежде меня еще другую любилъ. (*Серьезнымъ уже тономъ*). Словомъ, у него есть ребенокъ—сынъ, котораго мать умерла. Николай Петровичъ, женившись на тебѣ, желаетъ взять его къ себѣ и просилъ меня сказать тебѣ объ этомъ. Скажи прямо: не будетъ-ли это тебѣ непріятно?

Софья, Нисколько!.. Напротивъ, я очень буду рада имѣть пасынка.

ВѢРА. Смотри, Соня, сознательно-ли ты говоришь?

Софья. Совершенно сознательно!

ВѢРА. И будешь любить ребенка?

Софья. Буду.

ВѢРА. Поклянись миѣ въ томъ.

Софья. Клянуся Богомъ моимъ, и я не знаю еще чѣмъ.

ВѢРА (*Сашанскому*). Ну вотъ вамъ.

САШАНСКІЙ (*беря и цѣлуя руку невѣсты*). Благодарю васъ, Sophie.

ЯВЛЕНІЕ ХІ.

Тѣ же и ключница.

Ключница. Злодѣй-то мой просится съ покойными барами проститься,—поклониться имъ... снятся они ему все...

ВѢРА. Хорошо; пускай приведутъ.

Ключница (*Въръ*). А прикажете поднимать гроба-то? пришелъ народъ.

ВЪРА. Вели. (*Сашанскому*). Распорядитесь тамъ, Николай Петровичъ.

Сашанскій уходитъ.

(*Въ залъ, въ отдаленіи, слышится: «помяни, Господи, душу усопшаго боярина Евграфа». Огромный хоръ: «Въчная память». Басъ, гораздо больше слабый: «помяни, Господи, душу усопшаго боярина Луки»; два козлиныхъ голоса: «въчная память, въчная память!»).*

ВЪРА (*торопливо сестрѣ*). Поди и ты съ женихомъ—ступайте съ нимъ за процессіей,—я сейчасъ приду.
Софья уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВЪРА (*одна*). Уносятъ ужь!.. И я... только взгляну еще разъ на своего крошку и сама въ свою живую могилу—въ келью.. (*подходитъ къ дверямъ своей комнаты*). Г-жа Крапивкина, выдѣте и ребенка возьмите съ собой!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Вѣра, Крапивкина и ребенокъ.

ВЪРА. Недѣли черезъ три этакъ или черезъ мѣсяцъ, какъ сестра Соня выйдеть замужъ... она выходитъ за Сашанскаго...

Крапивкина. Такъ-съ.

ВЪРА. Вы возьмите Петю и пріѣзжайте съ нимъ, и вызовете самого Сашанскаго, а не сестру... понимаете?.. и скажите, что это тотъ мальчикъ, о которомъ я ему говорила.

БРАНИВКИНА. Хорошо-бы ему, сударыня, и у меня было... привыкъ ужь онъ очень ко мнѣ.

ВЪРА. Ну, я этого ничего не знаю!.. На это есть воля покойнаго отца... такъ—такъ!..

БРАНИВКИНА. Слушаю-съ! Гробъ можно проводить?.. тоже благодареніями Евграфа Осипыча сколько лѣтъ пользовалась.

ВЪРА (обрадовавшись). Сходите, а мальчика здѣсь оставьте, что ему тамъ...

БРАНИВКИНА. Пусть здѣсь останется,—я приду за нимъ послѣ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Вѣра и ребенокъ.

ВЪРА *(беретъ за руку ребенка, обнимаетъ и начинаетъ его цѣловать, цѣловать)*.

РЕБЕНОКЪ *(прижимаясь къ ней)*. Мама!

ВЪРА. Тсъ, тише!.. Не мама я тебѣ, нѣтъ!

РЕБЕНОКЪ. Мама!

ВЪРА. Ни, ни, нѣтъ! *(убѣгаетъ)*.

Ребенокъ съ испуганнымъ и заплаканнымъ лицомъ остается передъ публикой.

Входитъ читальщикъ.

ЧИТАЛЬЩИКЪ. Что мальчикъ,—а? *(начинаетъ читать псалтырь)*. «Милосердія двери отверзи намъ...»

(Занавѣсъ падаетъ).

В А А Л Ъ

ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

И градете, и убиваете, и клянетесь лживо, и жрете Ваалу.

Іеремія. 7, 9.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бургмейеръ Александръ Григорьевичъ, богатый коммерсантъ.

Клеопатра Сергѣевна, жена его.

Мировичъ, Вячеславъ Михайловичъ, депутатъ отъ земства.

Куницынъ, Петръ Федоровичъ, вольнопрактикующій адвокатъ.

Толоконниковъ, Измаилъ Константиновичъ, техникумъ-строитель.

Самаханъ, Авдей Игафраксовичъ, извѣстный врачъ.

Руфинъ, Симха Рувимычъ, еврей.

Евгенія Николаевна Трехголовова, молодая вдова.

Татьяна, кухарка.

Даней.

ДВѢЙСТВІЕ I.

Роскошно убранный, огромный мужской кабинетъ; въ немъ малахитовый каминъ съ большимъ зеркаломъ; на стѣнахъ подлинныя Вандикъ и Рубенсъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеопатра Сергѣевна и Евгенія Николаевна: обѣ красивыя молодыя женщины. Клеопатра Сергѣевна видимо собиралась куда-то ѣхать и была уже въ шляпкѣ; но, заинтересованная словами своей подруги, пріостановилась не на долго и, смотрясь будто бы въ зеркало, слушаетъ ее; а Евгенія Николаевна сидитъ въ креслѣ.

Евгенія Николаевна Какъ тебѣ угодно, но въ этомъ ты никого не увѣришь.

Клеопатра Сергѣевна (обертываясь къ ней). Въ чемъ мнѣ и кого увѣрять?

Евгенія Николаевна. Въ томъ, что будто бы ты ничего не видѣла и не понимала, что Миревичъ въ тебя влюбленъ до безумія!

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*покраснѣвъ нѣсколько въ лицѣ*). Я вовсе этого не говорю!.. Я очень хорошо это видѣла и понимала; но что-жь изъ того?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. А то, что неужели, по крайней мѣрѣ, ты жалости не чувствуешь къ нему или, лучше сказать, неужели тебѣ не совѣстно противъ него?

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*съ удивленіемъ*). Почему же мнѣ можетъ быть совѣстно противъ него? Я съ нимъ не кокетничала, я его не завлекала.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (*устремляя внимательно на пріятельницу свои пронизательные глаза*). Ты не кокетничала?.. Ты?.. Клеопаша!.. Ты можешь все говорить, все, только не это!..

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*нѣсколько сконфуженная этими словами*). Напротивъ, кажется, я очень смѣло могу говорить это.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (*прищуривая уже свои глаза и снова устремляя ихъ на пріятельницу*). А эти прогулки на дачѣ вдвоемъ?.. А эти игранья въ табельку по дѣлымъ вечерамъ? Какая страстная картежница вдругъ сдѣлалась!.. Это что же такое?

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*еще болѣе конфузясь*).

Въ началѣ я дѣйствительно нѣсколько неосторожно себя съ нимъ держала; но мнѣ просто было пріятно его общество: онъ тутъ умнѣй всѣхъ, собой краснѣвъ, образованный, свѣтскій человѣкъ!.. Я полагаю, что между нами можетъ существовать дружба; но, разумѣется, какъ только замѣтила, что въ немъ зарождается совершенно иное чувство ко мнѣ, я спрятала все въ своей душѣ и стала съ нимъ въ самыя холодныя, свѣтскія отношенія.

Евгенія Николаевна (*съ ироническою улыбкой и пожимая плечами*). И зачѣмъ ты это дѣлала? Для кого и для чего?

Клеопатра Сергѣевна (*снова съ удивленіемъ*). Какъ для кого и для чего? Неужели ты, Жени, этого не понимаешь?

Евгенія Николаевна (*опять пожимая плечами*). Нѣтъ, не понимаю!

Клеопатра Сергѣевна. Не понимаешь того, что я замужняя женщина, что я люблю моего мужа, что мужъ мой любитъ меня и что мнѣ, по всему этому, было бы очень глупо, смѣшно и, наконецъ, нечестно позволить себѣ увлечься почти мальчикомъ, съ которымъ у меня никогда не можетъ быть ничего серьезнаго!

Евгенія Николаевна (*усмѣхаясь злою улыбкой*). Во всѣхъ этихъ словахъ твоихъ, Клеопаша, что ни слово, то неправда. Ты говоришь: «любяшь мужа». Такъ ли ты выразилась? Ты его уважаешь, — это такъ! И онъ совершенно достоинъ того!

Клеопатра Сергѣевна. Но какимъ же образомъ ты знаешь мое чувство къ мужу: любовь ли это или одно уваженіе?

Евгенія Николаевна. Такимъ, что тебѣ 25 лѣтъ, а мужу твоему 45 лѣтъ; но, при такой разницѣ въ лѣтахъ, врядъ-ли женщины естественно питають къ мужчине какую-нибудь особенно ужь пламенную страсть, и у васъ, я думаю, стремленія даже совершенно разныя: тебѣ, вѣроятно, иногда хочется поболтать, понѣжничать, поминдальничать, а почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ какъ я его ни уважаю,

но совершенно убѣждена, что онъ вовсе не склоненъ къ этому.

Клеопатра Сергѣевна. Что жъ изъ того, что онъ не склоненъ къ тому? Я вовсе его люблю не за это, а за то, что онъ меня любитъ!

Евгенія Николаевна *(съ сильнымъ удареніемъ на первомъ словѣ)*. Н-ну любитъ.

Клеопатра Сергѣевна. Что это за восклицаніе: «ну»?

Евгенія Николаевна. Восклицаніе, что мнѣ одинъ очень умный и пожилой господинъ, много жившій на свѣтѣ, говорилъ, что онъ не знавалъ еще ни одного брака, въ которомъ мужъ оставался бы вѣренъ своей женѣ долѣе пяти лѣтъ; а вы ужъ, кажется, женаты лѣтъ восемь.

Клеопатра Сергѣевна *(съ нѣкоторымъ недовольствомъ)*. Нѣтъ, твой пожилой господинъ немножко ошибается: Александръ мнѣ вѣренъ и до сихъ поръ!

Евгенія Николаевна *(пожимая плечами)*. Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ! Господи, какъ мы иногда, женщины, въ этомъ случаѣ бываемъ слѣпы: мужъ мой, съ которымъ я прожила всего три года, который, какъ сама ты видѣла, любилъ меня до безумія; но при всемъ томъ, когда онъ умеръ, я имѣла неудовольствіе узнать, что моя хорошенькая горничная была въ нѣкоторыя минуты предметомъ его страсти.

Клеопатра Сергѣевна. Но что, однако, Жени, ты хочешь всѣмъ этимъ сказать: что мужъ мой не любитъ меня и тоже измѣняетъ мнѣ?

Евгенія Николаевна. Нисколько я не хочу

этимъ ничего сказать, а такъ только мы разсуждаемъ вообще.

Клеопатра Сергѣевна. Странныя разсужденія! По любви твоей ко мнѣ, я думаю, что если что-нибудь знаешь про мужа, такъ должна была бы не обвиняками, а прямо и откровенно мнѣ сказать,— вотъ какъ бы я поступила въ отношеніи тебя...

Евгенія Николаевна. Но что же я могу сказать, когда я сама ничего не знаю?

Клеопатра Сергѣевна. Тогда къ чему же всѣ эти разговоры, которые все-таки меня тревожатъ и которые ты вотъ уже нѣсколько разъ начинаешь?

Евгенія Николаевна (*порывисто вставая съ кресла и съ какимъ-то даже азартомъ*). Я начинаю, потому что Мировичъ меня просилъ объ этомъ!

Клеопатра Сергѣевна (*снова съ удивленіемъ*). Съ какой же стати Мировичу было просить тебя? И что это за дружба такая между вами вдругъ началась?

Евгенія Николаевна. Не дружба, но помилуй: я почти каждый день видала его у васъ, и не мудрено, что давно уже смѣюсь ему на счетъ этого; а вотъ это, какъ-то на дняхъ, встрѣтила его на дачѣ и выспросила у него все.

Клеопатра Сергѣевна (*недовольнымъ и сконфуженнымъ тономъ*). И что же онъ тебѣ разсказалъ?

Евгенія Николаевна. Разсказалъ, что онъ дѣлалъ тебѣ признаніе въ любви,—дѣлалъ, вѣдь?

Клеопатра Сергѣевна (*съ волненіемъ*). Дѣлалъ, къ сожалѣнію.

Евгенія Николаевна. И что ты совершенно его отвергнула.

Клеопатра Сергѣевна (*какъ бы усмѣхаясь*).

Разумѣется, конечно! Знаешь, Жени, какая это у тебя отвратительная привычка про всѣхъ все вывѣдывать!

Евгенія Николаевна. Почему же отвратительная? Напротивъ, очень пріятно это.

Клеопатра Сергѣевна. Только ужь никакъ не для тѣхъ, про кого ты вывѣдываешь.

Евгенія Николаевна. Что же тѣмъ-то?

Клеопатра Сергѣевна. То, что кому же пріятно, чтобы его тайну, какая бы она пустая ни была, знали другіе; тайна до тѣхъ поръ только и тайна, пока ея никто не знаетъ.

Евгенія Николаевна. Что-жь ты думаешь, я буду рассказывать, что мнѣ говорилъ Мировичъ?

Клеопатра Сергѣевна. Очень вѣроятно, что и расскажешь: ни одна женщина въ этомъ случаѣ не поручится за себя, хоть тутъ и рассказывать особенно нечего.

Евгенія Николаевна. Если бы даже и было что, такъ будь увѣрена, все бы во мнѣ умерло. Я никакъ ужь не сплетница! Слыхала-ли ты, чтобы я про кого бы то ни было говорила что-нибудь дурное?

Клеопатра Сергѣевна. Говорить ты, можетъ-быть, не говоришь; но зато сама-то съ собою очень много думаешь о другихъ, и ужь охотница всѣхъ и во всемъ подозрѣвать!.. Отчего вотъ я несколько не интересуюсь и никого не спрашиваю: ухаживаетъ ли кто за тобой или нѣтъ?.. Сама ты любишь ли кого!..

Евгенія Николаевна *(перебивая ее)*. Ахъ, пожалуйста, спрашивайте и узнавайте! Я не рассержусь на это. Я вдова, а потому мнѣ все позво-

лительно. Я разспросила Мировича просто изъ жалости къ нему; потому что послѣдній разъ, какъ я его видѣла, онъ былъ совершенно какой-то потерянный и въ отчаяніи теперь отъ мысли, что не разсердилась ли ты на него очень за его объясненіе?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Разсердиться я не разсердилась, а больше была бы довольна, еслибъ онъ не дѣлалъ мнѣ его.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. А бывать у васъ въ домѣ можетъ ли онъ послѣ этого?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА (*усмѣхаясь и смѣясь съ тѣмъ краснѣя въ лицо*). Конечно, я тоже-бы больше желала, чтобы онъ не бывалъ у васъ; но все-таки не считаю себя вправѣ запретить ему это.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Но мужу ты не говорила объ этомъ объясненіи?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Зачѣмъ же я мужу стану говорить объ всякомъ вздорѣ?.. Только ты, пожалуйста, предувѣдомь Мировича, что я буду съ нимъ крайне осторожна и совершенно холодна.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. О, Боже мой! онъ ничего не надѣется и ничего не ожидаетъ! Ему бы хоть только молча и издали любоваться на свое жестокое божество!

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА (*съ притворною насмѣшкой*). Можетъ, если ему это не скучно: «любоваться издали на свое жестокое божество!..» (*начиная надѣвать перчатки*). Однако, прощай!.. Мнѣ пора ѣхать съ визитами. Ты подождешь Александра Григорьича?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Да, мнѣ нужно спросить его объ одномъ моемъ дѣлѣ.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА (*идетъ къ дверямъ, но*

на полдорогѣ приостанавливается и, грозя пальчикомъ, говоритъ подружѣ). А объ мужѣ мнѣ, я тебя прошу, не внушай никогда никакихъ подозрѣній. Я мнительна и самолюбива!.. Я въ отношеніи его сдѣлаюсь совершенно иною женщиной, если онъ мнѣ измѣнитъ.

Евгенія Николаевна. Хорошо, хорошо, не стану.

Клеопатра Сергѣевна. Прошу тебя, не дѣлай этого!.. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Евгенія Николаевна (*одна*). «Измѣнитъ ей мужъ»!.. Мнѣ, я думаю, лучше другихъ знать, какъ онъ тебѣ вѣреть, хотя я тоже очень хорошо изъ разныхъ мелочей замѣчаю, что онъ со мной такъ только для шутки! Видитъ: женщина молодая, красивая; сами почти ему объяснилась въ любви; отчего же съ ней не сблизиться и не заплатить ей маленькую сумму денегъ за то? Но онъ тутъ только ошибается въ одномъ: я вовсе не изъ такихъ глупенькихъ и смирныхъ существъ, чтобы любовью моею можно позабавиться и бросить меня потомъ, когда угодно... Я эту дурочку, супругу его, сведу съ Мировичемъ... Она жетъ!.. Она влюблена въ него по уши, такъ что даже боится встрѣчаться съ нимъ, и только мужа притрухиваетъ; но они сойдутся непременно... Бургмейера это, разумѣется, взорветъ; онъ сейчасъ же отстранитъ ее отъ себя, а я приду и сяду на ея мѣсто, — тогда Александръ Григорьичъ и увидитъ, какъ со мной можно сбли-

жаться только для шутки! Это, право, какая-то несправедливость судьбы: я съ этой Клеопашей росла и училась вмѣстѣ, всегда была лучше ея собой, умнѣй, ловчѣе, практичнѣе наконецъ, и вдругъ она выходитъ за богача, за миллионера; а я принуждена была выйти за полу-съумасшедшаго мальчика, который Богъ знаетъ что мнѣ насаждалъ о своемъ состояніи, а когда умеръ, то оказалось, что я нищая!.. Если ужъ такъ мало счастья и удачъ въ жизни, то, по крайней мѣрѣ, умишкомъ своимъ надобно что-нибудь для себя сдѣлать: мушны хотъ и воображаютъ, что они умнѣй насъ, проницательнѣй; но ужъ насчетъ хитрости, извините: мы во сто разъ ихъ похитрѣе!.. Отчего это, однако, Александръ Григорьевичъ такъ мраченъ послѣднее время?.. (взглядывая въ окно). Вонъ онъ идетъ,—на что это похоже?.. Какъ будто бы къ смерти приговоренный! Сегодня же я его разспрошу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Александръ Григорьевичъ Бургмейеръ, уже съ просвѣдью мужчина, со взглядомъ нѣсколько суровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и со смущеннымъ. На худощавыхъ пальцахъ его видныются два—три драгоценныя кольца, на часовой цѣпочкѣ и ключикъ тоже замѣтныя драгоценныя камни. Во всемъ костюмѣ его чувствуется лондонскій покрой.

Бургмейеръ (протягивая руку Евгеніи Николаевнѣ).
Здравствуйте, другъ мой!.. Клеопатры Сергѣевны,
вѣроятно, дома нѣтъ?

Евгенія Николаевна. Нѣтъ, она уѣхала съ визитами и просила меня безъ нея ужь подождать васъ!

Бургмейеръ (*ставя въ сторону свою шляпу и палку*). Не ревнива же она, видно!

Евгенія Николаевна. О, нисколько! Она ничего даже и не подозрѣваетъ.

Оба садятся. Бургмейеръ сейчас же задумывается.

Евгенія Николаевна (*устремляя на него внимательный взоръ и какимъ-то ласковымъ и заползающимъ въ душу голосомъ*). Я собственно пріѣхала къ вамъ и дождалась васъ, чтобы передать вамъ мою радость, которую я переживала за васъ во вчерашнемъ собраніи вашихъ акціонеровъ:—это невѣроятно какой восторгъ во всей публикѣ былъ къ вамъ!

Бургмейеръ (*на минуту улыбнувшись*). Да, криковъ много было!

Евгенія Николаевна (*тѣмъ же вкрадчивымъ голосомъ*). Это больше даже, чѣмъ крики... Вонъ въ театрѣ кричатъ иногда и бѣсуются какой-нибудь пѣвицѣ или актеру; но тутъ были слезы благодарности къ вамъ, молитвы за васъ. Около меня одинъ старичокъ сидѣлъ; онъ небогатый, должно быть, и если получить, по вашему обѣщанію, на свой капиталецъ тридцать процентовъ, такъ будетъ имѣть возможность безбѣдно существовать съ двумя внучатами своими. Онъ все время шепталъ: «г. Вургмейеръ пенсію мнѣ даетъ!.. пенсію!» Вы сами тоже очень интересны были... Когда вы кончили читать отчетъ, и вамъ всѣ захопали, вы встали этакъ, оперлись слегка на столъ рукою, и блѣдный этакій, взволнованный были!.. Вотъ именно, какъ бывши еще мѣ-

лоденькою дѣвушкою, я воображала себѣ всегда великихъ людей въ минуты ихъ торжества: когда какого-нибудь побѣдителя встрѣчаетъ народъ или оратору аплодируютъ послѣ его рѣчи, они всегда должны быть блѣдные немножко, взволнованные...

Бургмейеръ, весьма невнимательно прослушавшій всѣ эти слова и видимо подъ вліяніемъ какой-то внутренней муки, всталъ вышелъ на авансцену и отвернулся даже отъ Евгеніи Николаевны, которая, въ свою очередь, посмотрѣла на него сначала съ нѣкоторымъ удивленіемъ; а потомъ сама тоже встала и, какъ кошка, подойдя къ Бургмейеру, положила ему обѣ руки на плечо.

Евгенія Николаевна. Положимъ, вы вчера могли быть грустны и взволнованы, но зачѣмъ же эта печаль продолжается и сегодня?

Бургмейеръ (*оборачиваясь къ ней и стараясь привѣтливо улыбнуться*). Да такъ ужь!.. Не веселить что-то ничто!

Евгенія Николаевна. Но, другъ мой, что же можетъ быть за причина тому? Вотъ ужь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вы на себя не похожи! Отъ чего и чему вы можете печалиться? Вы миллионеръ!.. У васъ прекрасная жена, которая васъ любитъ, и которую вы любите тоже; наконецъ, Александръ, у тебя, какъ самъ ты видишь, хорошенькая любовница, которая отъ тебя ничего не требуетъ и проситъ только позволить ей любить тебя и быть съ ней хоть немножко, немножко откровеннымъ.

Бургмейеръ (*какъ бы вспрянувъ*). Да, Жени, я и самъ хочу тебѣ открыться. Я думалъ было Клеопатрѣ Сергѣевнѣ рассказать, но зачѣмъ же еще ее рановременно тревожить? Притвори всѣ двери и посмотри, чтобы кто не подслушалъ въ сосѣднихъ комнатахъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (*заглянувъ во всѣ двери, притворивъ ихъ и возвратившись къ Бургмейеру*). Тамъ нѣтъ ни одной души человѣческой.

БУРГМЕЙЕРЪ (*беря ее за руку и во весь свой монологъ леонько, но перво ударя своего рукой по ея рукѣ*). Вотъ видишь, ты мнѣ сейчасъ сказала: «вы милліонеръ!.. вы благодѣтель общества!.. имя ваше благословляютъ!.. за васъ молятся старцы и дѣти!..» Ну такъ знай, Жени, что я не милліонеръ, а нищій и разоритель всего этого благословляющаго меня общества!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Александръ Григорычъ, возможно ли это послѣ того, чему вчера я сама была свидѣтельницей! Не пугаетъ ли васъ въ этомъ случаѣ ваше болѣзненнымъ образомъ настроенное воображеніе?

БУРГМЕЙЕРЪ (*слезка, но грустно усмѣхаясь*). Ха-ха-ха!.. Воображеніе! Къ несчастію-съ, не въ воображеніи моемъ это только происходитъ, а въ дѣйствительности существуетъ; впрочемъ, прежде всего надо дѣло сдѣлать!.. (*подходитъ къ своему письменному столу и вынулъ изъ него довольно толстый пакетъ, подаетъ его Евгени Николаевнѣ*). Тутъ вотъ вашъ маленькій капиталъ, который вы мнѣ довѣрили и который я нахожу теперь нужнымъ, для пользы вашей, извлечь изъ моихъ дѣлъ; кромѣ того прибавлена нѣкоторая сумма отъ меня,—это вамъ на память обо мнѣ за вашу дружбу...

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (*испуганнымъ голосомъ*). Александръ, ты, значить, совсѣмъ меня удалить отъ себя хочешь?

БУРГМЕЙЕРЪ. Нѣтъ, Жени, нѣтъ!.. Пожалуй-ста, этого не думай; но мало ли что можетъ случиться! Можетъ быть, мнѣ понадобится уѣхать вдругъ

за-гранцу; наконецъ, я умереть могу неожиданно: въ животѣ и смерти каждаго человѣка Богъ воленъ.

Евгенія Николаевна. Александръ! мнѣ страшно ужь начинается отъ твоихъ словъ... какъ ты ни мало меня любишь, если даже совсѣмъ меня не уважаешь и не цѣнишь, но я тебя люблю; спокойствіе твое дороже мнѣ собственнаго!.. Я со слезами тебя прошу быть со мной откровеннымъ!.. *(на глазахъ ея въ самомъ дѣль показываются слезы).*

Бургмейеръ. Сейчасъ, Жени, сейчасъ. Я все тебѣ расскажу откровенно... *(видимо дѣлаетъ надъ собой усиліе, чтобы начать рассказывать).* Послѣдній подрядъ мой, что и ты, конечно, знаешь, есть одно изъ самыхъ крупныхъ моихъ предпріятій: въ немъ, заинтригованы состоянія всѣхъ видѣнныхъ тобою вчера акціонеровъ и большая часть моего состоянія. Черезъ нѣсколько дней будетъ пріемъ этому подряду; но онъ далеко неисправно и совершенно нечестно даже сдѣланъ.

Евгенія Николаевна. Александръ Григоричъ, я просто не вѣрю словамъ вашимъ!.. Станете ли вы такъ дѣлать!..

Бургмейеръ. Я и не дѣлалъ прежде такъ, когда богатъ былъ, а теперь я нищій сталъ!..

Евгенія Николаевна. Но куда же ваше состояніе могло дѣваться?

Бургмейеръ. Все состояніе мое, всѣ почти деньги, которыя слѣдовали на этотъ подрядъ, у меня улетучились въ прошлогодней игрѣ моей на биржѣ, и весь этотъ подрядъ мой произведенъ на фу-фу, подъ замазку и краску, и то даже въ долгъ!

Евгенія Николаевна *(сильно пораженная).*

Господи, Боже мой! Но зачѣмъ же вы это, Александръ, играли на биржѣ?

Бургмейеръ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что на землю снииспосланъ новый дьяволъ-соблазнитель! У человѣка тысячи, а онъ хочетъ сотни тысячъ. У него сотни тысячъ, а ему давай милліоны, десятки милліоновъ! Они тутъ, кажется, недалеко... передъ глазами у него, стоитъ только руку протянуть за ними... Насъ въ мірѣ много такихъ прокаженныхъ, въ которыхъ сидитъ этотъ дьяволъ и заставляетъ насъ губить себя, семьи наши и милліоны другихъ слѣпцовъ, ввѣрившихъ намъ свое состояніе.

Евгенія Николаевна. Но неужели же вамъ теперь никакъ и ничѣмъ нельзя поправить вашихъ дѣлъ?

Бургмейеръ. Совершенно возможно! Ничего не стоитъ!.. Черезъ годъ же я могъ бы слѣлаться вдвое богатѣе, чѣмъ былъ прежде... На дняхъ вотъ мнѣ должна быть выдана концессія, на которой я сразу могъ бы нажить милліонъ, не говоря уже о томъ, что если я удержу мои павшія бумаги у себя, то онѣ съ теченіемъ времени должны непременно подняться до номинальной цѣны; такимъ образомъ весь мой проигрышъ биржевой обратится въ нуль, если еще не принесетъ мнѣ барыша!.. Но дѣло все въ томъ, что концессію эту утвердятъ за мной тогда только, когда не поколеблется мой кредитъ; а онъ останется твердымъ въ такомъ лишь случаѣ, если у меня примутъ послѣдній подрядъ мой, но его-то именно и не принимаютъ.

Евгенія Николаевна. Но, другъ мой, говорятъ, всегда можно подкупить принимающихъ

лицъ... Тутъ нужны только деньги, и вотъ возьмите для этого всё эти мои деньги; кромѣ того, я попрошу у пріятельницъ моихъ денегъ для васъ.

Бургмейеръ. Дѣло не въ деньгахъ... Денегъ есть настолько, но въ комиссіи сидитъ человѣкъ, котораго не купишь...

Евгенія Николаевна. Кто это такой?

Бургмейеръ. Мировичъ, мальчишка отъ земства приставленный!

Евгенія Николаевна (*переспрашивая и какъ бы не впря ушамъ своимъ*). Мировичъ!

Бургмейеръ. Да.

Евгенія Николаевна (*начиная уже хохотать*). Ха, ха, ха! Душенька, ангель мой, Александръ Григорьичъ, вы какимъ-то ребенкомъ мнѣ теперь представляетесь! Неужели вы боитесь Мировича, одного только Мировича?

Бургмейеръ. Не его я боюсь, а протеста его и заявленія! Пойми ты, что выйдетъ: это сейчасъ, разумѣется, разгласится; акція нашего послѣдняго дѣла шлепнутся съ рубля на полтину. Въ правительственныхъ сферахъ это увидятъ; концессіи мнѣ, поэтому, не выдадутъ, и я сразу подорванъ буду во всѣхъ дѣлахъ моихъ.

Евгенія Николаевна. Но Мировичъ не подастъ, я думаю, никакого протеста.

Бургмейеръ. Однакожь онъ его подалъ. Это фактъ уже совершившійся.

Евгенія Николаевна. Подалъ, потому что на него надобно было употребить нѣкоторое особое вліяніе... Неужели же, Александръ Григорьичъ, вы

не замѣчали, что Мировичъ безъ ума влюбленъ въ вашу жену?

Бургмейеръ (*весь вспыхивая при этомъ, нахмуриваясь и отворачиваясь отъ Евгеніи Николаевны*). Это я видѣлъ отчасти; но какая же польза можетъ проистечь отъ того?

Евгенія Николаевна. А такая, что Клеопаша въ этомъ случаѣ можетъ быть отличною ходатайницей. Онъ, конечно, не въ состояніи ни въ чемъ будетъ отказать ей.

Бургмейеръ. Но почему же онъ не въ состояніи ей отказать? Между ними, надѣюсь, существуетъ только то, что Мировичъ влюбленъ въ жену мою, но никакъ не больше!

Евгенія Николаевна. Между ними существуетъ... Только вы, пожалуйста, не выдайте меня, я вамъ говорю это по секрету... существуетъ то, что Мировичъ объяснялся вашей женѣ въ любви; она его совершенно отвергла; но это еще лучше, потому что если теперь она хоть сколько-нибудь подытитъ его исканіямъ, такъ онъ я не знаю на что не готовъ будетъ рѣшиться.

Бургмейеръ (*продолжая оставаться нахмуреннымъ и съ явнымъ раздраженіемъ въ голосъ*). Все это прекрасно-съ. Но какъ же все это осуществить?

Евгенія Николаевна (*какъ бы не появъ его*). Что такое тутъ осуществлять?

Бургмейеръ (*разсмѣявшись уже какою-то злою усмѣшкой*). Ну да сказать женѣ и просить, что ли, ее, чтобъ она извѣстнымъ образомъ дѣйствовала?.. Вы на себя, надѣюсь, не возьмете этого сдѣлать?

Евгенія Николаевна. Ахъ, другъ мой,

нѣтъ никакого сомнѣнiя, что я сейчасъ же была бы готова; но я напередъ увѣрена, что не успѣю ничего тутъ сдѣлать. По моему, вамъ лучше всего самому переговорить объ этомъ съ Клеопашей, потому что какъ она ни хитритъ со мною, но я хорошо вижу, что она не совсѣмъ равнодушна къ Мировичу и если теперь осторожно держитъ себя съ нимъ, такъ это просто изъ страха къ вамъ: она боится, что васъ очень этимъ огорчитъ и разсердитъ!.. Но когда вы ей намекнете этакъ легонько, то она, конечно, сейчасъ же пойметъ, что это не будетъ для васъ такимъ ужъ страшнымъ ударомъ.

Б у р г м е й е р ъ (*съ судорожнымъ смѣхомъ*). Какъ ужъ не понять тогда! Главное, я то при этомъ явлюсь очень красивъ предъ ней въ нравственномъ отношенiи!

Е в г е н i я Н и к о л а е в н а. Что же вы то тутъ? Я, конечно, не знаю; но судя по себѣ, то хоть я и не жена ваша, однако, чтобы помочь вамъ... будь въ меня влюбленъ Мировичъ, я, не задумавшись, постаралась бы свергнуть ему голову, закружить его окончательно...

Б у р г м е й е р ъ (*перебивая ее*). То вы, а то жена моя.

Е в г е н i я Н и к о л а е в н а. Какая же разница?.. Неужели вы хотите этимъ сказать, что для меня все возможно, а женѣ вашей наоборотъ?

Б у р г м е й е р ъ. О, подите, Господь съ вами!.. (*взглядывая въ окно*). Карета жены, кажется, въѣхала на дворъ.

Е в г е н i я Н и к о л а е в н а (*тоже взмахивая глазами въ это окно*). Да, это Клеопаша... Она, конечно, прямо

пройдетъ къ вамъ. Мнѣ оставаться или лучше уѣхать?

Бургмейеръ. Уѣзжайте лучше.

Евгенія Николаевна (*сбираясь уходить, говоритъ Бургмейеру скороговоркой*). Если вы только, другъ мой, вздумаете вдругъ уѣхать за-границу, то Клеопаша, вѣроятно, не поѣдетъ съ вами; но меня вы возьмите; я, рабой, служанкой, но желаю быть при васъ. Денегъ моихъ я тоже не возьму!.. (*кладетъ деньги на столъ*). Они, больше чѣмъ когда-либо, должны теперь оставаться у васъ!.. (*уходитъ въ одну изъ дверей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бургмейеръ (*прикладывая руку къ одлому изъ висковъ своихъ*). Какой демонъ внушилъ Евгеніи подсказать мнѣ эту мысль, которая и безъ того смутно меня мучить нѣсколько дней!.. И я самъ... не насмѣшались это судьбы!.. Я самъ долженъ идти къ женѣ моей, этой чистой и невинной пока голубкѣ, и сказать ей: «поди, соблазней и обманывай своими ласками и кокетствомъ посторонняго тебѣ мужчину, чтобы только онъ не вредилъ дѣламъ моимъ...» А что же другое мнѣ осталось дѣлать? Смѣло идти на раззореніе съ тѣмъ, чтобы опять потомъ начать трудиться; но на какомъ поприщѣ я могу трудиться? Я умѣю только торговать; для этого же надобно имѣть или кредитъ, или деньги, а я того и другаго лишусь. Значить, впереди у меня полнѣйшая, совершенная нищета; но это чудовище терзаетъ нынче людей пострашнѣй, чѣмъ въ прежнія времена: прежде, обыкновенно, най-

дета какой-нибудь добрый родственникъ, или вѣрный старый другъ, или благодѣтельный вельможа, который дастъ уголь, кусокъ хлѣба и старенькое пальтишко бывшему миллионеру; а теперь къ очагу, въ кухню свою, никто не пуститъ даже погрѣться, и я вмѣстѣ съ бѣдною женою моею долженъ буду умереть гдѣ-нибудь на тротуарѣ съ холоду, съ голоду!.. Я для спасенія ея же самой принужденъ рѣшиться на все...

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Клеопатра Сергѣевна; Бургмейеръ употребляетъ все усиліе надъ собой, чтобы казаться спокойнымъ.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА. Ты одинъ?.. Жени, поэтому, уѣхала?

БУРГМЕЙЕРЪ. Уѣхала.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*подходя къ мужу*). Отчего ты мнѣ не рассказалъ, какія вчера оваціи получили!.. Жени мнѣ говорила, что тебя апплодисментами встрѣтили и апплодисментами проводили. Мнѣ очень жаль, что ты не взялъ меня съ собою. Я очень бы желала видѣть твое торжество.

БУРГМЕЙЕРЪ. Не пріучай себя, Клеопаша, къ моимъ торжествамъ. Можетъ быть, тебѣ скоро придется видѣть и позоръ мой.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*разсмѣявшись даже*). Позоръ твой?... Но отъ чего же и гдѣ же?

БУРГМЕЙЕРЪ. Отъ того, что я на дняхъ, вѣроятно, долженъ буду объявить себя банкротомъ.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА (*уже съ безпокойствомъ*). Но какимъ образомъ и на чемъ ты могъ обанкрутиться?

БУРГМЕЙЕРЪ. На послѣднемъ подрядѣ моемъ, который у меня не принимаютъ, а если не примутъ его, такъ не дадутъ мнѣ другаго дѣла, отъ котораго я ожидалъ нажить большія деньги и ими пополнить все мои теперешніе недочеты...

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА (*все съ больше и больше возрастающимъ безпокойствомъ*). Кто-жь это?.. Коммиссія, значить, не принимаетъ у тебя подряда?

БУРГМЕЙЕРЪ. Не коммиссія вся... Напротивъ, все почти члены принимаютъ, за исключеніемъ одного только Мировича.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА (*поблѣдиль въ при этомъ имени*). Почему-жь онъ не принимаетъ его?

БУРГМЕЙЕРЪ. Говорить, что подрядъ дурно выполненъ.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА. Новъ чемъ именно? Онъ и судить, я думаю, не можетъ.

БУРГМЕЙЕРЪ. Многое тамъ нашель.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА (*усмѣхнувшись какъ бы больше сама съ собой*). Странно!.. (*посль нѣкотораго размышленія обращаясь къ мужу*). Послушай, я, конечно, не хотѣла тебѣ и говорить объ этомъ, потому что считала это пустяками; но теперь, я полагаю, должна тебѣ сказать: Мировичъ неравнодушенъ ко мнѣ и даже намекалъ мнѣ на это... Я, конечно, сейчасъ же умѣрила его пылъ и прочла ему приличное наставленіе; но неужели же этотъ неприемъ—месть съ его стороны?.. Я всегда считала его за человѣка въ высшей степени честнаго.

Бургмейеръ. Вовсе не мечь... Подрядъ, дѣйствительно, отвратительнѣйшимъ и безобразнѣйшимъ образомъ выполненъ... Деньги, которыя на него слѣдовали, я всё потерялъ въ прошлогодней биржевой горячкѣ...

Клеопатра Сергѣевна. Это ужасно!.. Вотъ ужъ никакъ не ожидала того!.. Точно съ неба свалилось несчастье.

Бургмейеръ. Ужаснѣе всего тутъ то, что прими они отъ меня этотъ подрядъ, и утвердись за мною новое дѣло мое, я бы всё барыши отъ него употребилъ на исправленіе теперешняго подряда, хоть бы онъ и былъ даже принять!.. Ты знаешь, какъ я привыкъ мои дѣла дѣлать!

Клеопатра Сергѣевна. Еще бы! Но ты объясни все это Мировичу. Онъ, я все-таки убѣждена, человѣкъ добрый и умный.

Бургмейеръ. Что ему объяснять? Развѣ онъ повѣритъ мнѣ!.. Онъ прямо на это скажетъ: «всякій подрядчикъ готовъ съ божбою завѣрять, что онъ исправитъ свой подрядъ послѣ того, какъ у него примутъ его, а потомъ и надуетъ». Онъ, кажется, всѣхъ насъ, предпринимателей, считаетъ за одинаковыхъ плутовъ-торгашей.

Клеопатра Сергѣевна. Какъ это глупо съ его стороны, я нахожу...

Бургмейеръ. Глупо ли, умно ли, но онъ такъ думаетъ... *(усмѣхаясь)*. Вотъ еслибы ты, что ли, създила къ нему и поумилостивила его. Кто-жь можетъ въ чемъ отказать рыдающей младости и красотѣ?

Клеопатра Сергѣевна. *(замѣтно удивленная)*

этимъ предложеніемъ мужа). Мнѣ къ нему съѣздить, ты говоришь?

Бургмейеръ (*опять съ усмѣшкой*). Да!

Клеопатра Сергѣевна (*натмуривая свой лобъ и подумавъ немного*). Нѣтъ, Александръ, и не въ состояніи, этого сдѣлать... Я оттолкнула отъ себя Мировича и послѣ того ѣхать къ нему... унижаться... просить его,—это будетъ слишкомъ тяжело для моего самолюбія. Я рѣшительно отъ этого отказываюсь. Кромѣ того, я думаю, и пользы это никакой не принесетъ; потому что онъ, вѣроятно, затаилъ въ отношеніи меня непріязненное чувство.

Бургмейеръ (*какъ бы совсемъ уже разсмѣявшись*). Ну, тогда полюбезничай, пококетничай съ нимъ!

Клеопатра Сергѣевна (*снова съ удивленіемъ*). То-есть, какъ же это такъ я стану любезничать съ нимъ?

Бургмейеръ (*все еще какъ бы шутя*). Какъ обыкновенно женщины любезничаютъ...

Клеопатра Сергѣевна (*съ вспыхнувшимъ лицомъ*). Такъ ты, поэтому, желаешь, чтобъ я не просто попросила Мировича, а чтобъ даже пококетничала съ нимъ?

Бургмейеръ на это ничею не отвѣчаетъ и даже не смотритъ на жену.

Клеопатра Сергѣевна (*продолжаетъ съ болѣе и болѣе разгорающимся лицомъ*). А если я, Александръ, сама въ этой игрѣ увлекусь Мировичемъ?

Бургмейеръ (*уже съ гримасою въ лицѣ*). Что жъ!..

Клеопатра Сергѣевна. И если я... я скажу ужь тебѣ прямо: я сама немножко равнодушна къ Мировичу и только не давала этому чувству раз-

виться въ себѣ, — вѣдь это, Александръ, приклады-
вать огонь къ пороху!

Бургмейеръ *(съ судорогою во всемъ лицѣ)*. Очень понимаю; но что-жъ дѣлать, если ничего другаго не осталось?

Клеопатра Сергѣевна *(съ настойчивостью)*. Такъ, стало-быть, для тебя ничего не будетъ значить, если между нами что и произойдетъ?

Бургмейеръ *(опять какъ бы размѣявшись)*. Что-жъ особенно важнаго тутъ можетъ произойти?

Клеопатра Сергѣевна *(отступая даже нѣсколько шаговъ отъ мужа)*. Да, по твоему, это и не особенно важно!.. *(беретъ себя за голову)*. Господи!.. *(къ мужу)*. Постой!.. Дай мнѣ опомниться и сообразить все, что я отъ тебя слышала!.. *(опускается на кресло; глаза ея принимаютъ мрачное выраженіе)*. Ты, значить, желаешь и очень будешь доволенъ, если я, жена твоя, для того, чтобъ убѣдить тамъ въ чемъ-то Мировича, сдѣлаюсь даже его любовницей, — это ты, кажется, хотѣлъ сказать и къ этому велъ весь разговоръ твой?.. *(со смѣхомъ, но сквозь слезы)*. А я-то, глупая, думала, что ты меня такъ любишь, что не перенесешь даже измѣны моей...

Бургмейеръ *(пораженный и испуганный словами жены)*. Но почему же непременно любовницей? Какимъ образомъ ты вывела это изъ словъ моихъ?

Клеопатра Сергѣевна *(вставая съ кресла)*. А чѣмъ же ты думаешь? Неужели ты полагаешь, что за то, что у меня хорошенькіе глазки и губки, такъ всякій мужчина для меня все и сдѣлаетъ? И зачѣмъ, наконецъ, я стану останавливать себя?...
Чтобы ты смѣялся надъ моею вѣрностью съ своими

возлюбленными, которых, справедливо видно мнѣ говорили, у тебя уже существуютъ!.. Нѣтъ-съ!.. Довольно мнѣ душить себя... Знайте, что я сама люблю Мировича, и теперь приказывайте мнѣ, что я должна дѣлать: ѣхать къ Мировичу, что ли? Теперь, сейчасъ же?.. Заставить его подписать бумагу?

Бургмейеръ (*совсѣмъ уничтоженный*). Успокойся, Клеопаша, я только пошутилъ это... Я не ожидалъ, что ты такъ примешь слова мои.

Клеопатра Сергѣевна. Какъ же ты ожидалъ, что я приму ихъ?.. Я денно и ночно молила Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ совладѣть съ моею страстью; но ты самъ меня кидаешь въ эту пропасть, такъ и пѣняй на себя!.. Я съ удовольствіемъ, даже съ восторгомъ поѣду къ Мирвичу; но только я ужь и останусь тамъ, не возвращусь къ тебѣ больше.

Бургмейеръ (*съ мольбою въ голосъ*). Клеопаша, прости меня! Не дѣлай ничего. Не ѣзди куда. Пусть я погибну. Извини мнѣ минуту человѣческой слабости.

Клеопатра Сергѣевна. Поздно ужь теперь! Достаточно, что ты мнѣ разъ это сказалъ. Я все теперь прочла, что таилось у тебя на душѣ въ отношеніи меня. Теперь я не жена больше ваша, а раба и служанка, которая пока остается въ вашемъ домѣ затѣмъ, чтобы получить приказаніе, что она должна дѣлать, чтобы расплатиться съ вами за тотъ кусокъ хлѣба, который вы ей давали, и за тѣ тряпки, въ которыя вы ее одѣвали. Буду ожидать вашихъ приказаній!.. (*идетъ въ свою комнату*).

Бургмейеръ *(сльдую за ней)*. Клеопаша, умоляю тебя!.. Забудь, что я сказалъ! Это дьяволъ двинулъ моими устами... Я никогда ничего подобнаго не думалъ... Потеря тебя будетъ для меня дороже всего.

Клеопатра Сергѣевна *(обертываясь къ нему и съ глазами, пылающими гнѣвомъ)*. Неправда-съ!.. Не вѣрю!.. Я поняла теперь васъ насквозь: вы дѣйствительно, какъ разумѣетъ васъ Мировичъ, торгашъ въ душѣ... У васъ все товаръ, даже я! *(захлопываетъ за собою дверь и даже запираетъ ее)*.

Бургмейеръ *(въ полномъ отчаяніи)*. Боже, это выше силъ моихъ!

(Занавѣсъ падаетъ)

ДВѢЙСТВІЕ II.

Небольшая гостиная въ квартирѣ Мировича. Тутъ же стоитъ и его письменный столъ со множествомъ бумагъ и книгъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мировичъ, молодой человекъ, съ львиною почти гривой густыхъ волосъ, съ небольшою, красивою бородкой, съ лицомъ умнымъ и импьющимъ даже какой-то поэтическій оттънокъ. Одѣтъ онъ въ сѣренькій, домашній, съ красною оторочкой пиджакъ, и въ широкія, клѣтчатыя шальвары. Куницынъ, пріятель его, тоже молодой, очень рослый и смазливый мужчина, представляетъ собой отъявленнаго франта, хотъ и не совсѣмъ хорошаго тона, такъ что визитка на немъ какъ-то слишкомъ коротка, брюки крайне узки, сапоги на черзчуръ толстыхъ подошвахъ, борода подстрижена, усы нафабрены и закручены нѣсколько вверхъ.

Мировичъ (замѣтно юрчась). Тутъ, я тебѣ говорю, такія мошенничества происходятъ, что вооб-

разить невозможно, и мошенничества, самымъ спокойнымъ образомъ совершаемыя: четыре мѣсяца я знакомъ съ господиномъ Бургмейеромъ и его семействомъ; каждый день почти бывалъ въ его домѣ, и онъ, обыкновенно, весьма часто и совершенно спокойно мнѣ говорилъ, что вотъ я буду принимать его подрядъ, что вѣроятно найдутся нѣкоторыя упушенія; но что онъ сейчасъ же все поправитъ, такъ что я былъ совершенно спокоенъ и ни минуты не помышлялъ, что мнѣ придется встрѣтить тутъ столько подлости, гадости и непріятностей.

К у н и ц ы н ѣ (какимъ-то удалымъ тономъ). Почему-жъ непріятностей?.. Ничего, сдери ты съ этого Бургмейера денегъ побольше,—вотъ и все!

М п р о в и ч ѣ. Прахъ его возьми съ его деньгами,—очень онъ мнѣ нужны! Но милѣй всего то съ ихъ стороны, что, кажется, они навѣрное рассчитывали поддѣть меня на глупѣйшую штуку. Въ самый день осмотра, господинъ Бургмейеръ вдругъ заѣзжаетъ за мной въ коляскѣ, вмѣстѣ съ нимъ и техникъ его, — это какой-то флюгеръ, фертикъ, но господинъ, какъ видно, наглости неописанной!.. Поѣхали мы всѣ вмѣстѣ и, разумѣется, въ первомъ же зданіи оказывается, что одну половину нельзя показывать, потому что она почему-то заперта; въ другомъ мѣстѣ зачѣмъ-то завѣшаны окна; тутъ завтракъ подошелъ, послѣ котораго дождикъ сильный полилъ, и неудобно стало наружныя стѣны осматривать; а тамъ, при каждой остановкѣ, шампанское, коньякъ! Словомъ, пролетѣли съ быстротою пушечнаго выстрѣла, и вдругъ меня спрашиваютъ: «какъ я нашелъ?» Я говорю: <http://www.voin.org> знаешь, потому что ничего не

видалъ!»—«Да какъ, помилуйте, мы думали... у насъ и протоколъ осмотра ужъ готовъ. Ваши товарищи подписали его даже!» И дѣйствительно, показываютъ мнѣ протоколъ, всѣми этими господами подписанный.

К у н и ц ы н ь. Такъ... такъ... Они всѣ давнымъ-давно куплены, и про тебя даже говорили, что вашу милость тутъ обработали посредствомъ бабенки: ты, сказываютъ, влюбленъ въ эту мадамъ Бургмейершу. Персона она изящная!

М и р о в и ч ь *(замѣтно сконфуженный этими словами)*. Если бы даже я и влюбленъ былъ въ нее, такъ это ни къ чему бы не послужило.

К у н и ц ы н ь. Послужило бы къ тому, что ломаться долго не стала, атанде-то бы не много разъ сказала.

М и р о в и ч ь. Ври больше! У тебя на все одинъ взглядъ, тогда какъ мадамъ Бургмейеръ такое святое, честное и нравственное существо, что какія бы между нами отношенія ни были, но ужъ, конечно, она никогда бы ни на какой черный поступокъ не стала склонять меня.

К у н и ц ы н ь. Ну да, какъ же! «Честное, святое существо!» Какъ гдѣ, братъ, сотни-то тысячъ затрепачать, такъ всякая изъ нихъ, какъ карась на горячей сковородѣ, завертится и на какую хочешь штуку пойдетъ.

М и р о в и ч ь. Ну, поумѣрь, пожалуйста, нѣсколько цинизмъ твой.

К у н и ц ы н ь. Что мой цинизмъ!.. Я, братъ, говорю правду... Какъ же ты, однако, поступилъ потомъ?

М и р о в и ч ь. Поступилъ такъ, что на другой день повѣхалъ ужъ со своимъ техникомъ, осмотрѣлъ

все подробно, и вотъ тебѣ результатъ этого осмотра...
(*подастъ Куницыну кругомъ исписанный листъ*).

Куницынъ (*просматривая этотъ листъ*). Ахъ, мои миленькіе, душеньки!.. 47 статей противъ контракта не выполнили!

Мировичъ. Ровно 47 статей!

Куницынъ. Тутъ ужъ, значить, никакая мадамъ Бургмейерша ничѣмъ не поможетъ!

Мировичъ. Полагаю.

Куницынъ. Хорошенько ты ихъ, братецъ, хорошенько! Я самъ тебѣ про себя скажу:—я ненавижу этихъ миллионеровъ!.. Просто, то-есть, на уллицѣ встрѣчать не могу, такъ бы взялъ кинжалъ, да въ пузо ему и вонзилъ; потому завидно и досадно!.. Ты, чортъ возьми, годъ-то годенской бѣгаешь, бѣгаешь, высуня языкъ, и все ничего; а онъ только ручкой поведетъ, контрактикъ какой-нибудь подпишетъ, — смотришь, ему сотни тысячъ въ карманъ валятся!..

Мировичъ. Почему же ты-то такъ ужъ жалуешься? И твое адвокатское ремесло очень выгодное.

Куницынъ. Э, вздоръ, пустяки! Гроши какіе-то, если сравнить его, напримѣръ, съ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ; тамъ ужъ, братъ, именно: еслибы, кажется, меня только лизнуть пустили этой благодати, такъ у меня бы сто тысячъ на языкѣ прильнуло, а у насъ что?.. Да и не по характеру миѣ какъ-то это!.. Все вѣдь, братъ, это брехачи: «господа судьи, господа присяжные, внимлите голосу вашей совѣсти!» А самъ въ это время думаетъ: приведетъ ли миѣ Господь содрать съ моего кліента побольше да повѣрнѣе; а тѣ тоже—шельма народецъ:

какъ ему выигралъ процессъ, такъ онъ, словно изъ лука стрѣла, отъ тебя стрекнетъ; другаго съ собаками потомъ не отыщешь. Пустое дѣло! И я ужь, братъ, теперь другую аферу задумалъ. Видишь на мнѣ платье,—хорошо?

М и р о в и ч ь. Отличное.

К у н и ц ы н ь. На подгоры тысячи цѣлковыхъ сдѣлалъ себѣ всякой этой дряни, и каждый день то въ маскарадѣ, то въ собраніи танцую. На богатой купеческой дочкѣ хочу жениться, а это не вывезетъ, къ какой-нибудь мужелюбивой толстухѣ въ утѣшителю пойду.

М и р о в и ч ь. Что это за страсть у тебя, Куницынъ, разныя мерзости на себя взводить, которыя ты никогда, я убѣжденъ, и сдѣлать не способенъ!

К у н и ц ы н ь. Отчего не способенъ?.. Непремѣнно сдѣлаю. Нынче, братъ, только тѣмъ людямъ и житье, которые любятъ лазить въ чужіе карманы и не пускать никого въ свой... Тутъ, смотришь, мошенникъ, тамъ плутъ, въ третьемъ мѣстѣ каналья, а живя посреди розъ, невольно примешь ихъ ароматъ. Женитьбы я себѣ не вытанцую, заберусь куда-нибудь вазначеемъ въ банкъ, стибрю оттуда миллионъ и удеру въ Америку,—нищи меня тамъ!

М и р о в и ч ь. Но что такое ты за благополучіе особенное видишь въ деньгахъ?.. Нельзя же на деньги купить всего.

К у н и ц ы н ь (*подбочениваясь обѣими руками и становясь предъ пріятелемъ фертомъ*). Чего нельзя купить на деньги?.. Чего?.. въ нашъ вѣкъ пара, желѣзныхъ дорогъ и электричества тамъ, что ли, чортъ его знаетъ!

М и р о в и ч ь. Да хоть бы любви женщины—на-

стоящей, искренней! Таланту себѣ художественнаго!.. Славы честной!

К у н и ц ы н ь. Любви-то нельзя купить?.. О хо, хо, мой милый!.. Еще какую куплю-то!.. Прелесть что такое!.. Пламенѣть, горѣть... обожать меня будетъ!.. А слава-то, братъ, тоже нынче вся отъ героевъ къ купцамъ перешла... Вотъ на дняхъ этому самому Бургмейеру въ акціонерномъ собраніи такъ хлопали, что почище короля всякаго; на счетъ же талантовъ... это на фортепьянчичкахъ, что ли, на подобіе твое, играть или вонъ, какъ нашъ общій товарищъ, дуракъ Муромцевъ, стишки кропать, такъ мнѣ этого даромъ не надо!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ лакей и подаетъ Мировичу три визитныя карточки.

М и р о в и ч ь (*просматривая ихъ*). Что это такое? Сима Рувимычъ Руфинъ, московскій купецъ 1-й гильдіи.

К у н и ц ы н ь (*подхватывая*). Жидъ, должно быть! Я-зи, ва-зи!

М и р о в и ч ь (*продолжаетъ*). Измаилъ Константиновичъ Толоконниковъ, техникъ-строитель.

К у н и ц ы н ь (*опять подхватывая*). Знаю!.. Вить даже былъ по рожѣ за свои плутни и все-таки къ онымъ стремится.

М и р о в и ч ь (*кидая карточки на столъ*). И Monsieur Бургмейеръ, наконецъ!

К у н и ц ы н ь *(съ какимъ-то почти восторгомъ)*. Прибыль, значитъ, здравствуйте! Легокъ, выходитъ, на поминъ!

М и р о в и ч ь *(съ досадою)*. Пять разъ онъ уже самъ ко мнѣ прѣвжалъ; а теперь съ компаніей даже какой-то прибыль. Чего они хотятъ отъ меня, желательно знать?

К у н и ц ы н ь. Надо, видно!.. *(берясь за шляпу)*. Я вотъ уйду; а ты ихъ прими и пробери ты каждаго изъ нихъ, канальевъ, такъ, чтобъ его, какъ на прутѣ, забил! Главное, жиденка-то этого, Симху Рувимыча, — шельма, должно быть, первостатейная! А самого Monsieur Бургмейера, знаешь, если онъ дастъ тебѣ тысяченовъ пятьдесятъ, шестьдесятъ, такъ чортъ съ нимъ: прости его!

М и р о в и ч ь *(съ досадою)*. Отвяжись ты съ своими тысяченками!

К у н и ц ы н ь. Нѣтъ, братъ, тысяченки отличнѣйшая вещь!.. *(уходитъ, напѣвая куплетъ собственнаго сочиненія: «когда бы я былъ Аркадскимъ принцемъ, тысяченки бралъ бы я со встьхъ!»)*

Л а к е й *(все ожидавшій приказанія Мировича съ видимымъ нетерпѣніемъ)*. Можно этимъ господамъ войти-съ?

М и р о в и ч ь. А тебѣ что такое тутъ за беспокойство?

Л а к е й *(недовольнымъ голосомъ)*. Мнѣ что-съ! Они не ко мнѣ прѣехали, а къ вамъ... *(поворачивается и хочетъ уходить)*.

М и р о в и ч ь *(крича ему въ слѣдъ)*. Прими ихъ!

Лакей уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Мировичъ (*одинъ*). Я убѣжденъ, что господинъ Бургмейеръ подкупилъ моего лакея, потому что этотъ дуракъ почти за шиворотокъ меня всякій разъ хватаетъ, чтобъ я принималъ его скорѣе; тутъ даже эти господа не могутъ безъ денегъ ступить!.. Куницынъ совершенно справедливо говоритъ, что ихъ хорошенько надобно пробрать, чтобъ они поняли наконецъ, что нельзя же мною злоупотреблять до безконечности!.. (*становится около одного изъ своихъ креселъ и гордо опирается рукою на его спинку*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ Бургмейеръ и за нимъ смиренною походкой крадется Симха Рувимычъ Рувимъ, очень молодой еще и весьма красивый изъ себя еврей. Оба они, издали и молча поклонившись хозяину, становятся въ сторону; Толоконниковъ же, съ книгой въ рукѣ, подходитъ прямо къ Мировичу и раскланивается съ нимъ нѣсколько на офицерскій манеръ: то-есть, приподнимая слегка плечи вверхъ и даже ударяя каблукъ о каблукъ, какъ бы все еще чувствуя на нихъ шпоры.

Толоконниковъ (*совершенно развязнымъ тономъ*). Вчерашняго числа-съ вамъ угодно было прислать къ намъ замѣчанія ваши касательно исполненія подряда.

Мировичъ (*въ свою очередь тоже рѣзко*). Да-съ, я присылалъ ихъ и желаю, чтобы замѣчанія эти вклю-

чены были въ протоколъ, гдѣ и будутъ составлять мое отдѣльное мнѣніе.

Толоконниковъ (*слегка раскланиваясь предъ Мирвичемъ, но тѣмъ не менѣе съ явно насмѣшливою улыбкой*). Этому желанію вашему я, конечно, никакъ не могу воспрепятствовать и только позволяю себѣ замѣтить, что въ эти замѣчанія вкралось много неточностей.

Мирвичъ (*гордо*). А именно какія-съ?

Толоконниковъ (*съ прежнею усмѣшкой и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно пунктуальнымъ тономъ*). Вы-съ изволите писать, что зданія скрѣплены, вмѣсто желѣзныхъ гвоздей, деревянными... прекрасно-съ! Но надобно было указать, гдѣ именно и во сколькихъ мѣстахъ; а то, можетъ быть дѣйствительно, какой-нибудь одинъ дуракъ, пьяный рабочій, полѣнясь идти за желѣзнымъ гвоздемъ, и вбилъ деревянный,—эго ничего не значить... (*приподнимаетъ при этомъ плечи*).

Мирвичъ. Нѣтъ-съ, тутъ не одинъ деревянный гвоздь, а ихъ сотни, и они даже выкрашены черною краской, чтобъ издали казались желѣзными.

Толоконниковъ (*приподнимая еще выше плечи*). Но все-таки они должны быть сосчитаны отъ перваго гвоздя до послѣдняго...

Мирвичъ. Что же мнѣ для этого лазить по всѣмъ вашимъ крышамъ?

Толоконниковъ (*съ удареніемъ*). Непремѣнно-съ!.. неpremѣнно!.. Изъ этого, сами согласитесь, долженъ возникнуть искъ къ подрядчику; а потому эго дѣло денежное, и данныя для него должны быть опредѣлены съ полною точностью... Далѣе-съ потомъ: вы указываете, что щебенной слой только въ вершокъ, тогда какъ онъ долженъ быть въ четыре...

На это я имѣю честь предъявить вамъ статью закона... *(раскрываетъ держимую имъ книгу и съ гордостью подаетъ ее Мировичу)*. 1.207 статья, параграфъ 2-й!..

Мировичъ начинаетъ читать указанную ему статью.

Толоконниковъ *(продолжая на него, по прежнему, насмѣшливо смотреть и какъ бы толкая ему)*. Въ статьѣ этой прямо сказано, что даже въ казнѣ, при сдачѣ однимъ начальникомъ дистанціи другому лицу, на толщину щебеннаго слоя обращать вниманіе запрещено-сь; потому что щебень-сь не мука!.. Изъ него тѣста не сдѣлаешь, чтобъ онъ вездѣ ровными слоями ложился!.. Въ практикѣ случается, обыкновенно, такъ, что въ одномъ мѣстѣ слой этотъ на полвершка, а въ другомъ и на восемь вершковъ.

Мировичъ *(возвращая Толоконникову книгу)*. Статья эта нисколько не касается нашего случая!.. Это сказано для послѣдующихъ сдачъ; а при первоначальномъ приѣмѣ всякій подрядъ принимается по контракту: въ контрактѣ говорится, что щебенной слой долженъ быть равномерный въ четыре вершка, онъ и долженъ быть такимъ!

Толоконниковъ *(воскликая)*. Но этого невозможно выполнить физически, какъ на луну, напримеръ, прыгнуть!

Мировичъ *(довольно хладнокровно)*. Если нельзя было подрядъ выполнить физически, такъ нечего было и брать его.

Толоконниковъ *(опять поднимая плечи)*. Что-жь, нельзя было выполнить!.. Эго будетъ, извините вы меня, прямымъ стѣсненіемъ всякой предприимчивости... Каждый не юристъ даже скажетъ вамъ, что законъ выше всякаго контракта... Въ наше время, когда все

такъ двинулось впередъ, ставить такія преграды! Мнѣ, признаюсь, въ васъ, человѣкъ образованномъ, очень странно встрѣтить такія понятія.

Мировичъ. Въ моихъ понятіяхъ вы, вѣроятно, еще многое найдете страннымъ для васъ, точно такъ же, какъ и я въ вашихъ...

Толоконниковъ (*насмѣшливо расшаркиваясь предъ Мировичемъ*). Моп-съ понятія самыя обыкновенныя, самыя вульгарныя! Впрочемъ, перейдемте лучше къ дѣлу: въ запискѣ вашей затѣмъ объяснено, что деревянныя зданія выстроены изъ однихъ столбовъ, обшитыхъ снаружи и внутри тесомъ... Совершенно вѣрно-съ! Но подрядчикъ иныхъ и не обязанъ былъ дѣлать.

Мировичъ (*отступая даже шагъ назадъ*). Какъ не обязанъ?

Толоконниковъ (*съ замѣчательною смѣлостью и съ нѣкоторымъ какъ бы самодовольствомъ*). Такъ-съ, не обязанъ! Въ контрактъ только сказано, что выстроить столько-то зданій, такой-то величины, но какимъ способомъ не указано.

Мировичъ (*выйдя наконецъ изъ себя и тоже сильно уже возвыся голосъ*). Но, вѣдь-съ, выстроены не зданія, а бараки!

Толоконниковъ (*съ прежнею смѣлостью*). Можетъ-быть-съ и бараки!.. Но всякій подрядчикъ, разумѣется, желаетъ воспользоваться недомолвками контракта.

Мировичъ (*поблѣднѣвъ даже отъ шпыва*). Послушайте, господинъ Толоконниковъ, дайте себѣ хоть немного въ томъ отчетъ, что вы говорите: то у васъ контрактъ все, то ничего не значитъ!.. Что вы

запугать и завидать словами вашими меня думаете?... Такъ, во-первыхъ, я не изъ трусливыхъ; а во-вторыхъ, смѣю васъ завѣрить, что я хоть и молодъ, но изъ молодыхъ ранній, и всякую плутню и гадость понять могу.

Толоконниковъ (*въ свою очередь, расплутушась*). Тутъ-съ нѣтъ плутней и гадостей, извините вы меня!

Мировичъ (*хватая со стола тотъ листъ, который показывалъ Куницыну, и тряся имъ почти предъ носомъ Толоконникова*). Въ этомъ дѣлѣ, вы говорите, нѣтъ плутней и гадостей? Въ этомъ?

Толоконниковъ (*отстраняя отъ себя бумагу*). Позвольте-съ, позвольте... Прежде всего я просилъ бы васъ не совать мнѣ въ лицо бумагъ вашихъ и не кричать на меня,—я не подчиненный вашъ и повторяю вамъ, что тутъ никакихъ нѣтъ плутней, а что если вы находите ихъ, то (*съ ироническою улыбкой*), вѣроятно, сами имѣете какія-нибудь побочныя причины на то...

Мировичъ (*подступая къ нему*). Какія я побочныя причины имѣю на то? Какія-съ?.. Я требую, чтобы вы сейчасъ же мнѣ это объяснили или я васъ заставлю раскаяться въ томъ, что вы мнѣ сказали, и научу васъ быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ.

Бургмейеръ (*испуганный этою начинающеюся ссорой*). Господинъ Мировичъ, успокойтесь! Господинъ Толоконниковъ, замолчите!

Толоконниковъ (*съ тою же насмѣшливою, хоть и не совсемъ искреннею улыбкой обращаясь къ Мировичу*). Не слѣдуетъ ли вамъ самимъ-съ прежде поучиться, какъ

выражаться! Я сказалъ вамъ единственно потому, что вы сами мнѣ гораздо больше сказали.

Мировичъ (*въ окончателной запальчивости*). Я вамъ имѣю право это говорить, а вы мнѣ нѣтъ, — понимаете-ли вы это?

Толоконниковъ (*по наружности все еще какъ бы продолжавшій усмѣхаться*). Нѣтъ-съ, не понимаю: кто, можетъ-быть, скажетъ, что вы имѣете это право, а кто—и я. Во всякомъ случаѣ, я вижу, что дальнѣйшія наши объясненія ни къ чему не могутъ привести, — честь имѣю кланяться!.. (*раскланивается, прицелкнувъ каблуками*). Очень жаль, что мы всего только другой разъ въ жизни встрѣчаемся съ вами и должны такъ ужь непріязненно разстаться!

Мировичъ. А мнѣ вообще очень жаль, что я съ вами въ жизни встрѣтился.

Толоконниковъ (*вспыхнувъ въ лицо*). Взаимно и мнѣ тоже!

Уходитъ, не кланясь болѣе съ Мировичемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Мировичъ, Бургмейеръ и Руфиня.

Мировичъ (*съ сильнымъ неудовольствіемъ*). Это никакого терпѣнія нѣтъ! Я, наконецъ, велю запереть двери и никого не пускать къ себѣ.

Бургмейеръ (*сконфуженно и робко обращаясь къ Мировичу*). Г. Толоконниковъ, Вячеславъ Михайловичъ, собственно хотѣлъ только объяснитьсь съ вами, какъ

техникъ, и оправдаться предъ вами въ техническомъ отношеніи.

Мировичъ (*съ тою же досадливостью*). Что ему было оправдываться предо мной! Я совершенно убѣжденъ, что онъ въ техническомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи невѣжда, нахаль и подлець!.. (*взглядывая на Руфина*). Но что этому господину еще угодно отъ меня?

Бургмeyerъ (*потупляя глаза и тѣмъ же смущеннымъ тономъ*). Это новый подрядчикъ, который желалъ бы взять на себя исправленіе моего подряда.

Мировичъ (*Руфину*). Вы еврей?

Руфинъ. Еврей, господинъ.

Мировичъ. А давно ли вы купцомъ первой гильдіи стали?

Руфинъ. Съ 12-го апрѣля, господинъ.

Мировичъ. То-есть, со вчерашняго числа?

Руфинъ. Да, господинъ.

Мировичъ (*разсмѣявшись*). Это ужъ смѣшно даже становится!.. Что же вы подрядъ господина Бургмейера готовы взять на себя?

Руфинъ. Готовъ, господинъ. Мнѣ ни копѣйки денегъ не надо впередъ на то, ни полушки! Вами сорокъ семь пунктовъ неисправностей найдено! Я берусь такъ: я исправлю первый пунктъ,—вы заплатите мнѣ за первый пунктъ изъ залоговъ господина Бургмейера. Я исправлю второй пунктъ, вы заплатите мнѣ за второй пунктъ изъ денегъ господина Бургмейера! Я исправлю третій, вы заплатите мнѣ за третій!

Мировичъ. Все это очень хорошо-съ; но, къ сожалѣнію, до меня нисколько не касается.

Руфинъ. Какъ же, господинъ, это васъ не касается? Это выгода вашего начальства.

Мировичъ. Да-съ, но начальство мое меня на то не уполномочило... Мнѣ велѣно подрядъ принять, если я, по моему убѣжденію, найду его выполненнымъ противу всѣхъ пунктовъ контракта; но я его не нашелъ такимъ; а потому не принимаю,—вотъ и вся моя роль!

Руфинъ. Но какъ же, господинъ, мнѣ дѣлать? Куда-жь мнѣ идти теперь?

Мировичъ. Идти вамъ, когда подрядъ отъ господина Бургмейера будетъ отобранъ,—исправлять его на счетъ залоговъ, вѣроятно, будутъ съ торговъ,—тогда идти на торги и заявить тамъ ваше предложеніе.

Руфинъ *(какъ бы начиная уже горячиться)*. Но я, господинъ, не могу тогда сдѣлать этого моего предложенія. Время уйдетъ: пора рабочая придетъ... народъ и матеріялы, господинъ, вдвое дороже будутъ... Я тогда вчетверо, впятеро запрошу съ васъ... Мои цѣны, господинъ, выгодны. Вотъ мои цѣны!.. *(подаетъ Мировичу бумагу и почти насильно оставляетъ ее въ рукахъ его)*.

Мировичъ *(бросая на столъ бумагу)*. Очень вѣрю-съ, но все-таки ничего не могу сдѣлать.

Руфинъ *(опять какъ бы горячася)*. Я, господинъ, объявилъ вамъ мои цѣны!.. Если потомъ будутъ производиться поправки изъ залоговъ г. Бургмейера по цѣнамъ выше моихъ, г. Бургмейеръ станетъ съ васъ требовать убытки.

Мировичъ. Что жь дѣлать, я и заплачу ему ихъ, если меня присудятъ къ тому. Все это, конечно, вы очень остроумно придумали; но не приняли въ расчетъ одного, что я васъ видалъ у господина Бургмейера и даже знаю, что вы одинъ изъ приващиковъ его.

Руфинъ *(ни мало не конфузясь)*. А я былъ приващикомъ у господина Бургмейера; но я отошелъ отъ него... Я имѣю свои подряды... Я купецъ 1-й гильдіи.

Мировичъ. Со вчерашняго числа только, а потому вы не купецъ 1-й гильдіи; а вы подкупное, подставленное лицо, — вотъ вы кто такой!... *(обращаясь къ Бургмейеру)*. Александръ Григорьичъ, какъ вамъ самимъ не скучно разыгрывать всѣ эти комедіи? Вы мало что лично, Богъ знаетъ, сколько разъ со мной объяснялись, но вы еще напускаете на меня разныхъ вашихъ благородныхъ сподвижниковъ, которые меня, какъ дурака вакого-нибудь, хотятъ въ глазахъ провести.

Бургмейеръ *(съ потупленною головою)*. Я такъ, Вячеславъ Михайлычъ, растерянъ, что не знаю и самъ что дѣлаю, и что вокругъ меня дѣлается. Они, конечно, желали, чтобы хоть сколько-нибудь помочь мнѣ, и я прошу у васъ той лишь милости: позволить мнѣ съ вами говорить не какъ уже подрядчику, желающему васъ обмануть, а какъ человѣку, сокрушенному подъ гнетомъ своихъ обстоятельствъ.

Мировичъ. Что вамъ говорить, я не знаю! Говорите, если вамъ необходимо это... *(становится опять къ одному изъ своихъ креселъ и опирается на спинку его рукою)*.

Руфинъ *(покорно обращая свой взльдъ на Бургмейера)*. А я, господинъ, не нуженъ больше?

Бургмейеръ (окончательно сконфуженный этимъ вопросомъ). Нѣтъ!

Руфинъ смиренно кладетъ подъ мышку свою фуражку и уходитъ медленною жидовскою походкой, какъ бы изображалъ всею своею фигурой: «нить, не все еще испробовано; можно было еще попытаться!»

Мировичъ (при этомъ смѣется, глядя на публику, и затѣмъ обращается къ Бургмейеру). Я слушаю васъ.

Бургмейеръ (разбитымъ и прерывающимся голосомъ). Подрядъ мой, Вячеславъ Михайлычъ, самъ признаюсь вамъ въ томъ, совершенно не выполненъ, и мало что долженъ быть исправленъ: его надобно весь сломать и заново сдѣлать.

Мировичъ (почти надменно). Зачѣмъ же вы его дѣлали такимъ?

Бургмейеръ. Не для барышей; а потому только, что прошлымъ лѣтомъ я потерялъ милліонъ моего состоянія на американскихъ бумагахъ.

Мировичъ. Все это, конечно, очень жаль; но какъ же тутъ быть?

Бургмейеръ. Быть тутъ очень бы просто было! При моихъ оборотахъ милліонъ эготъ для меня ничего не значить. На дняхъ же мнѣ должна быть выдана концессія на дѣло, которое дастъ мнѣ таковой же милліонъ, и я бы съ этими деньгами не только что исправилъ и передѣлалъ мой подрядъ, но я бы сдѣлалъ его образцомъ архитектурнаго и инженернаго дѣла.

Мировичъ (насмѣшливо). Когда подрядъ вашъ будетъ образцомъ архитектурнаго и инженернаго дѣла, тогда я и назову его такъ, а теперь пишу каконъ онъ есть.

Бургмейеръ. Но вѣдь мнѣ, поймите вы это, добрѣйшій и благороднѣйшій человекъ, могутъ выдать концессию, пока я еще не заявленъ несостоятельнымъ подрядчикомъ, и я въ этомъ случаѣ ужъ прошу васъ не за себя, а за моихъ несчастныхъ акціонеровъ: людей недостаточныхъ, у которыхъ въ этихъ акціяхъ весь кусокъ хлѣба.

Мировичъ. Все это, опять я вамъ повторяю, мнѣ очень грустно и тяжело: но при всемъ этомъ публично и нагло я ни для кого и ни для чего въ мірѣ лгать не стану.

Бургмейеръ. Ну, послушайте, вотъ еще другая комбинація: вчера я получилъ телеграмму... *(вынимаетъ изъ бумажника дрожащими руками телеграмму и показываетъ ее Мировичу)*. Въ ней, вы видите, пишутъ, что мнѣ могутъ выдать концессию до сдачи этого подряда моего; а потому возьмите вы назадъ ваше заявленіе... Скажитесь больнымъ... Пока на ваше мѣсто будутъ назначать другаго, время протягивается... Одного только промедленія прошу у васъ, Вячеславъ Михайлычъ! У меня пять тысячъ рабочихъ собрано и стоятъ наготовѣ; какъ только я получу разрѣшеніе на новое мое предпріятіе, я всѣхъ ихъ двину на мой теперешній подрядъ... Потомъ вы хоть опять вступайте въ комиссію, хоть присылайте сколько угодно другихъ еще комиссій, я не буду бояться за дѣло мое; потому что, клянусь вамъ всѣмъ святымъ для человека, оно будетъ исполнено въ десять разъ лучше того, чѣмъ я обязался его сдѣлать... Мнѣ мое торговое имя, Вячеславъ Михайлычъ, важнѣе всего.

Мировичъ. Нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, Александръ Григорьевичъ, но и того не могу для васъ

сдѣлать. Я началъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ и долженъ продолжать это. Вотъ сейчасъ вашъ же техникъ связалъ мнѣ, что я, вѣроятно, имѣю побочныя причины находить все дурнымъ, и вдругъ я найду или все хорошимъ или благоразумно устраню себя!.. Тогда прямо скажутъ, что причины эти удалены какимъ-нибудь не честнымъ образомъ.

Бургмейеръ. Этого техника, дурака и болвана, я удалю, если хотите, за-границу; я его десять, двадцать лѣтъ оттуда не выпущу.

Мировичъ. Но это не одинъ вашъ техникъ скажетъ, а въ умахъ всего общества такъ это скажется и отразится... Я же, Александръ Григорьевичъ, только еще вступаю въ жизнь, и мнѣ странно было бы на первыхъ шагахъ сдѣлать одну изъ величайшихъ подлостей.

Бургмейеръ. Общество ничего и знать не будетъ! Какимъ образомъ и почему общество узнаетъ: худо ли, хорошо-ли я исполнилъ мой подрядъ, почему и зачѣмъ вы отстранились отъ приѣма? Но еслибы даже оно и узнало, такъ должно еще выше васъ оцѣнить и поблагодарить, потому что вы этимъ мало что спасете меня и состояніе людей, ввѣрившихъ мнѣ свои капиталы, но вы спасете самое предпріятіе! Вы, Вячеславъ Михайловичъ, молоды еще и не знаете, какъ эти дѣла дѣлаются. Ну, вы мнѣ повредите, у меня отнимутъ это дѣло... передадутъ другому лицу... Тотъ, разумѣется, наблюдая свои выгоды, позачинитъ кое-что, позакрѣпитъ, позакраситъ!.. Положимъ, вы и у него не примете, сдадите третьему лицу... Тотъ точно такъ же сдѣлаетъ... Наконецъ, вы примете же когда-

нибудь; а дѣло будетъ все-таки не въ должномъ видѣ, и только я одинъ!.. я, согрѣшившій въ немъ и готовый принести настоящую, искупительную жертву, исправлю его совершенно! Во имя всего этого, я на колѣняхъ осмѣливаюсь умолять васъ быть милостивымъ... *(хочетъ встать на колѣна).*

Мировичъ *(не допуская его это сдѣлать)*. Александръ Григорьичъ, пожалуйте, перестаньте! Эти сцены, ей-Богу, ни къ чему не поведутъ!.. *(взглянувъ въ окно)*. Боже мой! Клеопатра Сергѣевна прѣехала!

Бургмейеръ. Жена!.. Все кончено теперь!.. *(быстро уходитъ, совершенно потерявшись)*.

Мировичъ *(въ сторону и тоже сильно смущенный)*. Неужели и съ этой стороны будетъ еще нападеніе на меня!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клеопатра Сергѣевна *(входя и какимъ-то почти полупомпшаннымъ голосомъ)*. Я уже не велѣла вамъ сказывать объ себѣ, Мировичъ, и вошла... примите меня и не выгоняйте!.. Дайте мнѣ стулъ!.. Я очень устала.

Мировичъ подаетъ ей кресло.

Клеопатра Сергѣевна *(слѣвъ)*. Мужъ мой здѣсь или ушелъ?

Мировичъ. Ушелъ вдругъ, не знаю почему-то!

Клеопатра Сергѣевна. Онъ хорошо это и сдѣлалъ! Сядьте и сами около меня, Мировичъ!

Мировичъ пододвигаетъ стулъ и садится около нея.

Клеопатра Сергѣевна *(кладя свою руку на его руку)*. Скажите, правду ли вы говорили, что вы меня любите?

Мировичъ, Божество мое, неужели вы думаете, что я могъ бы васъ обманывать!.. *(склоняетъ свою голову на руку Клеопатры Сергѣевны и цѣлуетъ ее).*

Клеопатра Сергѣевна. Я вамъ вѣрю, Мировичъ, и сама вамъ признаюсь, что я васъ люблю. Но я хочу вамъ разсказать прежде про себя: я горда очень, Мировичъ, страшно горда и самолюбива!... Можетъ быть, меня Богъ за это и наказываетъ!... Господинъ Бургмейеръ этотъ еще издавна благодѣтельствовалъ нашей семьѣ; онъ выкупилъ отца изъ ямы; содержалъ потомъ мою бѣдную больную мать; меня даже воспитывалъ на свой счетъ!.. Мнѣ безпрестанно говорили, что онъ спаситель нашъ и что я должна за него выйти замужъ. Онъ мнѣ очень не нравился, но я не хотѣла ему оставаться обязанною за себя и за семью мою и рѣшилась собою заплатить ему за все это!.. Послѣ того я стала привыкать къ нему... Мнѣ казалось, что онъ-то ужъ очень меня любить: каждое слово, каждое маленькое желаніе мое были закономъ для него! Я капризничала надъ нимъ часто, онъ все это переносилъ; когда я дѣлалась больна, онъ совершенно терялся! Мнѣ думалось, что если я полюблю кого-нибудь другаго, такъ это для Бургмейера будетъ ужаснѣе потери чести, состоянія, самой жизни даже! Въ прошломъ году я встрѣтилась съ вами, Вячеславъ, и полюбила васъ съ первой же минуты!.. Вы заговорили со мной, я не помню о чемъ, но только совершенно о другомъ, о чемъ всегда другіе говорили при мнѣ. Я всю жизнь только и слышала, что какой товаръ выгоднѣе купить, чего стоитъ абониментъ итальянской оперы; меня возили по модисткамъ, наряжали, такъ что вы показали мнѣ

совершенно челоѡкомъ съ другой земли. Сначала я была въ восторгѣ отъ моего чувства къ вамъ, но потомъ я испугалась: мнѣ сдѣлалось жаль Бургмейера, сдѣлалось страшно за самое себя—мнѣ казалось, что ты меня любишь только мимолетною любовью! Я отвергла тебя, но надолго-ли бы силъ моихъ хватило на это, я не знаю, и конечно рано или поздно, а я сказала бы тебѣ всю правду, и теперь только случай поторопилъ это. Мужъ мой (*съ грустною усмѣшкой*), послѣ всей-то воображаемой мною любви его ко-мнѣ, на дняхъ мнѣ говоритъ: «дѣла мои запутались и зависятъ отъ Мировича; поди къ нему, кокетничай съ нимъ, соблазни его и выпроси у него согласіе не вредить мнѣ!» Слыхалъ ли ты, Вячеславъ, чтобы какой нибудь мужъ осмѣлился сказать женѣ своей, самой грязной, самой безнравственной, подобную вещь! Я въ минуту же вырвала изъ души къ Бургмейеру всякое малѣйшее чувство и пришла къ тебѣ! Сдѣлай по его, какъ онъ проситъ, заплати ему этимъ за меня и возьми меня къ себѣ!

М и р о в и ч ъ (*все съ большимъ и большимъ волненіемъ слушавшій Клеопатру Сергѣевну, при послѣднихъ словахъ ея всталъ съ своего мѣста*). Клеопатра Сергѣевна, за откровенность вашу я и самъ отплачу вамъ полною моею откровенностью: что обладать вами есть одно изъ величайшихъ блаженствъ для меня, вы сами это знаете; но тутъ, подумали ли вы объ этомъ, насъ можетъ, какъ вы сами желаете того, соединить только, я не скажу преступленіе, нѣтъ, а что-то хуже того, что-то болѣе ужасное!.. Соединить мой подлый и безчестный поступокъ!

К л е о п а т р а <http://reinc.org.ru> Тутъ не будетъ,

Вячеславъ, безчестнаго поступка съ твоей стороны... Мужъ мой самъ мнѣ сказалъ... предо мной ему нечего было выдумывать и лгать... сказалъ, что онъ весь свой подрядъ исправитъ потомъ

М и р о в и ч ъ. Какая жь польза будетъ отъ его исправленія? Я все-таки войду съ нимъ въ плутовскую сдѣлку; но, наконецъ, я ни слова бы не говорилъ, еслибы только это касалось меня. Пусть меня клеймятъ и позорятъ! Тому, что я пылаю къ тебѣ неудержимою любовью — никто, конечно, не повѣритъ. Нынче этому никто не вѣритъ! Всѣ назовутъ меня сладенькимъ селадомомъ, готовымъ изъ-за хорошенькой женщины сдѣлать всевозможный гадкій поступокъ. Я все бы это перенесъ, но, сокровище мое, тутъ тебя заподозрять и объяснять, что ты была сообщницей твоего мужа.

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а Н ѣ т ъ, Вячеславъ, я не сообщница его!.. Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ и прошу тебя за мужа, потому что хочу на вѣки и на всегда съ нимъ разстаться и расквитаться.

М и р о в и ч ъ. Знаю я, Клеопаша, и все это вижу!.. Еслибы ты только знала, какую я адскую и мучительную борьбу переживаю теперь!.. Тутъ этотъ маяющій меня рай любви, а тамъ — шуточка! Я поступкомъ моимъ долженъ буду измѣнить тому знамени, подъ которымъ думалъ вѣкъ идти! Все наше поколѣнiе, то-есть я и мои сверстники, еще со школьныхъ скамеекъ хвастливо стали порицать и проклинать нашихъ отцовъ и дѣдовъ за то, что они взяточники, казнокрады, кривосуды, что въ нихъ нѣтъ ни чести, ни доблести гражданской! Мы только тому симпатизировали <http://rim.org.pl> только то и читали, гдѣ ихъ

позорили и осмѣивали! Наконецъ, мы сами вотъ выходимъ на общественное служеніе, и я, одинъ изъ этихъ дѣятелей, прямо начинаю съ того, что дѣлали и отцы наши, именно съ того же лицепріятія и неправды, лишь нѣсколько изъ болѣе поэтическихъ причинъ, и не даю ли я тѣмъ права всему отрешью старому съ злорадствомъ указать на меня и сказать: «Вотъ, посмотрите, каковы эти наши строгіе порицатели, какъ они честно и благородно поступаютъ». Ты, Клеопаша, какъ женщина, можетъ быть не поймешь даже въ этомъ случаѣ моихъ чувствъ...

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Напротивъ, Вячеславъ, я все это понимаю, и больше еще начинаю тебя любить и уважать за то!.. Господь съ тобой, види своей дорогой!.. Я не буду тебѣ мѣшать... *(Встаетъ съ своего кресла)*. Прощай!

МИРОВИЧЪ *(въ тоскливомъ недоумѣніи)*. Но куда же ты идешь?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Куда?.. Домой!..

МИРОВИЧЪ *(задыхающимся голосомъ)*. погоди, Клеопаша, еще одну минуту погоди!

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА *(покорно)*. Хорошо.

МИРОВИЧЪ *(схватывая себя въ отчаяніи за голову)*. Что я за ничтожный и малодушный человѣкъ! Чего трепещу?.. Чего боюсь?.. Она отдаетъ мнѣ всю себя, всю жизнь свою, а я въ прахъ уничтожаюсь предъ фантомомъ, созданнымъ моимъ воображеніемъ, и тѣмъ что скажутъ про меня потомъ нѣсколько круглоголовыхъ Турановъ!

Садится за столъ и опускаетъ свою голову на руки.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА *(тихо подходя къ нему и слегка дотрогиваясь до его плеча)*. Послушай, Вячеславъ,

если для тебя то и другое такъ тяжело, то, изволь, я останусь у тебя и такъ: не дѣлай ничего для мужа!.. Пусть съ нимъ будетъ что будетъ!.. Я чувствую, что ты мнѣ дороже его!

М и р о в и ч ь (*открывая лицо свое, обращая его къ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ и какимъ-то иронически грустнымъ голосомъ*). Просто... не дѣлая ничего — тебя взять у него! Но не очень ли ужъ это будетъ немилосердно противъ него: я у него отнимаю самую дорогую жемчужину, а ему за то не возвращаю ничего! Нѣтъ ужъ!.. Пусть, по крайней мѣрѣ, онъ владѣетъ своими милліонами!.. Я ему спасу ихъ!

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*мрачно*). А если ты, Вячеславъ, раскаешься потомъ?

М и р о в и ч ь. Какъ же я раскаюсь? Ты сама же хотѣла остаться у меня безъ всякой жертвы съ моей стороны, и если я поступилъ теперь такъ, то это было дѣломъ совершенно свободной воли моей!

Садится за столъ, начинаетъ быстро и быстро писать. Написавъ торопливо и какъ бы самъ не сознавая того, что дѣлаетъ, звонитъ. Вбѣгаетъ лакей.

М и р о в и ч ь (*съ лицомъ совершенно пылающимъ, подавая сложечную бумагу лакею*). Поди, ты знаешь эту нашу комиссію! Отнеси туда эту бумагу!.. Скажи, что я боленъ, что не буду больше у нихъ участвовать и совсѣмъ въ отставку выхожу, и чтобы мнѣ прежнюю мою бумагу возвратили съ тобой.

Л а к е й. Слушаюсь... (*уходитъ*).

М и р о в и ч ь (*обращаясь къ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ и какимъ-то притворно-веселымъ тономъ*). Клеопатра Сергѣевна, я сдѣлалъ все, что желалъ вашъ мужъ!

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ III.

Еще болѣе богатый кабинетъ, чѣмъ въ первомъ дѣйствіи. Сзади письменнаго стола, уставленнаго всевозможными украшеніями, виднѣется огромной величины несгораемый шкафъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бургмейеръ, очень уже постарѣвшій и совсѣмъ почти поспѣвшій, сидитъ на диванъ около маленькаго, инкрустаціей выложеннаго столика, склонивъ голову на руку.

Бургмейеръ. Такія приливы крови дѣлаются къ головѣ, что того и жду, что съ ума сойду, а это хуже смерти для меня... Въ могилу ляжешь, по крайней мѣрѣ ничего чувствовать не будешь, а тутъ на чѣе попеченье останусь? На Евгенію Николаевну много понадѣяться нельзя!.. Я ужь начинаю хорошо ее понимать: она, кромѣ своего собственнаго удовольствія, ни о чемъ, кажется, не заботится...

ЯВЛЕНИЕ II.

Входитъ Руфинъ.

Руфинъ (тихимъ и почти робкимъ голосомъ). Докторъ прїѣдетъ, господинъ!

Бургмейеръ (не взглядывая даже на него). Когда?

Руфинъ. Скоро, господинъ! Онъ меня сначала спросилъ: «Господинъ Бургмейеръ, этотъ капиталистъ здѣшній?»—«Да!» говорю.—«Ну такъ, говоритъ, скажите ему, что я буду; но я, говоритъ, для этого съ дачи въ городъ долженъ прїѣзжать, а потому желаю съ него получить тысячу рублей серебромъ за визитъ!..» Я хотѣлъ ему сказать: господинъ докторъ, дорого это очень; не для одного же господина моего вы поѣдете, и далеко ли ваша дача отъ городу; но побоялся: онъ сердитый, надо-быть, этакій!.. лю-тый!.. При мнѣ тутъ двухъ лавеевъ прогналъ. «Я, говоритъ, Христа-ради вашихъ господъ лѣчить не намѣренъ!»

Бургмейеръ (слегка усмѣхнувшись при этомъ раз-сказъ, а потомъ вынувъ изъ кармана ключъ и подавая его *Ру-фину*). Въ шкафу... на второй полкѣ лежитъ отсчитан-ная тысяча. Вынь ее и подай мнѣ!

Руфинъ довольно ловко и умѣло отперъ этимъ ключемъ шкафъ, вынувъ изъ него сказанную ему тысячу и, заперевъ снова шкафъ, ключъ вмѣстѣ съ деньгами подаль съ илькоторымъ рабочьствомъ *Бургмейеру*, который то и другое небрежно сунулъ въ боковой карманъ пальто своего.

Руфинъ (все еще видимо занятый мыслью о докторѣ). Ежели теиерь господинъ докторъ въ десять такихъ домовъ съѣздитъ—это десять тысячъ въ день!.. Ни

на какомъ дѣлѣ, господинъ, такихъ барышей получить нельзя!

Бургмейеръ (*почти не слушавшій его*). А объ этихъ господахъ... какъ я тебѣ приказывалъ—ты спрашивалъ тамъ на дачахъ?

Руфинъ. О господинѣ Мировичѣ и нашей Клеопатрѣ Сергѣевнѣ?

Бургмейеръ. Да!

Руфинъ. Разспрашивалъ, господинъ!.. Очень бѣдно живутъ... такъ... въ маленькой лачужечкѣ!..

Бургмейеръ. Но нельзя ли какъ поискусить денегъ имъ послать?

Руфинъ. Да гдѣ жъ это?.. Сколько разъ я, господинъ, имъ носилъ деньги—не берутъ!.. Народъ они глупый, молодой.

Бургмейеръ. Или, по крайней мѣрѣ, постараться, чтобы занятіе какое-нибудь приискать ему.

Руфинъ. Какое жъ ему занятъе, господинъ?.. Службу казенную онъ какъ-то все не находитъ!.. По коммерціи ежели его пристроить? Къ намъ онъ не пойдетъ!.. Гордость его велика! Покориться вамъ не захочетъ! Другимъ рекомендовать, чтобы выговаривать послѣ не стала. Человѣкъ онъ, надо полагать. вѣтренный, пустой!

Бургмейеръ. Но такъ бы и сказать кому-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ коммерсантовъ, что онъ человѣкъ пустой, и чтобы ничего важнаго ему не довѣряли, а что я секретно, будто бы это отъ нихъ, стану ему платить жалованье.

Руфинъ. Кто жъ на это, господинъ, согласится?... Какъ, скажутъ, намъ платить ему чужое жалованье, и зачѣмъ намъ пустой человѣкъ?

Бургмейеръ. Согласятся, можетъ - быть!... Устрой какъ-нибудь, Симха, это, пожалуйста!

Руфинъ. Господинъ, я служить вамъ готовъ!.. *(съ нѣсколько забывавшими изъ стороны въ сторону глазами).* Вотъ счета еще! Я заѣхалъ въ два магазина! Мнѣ ихъ тамъ подали!... *(подастъ Бургмейеру два счета).*

Бургмейеръ *(взглянувъ на нихъ).* Что это?.. Опять Евгенія Николаевна на восемь тысячъ изволила набрать?

Руфинъ *(какъ-то странно усмѣхаясь).* Ну да дама молодая... Веселиться, наряжаться желаетъ.

Бургмейеръ. Что жъ такое наряжаться? Она въ какіе-нибудь мѣсяцы сорокъ тысячъ ухлопала!.. притомъ я никакихъ особенныхъ нарядовъ и не вижу на ней. Куда она ихъ дѣваетъ? Изволь сегодня же объѣхать всѣ магазины и сказать тамъ, чтобы безъ моей записки никто ей въ долгъ не отпускалъ; иначе я имъ платить не стану.

Руфинъ. Но, господинъ, не сконфузимъ ли мы ее этимъ очень? Вы бы ей прежде поговорили!..

Бургмейеръ. Я ей двадцать разъ говорилъ и толковалъ, что я хоть и богатъ, но вовсе не привыкъ, чтобы деньги мои раскидывали по улицѣ или жгли на огнѣ, такъ отъ нея, какъ отъ стѣны горохъ, мои слова; она все свое продолжаетъ! Сегодня же объѣзди всѣ магазины и предупреди ихъ.

Руфинъ. Внизу тамъ адвокатъ какой-то стоитъ и желаетъ васъ видѣть...

Бургмейеръ. Какой адвокатъ?

Руфинъ. Не знаю, господинъ, я его въ лицо

никогда не видывалъ; видный такай изъ себя мужчина, здоровый.

Бургмейеръ. Пригласи его.

Руфинъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Бургмейеръ (*одинъ*). Странная игра судьбы! Маленькимъ мальчикомъ я взялъ къ себѣ этого жидка—Сямху, выростилъ его, поучилъ немного, и онъ теперь оказывается однимъ изъ полезнѣйшихъ для меня людей и врядъ ли не единственный въ мірѣ чело-вѣкъ, искренно привязанный ко мнѣ...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Входитъ Куницынъ. Онъ, кажется, нѣсколько конфузится и съ необычайною развязностью раскланивается предъ Бургмейеромъ.

Куницынъ. Честь имѣю представиться, кандидатъ правъ Куницынъ!

Бургмейеръ, не привставши съ своего мѣста, киваетъ ему молча головою.

Куницынъ. Извините меня, что я беспокою васъ!.. Но сколько мнѣ кажется... я все-таки являюсь къ вамъ по дѣлу, которое должно васъ интересовать.

Бургмейеръ (*опять сухо*). Прошу садиться.

Куницынъ (*сидясь и нѣсколько овладѣвая собой*).

Надобно вамъ сказать-сь, что я человекъ вовсе не изъ застѣнчивыхъ; но бываютъ, чортъ возьми, обстоятельства, когда рѣшительно не знаешь, слѣдуетъ ли что дѣлать или не слѣдуетъ!

Бургмейеръ. Если не знаешь, такъ, я полагаю, лучше и не дѣлать.

Кунцинычъ. Но не дѣлать, пожалуй, въ настоящемъ, напимѣръ, случаѣ, выйдетъ... какъ бы это выразиться? не совсѣмъ правдиво, что ли, съ моей стороны, а ужъ для васъ-то навѣрняка очень скверно будетъ!.. Дѣло это изъ ряду выходящее!.. Въ нѣкоторомъ родѣ романическое!

Бургмейеръ. Романическое даже!

Кунцинычъ. Очень романическое! И въ предисловіи къ сему-съ роману я долженъ вамъ объяснить, что, года два тому назадъ, по моимъ финансовымъ обстоятельствамъ, которыя, между нами сказать, у меня постоянно почти находятся въ весьма скверномъ положеніи, я для поправленія оныхъ весьма часто бывалъ въ маскарадахъ... распорядился тамъ танцами... Канканирую я отлично... Словомъ, извѣстность нѣкоторую получилъ. Только разъ въ одномъ изъ маскарадовъ подходитъ ко мнѣ маска, богиней одѣтая. «Смертный, говоритъ, свободно ли твое сердце для любви?» — «Совершенно, говорю, свободно!» — «И можетъ ли, говоритъ, тебѣ довѣриться любящее тебя существо?» — «Сколько, говорю, угодно и когда угодно!» Затѣмъ она меня беретъ подъ руку и начинаемъ мы съ ней прохаживаться!.. Гляжу: ручка прелесть!.. Знаете точно изъ слоновой кости выточенная!.. Кожица на ней матовая, слегка пушкомъ покрытая... Сама ручка тепленькая!.. Стань

тоже сплъфида!.. Протанцовалъ я съ ней канканъ: ножка божественная!.. платьемъ вертитъ восхищенно! Ну, думаю, лицомъ можетъ-быть рыло! Случались со мной эдакіе примѣры разочарованія. «Не желаете ли, говорю, прекрасная незнакомка, чтобъ я ложу взялъ, гдѣ бы вы могли снять вашу маску и посвободнѣй подышать?»—«Нѣтъ, говоритъ, Пьеръ... замѣтите: прямо ужъ Пьеромъ меня стала называть! Здѣсь очень многолюдно, уѣдемъ, говоритъ, лучше куда нибудь!»—«Et bien, madame!» говорю, и отправились мы такимъ манеромъ съ ней въ мѣста прелестныя, но уединенныя: на Петровскій бульваръ! Здѣсь она сняла свою маску,—оказалось, что хоть немножко, какъ видно, подержанная особа, но все-таки чудо что такое: этотъ овалъ лица!.. Матовый тоже цвѣтъ кожи!.. Глаза большіе, черные! Прямой носикъ! Очертаніе рта—восхищеніе!.. Такъ что я вамъ скажу: я влюбился въ нее какъ дуракъ какой-нибудь набитый!

Бургмейеръ (замѣтно все съ большимъ и большимъ вниманіемъ слушавшій *Куницына*). И когда же именно эта встрѣча съ этою госпожей была?

Куницынъ. Прошлаго года еще осенью! Но страннѣй всего въ этой, какъ сами вы видите, немножко странной любви было то, что госпожа эта никакъ не сказывалась кто она такая: «Варвара Николаевна, Варвара Николаевна» и больше ничего! Я, впрочемъ, объ этомъ много и не безкопился: было бы то, что природой Богомъ дано человѣку, а титулъ и званье что такое? Звукъ пустой!.. Путаемся мы съ ней такимъ дѣломъ около года... Только однажды, именно въ самый Варваринъ день, со-

шлись мы съ ней въ той же гостиницѣ... Винищемъ она меня на этотъ разъ накатила по самое горло; понимаете, что какъ будто бы это она иманиница и потому угощаетъ меня!.. Сама тоже выпила порядкомъ: эти чудные глаза у ней разгорѣлись, щеки пламенѣютъ тоже, и, знаете, какъ у Пушкина это: «Безъ порфиры и вѣнца!» «Пьеръ, говоритъ, знай: я замужняя женщина! Мужъ мой миллионеръ!.. Я его ненавижу; но онъ все адресуется ко мнѣ съ нѣжностями, и я не могу быть вполнѣ вѣрна тебѣ. Спаси меня отъ этого унизительнаго положенія: достань гдѣ нибудь два фальшивые заграничные паспорта, мы бѣжимъ съ ними за-границу, а чтобъ обезпечить себя на это путешествіе, я захвачу у мужа изъ шкатулки 600 тысячъ.» Мысль эта, грѣшный человѣкъ, на первыхъ порахъ мнѣ очень понравилась. Съ одной стороны, понимаете, ревность немножко во мнѣ заговорила, а потомъ: бѣжать съ хорошенькою женщиной за-границу, поселиться гдѣ-нибудь въ Пиринейхъ, дышать чистымъ воздухомъ и при этомъ чувствовать въ карманѣ 600 тысячъ, всякій согласится, что пріятно, и я въ недѣлю же обдѣлалъ это дѣльцо-съ: черезъ разныхъ жуликовъ досталъ два фальшивые паспорта, приношу ихъ ей. Она сейчасъ же ихъ въ кармашекъ, и такимъ какимъ-то мрачнымъ голосомъ говоритъ мнѣ: «На той недѣлѣ мужъ мой уѣдетъ; и выиу у него 600 тысячъ и мы бѣжимъ съ тобой!» Точно коломъ кто меня при этомъ по головѣ съѣздилъ, и я словно отъ сна какого пробудился; тутъ-то ей ничего не сказалъ, но прихожу домой и думаю: «Госпожа эта возьметъ у мужа безъ его вѣдома и, разумѣется, же

ланія 600 тысячъ, или, говоря откровеннѣе, просто его обокрадетъ, и я ближайшій сообщникъ этого воровства!» Жутко мнѣ сдѣлалось... очень!.. Вамъ никогда не случалось думать, что вотъ вы черезъ нѣсколько дней должны украсть что-нибудь?

Бургмейеръ *(слезка усмѣхалась)*. Нѣтъ-съ, благодаря Бога, не случалось!..

К у н и ц ы н ъ. Скверная, я вамъ сважу, штука это,—отвратительная! Такъ что всю ночь я вертѣлся, а на другой день не вытерпѣлъ, побѣжалъ на условленное мѣсто свиданія. «Ангель мой, говорю, плюнь, брось все это!.. Дѣло это не подходящее!..» Она этакъ сердито на меня воззрела, все лицо у ней даже при этомъ какъ-то перекошилось. «Такъ, говорить, ты такъ-то меня любишь!»—«Но, ангель мой, говорю, вѣдь эта продѣлка мало что ужъ совсѣмъ подлая, но даже не безопасная: насъ, какъ воровъ, и за-границей найдутъ и притянутъ сюда»—«Вздоръ, говорить, ты трусь, всего боишься!» Я, дѣлать нечего, съѣздивъ за законами, показываю ей. Ничему не внемлетъ и изъ за злости-то еще проговорила: «Если, говорить, ты не хочешь, такъ я и другаго найду!» и съ тѣхъ поръ скрылась отъ меня: ни слуху, ни духу!

Бургмейеръ *(снова какъ бы съ усмѣшкой)*, Все это, конечно, весьма любопытно; но почему жъ вы думаете, что меня это лично должно интересовать?

К у н и ц ы н ъ. Очень просто-съ, потому что особа эта, о которой я сейчасъ имѣлъ честь докладывать вамъ, должна васъ лично интересовать, что и узналъ я совершенно случайно: иду я разъ мимо вашего дома... что онъ вамъ принадлежитъ и что

съ вами живетъ нѣкая молоденькая барынька, я знаю это отъ извѣстнаго вамъ человѣка, пріятеля моего, Мировича... иду и вижу, что въ коляскѣ подлетаетъ къ вашему дому какая-то госпожа... прыгъ изъ экипажа и прямо въ парадную дверь... Я заглянулъ ей подъ шляпку... Батюшки мои, это моя Варвара Николаевна!

Бургмейеръ (удивленный и пораженный). Какъ? Варвара Николаевна ваша?.. Ко мнѣ?.. въ домъ?..

Кунницынъ. Она самая-съ! И я сначала, признаться, подумалъ, что не въ гости ли она пріѣхала къ вашей этой мамзелькѣ... Гостятся онѣ иногда между собою... Подхожу къ кучеру и спрашиваю: «Какую это даму ты привезъ къ господину Бургмейеру?» — «Этò, говоритъ, его экономка.» Сомнѣнья тутъ разсѣялись, завѣса съ глазъ пала. Опѣшилъ, я вамъ скажу, сильно. Главное, не знаю какъ тутъ быть: съ одной стороны бабенка молоденькая, хорошенькая, любилъ тоже ее—какъ ее выдать?.. Жалко!.. А съ другой стороны знаю, что по характеру своему она непременно какого-нибудь другаго плута подберетъ, они обокрадутъ васъ, и она потомъ головой можетъ поплатиться за это. Думалъ, думалъ я, и пошелъ къ этому другу моему Мировичу. Онъ малый этакій благороднѣйшій, умный... рассказываю ему и спрашиваю: какъ я долженъ поступить? Онъ-то, знаете, растерялся сначала. «По-моему, говоритъ, тебѣ слѣдуетъ идти къ господину Бургмейеру, прежде всего связать его обѣщаніемъ, что онъ судомъ эту госпожу не станетъ преслѣдовать, а потомъ открыть ему все. Нельзя же, навѣрное зная, допускать, чтобы человѣка обокрали и, кромѣ того, этой

не Варварѣ Николаевнѣ, какъ она тебѣ сказывалась, а Евгениі Николаевнѣ не мѣшаетъ дать хорошій урокъ, такъ какъ она, по всему видно, негодная великая.» Что я и исполнилъ.

Бургмейеръ (*сильно смущенный*). Очень вамъ благодаренъ; но я въ первый разъ имѣю честь васъ видѣть, а потому чѣмъ же вы можете подтвердить справедливость того, что передали мнѣ?

К у н и ц ы н ѣ. Ей-Богу, ужь не знаю чѣмъ. Все-го лучше поищите у ней въ бумагахъ паспортовъ этихъ на французскую подданную Эмилию Журданъ и бельгійца Клямеля.

Бургмейеръ (*нахмуривъ брови*). Вы думаете, что они у ней цѣлы?

К у н и ц ы н ѣ. Думаю-съ, и полагаю даже, что если она еще не нашла кого-нибудь другаго на мѣсто меня, такъ пріискиваетъ. Вы, какъ найдете у ней эти паспорта, такъ сейчасъ мнѣ ихъ возвратите: я имъ рванцы задамъ не медля, а то, чортъ, попадешься еще съ ними, да и эту Евгению Николаевну, что ли, судомъ ужь не преслѣдуйте,—это для меня важнѣе всего!

Бургмейеръ. Вы поставили это условіемъ открытія вашей тайны, и я его выполняю.

К у н и ц ы н ѣ. Пожалуйста.. До пріятнаго свиданія.

Бургмейеръ (*подавая ему руку*). До свиданія. Если сказанное вами подтвердится, то я сочту себя обязаннымъ поблагодарить васъ нѣкоторою суммою денегъ.

К у н и ц ы н ѣ (*сначала очень обрадованнымъ голосомъ*). Хорошо-съ, не дурно это!.. (*Подумавъ немного*). Толь-

ко, знаете, не будетъ ли это похоже на то, что какъ будто бы я продалъ вамъ эту госпожу вашу?

Бургмейеръ. Гдѣ жъ вы ее продали? Вы, какъ сами это хорошо назвали, по чувству справедливости поступили такъ.

К у н и ц ы н ѣ (очень довольный такимъ объясненіемъ). Конечно-съ... конечно!.. Говоря откровенно, я, идучи къ вамъ, смутно подумывалъ, что не слѣдуетъ ли г. Бургмейеру заплатить мнѣ тысячку—другую, потому что, какъ тамъ ни придумывай, а я спасаю ему 600 тысячъ. Всякій человѣкъ, я вамъ скажу, внутри себя такая мерзость и скверность! *Viona sera, Signor!* (Раскланивается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бургмейеръ. Предчувствіе мое, что эта госпожа совсѣмъ потерянная женщина, сбылось. (Держитъ за сонетку. Является лакей).

Бургмейеръ (ему). Евгеніи Николаевны, по обыкновенію, дома нѣтъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ-съ. Онѣ уѣхать изволили.

Бургмейеръ. Позови ко мнѣ Симху!

Лакей. Онѣ тоже ушелъ,—его нѣтъ!

Бургмейеръ. Ну все равно, ты!.. возьми плотника, поди съ нимъ въ комнату Евгеніи Николаевны и разломай тамъ всѣ ящики въ столахъ и комодахъ и принеси ихъ сюда.

Лакей стоитъ въ недоумльнн.

Бургмейеръ. Что жъ ты стоишь?.. Словъ моихъ не понимаешь? Поди, разломай безъ всякихъ

ключей всѣ ящики съ бумагами Евгеніи Николаевны и принеси ихъ мнѣ!

Лакей уходитъ сильно удивленный.

Бургмейеръ. Если я не найду этихъ паспортовъ, Евгенія непременно запирается будетъ!.. Недалеко еще, какъ третьяго дня, жаловалась на мою холодность и увѣряла меня въ своей любви, а сама въ это время ядъ, можетъ-быть, готовила, чтобъ умертвить имъ меня и захватить мои деньги!.. Ништо мнѣ, старому развратнику, ништо!.. Увлекся легкостью побѣды и красотою наружности, забывъ, что подъ красивыми цвѣтами часто змѣи таятся! (*подходя къ дверямъ и съ нетерпѣніемъ крича*): Что же вы тамъ?.. Точно, Богъ знаетъ, что имъ сдѣлать надо! (*Голосъ лакея: сейчасъ—несемъ-съ!*) Гдѣ же это сейчасъ, хорошъ у нихъ сейчасъ!

Лакей и плотникъ вносятъ каждый по два ящика.

Бургмейеръ (*начиная торопливо рыться въ одномъ ящикѣ*). Тутъ нѣтъ!.. (*ищетъ въ другомъ ящикѣ*) и тутъ тоже!.. (*плотнику*). Дай мнѣ твои ящики!.. Что вахлакомъ-то стоишь?

Плотникъ подаетъ.

Бургмейеръ (*разомъ ища въ обоихъ ящикахъ и вдругъ, поблѣднѣвъ даже, восклицаетъ*). Они, кажется!.. такъ и есть!.. (*вынимая изъ ящика двѣ бумаги и потрясая ими въ воздухъ*). Вонъ они мои сокровища!.. (*кладетъ бумаги себѣ въ карманъ*). Ну, ужъ она теперь у меня не увернется, шалить!.. (*обращаясь къ лакею и плотнику, въ недоумѣннѣи смотрѣвшихъ на него*). Отнесите все это назадъ и бросьте на полъ!..

ЛАКЕЙ. И ящиковъ въ столы не вдвигать-съ?

БУРГМЕЙЕРЪ. Говорять тебѣ: на полъ все раскидать!

ЛАКЕЙ (плотнику). Пойдемъ!

Уносятъ ящики.

ЯВЛЕНІЕ IV.

БУРГМЕЙЕРЪ. Не увернется она теперь у меня— нѣтъ!.. Пріѣхала, слышу, и прямо, видно, на лакея наткнулась!.. Ну!.. Заорать изволила!.. *(Изъ дальнихъ комнатъ дѣйствительно послышались крики Евгеніи Николаевны: «что это такое?... Какъ вы смѣли?... Вы—воры, разбойники послѣ того!..»)*

БУРГМЕЙЕРЪ. Какова тигрица?.. какова гіена изъ той кротости, которую прежде представляла изъ себя! Ко мнѣ, вѣроятно, сейчасъ явится объясняться и гнѣваться!.. Милости прошу, пожалуйста!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ Евгенія Николаевна, вся раскраснѣвшаяся и съ какими-то взбившимися на вискахъ волосами. Съ тѣхъ поръ какъ мы ея не видали, она пополнила и подурнила.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА *(прерывающимся отъ гнѣва голосомъ)*. Александръ Григорьичъ, у меня разломаны всѣ ящики въ комнатѣ, и говорятъ, что вы ихъ приказали разломать. <http://scin.org.pl>

Бургмейеръ *(по наружности спокойнымъ тономъ)*. Да!.. Я ихъ приказалъ разломать.

Евгенія Николаевна. Но для какой цѣли— интересно было бы знать? Любовной переписки моей съ кѣмъ-нибудь вы искали?

Бургмейеръ. Вѣроятно, нашелъ бы и любовную переписку, но я не ея искалъ, а другое; и то, что мнѣ нужно, я нашелъ!

Евгенія Николаевна. Что такое вы нашли?

Бургмейеръ. Нашелъ два заграничные фальшивые паспорта, и теперь ужь они у меня.. въ карманѣ!.. *(Показываетъ себѣ на карманъ)*. Вы ихъ выправили, чтобъ, обокравши меня, бѣжать съ нами за-границу.

Евгенія Николаевна *(еще больше краснѣя въ лицѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы сильно удивленная тѣмъ, что слышитъ)*. Обокрасть васъ?... бѣжать за-границу?... съ фальшивыми паспортами?.. Вы съ ума, наконецъ, сошли!.. У меня дѣйствительно валялись какіе-то два заграничные паспорта, которые я случайно подняла на улицѣ и спрашивала кой-кого изъ знакомыхъ, что мнѣ съ ними дѣлать.

Бургмейеръ. На улицѣ вы ихъ подняли?!... Послушайте, Евгенія, можно быть развратною женщиной!... Имѣть изъ за стараго любовника молодого!.. Красиваго!.. Желать этого стараго покинуть и обокрасть!.. Все это еще понятно! Но думать, что ты этого стараго дурака можешь еще продолжать обманывать и увѣришь его, въ чемъ только пожелаешь— это ужь глупо съ твоей стороны-

Евгенія Николаевна. Нельзя же молчать, когда взводятъ таія клеветы!.. Я какую-то злодѣй-

кой, героиней французскаго романа являюсь въ вашихъ словахъ!.. Кто могъ, съ какого повода и для чего, навывдумывать на меня предъ вами столько—понять не могу! (*Отворачивается и старается не смотреть на Бургмейера*).

Бургмейеръ. Это мнѣ все разсказалъ вашъ бывшій любовникъ Куницынъ, который и досталъ вамъ два фальшивые паспорта, чтобы бѣжать вмѣстѣ съ вами за границу.

Евгенія Николаевна (*сохраняя болѣе оскорбленный, чѣмъ сконфуженный видъ*). Какой-то еще Куницынъ любовникомъ моимъ сталъ, — только этого не доставало!

Бургмейеръ. Однако вы этого какого-то Куницына знаете?

Евгенія Николаевна. Да, я встрѣчалась съ однимъ Куницынымъ въ обществѣ.

Бургмейеръ. Полно въ обществѣ-ли? не въ уединеніи ли гдѣ-нибудь, въ трактирныхъ нумерахъ, наиримѣръ!...

Евгенія Николаевна (*захохотавъ уже не искренно*). Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!... Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Но допустимъ, что Куницынъ мой любовникъ!.. Что я гдѣ-то тамъ видалась съ нимъ, и что онъ досталъ два паспорта!.. Для чего же, однако Куницыну идти разсказывать вамъ все это про себя?

Бургмейеръ. Для того, что онъ не такъ еще, видно, развращенъ, какъ вы! Самъ устыдился этого поступка своего!.. Кромѣ того, ему посовѣтовалъ это сдѣлать одинъ честный пріятель его!..

Евгенія Николаевна (*прерывая его*). И пріятель этотъ Мировичъ, конечно?

Бургмейеръ. Мировичъ—да!

Евгенія Николаевна *(опять злобно захохотавъ)*. Ха, ха, ха!.. Въ сущности, это не Мировичъ, а жена ваша! Миѣ странно: вы, Александръ Григорьичъ, считаетесь еще умнымъ человѣкомъ, а такой простой лжи и выдумки понять не могли! Женѣ вашей, конечно, пріятно поссорить насъ и разлучить...

Бургмейеръ *(перебивая ее и сильно раздраженнымъ голосомъ)*. О женѣ моей не смѣй ты и говорить своимъ богомерзкимъ языкомъ!

Евгенія Николаевна *(тоже выходя изъ себя)*. Ахъ, этого вы миѣ никакъ не можете запретить! Невкакъ! Я мало, что вамъ говорю, но я поѣду и скажу еще ей любовнику!.. Пусть и онъ знаетъ какъ она его любитъ!.. Если она сама сдѣлала противъ васъ проступокъ, такъ не смѣй, по крайней мѣрѣ, другихъ чернить въ томъ же.

Бургмейеръ *(тѣмъ же голосомъ)*. Кто жъ тебя можетъ очернить? Кто?.. Когда ты сама себя очернила кругомъ! Когда черна твоя душа и сердце!

Евгенія Николаевна. Прекрасно!.. Благодарно!.. И для кого же это я очернила себя? Я, кажется, для васъ перваго пала! И у васъ, бестыжій человѣкъ, достааетъ духу кидать миѣ этимъ въ лицо!.. *(начинаетъ плакать)*. Это, конечно, одна только бѣдность моя даетъ вамъ смѣлость наносить миѣ такія оскорбленія!.. Какъ, однако, ни мало имѣю, но лучше обреку себя на голодъ и нищету, а ужъ не стану переносить подобнаго униженія.

Бургмейеръ. Голодомъ и нищетой вашей вы меня не поражайте! Кромѣ собственнаго вашего капитала, который утроился въ дѣлахъ моихъ, и тѣхъ

денегъ, которыя я платилъ за васъ по магазинамъ, и которыя шли собственно не на наряды ваши, а переходили вамъ въ карманъ, это я тоже знаю и замѣчалъ! но я даже дамъ вамъ возможность обокрасть меня!... *(подходя къ ткафу и указывая на него)*. Вы думали, что тутъ 600 тысячъ... Ихъ даже больше тутъ; но вы бы могли изъ нихъ воспользоваться только десятью тысячами, потому что остальные положены на мое имя!... *(торопливо и дрожащими руками отпирая шкафъ и вытаскивая оттуда огромную пачку денегъ)*. На-те вамъ эти деньги!... Возьмите ихъ.

Кидаетъ деньги почти въ лицо Евгеніи Николаевнѣ, которая какъ бы случайно ловитъ ихъ въ руку.

Бургмейеръ *(продолжаетъ уже бышеннымъ голосомъ)*. Только сейчасъ же вонъ изъ моего дома!.. Ни минуты не оставаться!.. Иначе я велю васъ выгнать моимъ лакеямъ... *(въ одно и то же время держитъ за сонетку и кричитъ)*. Ей, люди!

Евгенія Николаевна *(немного уже и струсивъ)*. Ты въ самомъ дѣдѣ никакъ рехнулся. Лакеевъ своихъ еще призывать выдумалъ... Я сама вспылчива, я тебѣ всѣ глаза выцарапаю и въ лицо тебѣ наплюю, дуракъ этакій. Подлецъ! Свинья! Козель старый!... *(идетъ къ дверямъ)*.

Входитъ поспѣшно лакей.

Бургмейеръ *(показыва ему на уходящую Евгенію Николаевну)*. Эта вотъ госпожа уѣзжаетъ; вынести вслѣдъ за ней куда-нибудь въ номера и вещи ея. Чтобы, снѣя пороха, ничего ея здѣсь ни оставалось. И не пускать ея потомъ ни въ домъ ко мнѣ, ни въ кухню, ни въ конуру даже къ подворотной собакъ моей!

ЛАКЕЙ (*слезка улыбаясь*). Слушаемъ-съ, не станемъ пускать... Господинъ докторъ къ вамъ пріѣхалъ.

БУРГМЕЙЕРЪ (*не разслышавшій его и обращаясь къ публикѣ*). Лгать этой мерзавкѣ такъ же легко какъ пить воду, и никакого стыда приэтомъ... Въ бездѣлицѣ я уличалъ ее? Въ покушеніи на воровство! Еслибы даже это неправда была, такъ она, какъ женщина, должна была бы смутиться предъ однимъ ужасомъ такого обвиненія — ничего!! Въ какое, Господи, время мы живемъ!..

ЛАКЕЙ. Господинъ докторъ идетъ, Александръ Григорьичъ.

БУРГМЕЙЕРЪ (*услышавъ наконецъ его*). Кто?

ЛАКЕЙ. Докторъ пріѣхалъ-съ и идетъ къ вамъ.

БУРГМЕЙЕРЪ. Пусть идетъ!.. Богъ какой и царь прибылъ!

Садится и начинаетъ нервно постукивать ногою.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ докторъ Самаханъ, рябой, косою, со щетинистыми, черными волосами и вообще физиономіей своей смазгивающій нѣсколько на палача. Лакей почтительно предъ нимъ сторонится и уходитъ.

САМАХАНЪ (*нагло и надменно взглядывая на Бургмейера*). Вы хозяинъ дома и больной?

БУРГМЕЙЕРЪ (*мрачно*). Точно такъ-съ.

САМАХАНЪ. Желаете, чтобъ я васъ изслѣдовалъ?

БУРГМЕЙЕРЪ. Если нужно это.

САМАХАНЪ. Конечно нужно. Вы не лошадь, чтобы васъ зря лѣчить... (береть стулъ, садится противъ Бургмейера и первоначально смотритъ на него нѣкоторое время внимательно, а потомъ довольно грубо прикладываетъ большой палецъ свой къ одной изъ вѣкъ Бургмейера, оттягиваетъ ее и какъ бы самъ съ собою разсуждаетъ). Существуетъ малокровіе и замѣтно нѣсколько усиленное отдѣленіе желчи... (затѣмъ, откинувшись на задокъ стула, Самаханъ начинаетъ уже разспрашивать Бургмейера). Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?

БУРГМЕЙЕРЪ. Сорокъ восемь.

САМАХАНЪ. Не имѣете ли вы какихъ-нибудь яркихъ и въ опредѣленной формѣ выраженныхъ болей?

БУРГМЕЙЕРЪ. У меня голова очень часто болить, почему я и послалъ за вами. Я страдаю тикъ-дулере...

САМАХАНЪ (насмѣшливо). Предоставьте мнѣ это опредѣлить, тикъ ли у васъ дулере или что другое. Не подвержены ли вы нѣкоторымъ дурнымъ физическимъ наклонностямъ, то-есть не пьянствуете ли, не обжираетесь ли, не очень ли много забавляетесь съ женщинами?

БУРГМЕЙЕРЪ. Я нивакихъ этакихъ наклонностей не имѣю.

САМАХАНЪ (съ полною уже важностью). Такъ-съ. Извольте встать на ноги.

Бургмейеръ встаетъ.

САМАХАНЪ (прикладываетъ ухо къ его груди, но потомъ тотчасъ же въ удивленіи отступаетъ отъ него). Что это у васъ за страшное трепетаніе сердца? Меня, что ли, вы перепугались такъ?

Бургмейеръ. Нѣтъ-съ, я на прислугу свою сейчасъ только очень разсердился.

Самаханъ (*презрительно улыбаясь*). Стоило, признаюсь!.. Въ груди я ничего кромѣ этого не вижу дурнаго. Лягте на диванъ.

Бургмейеръ не совсѣмъ охотно ложится.

Самаханъ (*вставъ предъ нимъ*). Согните немного наши ноги.

Бургмейеръ сибааетъ. Самаханъ начинаетъ его поколачивать по животу вынутымъ изъ кармана молоточкомъ. Бургмейеръ слегка при этомъ вскрикиваетъ.

Самаханъ (*опять усмѣхаясь*). Нѣжны ужъ очень, чувствительны. Въ животѣ тоже никакихъ нѣтъ страданій. Повернитесь спиной вверхъ.

Бургмейеръ совершенно уже нехотя поворачивается. Самаханъ большимъ пальцемъ проводитъ по всему его позвоночному столбу.

Бургмейеръ уже закричалъ.

Самаханъ. Гдѣ вы почувствовали боль: въ одномъ ли какомъ позвонкѣ, или во всемъ позвоночномъ столбу?

Бургмейеръ (*вставая и видимо не желая себя давать болѣе изслѣдовать*). Во всемъ... Вы чуть не сломали мнѣ снины.

Самаханъ. Не вдругъ ее сломаетъ. Крѣпка еще она. Боль вы чувствовали отъ того, что я васъ сильно давнулъ пальцемъ. Сядьте теперь.

Бургмейеръ садится и почти не глядитъ на доктора.

Самаханъ (*тоже садясь*). И извольте слушать, что я буду говорить. По утрамъ вы чувствуете желаніе кислаго и жажду...

Бургмейеръ. Это я чувствую; кромѣ того...

Самаханъ (*перебивая его*). Чувствуете потомъ желаніе быть скорѣе на воздухѣ...

Бургмейеръ. Можетъ быть-съ!.. Но какъ я сказалъ вамъ, сверхъ того я...

Самаханъ (*закричалъ на него*). Пожалуйста не прерывайте меня!.. Вы достаточно уже говорили, позвольте мнѣ... Я безъ всякихъ вашихъ *кромя того* знаю, что у васъ: болѣзнь ваша есть собственно малокровіе и сопряженное съ нимъ нервное разстройство. Лѣченіе для васъ должно состоять: ѣшьте больше мяса, будьте цѣлый день на воздухѣ, да и на првслугу вашу поменьше сердитесь.

Бургмейеръ. Я бы прежде всего желалъ, чтобы вы меня отъ тикъ-дулере избавили.

Самаханъ (*передразнивая его*). Тикъ-дуреле! Тикъ-дуреле какой-то затвердилъ! Весь вашъ тикъ-дуреле есть результатъ того же малокровія и по формѣ своей не что иное, какъ маскированная лихорадка. Я пропишу противъ нея вамъ мышьяку... (*поднимается съ своего стула*).

Бургмейеръ (*воскликая*). Какъ мышьяку-съ?

Самаханъ. Такъ мышьяку... (*садится за письменный столъ и пишетъ*). Отравить, вы думаете, я васъ хочу? Всякій ядъ зависитъ отъ степени концентрации, и кофе ядъ, однако вы пьете его каждый день... (*вставая изъ-за стола и показывая на рецептъ*). Принимать какъ тутъ сказано... (*Берется за шляпу*).

Бургмейеръ тоже естаетъ и подаетъ доктору приготовленную для него тысячу.

Самаханъ (*кладя деньги въ карманъ*). Благодарю!

Бургмейеръ. Потрудитесь, докторъ, и рецептъ вашъ взять назадъ: я по немъ принимать не стану.

САМАХАНЪ *(разсмѣявшись)*. Что-жь вы мышьяку, вѣроятно, испугались?

БУРГМЕЙЕРЪ *(съ волненіемъ въ голосъ)*. Нѣтъ, я не того испугался!.. Я испугался еще, когда вы заранѣе велѣли мнѣ сказать, что желаете получить съ меня тысячу рублей! Врачу, который такъ относится къ больнымъ, я не могу довѣрять.

САМАХАНЪ *(насмѣшливо взглядывая на Бургмейера)*. А какъ же, вы думаете, я долженъ былъ бы относиться? Меня тысячи людей требуютъ въ день, и чѣмъ же, при выборѣ, могу я руководствоваться? Кто мнѣ дороже дастъ, къ тому я и ѣду.

БУРГМЕЙЕРЪ *(съ возрастающимъ волненіемъ)*. При выборѣ, я полагалъ бы, что вы должны были ѣхать и спѣшить туда, гдѣ больной опаснѣе и серьезнѣе боленъ.

САМАХАНЪ *(замѣтно обозлясь)*. Скажите, какой новый моралистъ выискался: только вамъ-то бы, господинъ Бургмейеръ, меньше, чѣмъ кому-либо, пристало быть проповѣдникомъ... Ежели я получаю много денегъ, и получаю... не скрываю того... нѣсколько грубо и съ насиліемъ, то мнѣ даютъ ихъ за мое докторское провидѣніе, за то, что я... когда вы тамъ... я не знаю что... въ лавкѣ ли у родителя торговали, или въ крѣпостной усадьбѣ съ деревенскими мальчишками играли въ бабки, я въ это время учился, работалъ!.. Но чѣмъ вы-то, какими трудами и знаньями нажили ваши милліоны — спросите-ка вашу совѣсть и помолчите лучше! А по рецепту моему я совѣтую вамъ принять! Мышьякъ, вѣроятно, вамъ поможетъ.

Живаетъ слегка хозяину головою, и, въ комнату еще надѣвъ шляпу, уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Б у р г м е й е р ь (оставшись одинъ и въ совершенно-озлобленномъ состояніи). Поможетъ, я думаю! Какое, однако, пріятное положеніе: къ помощи доктора я не могу даже отнестись съ полнымъ довѣріемъ, потому что каждому изъ этихъ шарлатановъ, конечно, гораздо пріятнѣе протянуть мою болѣзнь, чѣмъ вылѣчить, да еще дерзости отъ нихъ выслушивай! Вотъ вы всѣ, жажущіе и ищущіе милліоновъ, предите, полюбуйте на меня и посмотрите, какія великія наслажденія даютъ мнѣ эти милліоны! Я пересталъ даже быть человѣкомъ для прочихъ людей, а являюсь какимъ-то мѣшкомъ съ деньгами, изъ котораго каждый, такъ или иначе, ожидаетъ поживиться! Куда бы я ни устремился, чего бы ни пожелалъ, что бы ни любилъ—всюду, на всѣхъ путяхъ моихъ, какъ враги недремлющіе, стоятъ эти деньги, деньги и деньги мои! а въ концѣ концовъ, когда умру, такъ и оставитъ ихъ еще некому, кромѣ дурака Снмхи! Женѣ ежели завѣщать, такъ приметъ ли еще она ихъ? Кромѣ того, она все-таки бросила меня, осрамила на весь міръ. Но не самъ ли я толкнулъ ее на то?.. Нѣтъ!.. Видитъ Богъ, я не желалъ этого!.. Я сказалъ ей тогда, думая, что она, для спасенія нашего общаго благосостоянія, похитритъ только съ Мировичемъ, позавлечетъ его; онъ исполнитъ ея желаніе... Кто-жь ожидалъ, что она сама влюблена въ него до такой степени, и что просьба моя, въ одно и то же время, оскорбитъ ее и обрадуетъ! Когда она пришла при мнѣ къ Мировичу, я глупо, конечно,

сдѣлалъ, что не увелъ ея насильно отъ него, хотъ бы даже за руку... Но развѣ бы она послушалась меня? Характеръ у нея тоже не изъ покорныхъ!.. Вышелъ бы еще, пожалуй, большой скандалъ!.. Главная вина моя въ томъ, что я слишкомъ заботился собирать тѣ сокровища, которыя и тать воруетъ, и тля поѣдаетъ, но о другомъ-то мало помышлялъ, и потому докторъ правъ: не мнѣ кого-либо осуждать... Жена, какъ хочетъ потомъ, но я съ своей стороны дѣло сдѣлаю... Симха!.. Позовите его ко мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ X.

На этотъ зовъ въбѣгаетъ Руфинъ.

Бургмейеръ. Гдѣ ты все бываешь?.. Точно не знаешь, что ты одинъ у меня!

Руфинъ. Я, господинъ, ходилъ объ господинѣ Мировичѣ хлопотать, и компанія Беллы беретъ его, чтобъ онъ уѣхалъ только въ Америку. «Мы, говорить, его знаемъ—онъ человѣкъ честный, а намъ честнаго человѣка тамъ и надо!»

Бургмейеръ (*поблѣднѣвъ даже*). Вотъ еще хорошо выдумалъ! Тогда Мировичъ совѣмъ ужъ увезетъ у меня жену, не узнаешь, гдѣ и будетъ она!

Руфинъ (*съ лукавствомъ*). О, нѣтъ, господинъ, не увезетъ! Не на что будетъ увезть, да и Клеопатра Сергѣевна не поѣдетъ съ нимъ!.. (*таинственно*). Все ссорятся, говорятъ, теперь!..

Бургмейеръ (почти довольнымъ голосомъ). Въ чемъ же они ссориться могутъ?

Руфинъ. Отъ бѣдности! Въ бѣдности, господинъ, все, кажется, что тотъ и другой не хорошо дѣлаютъ.

Бургмейеръ. Неужели же, Симха, Клеопатра Сергѣевна и послѣ смерти моей ничего не захочетъ получить отъ меня?

Руфинъ. Не знаю, господинъ, этого, не знаю!..

Бургмейеръ. Впрочемъ это все равно!.. Позови вакого-нибудь поумнѣй нотаріуса!.. Я хочу написать духовную, и тебя и тутъ обезпечу... вполнѣ обезпечу...

Руфинъ (цѣлуя Бургмейера въ плечо). Благодарю васъ, господинъ... (постоявъ нѣкоторое время и переминаясь съ нош на ногу). Я еще, господинъ, просьбу мою приношу къ вамъ: на Евгенію Николаевну вы изволили теперь разгнѣваться!.. Изволили удалить ее отъ себя!.. Что-жь теперь вамъ въ ней?.. Не позволите ли, господинъ, мнѣ жениться на ней?

Бургмейеръ (сильно удивленный). Тебѣ?.. На Евгенію Николаевнѣ?..

Руфинъ (смѣшавшись немного). Да, господинъ!.. Теперича она встрѣтилась мнѣ: «Господинъ Руфинъ, говоритъ, если вы желаете, то можете жениться на мнѣ!»

Бургмейеръ (со сверкнувшимъ гнѣвомъ въ глазахъ). Съ какого же повода она могла сказать тебѣ это?.. Стало-быть, ты прежде говорилъ съ ней что-нибудь подобное?

Руфинъ (покраснѣвъ въ лицѣ). Какъ же я, господинъ, могъ говорить съ нею?..

Бургмейеръ. Но отъ чего же у тебя глаза забѣгали и все лицо твое загорѣлось заревоми?

Руфинъ. Господинъ, я очень боюсь, что не прогнѣвалъ ли васъ совершенно!

Бургмейеръ *(беря себя за голову)*. Теперь, вѣ-
жется, все начинается для меня проясниться!...
(показывая публикѣ на Руфина). Онъ поэтому... взять
былъ Евгеніей вмѣсто Кунцины, и вотъ почему
онъ такъ всегда умиротворялъ меня по случаю раз-
ныхъ долговъ ея!.. И я, такимъ образомъ, совсѣмъ
ужь кругомъ былъ въ воровской засадѣ... *(поверты-
вается вдругъ къ письменному столу, проворно беретъ съ него
револьверъ, подходитъ съ нимъ къ Руфину, хватаетъ его за ши-
воротокъ и приставляетъ ему ко лбу револьверъ)*. Говори: ты
былъ любовникомъ Евгеніи Николаевны?

Руфинъ *(дрожа)*. О, нѣтъ, господинъ!

Бургмейеръ *(почти съ пльной у рта)*. Говори!
Иначе я тебя, какъ собаку, сейчасъ пристрѣлю, если
ты хоть минуту станешь запыраться...

Руфинъ *(склоняясь было на колѣни)*. Виноватъ, го-
сподинъ, я только влюбленъ въ нее былъ п глазки
ей дѣлалъ.

Бургмейеръ *(не давая ему встать на колѣна и
продолжая держать его за шиворотокъ)*. А обокрасть меня
сбирался вмѣстѣ съ нею и бѣжать за-границу?..
Признавайся, или я не медля спущу курокъ!

Руфинъ *(совсѣмъ потерявшись)*. Это она, господинъ,
говорила мнѣ: «Уѣдемъ, говорить, и возьмемъ изъ
этого шкафа деньги!»—«Зачѣмъ, говорю, у васъ свой
капиталъ есть!»

Бургмейеръ *(тряса его)*. Отчего-жь ты мнѣ не
сказалъ объ этомъ и не предупредилъ меня?.. Я

тебя отъ голодной смерти спасъ!.. Я тебя выростилъ... воспиталъ!.. Я хотѣлъ тебя сдѣлать наследникомъ моего состоянія, а ты вошелъ въ стачку съ ворами, чтобъ обокрасть меня! Убивать я тебя не стану: изъ-за тебя въ Сибирь не хочу идти!.. *(бросаетъ въ сторону револьверъ и кричитъ)*. Люди! Люди!

Вблаютъ лакеи.

Б у р г м е й е р ъ *(почти швыряя имъ въ руки Руфина)*. Посадить его въ казamatъ, въ подвалъ!.. И полицію ко мнѣ скорѣе... Полицію!..

Р у ф и н ъ *(едва приходя въ себя)*. Господа лакеи! Господинъ повышибалъ мнѣ зубы!.. Окровянилъ меня!... *(плюетъ себя на ладонь и показываетъ ее лакеямъ)*. Вотъ же кровь моя!

Б у р г м е й е р ъ *(съ неистовствомъ)* Тащите его сію же минуту!..

Лакеи тащатъ Руфина. Онъ продолжаетъ восклицать: «Господинъ окровянилъ меня!.. Я буду жаловаться на него!»

ЯВЛЕНІЕ XI.

Б у р г м е й е р ъ *(одинъ)*. И этотъ обманулъ меня!.. У каждаго изъ поденщиковъ моихъ есть, вѣроятно, кто-нибудь, кто его не продастъ и не обокрадетъ, а около меня все враги!.. Все мои измѣнники и предатели! Мнѣ страшно, наконецъ, становится жить! На кинжалахъ спокойно спать невозможно. Мнѣ одинъ Богомъ ангелъ хранитель былъ данъ—жена моя, но я и той не сберегъ!.. Хоть бы какъ гору сдвинуть трудно было это, а я возвращу ее себѣ... *(громко кричитъ)*. Кто тамъ есть!.. Введите ко мнѣ опять этого Симху.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Два лакея вводятъ Руфина подъ руки. Онъ дрожитъ, какъ осиновый листъ, между ними.

Бургмейеръ (*Руфину*). Послушай, мошенникъ!.. Я думалъ сто тысячъ истратить на то, чтобы сослать тебя на ваторгу!.. Но я все тебѣ прощу!.. Все! Понимаешь?.. Я позволю тебѣ жениться на Евгеніи Николаевнѣ, даже дамъ тебѣ приданое за ней, только разлучи ты Мировича съ моею женой и помири ты меня съ нею.

Руфинъ (*сейчасъ же оправившійся и совсѣмъ какъ бы не битый*). Господинъ!.. Но какъ же мнѣ сдѣлать то, — я не знаю.

Бургмейеръ. Врешь, знаешь!.. Ваша жидовская порода черезъ деньги міромъ ворочаетъ, а ты неужели не можешь помирить меня ими съ одной женщиной?

Руфинъ (*видимо начинающій кое-что соображать по этому предмету*). Позвольте, господинъ!.. Теперь господинъ Мировичъ, можетъ быть, уѣдетъ въ Америку; онъ самъ вамъ оставитъ Клеопатру Сергѣевну.

Бургмейеръ. Да не поѣдетъ онъ—пойми ты это! Вѣдь у него не твоя подлая душа, чтобы за деньги продать любовь свою!

Руфинъ (*какъ бы съ нѣкоторымъ остервененіемъ даже*). А тогда я скуплю его сохранныю росписку. Я видѣлъ на двѣ тысячи его росписку, и куплю ее и посажу его въ тюрьму ею!..

Б у р г м е й е р ь (*смотря въ упоръ на Руфина*). Росписку? въ тюрьму?.. (*отворачиваясь потомъ отъ Руфина и махая рукой*). Скупай! Сажай!.. Онъ больше чѣмъ свободу отнялъ у меня. Онъ отнялъ счастье и радости всей моей жизни — сажай!

Р у ф и н ь (*совсѣмъ отпущенный лакеями и поднимая предъ публикой объ руки*). Посажу!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Внутренность избушки дачной въ Зыковѣ. На одной сторонѣ сцены дрянной письменный столикъ съ некрашеннымъ деревяннымъ стуломъ предъ нимъ, а на другой — оборванный диванишко.

ЯВЛЕНІЕ I.

М и р о в и ч ъ (съ сильно уже выльзшими волосами, въ очень поношенномъ пальто и въ зачиненныхъ сапогахъ, въ раздумьѣ шагая по комнатѣ). Что хочешь, то и дѣлай: ни за дачу заплатить нечѣмъ, ни въ городѣ нанять квартиры не на что, а службы все еще пока нѣтъ! Сунулся было попроситься въ судебное вѣдомство; прямо дали понять, что я увезъ у богатаго подрядчика жену и за это промиротворилъ ему. Какимъ же образомъ дать такому человѣку мѣсто? Впрочемъ, нащлась какая-то сердобольная компанія *Беллы*. Сама, неизвѣстно съ какого новода, прислала вдругъ приглашеніе мнѣ, что не желаю ли я поступить къ ней на службу съ тѣмъ, чтобъ отправиться въ Америку: «Вы-де чело-

вѣкъ честный, а намъ такого тамъ и надобно»... *(грустно усмѣхаясь)*. Очень благодаренъ, конечно, за такое лестное мнѣніе обо мнѣ, но все-таки этого мѣста принять не могу. Если бы одинъ былъ, то, разумѣется, рѣшился бы, а тутъ гдѣ? У меня на рукахъ женщина, и здѣсь еле перебиваемся, а заѣдешь въ неизвѣстную страну, рассоришься какъ-нибудь съ компаніей, и совсѣмъ на голой землѣ очутишься. Да! стоитъ человѣку шагъ только одинъ неосторожный сдѣлать, такъ ужъ потомъ ничѣмъ его не поправишь: ни раскаяніемъ, ни готовностью работать, трудиться — ничѣмъ. Сгинь и пропадай онъ совсѣмъ. Однако что же я? пора корректуру поправлять... *(снова съ грустною усмѣшкою)*. Корректоромъ ужъ сдѣлался, а то хоть съ голоду умирай... *(подходитъ къ письменному столу, садится за него и начинаетъ заниматься)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ кухарка, толстая, безобразная, грязная старуха и порядкомъ пьяная. Выйдя на средину комнаты, она останавливается, растопыря ноги.

Кухарка. Баринъ, а баринъ!

Мировичъ *(не глядя на нее)*. Что тебѣ?

Кухарка. Тебя баринъ какой-то съ барыней спрашиваетъ.

Мировичъ *(все-таки не глядя на нее)*. Меня?

Кухарка. Да, тебя. Онъ словно не русский. Черномазый такой, какъ цыганъ; а барыня съ нимъ — та русская.

Мировичъ. Что такое русская, не русскій?
А Клеопатра Сергѣевна дома?

Бухарка. Нѣту-ти, не пѣхамши еще. Они не Клеопатру Сергѣевну спрашиваютъ, а тебя.

ЯВЛЕНІЕ III.

Во входныхъ дверяхъ показываются Евгенія Николаевна, въ прелестной шляпкѣ и дорогомъ шелковомъ платьѣ, и Руфинъ, тоже въ новомъ фракѣ, при золотой цѣпочкѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ новенькою пуховою шляпою въ рукахъ.

Бухарка (показывая имъ пальцемъ на Мировича). Вонъ онъ сидитъ самъ!.. (Поворачивается и хочетъ уйти, но не попадаетъ въ двери, стучается головою въ косякъ и при этомъ смѣется). Не попала!.. (Откидывается въ другую сторону и произнеся при этомъ): Тѣла, стой, не разѣзжайся! (уходитъ). Мировичъ, поднявъ при этомъ голову и увидя предъ собой Евгенію Николаевку и Руфина, приходитъ въ удивленіе и привстаетъ съ своего мѣста.

Евгенія Николаевна (любезнымъ и развязнымъ тономъ). Вы, Вячеславъ Михайловичъ, никакъ ужь конечно не ожидали меня видѣть.

Мировичъ (пожимая плечами). Признаюсь, не ожидалъ.

Евгенія Николаевна (выходя на авансцену). Я знала, что Клеоптры Сергѣевны дома нѣтъ. Нарочно такъ и пріѣхала лично къ вамъ... (Показывая на Руфина): рекомендую, это мужъ мой, Руфинъ.

Мировичъ (еще съ большимъ удивленіемъ). Мужъ вашъ?

Евгенія Николаевна (*нѣсколько сконфузившись*). Да, мы третьяго дня только обвѣнчались.

Мировичъ (*всматриваясь въ Руфина*). Я немного знакомъ съ вами. Вы, поэтому, окрестились?

Руфинъ Окрестился. Господинъ Толоконниковъ былъ моимъ воспріемникомъ (*слѣга улыбаясь*). Я ужъ теперь Семіонъ Измаилычъ называюсь, по папенькѣ моему крестному.

Мировичъ. И денежную награду вѣроятно за это получите?

Руфинъ. Получу; 50 рублей, говорятъ, даютъ. Я получу.

Мировичъ. Конечно. Зачѣмъ же терять? А у господина Бургмейера вы продолжаете еще быть прикащикомъ?

Руфинъ. Нѣтъ, я самъ по себѣ живу.

Мировичъ. То-есть какже? Какъ и тогда же сами по себѣ жили?

Руфинъ. Нѣтъ, теперь ужъ я совсѣмъ не у него.

Евгенія Николаевна (*сильно волнувавшаяся отъ всплхъ разспросовъ Мировича и перебивая мужа*). Мы въ совершенно отдѣльномъ домѣ живемъ. У мужа никакихъ даже дѣлъ нѣтъ отъ Бургмейера, кромѣ самыхъ незначительныхъ, и между прочимъ вашего дѣла.

Мировичъ. Какого это моего дѣла?

Евгенія Николаевна. Сейчасъ расскажу. Но вы, однако, позвольте намъ поприсѣсть у васъ. Сами вы насъ не приглашаете къ тому (*мужу*); садись.

Руфинъ сейчасъ же стѣлъ на одинъ изъ стульевъ и только никакъ

не могъ сладить съ своими неуклюжими и вдобавокъ еще въ перчатки затиснутыми руками. Сама Евгенія Николаевна, съ чувствомъ безразличности смахнувъ съ дивана пыль, ушла на него, вынула изъ кармана своего платья очень красивую папиросницу, взяла изъ нея спичку и папироску и закурила. Во всѣхъ манерахъ Евгеніи Николаевны, вмѣсто прежней граціозной женщины, чувствовалась какая-то черезчуръ ужь разбитная госпожа, такъ что, ульвшись, она сейчасъ же выставила изъ подъ платья свою красивую ботинку и начала ею играть. Мировичъ также опустился на свой стулъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (какъ-то въ сторону и глазомашъ похихивая своею папиросочкой). Прежде, Вячеславъ Михайловичъ, вы, какъ мнѣ казалось по крайней мѣрѣ, вѣрили въ мою дружбу; но теперь я боюсь, вы разочаровались немножко во мнѣ.

МИРОВИЧЪ. Отчасти-съ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Очень жаль. Но настоящій визитъ мой, впрочемъ, надѣюсь, оиять убѣдитъ васъ нѣсколько въ ней. Что я жила въ домѣ у Александра Григорьича Бургмейера и что въ послѣднее время разсорилась съ нимъ, вы конечно знаете.

МИРОВИЧЪ. Да-съ, я слышалъ это.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. И слышали тоже, что Бургмейеру вашъ пріятель Куницынъ, который, Богъ знаетъ, какимъ лгуномъ ужь тутъ является, наплелъ на меня цѣлую ахиною. Бургмейеръ сначала всему вѣрилъ, но теперь, кажется, нѣсколько поколебался... (съ ироническою улыбкой), такъ что, даже наградивши меня маленькимъ приданнымъ, постарался пристроить за своего бывшего управляющаго, какъ обыкновенно старые богатые вельможи дѣлали.

Мировичъ при этомъ презрительно улыбнулся.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (замѣтивъ это). Что Куницынъ по своей вѣтренности способенъ все сдѣ-

лать, мнѣ не удивительно; но, говорятъ, будто бы онъ — что меня очень поразило, — явился къ Бургмейеру по вашему, между прочимъ, совѣту, правда это или нѣтъ?

Мировичъ (*подхватывая*). Совершенная правда!

Евгенія Николаевна (*нѣсколько опѣшенная этимъ*). Васъ, впрочемъ, я тутъ много не виню: вы сами, вѣроятно, были введены въ обманъ, потому что я очень подозрѣваю, что всю эту исторію выдумала и заставила Куницына рассказать ее Бургмейеру собственно ваша Клеопатра Сергѣевна!

Мировичъ (*уже строгимъ голосомъ*). Какъ-съ Клеопатра Сергѣевна?

Евгенія Николаевна. Почти увѣрена въ томъ; и сдѣлала это затѣмъ, что сама желаетъ воротиться къ мужу: этимъ словамъ моимъ вы, конечно, не повѣрите.

Мировичъ (*тѣмъ же голосомъ*). Вы не ошиблись!.. Я всѣмъ даже словамъ вашимъ совершенно не вѣрю!

Евгенія Николаевна. Ваше дѣло, хотя я въ то же время опять должна сказать, что про Клеопатру Сергѣевну я только подозрѣваю; но что господинъ Бургмейеръ желаетъ съ ней сойтись, на это ужъ я имѣю положительныя и неопровержимыя доказательства.

Мировичъ. Онъ можетъ желать сколько ему угодно, это ему никто не мѣшаетъ.

Евгенія Николаевна. Но онъ, по видимому, кромѣ желанія, имѣетъ полную надежду привести это въ исполненіе.. Первое его намѣреніе было удалить васъ куда-нибудь подальше отсюда. Для этого онъ упросилъ компанію *Беллы* сдѣлать вамъ пред-

ложеніе ѣхать въ Америку. Вы, я знаю, получили такое приглашеніе?

Мировичъ молчитъ.

Евгенія Николаевна *(продолжая)*. Но вы, какъ я слышала, были такъ умны и проницательны, что поняли ловушку и отказались отъ этого прекраснаго предложенія; тогда господинъ Бургмейеръ рѣшился употребить противъ васъ болѣе вѣрное средство... Мужъ мой теперь на лицо и можетъ подтвердить то, что я вамъ говорю... Онъ велѣлъ ему скупить какое-то взысканіе на васъ, по которому ежели вы не заплатите Бургмейеру, то онъ поручилъ мужу посадить васъ въ тюрьму, и тогда ужъ, конечно, Клеопатрѣ Сергѣевнѣ очень удобно будетъ возвратиться къ супругу своему.

Мировичъ *(со вспыхнувшимъ лицомъ)*. Что господинъ Бургмейеръ готовъ мнѣ сдѣлать всевозможное зло, я никогда въ этомъ не сомнѣвался.

Евгенія Николаевна. Н-ну! Можетъ-быть, тутъ и не одинъ Бургмейеръ виноватъ... Я собственно затѣмъ и пріѣхала, чтобы повторить вамъ нѣсколько разъ: «остерегитесь и остерегитесь!..» *(Обращаясь къ мужу)*. Но скоро ли же будутъ взыскивать съ господина Мировича?

Руфинъ. Скоро! Господинъ Бургмейеръ приказалъ спѣшить мнѣ... Исполнительный листъ выданъ судомъ! Сегодня или завтра по немъ станутъ взыскивать!

Евгенія Николаевна. Уже!.. *(Мировичу)*. Поэтому сегодня или завтра вы окончательно убѣдитесь...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Входитъ кухарка.

Кухарка. Баринъ!.. Барыня воротилась и спрашиваетъ, кто у тебя въ гостяхъ сидитъ?

Мировичъ. Скажи, что Евгенія Николаевна... или, впрочемъ, ты перевернешь?

Кухарка. Переверну, баринъ!

Мировичъ. Подожди я тебѣ напишу, и ты отдашь это барынѣ!

Пишетъ на клочкѣ бумаги и подаетъ ея кухаркѣ, которая по-прежнему не твердою, но замѣтно остерегающеюся походкою уходитъ и на этотъ разъ прямо уже попадаетъ въ дверь.

Евгенія Николаевна (*вставая*). Мы одно позасидѣлись! Клеопатрѣ Сергѣевнѣ, вѣроятно, не будетъ большаго удовольствія видѣть меня... (*мужу*). Поѣдемъ.

Тотъ сейчасъ же поднялся на ноги.

Евгенія Николаевна (*Мировичу*). До свиданія, Вячеславъ Михайлычъ! Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, на прощанье вашу руку!

Мировичъ (*не давая ей руки*). Нѣтъ-съ, извините вы меня: я клеветникамъ и клеветницамъ не подаю моей руки.

Евгенія Николаевна (*усмѣхалась*). А вы все еще считаете насъ клеветниками! Увидите сами потомъ...

Уходитъ вмѣстѣ съ мужемъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

М и р о в и ч ъ (*оставшись было одинъ начинаетъ гово- рить*). Еще новыя радости!... Часъ отъ часу не легче! Но въ это время изъ внутренней комнаты показывается Клео- патра Сергѣевна. Она въ черномъ шелковомъ, но почти худомъ платьѣ.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА. Ушли твои гости?
М и р о в и ч ъ. Ушли!

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА. Но кто это табая, Евгения Николаевна Руфина?... Жени, что ли?

М и р о в и ч ъ. Жени!

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА. Но почему же она Руфина?

М и р о в и ч ъ. Потому что на дняхъ вышла замужъ за управляющаго господина Бургмейера—Ру-фина.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА. Вотъ новость!... (*подходитъ и садится на диванъ. Она замѣтно утомлена*). Но зачѣмъ же къ намъ она пожаловала? Я вовсе не же-лаю ее видѣть.

М и р о в и ч ъ. Она не къ тебѣ и прїѣзжала, а ко мнѣ.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА. А къ тебѣ зачѣмъ?

М и р о в и ч ъ. Съ новостями разными... (*всматри- ваясь въ Клеопатру Сергѣевну*). Но что такое съ тобой, Клеопаша? Посмотри: у тебя все платье въ грязи... Лицо въ какихъ-то красныхъ пятнахъ... волосы не причесаны.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢВНА (*сначала было слегка усмѣхалась*). Я устала очень! — пѣшкомъ пришла изъ

города... Жалко было денегъ на извозчика, да и въ тому же разсердилась... *(помолчавъ немного и съ навернувшимися слезами на глазахъ)*. Госпожа, которой относилась и платье, ни копѣйки мнѣ не заплатила.

Мировичъ. Это отчего?

Клеопатра Сергѣевна *(совспѣмъ сквозь слезы)*. Говорить, что я испортила ей платье, что она будетъ отдавать его передѣлывать и прикупить еще матеріи, а потому я даже ей останусь должна, а не она мнѣ... *(закрываетъ лицо платкомъ, чтобы скрыть окончательно полившіяся слезы)*.

Мировичъ. Но слезы-то такія о чемъ же?.. Изъ-за такихъ пустяковъ! Какъ тебѣ не стыдно, Клеопаша!.. На, выпей лучше воды!..

(Наливаетъ стаканъ и подаетъ его Клеопатрѣ Сергѣевнѣ).

Клеопатра Сергѣевна *(отталкивая стаканъ и капризнымъ голосомъ)*. Не надо!... Отвяжись!..

Мировичъ, видимо этимъ оскорбленный, отошелъ отъ Клеопатры Сергѣевны, поставилъ стаканъ на столъ и съѣлъ заниматься.

Клеопатра Сергѣевна *(продолжая плакать)*. Дура этакая!... скупая!... жадная!... Всякую бѣдную готова обсчитать.

Мировичъ *(не оставляя своей работы и съ нѣкоторою какъ бы ядовитостью)*. Но, можетъ-быть, ты и въ самомъ дѣлѣ дурно сшила.

Клеопатра Сергѣевна. Хорошо я сшила!.. Она придралась только такъ...

Мировичъ *(опять какъ бы съ ядовитостью)*. Ну, не думаю, чтобъ очень ужъ хорошо...

Клеопатра Сергѣевна. Почему жь ты не думаешь?..

Мировичъ. Потому что всѣ русскія женщины,

кажется, не совсѣмъ хорошо умѣютъ шить, особенно вы, барыни.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Вы, мужчины, лучше!

МИРОВИЧЪ. Мужчины все словно бы подарочнѣй немного и потолковѣй.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА (*разсердясь*). Ужасно какъ толковы, и что это за страсть у тебя, Вячеславъ, въ каждомъ разговорѣ подставить мнѣ шпильку и стороной этакъ намекнуть мнѣ, что я глупа и дѣлать ничего не умѣю.

МИРОВИЧЪ. Когда жь я это говорилъ?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Ты всегда это хочешь сказать и разными доводами убѣдить меня въ томъ!.. Но я тебѣ нѣсколько разъ говорила, что я очень самолюбива, и если увижу, что человѣкъ меня не уважаетъ, смѣется надо мной, — я не знаю на что готова рѣшиться.

МИРОВИЧЪ. Бога ради, не развивай, по крайней мѣрѣ, далѣе этихъ сценъ!... У насъ есть очень многое болѣе серьезное, о чемъ мы можемъ бесѣдовать и горевать...

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Не знаю: для меня это очень серьезное, и что же еще для насъ можетъ быть серьезнѣе этого?

МИРОВИЧЪ. Да хоть бы то, что вотъ сейчасъ твоя бывшая пріятельница, Евгенія Николаевна, рассказывала мнѣ.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Что такое она могла рассказывать тебѣ?

МИРОВИЧЪ. Увѣряла, что вся эта исторія, которую про нее повѣствуетъ Булицынъ, ложь со-

вершенная, и что, будто бы, даже ты все это выдумала и научила Куницына...

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Я?... Ахъ она дрянъ этакая! Очень мнѣ нужво что-нибудь про нее выдумывать, я и про существованіе ея совсѣмъ забыла.

МИРОВИЧЪ. Потомъ она меня предостерегала, что мужъ твой очень желаетъ опять съ тобой сойтись, и для того, чтобы разлучить меня съ тобою, велѣлъ даже скупить одно мое обязательство и посадить меня за него въ тюрьму.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА *(поблѣднѣвъ)*. Тебя?... Въ тюрьму?

МИРОВИЧЪ. Да!...

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА *(есе еще какъ бы желая не вѣрить тому, что слышитъ)*. Вотъ ужъ про нее это можно сказать, что она сама тутъ все навывдумывала...

МИРОВИЧЪ. Почему жъ навывдумывала? Отъ твоего супруга всего можно ожидать.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Но на долголи же онъ можетъ тебя посадить?

МИРОВИЧЪ. Пока я денегъ ему не заплачу,

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Но заплатить ты не можешь никогда, потому что у тебя нѣтъ денегъ.

МИРОВИЧЪ *(насмѣшливо)*. Денегъ нѣтъ!

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Ну, нѣтъ-съ!... Это извините!... Я мужу не позволю этого сдѣлать.

МИРОВИЧЪ. Но какимъ же способомъ, желалъ бы я знать, ты ему не позволишь?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Такъ!... Не позволю!... *(Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ)*. Ты эти

деньги занялъ и прожилъ на меня, а потому мой мужъ и долженъ ихъ заплатить: я все таки его жена.

М и р о в и ч ъ (*разводя руками и усмѣхаясь*). Совершенно женская логика и даже нравственность: любовникъ женщины прожилъ на нее деньги, и потому мужъ ея долженъ заплатить ихъ!

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*съ возрастающимъ жаромъ*). Долженъ!... Да!... Онъ заѣлъ у меня молодость, всю жизнь мою, и это ужъ не твое дѣло, а мое: пусть тутъ будетъ моя логика и моя нравственность! (*подумавъ немного*). Все это, конечно пустяки!.. Я не допущу этому быть! Для меня гораздо важнѣе тутъ другое! (*вдругъ останавливается*). А теперь, пожалуй, дай мнѣ воды!... Я чувствую, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ что-то очень не хорошо дѣлается!... (*показываетъ себя на горло. Мировичъ подаетъ ей воды. Клеопатра Сергѣевна жадно выпиваетъ цѣлый стаканъ*). Ну, и поцѣлуй меня поласковѣй, знаешь, какъ въ первое время нашей любви ты меня цѣловалъ (*Мировичъ обнимаетъ ее; она сама его страстно цѣлуетъ, а потомъ какъ бы отталкиваетъ его*). Довольно!... Садись на свое мѣсто!... Я тоже сяду: у меня ноги подгибаются... (*Опускается на диванъ*). Мировичъ также садится. Замѣтно, что онъ заранее предчувствуетъ нѣсколько щекотливое для него объясненіе.

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*въ какомъ-то трепетномъ волненіи*). Послушай, я давно хотѣла тебя спросить, но все какъ-то страшно было: вопросъ ужъ очень важный для меня!... Скажи!.. Но только смотри, говори откровенно, какъ говорилъ бы ты предъ Богомъ и своею совѣстью!... Говори, наконецъ, подумавши и не вдругъ!... Скажи: любишь ли ты меня хоть сколько-нибудь или совсѣмъ разлюбилъ?.. По

твоему обращенію со мной я скорѣй могу думать, что ты совсѣмъ меня разлюбилъ или даже почти ненавидишь.

М и р о в и ч ъ (*нахмуриваясь*). Клеопаша!...

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*настойчиво*). Нѣтъ, ты говори мнѣ всю правду, — совершенную.

М и р о в и ч ъ (*понуривъ голову*). Какъ мнѣ сказать тебѣ правду?... Опредѣлить тебѣ—рѣшительно разлюбилъ ли я тебя или нѣтъ, я не могу, потому что это для меня самого тайна. Я одно только совершенно ясно сознаю, что мушинѣ, при благопріятныхъ даже условіяхъ жизни, когда ему не нужно ни заботиться, ни трудиться, сидѣть все время около женщины и заниматься только ея любовью и ласками съ ней—невозможно!... Это унижительно почти и позорно!

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*глухимъ голосомъ*). Такъ!... Совершенно вѣрю!

М и р о в и ч ъ (*продолжаетъ*). Но когда еще при этомъ окружаетъ нужда, когда знаешь, что надобно заработать кусокъ хлѣба для себя и этой несчастной женщины, а работы въ то же время нѣтъ, то это пребываніе исключительно въ одной области любви есть пытка! Пытка, слагающаяся изъ каждоминутныхъ угрызений совѣсти, скуки... презрѣнія къ самому себѣ... досады на себя и даже на любимую женщину... досады, если ты хочешь, доходящей, пожалуй, и до ненависти!

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*вспыхнувъ въ лицѣ*). Это я предчувствовала, и въ то же время совершенно понимаю и довольна этимъ!... Въ тебѣ я вижу опять настоящаго мушину, который хочетъ идти прилич-

нымъ ему путемъ; но отчего же ты, другъ мой, послѣ этого не хочешь рѣшительно и настойчиво искать себѣ мѣста?.. Не здѣсь, наконецъ, а куда-нибудь въ отъѣздъ, провинцію! Находятъ же люди мѣста!

Мировичъ (*съ презрительною усмѣшкой*). Вотъ мнѣ даетъ мѣсто компанія *Беллы*.. Въ Америку только ѣхать—не угодно ли?

Клеопатра Сергѣевна. Отчего тебѣ и не ѣхать въ Америку?

Мировичъ (*насмѣшливо*). Очень ужъ далеко!... Господниъ супругъ твой изобрѣлъ для меня это путешествіе; по его инициативѣ дѣлаютъ мнѣ это предложеніе, а потому никакъ нельзя ожидать, чтобы оно было благопріятно и выгодно для меня! Кромѣ того онъ навѣрняка, кажется, разчиталъ, что, уѣзжая за такую даль и имѣя впереди столько случайностей, я никакъ не могу тебя взять съ собою.

Клеопатра Сергѣевна (*тѣмъ же низкимъ голосомъ*). Меня тебѣ брать и не для чего.

Мировичъ. Но какъ же мнѣ тебя здѣсь оставить? Не говоря о разлуки, которой и конца не предвидится, я въ этомъ случаѣ прямо долженъ буду обречь тебя на бѣдность.

Клеопатра Сергѣевна (*какъ бы соображая что-то такое*). Почему же на бѣдность?

Мировичъ. Потому что отъ себя я ничего не могу тебѣ удѣлить: мнѣ назначаютъ очень маленькое жалованье; но если ты надѣнешься на работу свою, такъ ты ошибаешься: работать ты не можешь даже по здоровью твоему, и что тебѣ тогда останется?..

(Съ саркастическою усмѣшкой). Развѣ возвратиться опять къ мужу?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА *(тяжело переводя дыханіе).* А еслибы и то даже?

МИРОВИЧЪ *(поблѣднѣвъ).* Ну это, знаешь, ужаснѣе всего бы для меня было! Это заставило бы меня потерять къ тебѣ всякое уваженіе.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА *(огорченнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердымъ голосомъ).* За что? За что, скажи мнѣ на милость, ты потерялъ бы уваженіе ко мнѣ?.. Ты, я вижу, Вячеславъ, въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ какой-то жестокой и немилосердый эгоистъ!... Ты меня разлюбилъ!... Я тебѣ въ тягость нравственно и матеріально, и ты требуешь, чтобъ я, какъ деревяшка какая-нибудь, ни чего бы этого не понимала и продолжала тебя обременять собою. А что я къ мужу опять уйду, что жъ для тебя такого? Я не любовника новаго сыщу себѣ!

МИРОВИЧЪ. Но послѣднее было бы для меня менѣе унизительно!.. Тогда, значитъ только, что ты встрѣтила человѣка лучше чѣмъ я, а такихъ на свѣтѣ много; но сходясь съ мужемъ, ты какъ бы снова оцѣниваешь и начинаешь любить завѣдомо дряннѣе человѣчишку, который весь состоитъ изъ жадности и вмѣстѣ какой-то внѣшней расточительности, смиренія предъ тѣмъ, кто сильнѣй его, и почти звѣрства противъ подчиненныхъ; человѣка, вѣчно жаждущагося на плутни другихъ въ отношеніи его, тогда какъ самъ готовъ каждую минуту обмануть всякаго, словомъ, квинтъ-эссенцію купца.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА *(отрицательно качая головою).* Нѣтъ, Бургмейеръ не таковъ! И потомъ, не-

ужели кунецъ не можетъ быть хорошимъ и честнымъ человѣкомъ?

Мировичъ. Нѣтъ, не можетъ!.. Знаешь ли ты что такое кунецъ въ человѣческомъ обществѣ?.. Это паразитъ и заѣдатель денегъ работника и потребителя.

Клеопатра Сергѣевна. Но нельзя же обществу быть совсѣмъ безъ купцовъ. Они тоже пользу приносятъ.

Мировичъ. Никакой! Всѣ усилія теперь лучшихъ и честныхъ умовъ направлены на то, чтобы купцовъ не было и чтобъ отнять у капитала всякую силу! Для этихъ господъ скоро придетъ ихъ часъ, и съ ними, вѣроятно, разсчитаются еще почище, чѣмъ нѣкогда разсчитались съ феодалными дворянами.

Клеопатра Сергѣевна. По-твоему, значитъ, всѣ ужь кушцы, безъ исключенія, дурные люди?

Мировичъ *(пожимая плечами)*. Между тѣми изъ нихъ, которые по рожденію своему торгуютъ, можетъ-быть еще найдется нѣсколько порядочныхъ человѣкъ, такъ какъ очень возможно, что только сила обстоятельствъ склоняла ихъ къ тому; но вѣдь супругъ вашъ по личному вкусу избралъ тебѣ ремесло это! Душой, такъ сказать, стремился плутовать и паразитствовать, и если ты его предпочитаешь мнѣ, чѣмъ же я, послѣ того, являюсь въ глазахъ твоихъ? Дрянью, которой ужь и имени нѣтъ, и ты не только что разлюбить, но презирать меня должна!

Клеопатра Сергѣевна. Разлюбила ли я тебя, Вячеславъ, или нѣтъ,—это я знаю, а если ты не видишь того, такъ Богъ тебѣ судья за то!.. И тоже знаю, что любовью моею я надвѣла тебѣ много

зла; но пора же и опомниться: теперь я не прежняя глупенькая мечтательница. Впрочемъ, довольно, я утомилась очень!.. Я столько сегодня пережила!.. Поди, дай мнѣ еще поцѣловать тебя!.. (*Мировичъ подходитъ къ ней, обнимаетъ ее; она его страстно цѣлуетъ*). А теперь я пойду лягу! Мнѣ что-то очень ужъ нездоровится... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мировичъ (*одинъ*). Несчастныя, несчастныя мы съ нею существа!.. И что тутъ дѣлать, какъ быть? Хорошо разнымъ мудрецамъ, удивлявшимъ міръ своимъ умомъ, сплой воли, характера, рѣшать великіе вопросы... Тамъ люди съ ихъ индивидуальностью — тьфу! ихъ переставляютъ какъ шашки: пусть себѣ каждый изъ нихъ летитъ и кувырывается, куда ему угодно. Нѣтъ, вотъ тутъ бы пришли они и разсудили, какъ разрубить этотъ маленькій, житейскій Гордіевъ узелъ!

Слышится звонкій голосъ и смѣхъ.

Мировичъ (*прислушиваясь*). Что это, никакъ Куницынъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ дѣйствительно Куницынъ.

Куницынъ (*разводя словно въ удивленіи руками*). Какой случай, какой случай! какъ говорятъ въ водевиляхъ.

Мировичъ. Что такое?

Куняцынъ *(повторяя свое)*. Какой случай!.. Какой случай! Но погоди, напередъ надо произвести уплату!.. Танюшка, а Танюшка, милая моя кухарочка!

Уходитъ въ ту дверь, изъ которой появлялась кухарка.

Мировичъ *(съ досадою)*. Вотъ ужъ не въ пору гость!

Куняцынъ *(возвращаясь)*. Никого!.. Пустая кровать! Дѣвочка одна только сидитъ!

Мировичъ. Но гдѣ жъ Татьяна?

Куняцынъ. Дѣвочка говоритъ, что ее барыня услала въ Москву съ письмомъ.

Мировичъ *(съ недоумѣніемъ)*. Какъ въ Москву съ письмомъ? Зачѣмъ?

Куняцынъ. Не знаю! Вретъ, вѣроятно: прелестная Таничка просто, я думаю, къ кабаку убѣжала! Начинаю, впрочемъ, мой рассказъ: вѣхавъ въ Паркъ, я захотѣлъ попройтись пѣшкомъ! Голова очень трещала: пьянъ вчера сильно былъ, и у самой церкви, носъ къ носу, сталкиваюсь съ Евгеніей Николаевной. Въ первый разъ еще мы съ ней встрѣтились послѣ роковой разлуки!.. Идетъ какой-то, батюшка, парижанкой... Экипажъ отличнѣйшій около нея ѣдетъ... Оказывается, что супругъ даже при ней есть, этотъ Бургмейеровскій жидокъ!.. Какъ увидала меня Евгенія Николаевна, такъ сейчасъ и вцѣпилась, и разругала меня, я тебѣ скажу, почти непристойными словами!.. Я ее таковыми же. Супругъ, было, ея тутъ вступился!.. Я погрозилъ оному палкой... Не сойдя съ такимъ образомъ въ нашихъ убѣжденіяхъ, мы разошлись, и вдругъ у воротъ ужъ твоей дачи

зрю: помнишь ты этого Хворостова, что еще съ перваго курса вышелъ, по непонятію энциклопедіи правовѣдѣнія, и котораго, по случаю сходства его фізіономіи съ мускулюсь глутеусъ, обыкновенно все мы называли: *господинъ Глутеусъ!* Онъ здѣсь, извольте видѣть, судебнымъ приставомъ служить... «Здравствуйте, говорю, господинъ Глутеусъ! Куда это вы путь вашъ держите?»—«Что, говоритъ, ты бранишься все...» Знаешь, съ этими надутымъ щеками своими и глупою харей шепелявить. «Я, говоритъ, иду по службѣ!»—«Ну, пошлютъ ли, говорю, тебя, Глутка, куда-нибудь по службѣ, что ты врешь!» Еще болѣе сбозмился. «Гдѣ, говоритъ, я вру: я иду къ Мировичу, деньги съ него взыскать, двѣ тысячи рублей!»—«Что ты брешешь, говорю, показывай сейчасъ какія это деньги?» Подаль онъ мнѣ бумагу; въ самомъ дѣлѣ взысканіе. Я думаю: у парня ни копѣйки нѣтъ, чего добраго въ тюрьму потянуть. Хвать себя за бумажникъ: хорошо, чортъ возьми, что у меня-то на этотъ разъ деньги случились... Сунулъ я этому дуралею въ руку двѣ тысячи цѣлковыхъ, завелъ его въ лавочку, взялъ съ него росписку, и, выведя опять на тротуаръ, будто шутя, повернулъ его и трахъ въ шею, такъ что онъ носомъ почти у меня въ грязь ткнулся. Заругался, заплевался. «Ничего, говорю, подлець, лайся! Не станешь впередъ ходить со стараго товарища деньги взыскивать!» И вотъ тебѣ оная росписка!

Кладетъ съ торжествомъ росписку на столъ.

Мировичъ (*сюръвишій при этомъ разсказъ пріятеля со стыда и беръ его потомъ за руку*). Благодарю тебя, добрый другъ, но, право, мнѣ совѣстно... Зачѣмъ и для чего

ты это сдѣлалъ? Наконецъ, гдѣ ты взялъ денегъ, и какія у тебя могутъ быть лишнія двѣ тысячи цѣлковыхъ?

К у н и ц ы н ѣ *(наивно)*. Деньги эти у меня, братъ, Бургмейеровскія! Помнишь, онъ обѣщался меня поблагодарить, если слова мои оправдаются; а сегодня поутру вдругъ подають мнѣ пакетъ, съ виду ничего особеннаго не обѣщающій; распечатаваю его... Вижу: деньги!... Пересчиталъ—двѣ тысячи рублей, и коротенькая записочка, что это отъ господина Бургмейера,—кратко, деликатно и благородно!

М и р о в и ч ѣ *(почти въ ужасѣ отступая отъ зрителя)*. И ты мой долгъ заплатилъ Бургмейеровскими деньгами?.. Послушай, Куницынъ, у тебя дѣйствительно видно, нѣтъ въ головѣ никакого различія между честнымъ и безчестнымъ. Какъ тебѣ самому-то не совѣстно было принять эти деньги отъ Бургмейера, потому что ты этимъ теперь явно показалъ, что продалъ ему любившую тебя женщину, а ты еще платишь этими деньгами за меня, любовника жены Бургмейера. Понимаешь ли ты, какое тутъ сплетеніе всевозможныхъ гадостей и мерзостей? Наконецъ, ты меня ставишь въ совершенно безвыходное положеніе. Я долженъ теперь бѣжать кланяться всѣмъ въ ноги, чтобы мнѣ дали двѣ тысячи рублей, которыя я могъ бы швырнуть господину Бургмейеру назадъ! Но кто жъ мнѣ повѣритъ такую сумму? Это жестоко, безчеловѣчно съ твоей стороны, Куницынъ! Если ты самъ не понимаешь, такъ спросилъ бы прежде меня: нельзя же честию другаго такъ распорядиться.

К у н и ц ы н ѣ *(совершенно отъшмыгивая и почесывая голову)*.

Да, это такъ! Теперь я самъ вижу, что тутъ есть маленькая неловкость. А въ началѣ мнѣ казалось, что я пріятное для тебя дѣлаю: все-таки человѣка не посадятъ въ тюрьму!

Мировичъ. Что такое въ тюрьму? Меня не за преступленіе посадили бы въ тюрьму, и въ этомъ случаѣ гораздо бы меньше было уязвлено мое самолюбіе чѣмъ теперь.

К у н и ц ы н ѣ (почти сквозь слезы). Понимаю я!... Извини, братъ! Ей-Богу, я не ожидалъ, что такъ тебя огорчу этимъ; но погоди!.. Это поправить можно. На дняхъ у меня еще получка будетъ, только по совершенно уже частному дѣлу: свое послѣднее имѣньишко жиганулъ по-боку—не хочу быть пропріетеромъ, и отъ меня бы вѣдь ты конечно принялъ деньги, чтобы заплатить тамъ какому-нибудь дьяволу долгъ твой, иначе я рассорился бы съ тобой на вѣкъ. Ergo: какъ только я получу эти деньги, немедля же отправлю къ господину Бургмейеру его двѣ тысячи цѣлковыхъ и напишу ему: «Merci, я бабьимъ мясомъ не торгую!» и ты тогда, выходитъ, мнѣ ужъ долженъ будешь.

Мировичъ (снова расстроженный). Благодарю!.. Я въ дружбѣ твоей, конечно, никогда не сомнѣвался, но только на средства являть эту дружбу ты неразборчивъ.

К у н и ц ы н ѣ. Что дѣлать, братецъ, очень ужъ я нанюхался розъ-то россійскихъ. Тамъ—сямъ нюхнешь мошенниковъ-то, смотришь и самъ сбрендилъ!.. Кто это точно стучится?.. (прислушиваясь). Такъ и есть... (Поетъ). «Отперите, отперите!» какъ пѣла у насъ Рехтъ. (Мировичу). Отворить что ли?

М и р о в и ч ъ. Отвори.

К у и и ц ы н ъ (*отворяя дверь и съ удивленіемъ на лицѣ*).
Господинъ Бургмейеръ.

М и р о в и ч ъ (*тоже восклицая*). Бургмейеръ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ Бургмейеръ.

Б у р г м е й е р ъ (*съ потупленною головою и не обращаясь с обственню ни къ кому*). Могу я видѣть Клеопатру Сергѣевну?

М и р о в и ч ъ (*гордо встряхивая предъ нимъ своими кудрями*). Нѣтъ-съ, не можете.

Б у р г м е й е р ъ. Она сама прислала ко мнѣ свою женщину и просила меня, чтобъ я къ ней пріѣхалъ.

М и р о в и ч ъ (*вспыхивая въ лицѣ*). Клеопатра Сергѣевна присылала къ вамъ?

Б у р г м е й е р ъ. Да, вотъ ея записка... Тутъ вышло нѣкоторое недоразумѣніе: я велѣлъ управляющему своему скупить одно ваше обязательство, съ тѣмъ чтобъ уничтожить его; а онъ не понялъ меня и подалъ это обязательство ко взысканію.

М и р о в и ч ъ (*смѣясь ему въ лицо*). Какой однако у васъ непонятливый управляющій! Зачѣмъ же вы держите его?

Б у р г м е й е р ъ (*потупляясь*). Я уже отказалъ ему, и теперь собственно пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ уничтожить это его распоряженіе.

М и р о в и ч ъ. Напрасно въ этомъ случаѣ беспокоились: взысканіе это уже оплачено.

Бургмейеръ *(еще болѣе смутившись)*. Очень жаль, что не успѣлъ поправить этой ошибки... Но я все-таки просилъ бы позволенія видѣть Клеопатру Сергѣевну, потому что я и о другомъ еще желаю съ ней переговорить.

Мировичъ. Клеопатра Сергѣевна больна и, вѣроятно, не приметъ васъ.

Бургмейеръ. Но она жъ сейчасъ сама писала мнѣ записку.

Мировичъ. Когда писала, то была здорова, а теперь сдѣлалась больна.

Бургмейеръ. Мужъ, полагаю, и больную даже жену свою, лежащую въ постелѣ, можетъ видѣть.

Мировичъ. Мужъ?... Да!.. Но вы, кажется, немножко утратили это право. Вы забыли, что я вамъ за эту женщину спасъ ваши милліоны и приплатилъ еще къ тому болѣе чѣмъ собственной кровью, приплатилъ моею честью; а потому я васъ не считаю мужемъ Клеопатры Сергѣевны.

Бургмейеръ. Вы можете считать или не считать меня мужемъ, но законъ еще пока не лишаетъ меня этого права.

Мировичъ. А, да, вотъ что-съ! Вы на законъ думаете опираться? Въ такомъ случаѣ убирайтесь откуда пришли и приходите сюда съ полиціей, а иначе я васъ въ подворотню мою заглянуть не пущу.

Бургмейеръ *(поднявъ наконецъ голову)*. Вячеславъ Михайловичъ, видитъ Богъ, я пришелъ къ вамъ не ссориться, а хоть сколько-нибудь улучшить участь моей бѣдной жены. Я отовсюду слышу, что она очень растроила свое здоровье, а между тѣмъ по средствамъ своимъ не можетъ пригласить къ себѣ доктора;

у ней нѣтъ даже сухаго, теплаго угла и приличной діетической пищи; помочь мнѣ ей въ этомъ случаѣ, я думаю, никто въ мірѣ не можетъ запретить.

Мировичъ. Да-съ, никто, кромѣ самой Клеопатры Сергѣевны.

Бургмейеръ. Но и она, я надѣюсь, не воспретитъ мнѣ этого.

Мировичъ. Если не воспретитъ, — это ея дѣло: но я лично не желаю быть передатчикомъ ей вашихъ благодѣній, а тѣмъ болѣе раздѣлять ихъ съ нею.

Бургмейеръ. Объ васъ и объ вашемъ положеніи я знаю, что никакого права не имѣю ни думать, ни заботиться.

Мировичъ. То-то, къ несчастію, вы очень заботитесь и думаете обо мнѣ: вы были такъ добры, что прискали даже мнѣ мѣсто въ компаніи *Беллы*, чтобы спровадить такимъ образомъ меня въ Америку. Управляющій вашъ по ошибкѣ хлопочетъ засадить меня въ тюрьму и устроить тамъ мнѣ бесплатное помѣщеніе, на это я вамъ, милостивый государь, скажу, что порядочные люди подобныхъ подлыхъ путей не избираютъ, и если возвращаютъ себѣ женъ, такъ пулей или шнагой.

Бургмейеръ. Я слишкомъ старъ и слишкомъ явно для меня, что я тутъ проиграю, чтобы прибѣгать мнѣ къ подобнымъ средствамъ.

Мировичъ (*засмѣясь*). Вы, я думаю, давно уже для всякихъ благородныхъ средствъ были стары!... Давно... съ дѣтства даже...

Бургмейеръ (*вспыхнувъ наконецъ*). Господниъ Мировичъ?

<http://rcin.org.pl>

Мировичъ. Что Мировичъ?... Обижайтесь!... Оскорбляйтесь! Я съ открытымъ забраломъ и безъ щита готовъ принять вашъ вызовъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Входитъ Клеопатра Сергѣевна.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*прямѣ обращаясь къ Бургмейеру и протягивая ему руку*). Здравствуйте, Бургмейеръ, благодарю васъ, что вы пріѣхали ко мнѣ. Извините, что я долго заставила васъ ожидать себя.

МИРОВИЧЪ (*едва сдерживаемымъ голосомъ говоритъ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ*). Болѣзнь ваша, значитъ, кончилась уже?

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*скороговоркой*). Кончилась... (*снова обращаясь къ Бургмейеру*). Я бы прежде всего просила васъ, Александръ Григорьевичъ, заплатить двѣ тысячи долгу по взысканію на насъ.

БУРГМЕЙЕРЪ. Но они, я слышалъ, заплачены уже.

КЛЕОПАТРА СЕРГѢЕВНА (*съ удивленіемъ*). Кто жъ ихъ заплатилъ!

КУНИЦЫНЪ (*краснѣя въ лицѣ, робко взглядывая на Мировича и не рѣшаясь, говоритъ ли ему или нѣтъ*). Я-съ это.

БУРГМЕЙЕРЪ (*обрадованный этимъ признаніемъ и берясь за свой бумажникъ*). Если вы, то позвольте мнѣ сейчасъ же заплатить ихъ вамъ.

КУНИЦЫНЪ (*останавливая его*). Атанде-съ немного! У насъ и кромѣ этого есть еще съ вами счеты; мы поговоримъ потомъ.

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА. Отчего же, Купцынъ, вы не хотите взять ваши деньги?

КУПЦЫНЪ (*опять краснѣя*). Сдѣлайте милость, прошу васъ, извольте заниматься вашимъ разговоромъ и не беспокойтесь обо мнѣ.

БУРГМЕЙЕРЪ (*опять относясь къ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ и очень перышителльнымъ голосомъ*). Вы, кромѣ этого долга, Клеопатра Сергѣевна, не имѣете ли еще въ чемъ нужды?

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА (*перебивая его*). Нѣтъ... что жь... Особенной нѣтъ. Но я желала бы, Александръ Григорьичъ, попросить васъ о гораздо большемъ: теперь я очень хорошо сама сознаю сколько виновата предъ вами. Я тогда... за одно неосторожное ваше слово.. чувству моему, которое слѣдовало бы задушить въ себѣ... я позволила развиться до безумія и безуміемъ этимъ я погубила было того человѣка, которому больше всѣхъ на свѣтѣ желала счастья. Дайте мнѣ, Александръ Григорьевичъ, возможность поправить это, возьмите меня опять къ себѣ—не женой!... нѣтъ... зачѣмъ же это... Но я буду вашимъ другомъ... дочерью... сестрою... а Мирвичу дайте еще летѣть въ жизнь: мы связываемъ ему только крылья.

МИРОВИЧЪ (*блѣдный какъ мертвецъ и потирая себѣ руки*). Евгенія Николаевна видно вполне сираведливо мнѣ говорила о вашемъ давнишнемъ намѣреніи сойтись съ вашимъ супругомъ!

КЛЕОПАТРА СЕРГЪЕВНА (*опять скороговоркой*). Да, она все вамъ сираведливо обо мнѣ говорила... (*Бургмейеру*). Вы берете меня?

Б у р г м е й е р ъ. Клеопатра Сергѣевна, развѣ вы могли сомнѣваться въ этомъ? Я все готовъ исполнить, что вы желаете, и сочту за счастье для себя, что около меня будетъ жить хоть сколько-нибудь жалѣющее меня существо, а не люди, готовые отнять у меня почти жизнь!

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*съ усиленъ надъ собою подходить къ Миновичу*). Прощайте, Вячеславъ, не сердитесь на меня и не проклинаяте очень, и если будете вспоминать меня, то знайте: мы, женщины, тоже имѣемъ свое честолюбіе, и когда женщина кого истинно любить, такъ ей вовсе не нужно, чтобъ этотъ человѣкъ вѣчно сидѣлъ около нея, и чтобы вѣчно видѣть его ласки. Напротивъ. Для нея всего дороже, чтобъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, вмѣстѣ или врознь съ нею!

М и р о в и ч ъ (*настойчиво и съ твердостью*). Полноте, Клеопатра Сергѣевна, казупстикой ни себя нельзя ни въ чемъ убѣдить, ни другимъ ничего доказать! Образумьтесь лучше и поймите хорошенько: на что вы рѣшаетесь?

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*потупляясь*). Я рѣшаюсь на то, что говорить мнѣ моя совѣсть! (*какъ то торопливо относится къ Куницыну*). Вы, Куницынъ, были всегда такъ добры ко мнѣ... Я вамъ очень благодарна, и пожалуйста возьмите у мужа деньги!

К у н и ц ы н ъ (*опять вспыхнувъ*). Послѣ-съ, послѣ мы объ этомъ потолкуемъ!

К л е о п а т р а С е р г ѣ е в н а (*взглядываетъ еще разъ на Миновича и идетъ къ дверямъ, но потомъ схватываетъ вдругъ себя обѣими руками за грудь и восклицаетъ*). Господи, что же это я дѣлаю!://<http://www.vostok.org.ru> | какомъ-то почти изстѣ-

пленіи вскрикиваетъ). Александръ Григорьевичъ, уведите меня отсюда, поскорѣе уведите!

Бургмейеръ поспѣшно подаетъ ей руку и вмѣстѣ съ Куницынымъ уводитъ ее.

Мировичъ (*дѣлалъ сначала движеніе какъ бы идти за ними, но тотчасъ же и останавливаясь*). Зачѣмъ? Для чего? Романъ, какъ слѣдуетъ, прошелъ уже по всѣмъ своимъ темпамъ: было сначала сильное увлеченіе... Любовь!... Но натянутыя струны поослабли и перестала издавать чарующіе звуки, а тутъ еще почти неотразимые удары извнѣ, и разлука неизбежна!

Возвращается Куницынъ; онъ какой-то опьяненный.

Куницынъ (*выходя прямо на авансцену*). Вотъ ужъ именно словами Шекспира могу сказать; «Сердце мое никогда не знало жалости, но рассказывая эту грустную повѣсть, я буду рыдать и плакать, какъ черноликій Клиффорд!»

Мировичъ (*обращался къ нему и какимъ-то задыхающимся голосомъ*). Что тамъ такое еще происходило?

Куницынъ (*сверхъ обыкновенія съ чувствомъ*). Эго ужасно что такое! Клеопатра Сергѣевна удержаться главное никакъ не можетъ: рыдаетъ на всю улицу да и баста!... Дуракъ этотъ Бургмейеришко тоже растерялся совершенно! Тутъ оставаться, видить, срамъ; а везти боится—хуже обезпокоишь! Тагъ что ужъ я даже закричалъ ему: «Везите, говорю, ее; можетъ-быть лучше протрясетъ!»

Мировичъ (*съ какимъ-то искривленнымъ ртомъ*). Сама пожелала того и выбрала!

Куницынъ. Нѣтъ, братецъ, нѣтъ, какъ хочешь, ты тутъ во всемъ виноватъ!... Какимъ же образомъ женщину, привыкшую къ удовольствію, дер-

жать въ этакой канурѣ и кормить протухлою колбасой и картофелемъ! Это какая хочешь уйдетъ — не выдержать. Я тебѣ всегда говорилъ, что деньги нынче все значать! Ну, если ихъ нѣтъ, а они нужны, такъ украдь ихъ чортъ, возьми! Повѣрь, что на дѣлѣ моя философія всегда вѣрнѣй твоей будетъ!

Мировичъ *(уже съ ильвомъ)*. Ты дуракъ послѣ этого совершеннѣйшій, если не понимаешь того, что я слишкомъ сегодня несчастливъ и слишкомъ страдаю, чтобъ издѣваться надо мной и дѣлать наставленія мнѣ..

Кунницынъ. Не стану, не стану, Богъ съ тобою! Въ Америку ѣдешь?

Мировичъ. Ёду!

Кунницынъ. Когда?... Скоро?

Мировичъ. Послѣзавтра, вѣроятно.

Кунницынъ. Ну, приду на чугунку проводить!.. Прощай! *(и не смѣя подойти проститься съ пріятелемъ, уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Мировичъ *(одинъ и взмахивая какъ-то рѣшительно головою)*. Прими, Вааль, еще двѣ новыя жертвы! Мучь и терзай ихъ сердца и души, кровожадный богъ, въ своихъ огненныхъ когтяхъ! Скоро тебѣ всѣ поклонятся въ этотъ вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній и надеждъ, вѣкъ мѣдныхъ рублей и фальшивыхъ бумагъ!

(Занавѣсъ падаетъ.)

ПРОСВѢЩЕННОЕ ВРЕМЯ

ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ираклій Семенычъ Дарьяловъ, отставной корнетъ, по-прежнему своему занятію шулеръ, а нынѣ директоръ компаніи «по выщипкѣ руна изъ овецъ».

Софья Михайловна—жена его.

Аполлонъ Алексѣевичъ Амуровъ, богатый помѣщикъ, лошадиный охотникъ и господинъ вообще живущій въ свое удовольствіе; не молодой уже, но очень еще красивый и молодцоватый изъ себя.

Аника Матвѣичъ Блинковъ, молодой купчикъ и тоже очень богатый.

Эмилія Федоровичъ Гайеръ,—другой директоръ компаніи «по выщипкѣ руна изъ овецъ».

Петръ Петровичъ Прихвосневъ, агентъ по всевозможнымъ дѣламъ и содержатель увеселительнаго сада, называемаго: «Русская Забава».

Секретарь компаніи.

Надя, горничная Софьи Михайловны.

Хожалый.

Акціонеры компаніи «по выщипкѣ руна изъ овецъ»:

Абдуль-ага, татаринъ и зажиточный владѣлецъ мыльнаго завода.

Агей-Оглы-Эфенди, мулла киргизскій.

Гаспаръ Гаспаровичъ Безховъ-Муритскій, старый рос-

товщикъ изъ армянъ, подслѣповатый и съ трясущеюся головой.

Одинъ молодой армянинъ.

Другой молодой армянинъ.

Г-жа Трухина.

Препиратовъ, повѣренный ея.

Три чиновника.

Шесть человѣкъ артельщиковъ.

Дьячокъ.

Кучерь.

Данеи.

ДѢЙСТВІЕ I.

Женскій будуаръ, съ коврами, съ мягкой ситцевою мебелью и со множествомъ модныхъ бездѣлушекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья Михайловна сидитъ на одномъ креслѣ около стола, а Амуровъ — на другомъ недалеко отъ нея.

Софья Михайловна (вматривая со страстью на Амурова). Ты очень меня любишь?

*Амуровъ (потупляя нѣсколько свои красивые глаза).
Очень*

Софья Михайловна. Но за что?

Амуровъ (пожимал плечами). Во-первыхъ, за то что ты хороша собой!..

Софья Михайловна (слегка вспыхнул). Ну да, я знаю: ты мнѣ это ужъ говорилъ; но это собственно чувственная привязанность... А за что же еще ты меня любишь?

Аматуровъ (*какъ бы нѣсколько затрудняясь*). За то что ты умна.

Софья Михайловна (*довольнымъ голосомъ*). Нѣтъ, ты не шутишь?... Я въ самомъ дѣлѣ кажусь тебѣ умной?

Аматуровъ. Нѣсколько не шучу!

Софья Михайловна. Ну, а еще за что любишь?... Скажи мнѣ, милый мой, мнѣ такъ отрадно это слышать!

Аматуровъ (*опять пожимая плечами*). Еще за то, пожалуй, что ты сама меня любишь.

Софья Михайловна. Ахъ, я тебя ужасно люблю!.. Но вотъ еще въ чемъ ты признайся мнѣ: другихъ женщинъ, прежде меня, ты конечно любишь?... Безъ сомнѣнiя?..

Аматуровъ (*усмѣхаясь*). Былъ грѣхъ!

Софья Михайловна (*быстро подхватывая*). Разумѣется.... Но которую же изъ нихъ ты больше любишь?

Аматуровъ. Полагаю, что къ тебѣ у меня самое серьезное и большое чувство.

Софья Михайловна. Поклянись, что это ты говоришь правду!

Аматуровъ. Клянусь, или по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту мнѣ это такъ представляется.

Софья Михайловна (*съ досадой*). О настоящей минутѣ и не говори, а скажи, что ты всю жизнь будешь это чувствовать!

Аматуровъ. Полагаю даже, что всю жизнь...

Софья Михайловна. И какую бы, значить, большую жертву или испытанiе и самоотверженiе

тебѣ ни пришлось перенести за меня, ты перенесешь и не разлюбишь меня?

Аматуровъ. Зачѣмъ же разлюбить?

Софья Михайловна. И теперь вотъ, когда мы такъ сидимъ здѣсь, тебѣ хорошо со мной?

Аматуровъ. Еще бы!

Софья Михайловна. А какъ мнѣ-то хорошо!.. Я бы всю жизнь такъ сидѣла и глядѣла на тебя! *(вдругъ беретъ Аматурова за руку и начинаетъ цѣловать)*.

Аматуровъ *(нѣсколько смущенный этимъ)*. Ну, полноте! *(Самъ начинаетъ цѣловать руку Софьи Михайловны)*. Но ты скажи собственно за что меня любишь?

Софья Михайловна *(стремительно)*. Я?. Тебя?.. За все!.. За твой ум!.. За сердце твое, доброе ко мнѣ!.. За твое лицо!.. За чудные глаза твои!.. Ты богъ какой-то для меня!.. Идолъ!.. И меня теперь пугаетъ одно, что неужели это когда-нибудь измѣнится, и мы должны будемъ разстаться!.. У меня при одной мысли объ этомъ холодъ пробѣгаетъ по всей.

Аматуровъ *(нѣсколько встревоженнымъ тономъ)*. Зачѣмъ же и съ какой стати намъ разставаться?

Софья Михайловна *(почти шепотомъ)*. Мало ли что можетъ произойти!.. Разумѣется, еслибъ я была свободная женщина, тогда другое дѣло, но я замужемъ...

Аматуровъ *(испрямляя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ)*. А развѣ мужъ думаетъ уѣхать или перѣехать куда-нибудь?

Софья Михайловна. Не знаю!.. Кто жъ его въдаетъ что онъ думаетъ!.. Ему конечно не должны нравиться наши отношенія!.. *(Торжественнымъ голосомъ)*.

Однако я слышу его шаги!.. Поотодвинься отъ меня подальше!

Аматуровъ отодвигается отъ стола, а Софья облакачивается на спинку своего кресла.

ЯВЛЕНИЕ II.

Входитъ Дарьяловъ съ сердитымъ и недовольнымъ лицомъ.

Д А Р Ъ Я Л О В Ъ (грубо женя). Что жъ ты — готова? (Кивая небрежно и почти съ презрѣніемъ Аматурову головой). Здравствуйте!

Аматуровъ, въ свою очередь, тоже ему довольно сухо кланяется.

С О Ф Ъ Я М И Х А Й Л О В Н А. Я вовсе и не думала быть готовой.

Д А Р Ъ Я Л О В Ъ (покраснѣвъ отъ злости). Значить, ты не поѣдешь?

С О Ф Ъ Я М И Х А Й Л О В Н А. Я еще давеча тебѣ сказала, что не поѣду...

Д А Р Ъ Я Л О В Ъ. Почему жъ ты не поѣдешь?

С О Ф Ъ Я М И Х А Й Л О В Н А. Потому что я совершенно не нужна тутъ...

Д А Р Ъ Я Л О В Ъ. Нѣтъ, нужна!...

С О Ф Ъ Я М И Х А Й Л О В Н А. Зачѣмъ?

Д А Р Ъ Я Л О В Ъ. Затѣмъ что это дѣло серьезное, въковое, — Мнѣ, можетъ-быть, нужно будетъ посовѣтоваться съ тобой.

С О Ф Ъ Я М И Х А Й Л О В Н А. Я тебѣ ничего не могу посовѣтовать, потому что ничего не понимаю.

Дарьяловъ. Положимъ, что не понимаешь; но если я хочу этого.

Софья Михайловна *(съ усмѣшкою)*. Странное желаніе...

Дарьяловъ. Вовсе не странное! Я объяснилъ тебѣ, почему я желаю; объясни и ты, почему ты не хочешь ѣхать?

Софья Михайловна. Такъ... просто не хочу...

Дарьяловъ. Но совершенно безпричинныхъ желаній быть не можетъ...

Софья Михайловна. Отчего жъ не можетъ?.. Можетъ...

Дарьяловъ *(передразнивая жену)*. «Можетъ!» Бычокъ, по обыкновенію, нашелъ... Все равно, что стриженный, а не бритый.

Софья Михайловна *(насилъственно усмѣхаясь)*. Ну, да, конечно! Все равно, что стриженный, а не бритый.

Дарьяловъ. Значитъ, ты дура, и больше ничего!

Софья Михайловна *(вспыхнувъ всѣмъ лицомъ; но, попрежнему, насилъственно усмѣхаясь)*. Если такъ по-твоему. — считай какъ хочешь.

Дарьяловъ *(окончательно выходя изъ себя)*. Наконецъ, ты не имѣешь права поступать такимъ образомъ: я это дѣло затѣваю для выгоды, для семейнаго благосостоянія, въ которомъ и ты, я думаю, будешь участвовать; а человекъ, получая какія бы то ни было для себя выгоды, долженъ же для этого потрудиться; иначе это будетъ подло съ его стороны!..

Софья Михайловна *(тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ)*. Какимъ же особеннымъ благосостояніемъ я пользуюсь?..

Дарьяловъ. А такимъ, что ты пьешь, ѣшь вкусно, сидишь въ теплой, красивой комнатѣ, — стоить это чего-нибудь?

Софья Михайловна *(потупляя глаза)*. Кускомъ хлѣба ужъ ты даже укоряешь меня?

Дарьяловъ. Я не укоряю тебя, а говорю только, что наши труды должны быть общіе.

Аматуровъ *(слушавшій всю эту сцену съ понуренной головой, поднимая, наконецъ, лицо и обращаясь къ Софьѣ Михайловнѣ)*. Но куда это вамъ такъ не хочется съѣздить?

Софья Михайловна. Онъ ѣдетъ домъ покупать и смотрѣть, — повъжай и я съ нимъ...

Дарьяловъ. Да, повъжай, потому что, не говоря ужъ о томъ, что покупка эга не шуточная, — въ пятьдесятъ, въ шестьдесятъ тысячъ, — но въ этомъ же домѣ будетъ и квартира наша; должна ты, я думаю, видѣть ея расположеніе. Ты же съ разными тряпками переѣдешь въ нее и, можетъ-быть, негдѣ будетъ поставить ихъ.

Аматуровъ *(Софьѣ Михайловнѣ)*. Конечно, вамъ нужно посмотрѣть вашу будущую квартиру!

Софья Михайловна. Какая же польза будетъ, что я ее посмотрю... Положимъ, что она мнѣ понравится, но онъ *(показывая головой на мужа)*, какъ только купить домъ, такъ все передѣлаетъ и переѣмѣнитъ по-своему.

Дарьяловъ. Непремѣнно переѣмѣню, но что жъ изъ того?

Софья Михайловна. А то, что зачѣмъ же я буду теперь смотрѣть на эту квартиру... Тогда и посмотрю... <http://rcin.org.pl>

Д а р ѣ я л о в ѣ . А два раза невозможно посмотреѣть!.. Ослѣпишь ты отъ этого?.. Умрешь?..

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а . Очень возможно, что и умру... Я безъ того себя дурно сегодня чувствую, а выѣду, еще болѣе простужусь.

Д а р ѣ я л о в ѣ . Ничего ты не чувствуешь дурно — не ври, пожалуйста! Я сказалъ ужъ тебѣ, что ты дура и могъ бы еще прибавить эпитетъ!.. Я очень хорошо понимаю, почему ты не ѣдешь. (*Сердито надѣвая шляпу, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Софья Михайловна и Аматуровъ.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а . Вотъ такъ, — каждый день почти такія сцены; никакого терпѣнія не хватаетъ. (*Начиная плакать*).

А м а т у р о в ѣ (*пододвигаясь къ ней и беря ее за руку*). Ангель мой, не плачь! Умоляю тебя, и отчего въ самомъ дѣлѣ ты не хотѣла съѣздить и потѣшить его — чортъ бы съ нимъ!

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*съ горестью и досадою въ голосъ*). Не хотѣла, потому что я желала съ тобой остаться, а съ его стороны это одинъ только фарсъ и глупая выходка!... Я еще поутру ему говорила, что я не поѣду, и онъ ничего, а тутъ какимъ тигромъ разсвѣрѣпѣлымъ влетѣлъ ..

А м а т у р о в ѣ . Но какая же причина тому, какъ ты думаешь?

Софья Михайловна молчитъ.

Аматуровъ. Ужь не то ли, что я прїѣхаль, его разсердило?

Софья Михайловна *(не вѣруѣ)*. Я думаю что это!... Что жь другое можетъ быть?... Невѣжа этакій, забыль всякое приличіе: вошелъ... не поздоровался... не повлонился тебѣ путемъ.

Аматуровъ *(грустно цѣмъхаясь)*. Ревнуетъ, видно!

Софья Михайловна. Вѣроятно!

Аматуровъ. Что жь онъ выражалъ это ка-кимъ-нибудь образомъ?

Софья Михайловна. Сколько разъ, по крайней мѣрѣ все безъ постороннихъ, а тутъ и при тебѣ даже не выдержаль... ты замѣтилъ его послѣднюю милую фразу?

Аматуровъ. Замѣтилъ!... Но отчего ты никогда не говорила мнѣ объ его ревности?

Софья Михайловна. Зачѣмъ же тебя было тревожить?... Это мое дѣло,—я и должна все переносить на себѣ.

Аматуровъ. Какъ же онъ такъ прямо и называль, что, вотъ, ты любишь Аматурова?

Софья Михайловна. Почти!

Аматуровъ. Но въ какихъ именно выраженіяхъ,—я желаль бы знать!

Софья Михайловна. Да разные тамъ!... Мало ли человѣкъ подъ вліяніемъ злости что можетъ наговорить:—что вотъ онъ мыкается и работаетъ съ утра до ночи, а что у меня только гости и между прочимъ вотъ ты сидишь цѣлые дни...

Аматуровъ. Что жь ты ему на это сказала?

Софья Михайловна *(съ мрачнымъ выраженіемъ)*

въ лицѣ). Я ему на это говорю: «отчего жь у тебя могутъ бывать гости а у меня нѣтъ!.. Обѣдалъ же у насъ прежде Гайеръ безпрестанно, а теперь Матлетовъ и Дементьевъ каждый вечеръ являются». «То, говорить, большая разница: съ этими людьми у меня дѣла общія, а съ Аматуровымъ какія у меня дѣла?» «А Аматурову, говорю, со мной весело!» Это его ужасно обозлило!

Аматуровъ. Съ какою же цѣлью ты его еще больше злишь?

Софья Михайловна. Я нарочно это!... Что жь мнѣ такъ все отъ него и переносить, какъ бы онъ ни поступалъ противъ меня и что бы онъ ни сказалъ мнѣ! Но что хуже всего въ немъ: сколько бы онъ ни сердился, онъ никогда не выскажетъ того, что думаетъ и чувствуетъ, и у него всегда подъ этимъ таится совсѣмъ другое!... Я-то его ужь очень хорошо знаю, и мнѣ иногда страшно подумать, что это за человѣкъ!..

Аматуровъ (*пожимая плечами*). Но согласишься, что такая жизнь не возможна и нельзя жь тебѣ постоянно оставаться въ подобномъ положеніи.

Софья Михайловна. Конечно тяжело, тѣмъ больше что я... (*грустно усмѣхалась*). Я даже опасаясь, чтобы онъ чего-нибудь еще хуже не предпринялъ противъ меня.

Аматуровъ (*съ безпокойствомъ*). Что жь онъ можетъ еще хуже предпринять?

Софья Михайловна на это молчитъ.

Аматуровъ (*продолжаетъ*). Если дѣйствительно, какъ ты говоришь, его въ настоящую минуту больше всего возмущаетъ то, что нѣзжу къ вамъ, пзволь:

я буду бывать рѣже, и мы станемъ видаться въ другихъ мѣстахъ.

Софья Михайловна *(съ некоторымъ удивленіемъ)*. Въ какихъ другихъ мѣстахъ?

Аматуровъ. Очень просто: ѣзди чаще къ намъ въ домъ.

Софья Михайловна. Что же за радость—ѣздить къ вамъ въ домъ! .. Ты живешь съ сестрами, съ братьями!... Взглянуть на тебя лишній разъ не будешь смѣть! Это пытка обыкновенно какая-то для меня, когда я бываю у васъ; кромѣ того мужъ будетъ знать, гдѣ я часто бываю, и это ему еще непріятнѣе будетъ, чѣмъ то, что ты у насъ бываешь...

Аматуровъ *(пожимая плечами)*. Надобно же однако что-нибудь попридумать?

Софья Михайловна *(грустнымъ голосомъ)*. Что жъ попридумать? *(Беретъ себя за голову и на нѣсколько минутъ задумывается)*. Несчастливая и несчастная я женщина, вотъ что!... Одно что *(при этомъ все лицо ея вспыхиваетъ)* тогда мнѣ въ голову пришло, когда онъ мнѣ сказалъ, что Матлетовъ и Дементьевъ ничего что у насъ бывають, потому что у него дѣла съ вами, я тутъ же и подумала, что еслибы ты вошелъ съ нимъ въ дѣло.

Аматуровъ *(нѣсколько удивленный)*. Я?

Софья Михайловна *(какъ-то мрачно)*. Да!

Аматуровъ *(по прежнему съ удивленіемъ)*. Но неужели бы это могло обмануть и уснокоить его?

Софья Михайловна *(не совсемъ увѣренно)*. Полагаю, что могло бы.

Аматуровъ. На какомъ же основаніи?

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*съ нѣсколько забывшими глазами*). Основаній много!

А м а т у р о в ъ. А именно?

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*видимо придумывая*). Именно... что Дарьяловъ самъ про себя говорить, что у него нѣтъ ни друзей, ни пріятелей, а есть одни только нужные люди,—ты тогда будешь нужный ему человекъ, а это положить большую узду на него!

Аматуровъ при этомъ усмѣхается.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Потомъ, ревности на стоящей, то-есть ревности по любви, въ немъ во мнѣ нѣтъ, потому что онъ давно уже любить другихъ женщинъ.

А м а т у р о в ъ. Но, можетъ-быть, это не мѣшаетъ ему продолжать любить тебя!

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*вспыхнувъ*). Съ какой же стати? чѣмъ же ты меня послѣ того считаешь? Я вовсе не изъ такихъ женщинъ, чтобы меня совсѣмъ ужъ можно держать въ рабскомъ подчиненіи: еслабы мы съ мужемъ любили другъ друга, тогда, вѣроятно, я тебя бы не полюбила, но еслибы это случилось, и мужъ мой все-таки продолжалъ любить меня, я бы ему во всемъ призналась, хоть бы онъ даже убилъ меня за то! Дарьяловъ же чисто ревнуетъ меня изъ самолюбія... Боится, чтобы въ обществѣ ему не посмѣялись, что ты у насъ безпрестанно бываешь; а когда ты будешь имѣть дѣла съ нимъ, тогда никто, конечно, не посмѣетъ ему и сказать того, потому что онъ оборветъ всякаго и отвѣтитъ, что мало ли кто у него часто бываетъ по дѣламъ.

А м а т у р о в ъ (*внимательно выслушавшій весь этотъ монологъ и съ прежнею усмѣшкой*). Все это, можетъ-быть,

весьма справедливо, но я тутъ бы нѣсколько вопросовъ желалъ сдѣлать.

Софья Михайловна. Пожалуйста!

Аматуровъ (*довольно протяжно*). Во-первыхъ, какую же сумму денегъ я долженъ затратить въ его дѣла?

Софья Михайловна. Ахъ, Боже мой, какую хочешь! Вы мужчины лучше это должны знать.

Аматуровъ (*тѣмъ же протяжнымъ тономъ*). Тысячъ тридцать довольно?

Софья Михайловна Да!... Полагаю, что довольно!

Аматуровъ (*подумавъ немного и усмѣхаясь*). Супругъ вашъ, скрывать этого нечего, великій аферистъ и плутъ,—что, если онъ надуетъ и обманетъ какънибудь меня?

Софья Михайловна (*покраснѣвъ*). Нѣтъ, не думаю... Ты, впрочемъ, сдѣлай съ нимъ на бумагахъ.

Аматуровъ Бумаги съ этими господами ничего не значать...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Баринъ пріѣхали и спрашиваютъ: скоро ли будетъ готовъ обѣдъ?

Софья Михайловна (*Аматурову*). Начинаетъ ужъ придирается. (*Лакею*). Ты же, вѣдь, накрываешь!...

Скажи, что скоро

Аматуровъ (*вставая и берясь за шляпу*). Мнѣ,

полагаю, лучше теперь уѣхать, и завтра, что ли, заѣхать переговорить съ Иракліемъ Семеновичемъ объ деньгахъ?

Софья Михайловна (неръшительно). Нѣтъ, зачѣмъ же завтра?... Мнѣ очень не хочется отпустить тебя! Еслибы тебѣ сейчасъ идти переговорить съ нимъ?... Непредувѣдомленный онъ, пожалуй, дерзость тебѣ какую-нибудь скажетъ. Погоди!.. Пстой!.. *(Встаетъ).* Я пойду, подготовлю его немного и позову его къ тебѣ!

Аматуровъ. Отлично это, безподобно!

Софья Михайловна уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Аматуровъ (обращаясь къ публикѣ и показывая головой на ушедшую Софью Михайловну). Прелестная женщина!... Она вся огонь и нервы!... Мечтательница, какихъ міръ не производилъ... Воображаетъ, напримеръ, что между мужчиной и женщиной можетъ существовать вѣчная любовь? Развѣ между обезьянами, гдѣ-нибудь на необитаемомъ острову, она еще осталась, а между людьми что-то не видать ея. Но попробуй Софѣ Михайловнѣ растолковать эту простую истину! Скорѣй съ ума сойдетъ, чѣмъ повѣритъ: расплачется, разрыдается, отнесетъ непременно это къ личности... скажетъ: «это вы меня разлюбили, вы такой вѣтренникъ» тогда какъ всѣ мужчины таковы, да и женщины тоже: она сама же, вѣроятно, года черезъ два разлюбитъ меня!... *(Пройдѣсь по сценѣ).* Непріятно тутъ еще то, что без-

престанно приходится встрѣчаться съ ея мужемъ,— это скотина какая-то: на каждомъ шагу, явно что съ умысломъ, дѣлаетъ мнѣ грубости и дерзости, а теперь еще денегъ ему давай, которыя, разумѣется, ухнутъ у него и мнѣ ужь никакими баграми не выпарпать ихъ изъ дѣль его! Глупо я немножко сдѣлалъ, что сказала тридцать тысячъ —слишкомъ много!.. сказать бы десять: можетъ-быть, и тѣмъ бы удовольствовались.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Входитъ Дарьяловъ. Лицо его не такъ ужь мрачно и инъвно.

Д а р ѣ я л о в ѣ. Еще разъ здравствуйте! (*Протягиваетъ Аматурову руку, которую тотъ, въ свою очередь, пожимаетъ*). Я давеча, разсердившись на жену, и не простился съ вами! Садитесь, пожалуйста!

Оба садятся.

Д а р ѣ я л о в ѣ. Жена мнѣ сейчасъ сказала, что вы ѣздили къ намъ и теперь даже пріѣхали по одному дѣлу вашему?...

А м а т у р о в ѣ. Да, по дѣлу...

Д а р ѣ я л о в ѣ (*съ замѣтною важностью*). Слушаемъ-сь!... Будемъ слушать!...

А м а т у р о в ѣ. Дѣло мое очень простое: у меня есть свободнаго капитала тысячь двадцать или двадцать пять!

Д а р ѣ я л о в ѣ. Жена мнѣ говорила что даже тридцать...

А м а т у р о в ъ (*нѣсколько сконфузившись*). Пожалуй, что и до тридцати наберется! Получаю я съ нихъ всего по шести процентовъ. Согласитесь, что въ настоящее время это смѣшно; а потому не возьмете ли вы ихъ въ какое-нибудь ваше дѣло хоть сколько-нибудь на болѣе выгодныхъ для меня условіяхъ?

Д а р ѣ я л о в ъ (*какъ бы размышляя*). На болѣе выгодныхъ для васъ условіяхъ?... Но въ какое же собственно дѣло мое,—я недоумѣваю!

А м а т у р о в ъ. Въ какое хотите!... У васъ ихъ много.

Д а р ѣ я л о в ъ. Есть, конечно!.. Но все это какъ-то не подходящія. Прежде всего, какъ вы знаете, я директоръ компаніи «по выщипкѣ руна изъ овецъ»!... Не акціи же этой компаніи дать вамъ на тридцать тысячъ?... Вы ихъ можете сами приобрѣсти въ каждой конторѣ.

А м а т у р о в ъ (*усмѣхаясь*). Безъ сомнѣнія!...

Д а р ѣ я л о в ъ. За тѣмъ-съ у меня пароходство по рѣкѣ Безводнѣ. Расширять это дѣло нѣтъ цѣли, потому что мѣстныя потребности не требуютъ того; улучшать тоже нѣтъ надобности, такъ какъ оно въ отличномъ видѣ!...

А м а т у р о в ъ. Новаго какогонибудь предпріятія вы не затѣваете ли?...

Д а р ѣ я л о в ъ. Новое у меня одно предпріятіе: я покупаю домъ! Если хотите, дайте мнѣ эти ваши тридцать тысячъ подъ вексель на покупку дома,—я вамъ двѣнадцать процентовъ дамъ!

А м а т у р о в ъ. А если бы подъ закладную?

Д а р ѣ я л о в ъ. Подъ закладную мнѣ даромъ, безъ процентовъ, вашихъ денегъ не надобно! Очень

мнѣ нужно связывать себя закладной!... Я ихъ могу взять только подъ вексель, съ поручительствомъ жены, разумѣется!

Аматуровъ. Зачѣмъ же супругу вашу беспокоить?

Дарьяловъ. Нѣтъ-съ, нѣтъ! Извините! Я люблю дѣлать дѣла честно и акуратно: два чело-вѣва вѣрнѣе одного!... Согласны?

Аматуровъ (*подумавъ немного*). Извольте, мнѣ все равно!... Двѣнадцать процентовъ на рубль хорошо!...

Дарьяловъ (*знаменательно*). Я думаю, что не дурно! Когда жь, однако, я могу получить отъ васъ деньги?

Аматуровъ. Если они вамъ нужны, я сейчасъ же могу за ними съѣздить!

Дарьяловъ. Нѣтъ, прежде лучше отобѣдайте у насъ; надобно выпить бутылочки двѣ клико, чтобы спрыснуть нашу сдѣлку; потомъ вы посидите съ женой, а я сосну немного; за тѣмъ- вмѣстѣ отпра-вимся: вы за деньгами, а я къ маклеру за вексе-лемъ! (*Громко кричитъ*). Софья Михайловна!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Софья Михайловна.

Дарьяловъ. Обѣдать, пожалуйста, поскорѣй!

Софья Михайловна. Я думала, что вы заняты... Тамъ все готово.

Дарьяловъ. Кончили ужь мы, и вы ступайте

въ залу, а я пойду и распоряджусь о шампанскомъ... Мы тутъ дѣло одно сварганили! (*Проворно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Аматуровъ и Софья Михайловна.

Аматуровъ (*съ насмѣшкой*). Совсѣмъ другой человекъ сталъ, какъ денегъ понюхалъ; вѣжливый, любезный сдѣлался.

Софья Михайловна. У него, кажется, не хватало ихъ на покупку дома, который, онъ говорить, очень выгоденъ!

Аматуровъ. Я ужь ему ихъ подь вексель даю,—не беретъ иначе!

Софья Михайловна (*видимо думавшая не о дѣлахъ, а совсѣмъ о другомъ*). Все равно это!... О, милый мой! Ненаглядный! (*Обнимаетъ Аматурова*).

Аматуровъ (*прижимая ее къ груди*). Красавица моя, безцѣнная, сокровище мое!

(*Голосъ Дарьялова изъ залы: Идите же обѣдать!*)

Софья Михайловна. Сейчасъ!... (*Снова неоднократно цѣлуетъ и обнимаетъ Аматурова*.)

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ II.

Большая зала въ домѣ Дарьялова. Въ лѣвой сторонѣ ея, на небольшомъ возвышеніи, стоитъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ съ бумагами, съ разными письменными принадлежностями и колокольчикомъ. Предъ столомъ поставлены два кресла. По лѣвой сторонѣ, кромѣ дивана со столомъ и нѣсколькихъ кресель, разставлены рядами стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ Дарьяловъ во фракъ, въ бѣломъ галстукъ, бѣлыхъ перчаткахъ, но, попрежнему, чѣмъ-то раздосадованный и озабоченный. За нимъ идетъ Прихвосневъ, лопухій господинъ, съ огромными ноздрями, въ пестромъ платьѣ, съ золотой, толстой цѣпочкой, съ перстнями, кольцами.

Дарьяловъ (почти крича на Прихвоснева). Что это такое! Я жду, жду васъ! Вся внутренность перекипѣла.

Прихвосневъ (разводя руками). Да, помилуйте, я вчера въ десять часовъ вечера только получилъ отъ васъ записку.

Д а р ѣ я л о в ѣ . Значить, вы ничего и не сдѣлали? И не привели акціонеровъ?

П р и х в о с н е в ѣ . Я сдѣлалъ, что можно сдѣлать въ одно утро: пригласилъ вонъ трехъ чиновниковъ...

Д а р ѣ я л о в ѣ (нетерпѣливо). Ну!...

П р и х в о с н е в ѣ . Потомъ захвалъ въ компанію «Сыродровка» и привелъ оттуда человекъ шесть артельныхъ.

Д а р ѣ я л о в ѣ . Ну! .

П р и х в о с н е в ѣ . Да еще, ѣхавши уже сюда, дорогой дьячка изъ нашего прихода Христомъ и Богомъ упросилъ, чтобы пришелъ на собраніе.

Д а р ѣ я л о в ѣ (съ досадою). Чортъ знаетъ: дьячковъ какихъ-то наприглашалъ!

П р и х в о с н е в ѣ (покойно). Дьячокъ особа неподозрительная.

Д а р ѣ я л о в ѣ . Что жъ все это будетъ стоить?

П р и х в о с н е в ѣ (подумавъ немного). Стоить будетъ... мнѣ за утреннія хлопоты и за вечеръ, что сидѣть здѣсь буду, пятьдесятъ рублей.

Д а р ѣ я л о в ѣ . А не жирно ли это будетъ?

П р и х в о с н е в ѣ . Нѣтъ съ, не жирно! Я полгорода обскавалъ... Одна компанія «Сыродровка», сами знаете, на краю города; чиновники также всѣ въ разныхъ пунктахъ,—экипажъ ужъ нарочно держу на такіе случаи!

Д а р ѣ я л о в ѣ . Не для одного же моего дѣла вы экипажъ держите?

П р и х в о с н е в ѣ . Какъ не для одного?... Я сегодняшній день, кромѣ вашего порученія, ничего не успѣю сдѣлать.

Д а р ъ я л о в ъ. Успѣете и другое многое!... Сколько же прочимъ слѣдуетъ заплатить?

П р и х в о с н е в ъ. Прочимъ слѣдуетъ,—чиновникамъ менѣе пяти рублей серебромъ нельзя дать, а то потомъ ихъ ни на какое собраніе и не докликнешься; артельнымъ, конечно, можно заплатить и по три, а дьячку тоже пять.

Д а р ъ я л о в ъ. Это выходитъ восемьдесятъ восемь рублей?

П р и х в о с н е в ъ. Да ужъ положите на кругъ сто!... Лучше стараться будемъ!

Д а р ъ я л о в ъ *(съ досадой)*. Сто ему положить!... На вѣсь золота скоро вы станете цѣнить себя!... Будетъ съ васъ и восьмидесяти!... *(Проворно вынулъ изъ кармана бумажникъ и вытащивъ изъ него восемьдесятъ рублей, подаетъ ихъ Прихвосневу)*.

П р и х в о с н е в ъ *(сосчитавъ деньги)*. Откуда же я восемь-то рублей возьму?... Свои, что ли, прикладывать?

Д а р ъ я л о в ъ. Откуда хотите!... Вы тогда, помните, съ госпожой той познакомили меня, и порядочно за то получили, а она недавно тягу отъ меня дала.

П р и х в о с н е в ъ *(огорченнымъ голосомъ)*. Слышалъ это я,—вѣтреница этакая!... Кто имъ нынче въ душу влѣзетъ! Горевать вамъ, впрочемъ, много нечего, по пословицѣ: «было бы болото, а черти будутъ»!

Д а р ъ я л о в ъ *(усмѣхаясь)*. Значить, много этихъ чертенятъ?

П р и х в о с н е в ъ. Много... Въ одинъ мой увеселительный садъ сколько ихъ вѣздитъ! Вотъ даже теперь со мной нѣсколько фотографическихъ карто-

чекъ имѣю,—выпросилъ у нѣкоторыхъ, будто на память себя!... Хотите полюбопытствовать?

Д а р ѣ я л о в ъ. Кажите!

Прихвостневъ вынимаетъ изъ кармана нѣсколько фотографическихъ карточекъ и подаетъ Дарьялову.

Д а р ѣ я л о в ъ (*разсматривая ихъ*). Это кто такая, на примѣръ?

П р и х в о с н е в ъ (*съ гордостью*). Горничная одна!

Д а р ѣ я л о в ъ (*внимательно всматриваясь въ карточку*).

Прелестъ что такое!

П р и х в о с н е в ъ. Да-съ; лучше, пожалуй, другой благородной.

Д а р ѣ я л о в ъ (*продолжая разсматривать карточки*). А эта толстогубая?... Точно негритянка какая.

П р и х в о с н е в ъ. Толстогубая эта дочка статскаго совѣтника.

Д а р ѣ я л о в ъ. Ужь и дочка статскаго совѣтника,—вретъ, вѣдь, какъ!

П р и х в о с н е в ъ. Вѣрно такъ-съ!

Д а р ѣ я л о в ъ. Но это что еще за госпожа?... Красками даже себя расписала. Не молодая ужъ видно!.. И набѣленная, должно быть, нарумяненная.

П р и х в о с н е в ъ. Это есть немножко!... Подрисовывается!.. Жена тутъ одного богатаго купца, и женщина, надо полагать, этакая стыдливая, самолюбивая: въ садъ ко мнѣ ѣздила по вечерамъ съ однимъ господиномъ, часу ужъ въ двѣнадцатомъ, и то подъ вуалью.

Д а р ѣ я л о в ъ. Да на кой чортъ ей садъ вашъ понадобился?

П р и х в о с н е в ъ. Дома, вѣроятно, строгонько! Если она съ кѣмъ очень амуричать начнетъ, такъ

мужъ можетъ замѣтить,—а онъ дѣйствительно, какъ я слышалъ, человѣкъ дерзкій этакій на руку!.. Пожалуй, ей и амуру шею намылить, а вѣдь у меня въ саду все шито и крыто!.. Умерло тутъ!..

Д а р њ я л о в њ (*возвращая ему карточки*). Что ужъ про васъ и говорить!.. Благодарѣтель вы человѣчества. (*Звонитъ въ колокольчикъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

На звонокъ этотъ является секретарь, молодой еще человекъ, крайне мизерной наружности, съ глуповатымъ лицомъ, но тоже во фракъ, бѣломъ гастукъ и бѣломъ жилетъ.

Д а р њ я л о в њ (*ему*). Тамъ собрались акціонеры. Опросите ихъ имена и фамиліи... Внесите все это въ свисскъ акціонеровъ и противъ каждаго изъ нихъ отмѣтите, что акціи были ими представляемы, а также запишите и нашего кучера,—у него очень приличная фізіономія, а потомъ всѣхъ ихъ введете сюда и посадите въ задніе ряды.

С е к р е т а р њ. Хорошо-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Д а р њ я л о в њ и П р и х в о с н е в њ.

П р и х в о с н е в њ. Вы намъ, Ираклій Семенычъ, все таки маленькую програмку дайте, что намъ дѣлать. а то мы, чего добраго, собьемся съ ролей своихъ.

Д а р ѣ я л о в ѣ. Дѣлать только то, чтобы прошли и были утверждены нѣкоторыя мои предложенія! Значитъ: какъ я сдѣлаю какое-либо заявленіе и скажу, что кто съ этимъ согласенъ, пусть тотъ встаетъ,—такъ вы сейчасъ всѣ и вставайте!

П р и х в о с н е в ѣ (*качая головой*). Понимаю-съ, понимаю!

Д а р ѣ я л о в ѣ. А потомъ, если что нужно будетъ сказать за меня и въ мою пользу, вы встанете и скажете!

П р и х в о с н е в ѣ. Это ужь конечно!... Непременно. Партія, поэтому, противъ васъ довольно сильная есть?

Д а р ѣ я л о в ѣ (*даже восклицая*). Огромная!... Какъ тигры разъяренные, такъ и рычатъ на меня.

П р и х в о с н е в ѣ (*тоже съ одушевленіемъ*). Но изъ кого жь она можетъ состоять? Кто коноводъ у нихъ?

Д а р ѣ я л о в ѣ. Да вотъ въ первую голову этотъ Абдулка татаринъ. Муллу, говорятъ, какого-то киргизскаго выписалъ съ доносомъ на меня.

П р и х в о с н е в ѣ. Ахъ онъ мыло казанское!

Д а р ѣ я л о в ѣ. Да, каково это мыло-то казанское!.. Поддулъ также и этого армяшку Безхова-Муритскаго; тотъ вчера еще заходилъ и записался съ двумя какими-то дураками, на людей даже не похожи, точно черкесы какіе!

П р и х в о с н е в ѣ (*съ удивленіемъ*). Поди ты,—черкесы даже!

Д а р ѣ я л о в ѣ. Разумѣется, какіе-нибудь пріятели его, которымъ онъ надавалъ своихъ акцій; но всѣ эти господа, мнѣ чортъ ихъ дери, мерзавцы они были, мерзавцами и останутся, но кто меня удивилъ и,

какъ говорится, ранилъ меня въ душу, такъ это другъ мой и товарищъ Эмилька Гайеръ: самъ, каналья, участвовалъ въ составленіи проекта; я ему за то изъ собственныхъ рукъ десять тысячъ запла- тилъ, а онъ меня изъ благодарности припереть къ стѣнѣ теперь хочетъ.

П р и х в о с н е в ъ *(какъ бы съ чувствомъ даже)*. Но за что же такъ именно?

Д а р ѣ я л о в ъ. Вотъ зачѣмъ дѣла компаніи раз- строились; а чѣмъ я тутъ виноватъ?.. Пошли такія несчастія. Кто жъ съ Богомъ можетъ бороться?

П р и х в о с н е в ъ *(разводя руками)*. Каковъ побо- родся съ нимъ, и тотъ хромъ вышелъ!..

Д а р ѣ я л о в ъ *(подтверждая)*. И тотъ вышелъ хромъ!.. Вообще я вамъ скажу: всѣ эти восточные человѣки да нѣмцы у насъ—просто житья съ ними нѣтъ!.. Вонъ русскіе у меня... Сколько ихъ ни есть акціонеровъ... всѣ молчатъ, а эти господа, если гдѣ грошъ ихъ затронуть, такъ живаго загрызутъ.

П р и х в о с н е в ъ. Дѣйствительно, жадный на- родъ, и главное, дерзкій этакій, дикій, неблагодарный!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ секретарь и за нимъ акціонеры: нѣсколько артельщиковъ, три чиновника, дьячокъ и кучеръ Даръ- ялова.

С Е К Р Е Т А Р Ъ *(имъ)*. Вы въ заднихъ рядахъ по- трудитесь помѣститься.

Тѣ нѣсколько/робко и неумѣло садятся.

Дарьяловъ (*Прихвосневу*). И имъ тоже надо сказать, что они должны дѣлать?

Прихвосневъ. Да-съ, не мѣшаетъ немножко растолковать.

Дарьяловъ (*довольно гордо обращаясь къ акціонерамъ*). Васъ собственно, господа, я прошу не вмѣшиваться въ пренія и разговоры, которые тутъ будутъ происходить, такъ какъ дѣло это для васъ совершенно чуждое; но будетъ говорить г. Прихвосневъ, съ которымъ вы и должны безусловно соглашаться; поэтому, какъ только я пушу вопросъ на голоса и спрошу: «Кто согласенъ съ г. Прихвосневымъ, тотъ встаетъ!» такъ вы сейчасъ и вставайте, а когда я буду голосовать мнѣнія другихъ, то вы сидите!

Одинъ изъ чиновниковъ. Знаемъ-съ эти порядки! Не въ первый разъ: я даже на прошлой недѣлѣ въ двухъ собраніяхъ былъ!... Не ошибся!

Дарьяловъ. Пожалуйста! (*Прихвосневу*). Потрудитесь имъ теперь же раздать слѣдующіи деньги.

Прихвосневъ (*какъ бы нѣсколько уже и обиженнымъ голосомъ*). Раздамъ-съ; не задержу. (*Начинаетъ раздавать*).

Одинъ изъ артельщиковъ (*Прихвосневу*). За что жь, Петръ Петровичъ, намъ меньше супротивъ другихъ? одно, кажись, станемъ дѣлать дѣло!

Прихвосневъ. А что ты чиновникъ или мужикъ?

Тотъ же артельщикъ. Что жь что мужикъ. Мужикъ развѣ не человекъ?

П р и х в о с н е в ъ. То-то, говорятъ, маленько изъ другаго тѣста состряпанъ.

Въ это время секретарь подходитъ къ Дарьялосу и что-то негромко докладываетъ ему.

Д а р ѣ я л о в ъ *(ему)*. Хорошо, позовите; я переговорю съ нпмъ.

Секретарь киваетъ головой, въ дверяхъ показывается хозяинъ.

Х о ж а л ы й *(громкимъ и дикимъ голосомъ)*. Здравья желаемъ, ваше высокородіе!..

Д а р ѣ я л о в ъ. Поди сюда ко мнѣ поближе, любезный.

Хозяинъ подходитъ.

Д а р ѣ я л о в ъ. Тутъ у меня будутъ пускать акціонеровъ по билетамъ; не всякій же, понимаешь, можетъ дѣзть сюда.

Х о ж а л ы й. Слушаю-сь, ваше высокородіе.

Д а р ѣ я л о в ъ. Ну, если кто тамъ будетъ безъ билета силой вриваться, и его стануть не пускать, надѣюсь, что ты, по обязанности твоей службы, по-содѣйствуешь.

Х о ж а л ы й. Зачѣмъ, ваше высокородіе, пущать безъ билетовъ. Безъ билетовъ пущать никуда не велѣно.

Д а р ѣ я л о в ъ. Потомъ здѣсь, собственно въ залѣ, если выйдетъ какое замѣшательство, и я вынужденъ буду позвать тебя,—постоять около себя,—ты, сдѣлай милость, не откажись, стой.

Х о ж а л ы й. Слушаю-сь, ваше высокородіе.

Д а р ѣ я л о в ъ. Мало ли такихъ негодяевъ, которые могутъ поднять шумъ, гамъ...

Х о ж а л ы й. Шумѣть нельзя, ваше высокородіе!..

Намъ и начальство приказываетъ: не позволять шумѣть на улицѣ даже, не то что въ комнатахъ.

Д а р ѣ я л о в ѣ. Еще бы позволять!.. Ты, поэтому, въ дверяхъ вотъ тутъ и встань, повывставившись немного, такъ чтобъ я тебя видѣлъ.

Х о ж а л ы й. Стану, ваше высокородіе! (*Уходитъ и становится какъ ему приказано*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Въ дверяхъ показываются Абдуль-Ага въ золотой ермолкѣ, въ халатѣ изъ трмаламы и въ туфляхъ, а за нимъ Агей-Оглы-Эфенди мулла киризскій, въ темномъ халатѣ и бѣлой чалмѣ.

А б д у л ь - А г а (*показывая хожалому кипу бумагъ*). Ты, барина, не мѣшай мнѣ. На, нюхай!... У меня тутъ пять десятка тысячъ!.. Съ этими, чай, можно и безъ билета ходить! (*Входитъ и, садясь въ переднемъ ряду, обращается къ муллѣ, показывая ему на мѣсто около себя*). Садись Агей Оглычъ!

Мулла съ необыкновенною важностью разсаживается около него. Затѣмъ появляются Безховъ-Муритскій въ умѣренно-черкесскомъ костюмѣ, то-есть только въ длинномъ чепанѣ и серебряномъ съ чернетью поясѣ, и вмѣстѣ съ нимъ два молодые армянина въ настоящихъ ужъ черкескахъ, съ патронташами и даже съ кинжалами. Всѣ они расшаркиваются Абдуль-Агѣ, который имъ киваетъ головой и улыбается. Армяне тоже садятся въ переднемъ ряду. Лица у всѣхъ у нихъ черныя и исполнены озлобленнаго выраженія.

Д а р ѣ я л о в ѣ (*секретарю, показывая на пришедшихъ*). Попросите этихъ господъ представить свои акціи.

СЕКРЕТАРЬ (*подходя къ Абдуль-Агъ и довольно робкимъ голосомъ*). Ваши акціи позвольте видѣть.

АБДУЛЬ-АГА. На, смотри, не фальшивыя!
(*Показываетъ ему акціи*).

СЕКРЕТАРЬ. А акціи вашего товарища?

АБДУЛЬ-АГА. Они тутъ же! Считаю его тутъ!.. Ихъ хватить на всѣхъ—на двухъ!

СЕКРЕТАРЬ. Но если они вамъ принадлежатъ, господинъ мулла не можетъ на нихъ участвовать въ собраніи.

АБДУЛЬ-АГА. А коли я ему подарю, ты можешь мнѣ запретить то? На, Агей Огмычъ, пять тысячъ, держи ихъ въ рукахъ. Пшли его мулла Агей-Оглы Эфенди.

СЕКРЕТАРЬ (*обращаясь къ Дарьялову*). Можно ихъ записывать?

ДАРЬЯЛОВЪ (*пожимая плечами*). Запишите, хоть подобныхъ вещей никогда открыто не дѣлается!

АБДУЛЬ-АГА. Э, барыня, открыто дѣлать лучше, чѣмъ потайбомъ.

СЕКРЕТАРЬ (*армянкамъ*). Ваши билеты?

Тѣ молча показываютъ ему свои билеты.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и хожалый.

ХОЖАЛЫЙ (*не выступая изъ дверей, Дарьялову*). Тамъ, ваше высочордіе, дама съ господиномъ просится переговорить съ вами.

Д а р ѣ я л о в ъ . Приси!

Хожалый отворяетъ дверь. Входитъ Препиратовъ, молодой еще человекъ, со вклоченными, курчавыми волосами, съ выдавшимся впередъ лбомъ и въ очкахъ. Онъ ведетъ подъ руку толстѣйшую Г-жу Трухину, которая съ замѣтною нлжностью опирается на его руку. Оба они подходятъ къ Дарьялову.

Г-жа Трухина. Вы господинъ директоръ?

Д а р ѣ я л о в ъ . Вашъ покорнѣйшій слуга.

Г-жа Трухина. Я вотъ тоже желаю говорить, но я женщина—не могу того, а я вотъ довѣряю г-ну Препиратову.

П р е п и р а т о в ъ (*пустымъ басомъ*). Я повѣренный г-жи Трухиной.

Д а р ѣ я л о в ъ (*Препиратову*). То-есть какъ же: на настоящее только собраніе или по всѣмъ дѣламъ г-жи Трухиной?

П р е п и р а т о в ъ . Я имѣю полную довѣренность отъ г-жи Трухиной.

Г-жа Трухина. Я имъ во всемъ довѣряю!

Д а р ѣ я л о в ъ (*ей*). Прекрасно-съ!... Но намъ все-таки нужно видѣть самыя акціи ваши!

Г-жа Трухина. Я имъ и акціи довѣряю; я имъ довѣренность и акціи могу довѣрить! (*Подаетъ акціи секретарю*).

С е к р е т а р ь (*сосчитавъ акціи, возвращаетъ ихъ Трухиной*). Вѣрно-съ!

Г-жа Трухина (*суя въ карманъ акціи, говоритъ Препиратову*). Вы садьте рядомъ, поближе ко мнѣ, а то, пожалуй, украдутъ у меня билеты эти тутъ!... (*Успѣшимъ на одинъ изъ стульевъ и ошупывая его*). О, песь, жесткой какой да маленькій! Словно на коль какой съла!

Препиратовъ (басомъ). Угодно кресло? (Дарьялову). Могу дамъ кресло взять?

Дарьяловъ. Сдѣлайте одолженіе.

Препиратовъ пододвигаетъ было кресло.

Г-жа Трухина (взянувъ на кресло). Ой, нѣтъ! полно! я увязну тутъ; лучше на двухъ стульяхъ посижу... (садится на два стула). Подвинь-ка ихъ полегоньку.

Препиратовъ осторожно сдвигаетъ подъ ней два стула.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ Эмилій Федоровичъ Гайеръ, разсвирѣпѣлый нѣмецъ. Онъ тоже во фракъ и бѣломъ галстукъ и замѣтно выпивши. При входѣ его хозяинъ дѣлаетъ подъ козырекъ, секретарь вытягивается. Гайеръ прямо подходитъ къ директорскому столу и, сѣвъ на кресло, вынимаетъ изъ кармана большую пачку акцій Общества и кладетъ ее на столъ. Рядомъ съ нимъ помѣщается и Дарьяловъ.

Гайеръ (не обращая никакого вниманія на Дарьялова, встаетъ и съ видимымъ азартомъ, такъ что у него щеки даже дрожатъ, говоритъ акціонерамъ). Три года, милостивые государи, тому назадъ, я имѣлъ честь быть вами избранъ въ директоры!... Теперь не хочу оставаться!... Я обманутъ какъ болванъ, какъ свинья! Господинъ Дарьяловъ при началѣ мнѣ говорилъ: «напишите намъ проектъ упрощеннаго способа выщипки руна изъ овецъ!» Я ученый!... Я зоологъ!... Я химикъ!... Я знаю это!... Мнѣ, говоритъ, за то запла-

тять десять тысячъ. Я пишу, проектъ утверждаютъ, и мнѣ даютъ не деньгами, а акціями; я иду на биржу мнѣ тамъ даютъ за нихъ пять тысячъ; я прихожу... «Дайте мнѣ, говорю, остальные деньгами!...» Подождите, говорятъ, акціи поднимутся, и мы васъ выберемъ въ директоры!... Я опять былъ, милостивые государи (*колотя себя въ грудь*), дуракъ и свинья великій!.. Я повѣрилъ!... Я жду... иду черезъ годъ, мнѣ треть за нихъ даютъ... иду нынче—ничего!... Я вамъ принесъ ихъ назадъ... заплатите мнѣ деньгами... А не заплатите, и буду искъ имѣть къ гг. акціонерамъ.

ПРЕПИРАТОВЪ (*вдругъ вставая и вустпѣйшимъ басомъ*). Требую себѣ слова.

ДАРЪЯЛОВЪ (*качнувъ ему головой*). Разрѣшаю вамъ.

ПРЕПИРАТОВЪ (*сначала откашлинувшись и тѣмъ же вустпѣйшимъ басомъ*). Во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ правила для акціонерныхъ компаній находятся еще, такъ-сказать, въ первичномъ и начинающемъ состояніи, такъ какъ это явленіе новаго міра, новой цивилизаціи и новой культуры; но тѣмъ не менѣе, сколько можно судить по духу всѣхъ законоположеній, то искъ отъ частныхъ лицъ могутъ быть обращаемы только къ запасному капиталу общества или къ его имуществу, но никакъ не къ имуществу акціонеровъ!.. (*поворачивается и снова садится на свое мѣсто*).

ГАЙЕРЪ (*еще болѣе раздраженнымъ голосомъ*). Я знаю-сь къ кому предъявлю искъ. Знаю-сь... Я вотъ его предъявлю къ г. Дарьялову; а теперь говорю,—не хочу быть директоромъ больше и вотъ вамъ акціи и бумаги всѣ!... (*Пихаетъ лежащія на столѣ бумаги и акціи.*) Я ухожу... (*Встаетъ съ кресель и садится на одномъ изъ стульевъ въ рядахъ акціонеровъ*).

А ВДУЛЪ-А Г А *(ему)*. Ты, барина, не пошвыривай очень! Это тамъ ваши съ нимъ дѣла.

Г А Й Е Р Ъ *(въ окончателномъ азартѣ)*. Да, мои дѣла!... Я имѣю дѣла. Я у Прохора Прохорыча на пять милліоновъ заводомъ правлю... Мнѣ за каждую минуту жалованье платятъ!

А ВДУЛЪ-А Г А. Это дай тѣ Богъ и больше того!... *(Дарьялову)*. Читай-ка намъ, барина, лучше про наши то дѣла.

Д А Р Ъ Я Л О В Ъ *(весь красный встаетъ и начинаетъ говорить совершенно дрожащимъ голосомъ)*. Милостивые государи!... Къ великому моему прискорбію, дѣйствительно я долженъ заявить почтеннымъ членамъ собранія, что дѣла нашего Общества находятся въ критическомъ или, точнѣе сказать, отчаянномъ положеніи. Единственнымъ средствомъ къ поправкѣ ихъ, или по крайней мѣрѣ къ нѣкоторой поддержкѣ цѣны на акціи... это, какъ я полагалъ бы съ своей стороны... если бы собраніе мнѣ разрѣшило выдать хоть три процента дивиденда изъ запаснаго капитала Общества, который не могу скрыть, такимъ образомъ изсякнетъ весь.

П Р И Х В О С Н Е В Ъ *(подмигнувъ своей партіи и вставъ)*. Г. директоръ, я просилъ бы васъ настоящее ваше предложеніе голосовать, чтобъ узнать мнѣніе большинства.

Въ это время встаетъ Безховъ Муритскій, все что-то писавтій и считавшій на бумажкѣ.

Б Е З Х О В Ъ - М У Р И Т С К І Й *(останавливая движеніемъ руки Прихвоснева)*. Позвольте-съ, я еще прежде желаю говорить! *(Подноситъ исписанную имъ бумажку къ самому почти глазу своему, который у него немножко еще видѣлъ*

и, слегка потрясывая головой, обращается къ Дарьялову). Три процента дивидента, я сосчиталъ, на всѣ акціи Общества составятъ семьдесятъ тысячъ! Такъ?

Дарьяловъ. Вѣроятно такъ.

Безховъ-Муритскій *(продолжая смотреть въ бумажку).* Въ отчетѣ же прошлаго года вы печатали, что запаснаго капитала у насъ двѣсти тысячъ, — куда же сто тридцать уплыло?.. *(Обращался уже къ товарищамъ своимъ и лукаво имъ подмигивавъ единственно видящимъ глазомъ).* Такъ?... куда?

Тѣ *(оба въ одинъ голосъ).* Да! куда?

Дарьяловъ. Вы не дали мнѣ договорить; я сейчасъ хотѣлъ объяснить, что деньги эти издержаны мной по случаю ужасныхъ несчастій, постигшихъ прошедшій годъ наше предпріятіе: у насъ сгорѣлъ заводъ и всѣ хозяйственныя при немъ учрежденія.

Гайеръ *(гордо державшій ногу на ногу и съ какимъ-то презрѣніемъ слушавшій Дарьялова).* Врете! Это не несчастіе; заводъ былъ застрахованъ. Это еще польза Обществу.

Дарьяловъ. Онъ застрахованъ былъ въ весьма маленькой суммѣ.

Гайеръ. Врете, въ большой! Я-то ужъ это знаю.

Дарьяловъ. *(только при этомъ пожимаетъ плечами и нова продолжаетъ свою рѣчь).* Потомъ недостача шерсти. А между тѣмъ я исполнялъ контракты и, чтобы не подвергаться взысканію неустоекъ, долженъ былъ шерсть перекупать изъ вторыхъ и изъ третьихъ рукъ.

Безховъ-Муритскій *(все еще стоявшій на но-*

ихъ и державшій ухо по направленію къ Дарьялову). Отчего же вы при такихъ несчастіяхъ не созвали собранія, не заявили ихъ и не испросили на ваши дѣйствія согласія Общества?

Дарьяловъ. Я не могъ этого сдѣлать, потому что встрѣтилъ ихъ на мѣстѣ, въ степи, въ ордѣ кочующей.

Абдулъ-Ага *(вставая)*. Э, полно, барина, на степь-то воротить! Степь тутъ не причемъ! Ты вонъ въ писуличкахъ своихъ... читали мнѣ въ трактирѣ... пишешь, что у тебя шерсти не хватило и овцы переколѣли,—сколько ихъ у тебя колѣло?

Дарьяловъ. Сто тысячъ.

Абдулъ-Ага. Много это, много! Вѣрно ли ты сосчиталъ?

Дарьяловъ. Вѣрно! Я самъ два раза заболѣвалъ этою ужасною болѣзнью. *(Покалывая на свою руку)*. Вонъ слѣды выжиговъ.

Абдулъ-Ага. Да хранить ты Богъ! Сколько же ты продалъ овцы муллъ? *(Обращаясь къ муллѣ)*. Агей Оглычъ, сколько ты компанейской овцы купилъ?

Мулла *(вставая)*. Компанейска овца мы купили пятьдесятъ тысячъ.

Дарьяловъ. Вы могли и сто тысячъ купить на базарѣ.

Мулла. Нѣтъ, вся компанейска овца была на-чисто.

Абдулъ-Ага *(муллѣ)*. Кажп-ка шкурку-то, что привезъ.

Мулла *(вынимая изъ-подъ полы халата овечью шкурку и поднимая ее на глаза всѣхъ акціонеровъ)*. Это тавро компанейское.

Д а р ѣ я л о в ъ *(совершенно растерявшись)*. Но можетъ-быть и не компанейское!

А б д у л ѣ - А г а . Кажу тавро правленское, — слышимъ.

Д а р ѣ я л о в ъ . Правленское тавро затеряно.

Г а й е р ъ . Покажите мнѣ шкурку.

Ему показываютъ ее.

Г а й е р ъ . Компанейское тавро.

А б д у л ѣ - А г а *(Дарьялову)*. Такъ, барина, честные господа не дѣлаютъ.

Д а р ѣ я л о в ъ *(выйдя наконецъ изъ себя)*. Позвольте, господа, что такое: слѣдствіе, что ли, здѣсь надо мной производятъ или я предсѣдательствую въ собраніи? Я желаю голосовать вопросъ: угодно ли собранію разрѣшить выдачу дивиденда изъ запаснаго капитала или нѣтъ? Кто разрѣшаетъ, тотъ встанетъ.

Прихвосневъ и вся его партія мгновенно встаютъ.

Б е з х о в ъ - М у р и т с к і й *(взглянувъ на вставшихъ акціонеровъ)*. Мы ихнаго вставанья слушаться не будемъ. *(Дарьялову.)* Вонъ вучеровъ-то вашихъ нагнали! Я слѣпъ да вижу: онъ у меня сначала жилъ и къ вамъ перешелъ, подтасовщикъ вы этакій и жуликъ!

Д а р ѣ я л о в ъ . Вы не смѣете мнѣ такъ говорить!

Б е з х о в ъ - М у р и т с к і й . Говорить я и не буду!... А я васъ палкой буду бить! *(Стукаетъ палкой своей объ полъ и за тѣмъ обращается къ товарищамъ своимъ, тоже вскочившимъ на ноги)*. Палками его надо бить!

Т ѣ *(хватаясь за кинжалы)*. Мы васъ палками и кинжалами будемъ бить.

Д а р ѣ я л о в ъ . Кинжалами я вамъ не позволю себя бить!... Эй, хожаый, шумятъ здѣсь!

Х о ж а л ы й *(идетъ)*. Господа кричатъ не вежливо!

Безховъ - Муритскій. Я буду кричать!... Онъ наши деньги всё разворовалъ.

Даръяловъ. Денегъ вашихъ я не разворовывалъ: я самъ нищій!... А когда вы такъ безчинствуете, я закрываю собраніе! *(Встаетъ и идетъ къ дверямъ во внутреннія комнаты.)*

Всѣ армяне *(слѣдуя за нимъ)*. Нѣтъ, погоди! Мы тебя палками будемъ бить!

Хожалы й *(растопыривая предъ ними руки)*. Позвольте, господа, шумѣть и буянить нельзя!

Всѣ армяне *(въ одинъ голосъ)*. Мы будемъ буянить! Даръяловъ въ это время скрывается за дверь, а хожалый становится для защиты ея спиной къ ней. Пачинается всеобщій шумъ.

Трухина *(подойдя къ Софьѣ Михайловнѣ)*. Вы теперича, говорятъ, супруга ихняя!... Вы имъ должны сказать, пошто же они намъ этакія подлости дѣлають.

Софья Михайловна *(все время съ большимъ волненіемъ слѣдившая за ходомъ собранія и по временамъ почти страстно взглядывавшая на Амурова, вставъ наконецъ.)*

Ничего я не знаю!... *(Амурову.)* Аполдонъ Алексѣичъ, спасите меня!

Амуровъ *(тоже вставая)*. Пойдемте.

Абдулъ-Ага *(показывая армянамъ на Софью Михайловну)*. Хоть бы барыньку-то маненько аманаткой задержать!

Амуровъ *(поднимая кулакъ)*. Убью всякаго, кто подойдетъ ко мнѣ!

Прихвосневъ *(тоже охраняя Софью Михайловну)*. Такъ, господа, поступать съ дамой нельзя-съ!... нельзя!

Оба они уводятъ ее въ ту же дверь въ которую скрылся и Даръ-

яловъ. Шумъ еще больше усиливается; одновременно армяне схватываются съ Прихвосневымъ.

П р и х в о с н е в ъ (*имъ кричитъ*). Мало ли, господа, съ кѣмъ можетъ быть несчастье: пожаръ... сибирская язва.

А р м я н е (*тоже кричатъ*). Мы ему дадимъ сибирская язва... Ты самъ мошенникъ, коли за него.

П р и х в о с н е в ъ. Я не мошенникъ, я держусь только справедливости.

О д и н ъ ч и н о в н и к ъ (*толкуеть другому*). Помилуйте не дали ни одного вопроса голосовать!... Гдѣ жь это бываетъ?

Г а й е р ъ (*въ свою очередь кричитъ на него*). Какъ вы смѣете голосовать, когда вы всѣ купленные!

Т о т ъ ж е ч и н о в н и к ъ. Просимъ васъ не обижать насъ: мы чиновники.

Г а й е р ъ. Чиновники вы—хуже сапожника!

А б д у л ъ - А г а (*кричитъ*). Тавро компанейская... Вся овца компанейская была!

М у л л а (*кричитъ ему въ отвѣтъ*). Компанейская вся!...

Х о ж а л ы й (*охраняя попрежнему дверь, кричитъ съ своей стороны*). Господа, не шумите, пожалуйста, а не то, я свистокъ дамъ: стражу позову!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ Ш.

Небольшая, но очень мило убранная гостиная.

ЯВЛЕНІЕ I.

На среднемъ диванѣ, предъ круглымъ столомъ, на которомъ стоитъ прекрасный дорогой букетъ въ вазѣ, сидитъ Софья Михайловна, въ шелковомъ платьѣ и нарядномъ головномъ уборѣ. Она стала еще красивѣе, но замѣтно похудѣла и была не весела. Въ этотъ день ея именины. На креслахъ помѣщаются пріѣхавшіе съ поздравленіемъ: юный Блинковъ, съ очень маленькими усиками, пухлый, румяный и, какъ слѣдуетъ для утренняго визита въ черномъ сюртукѣ, и Прихвосневъ тоже какой-то вымытый, причесанный и также въ черномъ сюртукѣ и даже въ лаковыхъ сапогахъ съ пуговками. Оба они замѣтно модничаютъ и тонируютъ.

Блинковъ (Софья Михайловна и слегка пришептывала).
Вы изволили слышать Патти?

Софья Михайловна. Ужь три раза слышала!
Я абонирована.

Блишковъ. Прекрасная пѣвица, не правда ли?

Софья Михайловна. Превосходная!

Прихвосневъ. Не нравится мнѣ, господа,
ваша Патти, что угодно!...

Софья Михайловна. Почему же?

Прихвосневъ, Души нѣтъ въ пѣніи!...

Софья Михайловна. Какъ нѣтъ души въ
пѣніи? Поетъ такъ божественно, собой прелестна.

Прихвосневъ. Это такъ-съ, собой прелестна;
но чувства въ голосѣ не слышать... Какъ ее можно
сравнить съ Віардо; у той точно что душа лилась
въ каждомъ звуѣ. Какъ это она пѣла: «Я все еще
его... пламенно, что ли, люблю!» И этакъ, знаете, не
совсѣмъ тоже чисто выговаривала по-русски,—пре-
лесть что такое!

Софья Михайловна. Въ которомъ же это
году была здѣсь Віардо?

Прихвосневъ. Въ 53-мъ! Я старинный теа-
траль!

Блишковъ (*показывая на Прихвосневу*). Онъ самъ
въ балетахъ танцевалъ; танцмейстеромъ былъ!...

Софья Михайловна (*съ удивленіемъ*). Вы?

Прихвосневъ (*немного сконфуженный*). Да-съ,
по балетной части служилъ! Но всегда какъ-то къ
театральной службѣ не имѣлъ расположенія, особенно
въ то время: строго очень было и безвыгодно! Я
какъ тогда получилъ маленькую возможность бросить
это дѣло, такъ сейчасъ же и бросилъ!

Блишковъ. Онъ въ балетахъ только чертей и
игралъ, ничего другаго не давали,—неловокъ очень!

П р и х в о с н е в ъ. Не однихъ чертей, а и маркграфовъ иногда изображалъ! (*Обращаясь къ Софьѣ Михайловнѣ и видимо желая перемѣнить тему разговора*). Супругъ вашъ такъ-таки совсѣмъ и уѣхалъ отсюда?

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Онъ не то что уѣхалъ: онъ бѣжалъ! Его, говорятъ, хотѣли убить эти армяне пли въ тюрьму посадить,—не знаю ужъ!

П р и х в о с н е в ъ. А васъ такъ и кинулъ безъ всякихъ средствъ?

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Кинулъ безъ всякихъ средствъ. Даже всю посуду, всю мебель продалъ заранѣе, и когда я проснулась по утру послѣ его отъѣзда, приходятъ купцы и все взяли.

П р и х в о с н е в ъ (*какъ бы разсердившись даже*). Футы, Боже ты мой!... муженьки нынче какіе,—хуже постороннихъ—право!

Софья Михайловна на это промолчала.

П р и х в о с н е в ъ (*размышляющимъ уже тономъ*). Какъ еще у васъ умѣнья хватило поустроиться потомъ? *Софья Михайловна и на это ничего не отвѣтила. Блинковъ при этомъ какъ бы нѣсколько краснѣлъ и старался смотреть по сторонамъ.*

П р и х в о с н е в ъ (*тѣмъ же размышляющимъ тономъ*). Да-съ, да!... Жизнь человѣческая!... Кто знаетъ: какъ и въ какую сторону она повернетъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Надя въ чистенькомъ платьѣцѣ, въ хорошенъ-
кихъ ботиночкахъ, причесанная. Она принесла на
поднось двѣ чашки кофе и сухари.

Надя (подавая Прихвосневу первому съ усмѣшкою). Здрав-
ствуйте, Петръ Петровичъ!

Прихвосневъ (тоже съ усмѣшкою). Здравствуй-
те, сударыня, здравствуйте! (Софья Михайловна показы-
вая ей на Надю). Имяинница тоже сегодня!

Софья Михайловна. Да!... А вы развѣ
знаете ее?

Прихвосневъ. Какъ мнѣ не знать-сь, я вамъ
ее и поставилъ: Аполдонъ Алексѣичъ тогда заѣхалъ
ко мнѣ и говорить: «у Софьи Михайловны нѣтъ
горничной, пришлите къ ней какую-нибудь пона-
дежнѣ».

Надя (подавая не безъ кокетства кофе Блинкову). Суха-
рей прикажете-сь?

Блинковъ. Нѣтъ, благодарю.

Надя, поднявъ гордо голову, уходитъ.

Блинковъ (Софья Михайловна). Какая у васъ
горничная хорошенькая!

Софья Михайловна. Очень хорошенькая!...

Прихвосневъ (Софья Михайловна). Но довольны
ли вы ею? Это главное.

Софья Михайловна. Пока довольна. А я в
не знала, что вы прислугу рекомендуете.

Прихвосневъ. Нѣсколько ужь дѣтъ этимъ за-
нимаюсь, и у меня <http://rain.org.pl> это на твердыхъ основаніяхъ

устроено: какъ пришелъ кто изъ прислуги и записался, я первый вопросъ ему: «гдѣ изволилъ жить?» А потомъ черезъ одного человѣчка и развѣдаю, какъ и что онъ, а потому пьяницу, или вора, или съ какими-нибудь другими качествами ужъ я не пришлю!

Б л и н к о в ъ. Присылаете и вы... Рекомендовали же намъ лакея: онъ черезъ недѣлю все столовое серебро укралъ у насъ.

П р и х в о с н е в ъ (*какъ бы даже вспыллѣ*). Это-съ не онъ укралъ, а прежняя ваша прислуга, вотъ что-съ! А на него, какъ на новаго человѣка, свалили.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Но сколько же дѣлъ у васъ? Вы и въ акціонерныхъ собраніяхъ... помните это ужасное у мужа собраніе!... Потому мебель мнѣ страховали.

П р и х в о с н е в ъ. Агентъ-съ я тамъ!... Я собственно агентирую по разнымъ отраслямъ.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Наконецъ у васъ садъ и кофейная, ваша эта *Русская Забава*!... Такъ, кажется, она называется?

П р и х в о с н е в ъ. Такъ-съ. Нарочно, знаете, въ русскомъ духѣ ее назвалъ для привлеченія купечества, а въ сущности: это *salle de danse*, публика пріѣдетъ, танцуютъ, выходятъ—одни въ садъ, другіе—въ сосѣднія комнаты!... Кто требуетъ себѣ прохладительнаго!... Кто водочки выпьетъ!... Кто закусить!

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. И публика порядочная бываетъ?

П р и х в о с н е в ъ. Отличная-съ, первый сортъ! (*Показывая на Блинова*). Вотъ онъ со своими друзьями каждый разъ бываетъ.

Софья Михайловна (*Блинкову*). И весело вамъ тамъ?

Блинковъ (*какъ-то глупо смѣясь*). Не знаю-съ какъ другимъ, а намъ весело! (*Показывая на Прихвоснева*). Ему только счастья нѣтъ отъ газетъ!... Пишутъ, что у него въ саду ему же самому студенты бока намяли...

Прихвосневъ (*олять всплывъ*). Что это за вздоръ какой вы повторяете! не стыдно ли вамъ!... Когда это было, въ какое время?

Блинковъ. Я не знаю,—вы же судились, и на судѣ еще заперлись, и сказали, что никогда этого не было.

Прихвосневъ. Да, сказалъ, потому что дѣйствительно не было.

Софья Михайловна (*наивно*). Чего же не было?

Прихвосневъ (*нѣсколько заминаясь*). Того что я будто бы дѣйствиємъ былъ оскорбляемъ. Это все выдумалъ г. писачка, который, прямо уже теперь скажу, приходилъ ко мнѣ и просилъ двадцать пять цѣлковыхъ... Я ему не далъ, вотъ онъ и написалъ на меня. Онъ еще погоди: я его притяну къ суду; онъ посидитъ въ Титовѣ! (*Софья Михайловна*). Не вѣрьте, сударыня—все это клевета, и вы не будете ли такъ добры,—не посѣтите ли сами мой садъ.

Софья Михайловна. Аполонъ Алексѣичъ нѣсколько разъ меня звалъ; можетъ быть, какъ-нибудь соберусь и приѣду.

Прихвосневъ. Сдѣлайте милость! Билетовъ прошу не брать, а даромъ, и увидите, что у меня все чино, прилично и на благородную ногу.

Бликовъ (*Софья Михайловна*). Когда вы будете, то позвольте пригласить васъ на двѣ кадрили и на мазурку.

Софья Михайловна (*улыбаясь*). Хорошо!

Бликовъ (*раскланиваясь предъ ней*). А теперь имѣю честь кланяться.

Софья Михайловна (*протягивая ему руку*). Прощайте!... Мерсі за букетъ.

Бликовъ. Если вамъ угодно, я другой еще привезу.

Софья Михайловна. Нѣтъ, благодарю; я до цвѣтовъ не большая охотница!

Бликовъ (*Прихвосневу*). До свиданія!

Прихвосневъ (*ему*). Обѣдъ въ Славянскомъ Базарѣ не забудьте,—я не прощу вамъ его!

Бликовъ (*смѣясь*). Не знаю, будете ли еще стоять!... (*Вторично раскланивается съ Софьей Михайловной*). Мой поклонъ, madame! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Софья Михайлова и Прихвосневъ.

Софья Михайловна. За что это вы съ него обѣдъ въ Славянскомъ Базарѣ требуете?

Прихвосневъ (*смѣясь*). Да такъ: дурачимся! Счета разные свои съ нимъ имѣемъ! (*Болше уже серьезнымъ тономъ*). Прекраснѣйшій молодой человекъ!

Софья Михайловна. А онъ однако все что-то надъ вами подтрунивалъ?

Прихвосневъ. Манера такая, глухая, ку-

печеская; но все-таки долженъ сказать—ангельской души мальчикъ и при этомъ страшно богатъ.

Софья Михайловна. Онъ, мнѣ кажется, очень не далекъ?

Прихвосневъ. Ай, нѣтъ съ, напротивъ. Въ языкъ только не чистъ, а умный и главное любовательный; за-границу нынѣшнимъ лѣтомъ собирался было ѣхать, да тутъ грѣхъ съ нимъ маленько случился.

Софья Михайловна. Какой грѣхъ?

Прихвосневъ. Обыкновенно какой у молодыхъ людей грѣхъ бываетъ—влюбился!

Софья Михайловна. Вотъ какъ!... Въ кого же это онъ влюбился?

Прихвосневъ. Въ васъ!

Софья Михайловна (*удивленная и пораженная*). Въ меня?

Прихвосневъ. Да-съ!... До безумія!... до сумасшествія!... Ночи всѣ не спить... Нервы даже разстроилъ себѣ!... Водой теперь лечится.

Софья Михайловна. Но гдѣ же онъ могъ влюбиться въ меня? Онъ всего раза два или три былъ у меня.

Прихвосневъ. Страсть мгновенно людьми овладѣваетъ! Плачетъ иногда, бѣдный. Жаль даже его!

Софья Михайловна (*усмѣхаясь и слегка качая головой*). Въ такомъ случаѣ я еще больше убѣждаюсь, что онъ глупъ. (*Покраснѣвъ нѣмного*). Развѣ онъ не знаетъ, что я люблю другаго человѣка?

Прихвосневъ. Какъ не знать-съ. Знаетъ. И

даже говорилъ ему объ этомъ, — вы ужь извините меня!

Софья Михайловна. Я нисколько этого ни отъ кого не скрываю.

Прихвосневъ. Что тутъ скрывать! Говорю ему, что вотъ что... «Что жь, говоритъ, этотъ другой не стоитъ любви Софьи Михайловны».

Софья Михайловна (*попрежнему усмѣхаясь*). Почему же онъ не стоитъ моей любви?

Прихвосневъ (*замѣвшись немного*). Потому что самъ, что ли, не любить или мало васъ любить...

Софья Михайловна. Изъ чего же Блишковъ заключаетъ, что Аматуровъ мало меня любить?

Прихвосневъ (*еще больше запинаясь*). Да тамъ я не знаю; измѣняетъ, что ли, вамъ...

Софья Михайловна. Мнѣ Аполонъ Алексѣичъ измѣняетъ?

Прихвосневъ. Блишковъ говоритъ, что измѣняетъ.

Софья Михайловна. А какъ же Блишковъ можетъ знать это?

Прихвосневъ. Знаетъ ужь видно!... Не скрываются въ этомъ случаѣ мужчины другъ отъ друга.

Софья Михайловна (*поблѣднѣвъ*). Послушайте, Прихвосневъ, вы шутите это или нѣтъ?

Прихвостневъ. Сударыня, смѣлъ бы я шутить? Я конечно глупо сдѣлалъ, что сказалъ вамъ... Теперь васъ только обезпокоилъ...

Софья Михайловна (*съ рыданіемъ въ голосъ*). Нѣтъ, вы хорошо сдѣлали, что сказали мнѣ!... Вы, какъ честный человекъ, должны были это сказать!... Я сама замѣчала: онъ постоянно куда-то все рвется

отъ меня... куда то все ему надо. . Говорите, измѣ-
няетъ онъ мнѣ или нѣтъ?

Прихвосневъ. Ей Богу, сударыня, не знаю!..

Софья Михайловна. Нѣтъ, вы знаете эго! Вы должны это знать!... Я на колѣняхъ васъ буду умо-
лять, будущѣловать ваши руки... Ну, добрый, милый
Прихвосневъ, говорите! *(Старается взять его за руки)*.

Прихвосневъ. Что мнѣ вамъ говорить, ей Богу!

Софья Михайловна. Умоляю васъ, умоляю...
Иначе я съ ума сойду. У меня ужъ голова обезчув-
ственѣла... Вонъ она—ничего не чувствуетъ!... Ни-
чего!... *(Хватаетъ себя за голову и вся дрожитъ)*.

Прихвосневъ *(не на шутку струсившій)*. Ну, из-
вольте, сударыня, я скажу вамъ... Только вы послѣ,
какъ-нибудь въ сердцахъ, не скажите Аполлону Але-
ксеевичу, что отъ меня слышали.

Софья Михайловна *(стремительно)*. Никогда!..
Клянусь вамъ: никогда!... *(Какъ бы машинально беря его
за руку и выводя его на авансцену)*. Если бы пытку мнѣ
даже дѣлали, на медленномъ огнѣ меня жгли, я
никому не проговорюсь, что это вы мнѣ сказали. Я
скажу, что по городской почтѣ мнѣ написали... Гово-
рите, есть у него любовница?

Прихвосневъ *(съ грустію пожимая плечами)*. Есть.

Софья Михайловна *(по наружности какъ бы
твердымъ и спокойнымъ голосомъ)*. Кто она такая?

Прихвосневъ. Да такъ, обыкновенная...

Софья Михайловна. Наемная, значитъ.

Прихвосневъ. Неужели изъ любви!... Квар-
тиру ей нанимаетъ. Пожалуй, не хуже этой.

Софья Михайловна *(съ какимъ-то пылающимъ*

уже взоромъ). Значить, когда я была больна, когда я умирала, онъ за всю-то любовь мою къ нему ни одного вечера не хотѣлъ просидѣть у меня, говорилъ, что ему по дѣламъ надо,—это онъ къ ней вздѣлъ?

П р и х в о с н е в ъ. Безъ сомнѣнія-съ. Пирь даже задавалъ тамъ... Приѣдетъ со своими пріятелями... Тѣ тоже со своими аманками... Кутятъ... Пѣсни поютъ... Бывалъ я иногда у нихъ на этихъ собраніяхъ.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*какъ-бы смѣясь*). Вотъ что, какъ онъ веселился!... Но только я теперь постараюсь сдѣлать, чтобъ ему не было ужъ больше весело тамъ!... Поѣдѣте сейчасъ же и проводите меня къ этой моей соперницѣ, — я хочу ее видѣть!

П р и х в о с н е в ъ. Полноте, сударыня, какъ это вамъ не стыдно—унижать себя и вѣхать къ какой-нибудь дурѣ!... Браниться, что ли, вы съ ней будете!

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. За что я буду съ ней браниться? Чѣмъ она тутъ виновата? Я только хочу посмотреть, хороша ли она?... лучше ли она меня?... Потому что я знаю, что я еще красивѣе многихъ женщинъ! (*Глаза ея при этомъ полны слезъ*).

П р и х в о с н е в ъ. Гдѣ жъ ей быть, помилуйте, противъ васъ.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Такъ за что же онъ предпочелъ ее мнѣ? Можетъ-быть, она больше и сильнѣй его любитъ, чѣмъ я. Въ такомъ случаѣ я предостерегу ее, несчастную!... Я скажу ей, что этому человѣку ни души, ни сердца женскаго не надо... Я тоже любила его глубоко!... Я жизнию готова была

для него пожертвовать; но онъ ничего этого не поцѣнилъ и ушелъ къ другой женщинѣ! Что же это такое?... Прихоть! Развратъ!... Пусть эта госпожа знаетъ, какой онъ негодяй и чувственникъ!

П р и х в о с н е в ъ. Госпожа эта очень хорошо все это знаетъ и нисколько объ этомъ не беспокоится. Вы-то, по благородству чувствъ вашихъ, судите по себѣ...

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*колотя себя въ грудь.*) Да! Я сужу по себѣ... Въ продолженіе трехъ лѣтъ я въ мысляхъ даже не подумала не только что разлюбить его, но даже немножко охладѣть къ нему, а онъ-то! онъ-то!... Боже мой! Нада, дай мнѣ бурнусъ и пляпву! (*Уходитъ въ сосѣдную комнату.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

П р и х в о с н е в ъ (*почти въ отчаяніи разведя руками.*) Влопался теперь въ эту исторію—бѣда!... И не расхлебашь!... А все этотъ дуракъ—Бликовъ! Присталъ какъ съ ножомъ къ горлу: «Скажи да скажи про Амурова Софѣ Михайловнѣ; это скорѣй дѣло подвинетъ!» Вонъ оно какъ подвинуло.. Баба бѣшенная, вцѣпится Аполлону Алексѣевичу въ глаза; онъ какъ-нибудь узнаетъ или догадается, что я тутъ маненько химостилъ, и живой отъ него не уйдешь! Не смѣшно было бы еслибъ еще выгода какая-нибудь особенная открывалась, а то вздоръ: развѣ вотъ этотъ обѣдишко въ Славянскомъ Базарѣ,—очень онъ мнѣ нуженъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Софья Михайловна въ бурнусъ и шляпкѣ.

Софья Михайловна. Поѣдемте, покажите мнѣ дорогу... Я продамъ мои вещи и брилліанты и заплачу вамъ за это.

Прихвостневъ (*слѣдуя за ней съ понуренною головою, и недовольнымъ голосомъ*). Ничего, сударыня, мнѣ не надо! Милліоновъ бы не взялъ за это!

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Надя (*проворно выбѣгая изъ сосѣдней комнаты*). Батюшка, я не спросила барыню, скоро ли она пріѣдетъ... (*отворяетъ окно и кричитъ*). Софья Михайловна, вы когда пріѣдете, если спросить Аполлонъ Алексѣичъ? Ну, и не отвѣчаетъ ничего... Сердитая такая отчего-то.. Но куда это она поѣхала?... Въ городъ, должно быть, закупить что-нибудь для вечера... У меня самой сегодня балъ будетъ... шоколаду купила, стану шоколадомъ всѣхъ поить... Удивляюсь я, какъ это другія дѣвушки простую водку пьютъ, я даже винограднаго вина не могу; за то конфетъ или фруктовъ сколько хотите съѣмъ... Пудъ бы, кажется, съѣла, если бы кто подарилъ!... (*Слышится звонокъ*). Аполлонъ Алексѣичъ вѣрно это пріѣхалъ!... (*Бѣжитъ открывать*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ проворно Амуровъ, а за нимъ возвращается и Надя.

А м а т у р о в ъ Софьи Михайловны дома нѣтъ, и прекрасно! *(Надь)*. Пожалуйте сюда поближе ко мнѣ.

Надя подходитъ.

А м а т у р о в ъ. *(подавая ей небольшую коробочку)*. Прошу принять и не побрезговать!

Н а д я *(съ недоумѣніемъ)*. Что такое, баринъ?

А м а т у р о в ъ. Брошка и сережки съ брилліантками на именины тебѣ.

Н а д я *(вся вспыхнувъ)*. Съ какой же стати это, баринъ?

А м а т у р о в ъ. Такъ—подарить хочу.

Н а д я. Да, баринъ, я и надѣтъ не буду смѣть. Вдругъ Софья Михайловна спроситъ меня, гдѣ я взяла; я скажу вы подарили; она, Богъ знаетъ, что можетъ подумать.

А м а т у р о в ъ. Кто жь тебѣ заставляетъ сказать, что я подарилъ. Развѣ кто-нибудь другой тебѣ не могъ подарить?

Н а д я. Это такъ, баринъ, но все какъ-то опасно...

А м а т у р о в ъ. Нечего, нечего!... Клади въ карманъ!

Надя кладетъ коробочку въ карманъ себѣ.

А м а т у р о в ъ. Ну, а теперь еще я, моя прелестная, желаю съ тобой переговорить: неужели тебѣ не противно жить въ горничныхъ?

Надя. Что ужь, баринъ, хорошаго!.. точно что самая противная должность!

Аматуровъ. Но вѣдь ты портниха?

Надя. Портниха-съ; но намъ у хозяевъ, пожалуй, еще труднѣе жить-съ: у меня даже грудь начала болѣть,—сидишь все согнувшись...

Аматуровъ (*перебивая ее*). Я тебѣ не про хозяйку и говорю, а открой сама свою мастерскую. Полюби какого-нибудь человѣка съ состояніемъ, онъ тебѣ купитъ швейную машину, дастъ на первое обзаведеніе и потомъ слегка станетъ тебя поддерживать—и живи, значить, на своей волѣ.

Надя. Развѣ, баринъ, такого человѣка на уллицѣ, что ли, найдешь...

Аматуровъ. Да полюби меня,—я тебѣ все это сдѣлаю!

Надя. Вы?.. Ха, ха, ха! Вотъ это отлично, безподобно! А барыню какъ же вы будете любить? Она по васъ жива сгорѣла!

Аматуровъ (*вздыхнувъ*). Что дѣлать, барыню я разлюбилъ; съ сердцемъ своимъ не совладаешь.

Надя (*качая головой*). Ахъ вы, мужчины, мужчины гадкіе!

Аматуровъ. Можетъ и гадкіе! Но какъ же, полюбишь?

Надя. Нѣтъ, баринъ, никогда не буду согласна на это.

Аматуровъ. Почему?

Надя. Потому, баринъ, что я лучше замужъ пойду за равнаго себѣ.

Аматуровъ. За какого за равнаго?

Надя. Хоть за какого-нибудь клубскаго лакея; онъ станетъ служить, а я буду жить на квартирѣ.

Аматуровъ. И будетъ къ тебѣ этотъ клубскій лакей приходитъ каждый вечеръ и водитъ тебя.

Надя. Ну, а то что вы, баринъ, говорите, развѣ лучше? мало ли насъ, дурь, отъ того погибаетъ!

Аматуровъ. Это ужъ извини; я тебя не погублю, потому что это не простое волокитство съ моей стороны, а я влюбленъ въ тебя самымъ искреннимъ образомъ.

Надя (*усмѣхаясь*). Миѣ, баринъ, смѣшно даже слышать, какъ вы говорите, что вы влюблены въ меня... Вы вотъ любите барыню мою... вучеръ вашъ рассказывалъ, что у васъ есть гдѣ-то тамъ еще другая барыня...

Аматуровъ. Положимъ, что я люблю твою барыню и что есть еще у меня гдѣ-нибудь другая барыня; но если я всѣхъ ихъ брошу для тебя?

Надя. Не бросите, не посмѣйте!.. Это не то что нашу сестру.

Аматуровъ (*прижимая руку къ сердцу*). Увѣряю тебя честью...

Надя. А когда бросите, тогда и видно будетъ, а теперь я и разговору такого не хочу имѣть съ вами!.. Адье-съ, мусье! (*Кокетливо присѣдаетъ ему и проворно уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

А М А Т У Р О В Ъ (*оставшись одинъ и какъ бы размышляющимъ несколько тономъ*). Ушла!.. Что это значить? Въ самомъ ли дѣлѣ она *prude* такая или просто плутовочка; но какъ бы то ни было, удивительно что у меня за характеръ: дѣвочка эта сдѣлалась теперь вѣнцомъ всѣхъ моихъ желаній! Я полсостоянія готовъ истратить на то, хотя напередъ знаю, что она скоро наскучитъ мнѣ; потому что, какъ дѣлаютъ вонъ другіе мужчины, любить долго одну женщину я никогда не могъ,—скорѣй бы застрѣлился! И теперь вотъ еще черта у меня: Софью Михайловну я разлюбилъ совершенно; ея ласки и нѣжности просто невыносимы мнѣ; но попробуй она сама отстранить меня отъ себя или, что еще хуже того, полюбить другаго, мучиться, вѣдь, буду... терзаться... ревновать стану... мстить даже готовъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Входитъ Софья Михайловна. Выраженіе лица ея почти ужасное.

А М А Т У Р О В Ъ (*увидавъ ее*). А, вотъ и дорогая пмянинница наша! Поздравляю васъ со днемъ вашего ангела.

С О Ф Ъ Я М И Х А Й Л О В Н А (*слезка кивая ему головой*). Очень вамъ благодарна!... (*Садится на диванъ и отворачивается отъ Амурова. На глазахъ ея, несмотря на строгое выраженіе лицъ, искрятся слезы*).

Аматуровъ (*все это замѣтившій и уже нѣсколько смущеннымъ голосомъ*). А на счетъ подарка, извини, мой ангелъ!.. Какой случай вышелъ: третьяго дня я заѣхалъ къ ювелиру; вижу одинъ браслетъ — чудо что такое, въ серединѣ яхонтъ, а кругомъ на золотыхъ цвѣточкахъ изумруды. Денегъ со мной не было, а онъ довольно цѣнный, такъ что я рѣшился заѣхать на другой день. Вообрази: пріѣзжаю, и его ужь купили... Я, впрочемъ, заказалъ тебѣ сдѣлать точно такой же... Ты, надѣюсь, подождать можешь?

Софья Михайловна. Отчего жь не подождать! Могу, могу... (*Какъ-то странно смѣется.*)

Аматуровъ (*это тоже замѣтившій, и садясь на довольно отдаленное отъ Софьи Михайловны кресло, тѣмъ же смущеннымъ голосомъ*). Теперь-съ второе дѣло и опять денежное: милѣйшій супругъ вашъ, Богъ знаетъ, до какой наглости дошелъ... Слышу отъ всѣхъ, что онъ тамъ богатѣетъ, и вдругъ вчера получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ почти приказываетъ мнѣ немедленно выслать ему на какую-то временную перевертку шесть тысячъ рублей серебромъ. Не говоря уже о томъ, что я никогда бы и ничѣмъ не желалъ ссужать подобнаго господина, но теперь даже лишень возможности сдѣлать это, потому что наличныя деньги, какія у меня были, я всѣ ему отдалъ, а больше у меня таковыхъ не имѣется!

Софья Михайловна. И не посылай! Кто жь тебя заставляетъ?

Аматуровъ. Прекрасно-съ; но если онъ тебѣ начнетъ за это дѣлать непріятности?

Софья Михайловна (*гордо взмахивая на него глазами*). А тебѣ что за дѣло до того?

Аматуровъ. Дѣло, потому что мнѣ твое спокойствіе дорого.

Софья Михайловна. Спокойствіе мое дорого вамъ? А я и не знала этого!.. *(Опять какъ-то странно смѣется и постукиваетъ ногой.)*

Аматуровъ. Но что жь тутъ смѣшнаго и что у тебя за тонъ сегодня?.. Сердишься, что ли, ты на меня за что-нибудь?..

Софья Михайловна. Спроси свою совѣсть. Есть ли мнѣ за что на тебя сердиться или нѣтъ—да самъ и отвѣчай на эготъ вопросъ!

Аматуровъ. Спрашиваю и рѣшительно отвѣчаю, что не за что: я сегодня такой же какимъ былъ и вчера...

Софья Михайловна. Да, я знаю, что ты сегодня такой же негодяй, какимъ былъ вчера и третьяго дня...

Аматуровъ *(перебивая ее)*. Софья Михайловна, остерегитесь въ вашихъ выраженіяхъ!

Софья Михайловна. Такимъ именемъ тебя назоветъ еще и другая женщина! Я сейчасъ была у другой твоей любовницы!.. На, смотри, кому ты дарилъ эготъ портретъ! *(Показываетъ Аматурову его фотографическій кабинетный портретъ)*. Она также не хочетъ держать его у себя и пускать тебя къ себѣ.

Аматуровъ *(сильно смущенный)*. Я въ эгомъ нисколько не нуждаюсь!

Софья Михайловна. Не дги ужь, пожалуйста! Ну, разлюбилъ, приди, скажи!.. По крайней мѣрѣ честнымъ человѣкомъ бы остался; но въ тебѣ даже откровенности ко мнѣ, искренности въ отношеніи меня не было.

Аматуровъ (*нѣсколько оправившись*). Позвольте, Софья Михайловна! искренности и въ васъ въ отношеніи меня никогда не было.

Софья Михайловна. Гдѣ? въ чемъ? говори!

Аматуровъ. Да, вотъ съ пустиковъ взять: вонъ на столѣ у васъ букетъ стоитъ. Я не ревную и не спрашиваю, кто вамъ его подарилъ.

Софья Михайловна. Напрасно!.. Я тебѣ сейчасъ сважу: букетъ этотъ подарилъ мнѣ молодой Блинковъ, страстно въ меня влюбленный.

Аматуровъ. Вотъ видите, что оказалось на повѣрчу, да и въ другомъ во многомъ...

Софья Михайловна. Въ чемъ еще другомъ? Говори!

Аматуровъ. Что жъ говорить?.. Я никогда не хотѣлъ напоминать вамъ объ этомъ.

Софья Михайловна. Нѣтъ я требую, чтобы ты напомнилъ, если ужъ началъ.

Аматуровъ (*какъ бы самъ съ собой*). Хороша искренность! Въ то время, какъ Богъ знаетъ въ какой любви меня увѣряли, вы отличнѣйшимъ образомъ дѣйствовали въ пользу кармана своего супруга... Вы думали, что я не понялъ ничего этого; но я, къ несчастію, все это уразумѣлъ...

Софья Михайловна. Да, дѣйствовала въ пользу кармана своего супруга!.. Но знаешь ли ты жадный скупецъ, отчего и почему я это дѣлала? Я дѣлала это, чтобы спасти любовь нашу: еще накануне мужъ хотѣлъ услать меня въ деревню и разлучить насъ, а я тогда жить безъ тебя не могла, да полагала, что и ты тоже.

Аматуровъ. Если жить безъ меня не могли,

то гораздо бы простѣй было прямо уѣхать отъ мужа.

Софья Михайловна. Конечно!... Такъ бы вотъ онъ сейчасъ и пустилъ меня!.. Смиренькаго какого нашля!.. Опъ бы и черезъ полицію вытребовавъ меня къ себѣ. Впрочемъ, я все-таки сознаюсь, что я тутъ подло и безчестно поступила, но я не знала васъ: я думала, что я дороже для васъ тридцати тысячъ, въ чемъ прошу у васъ извиненія, а еще болѣе въ томъ, что и потомъ продолжала обременять васъ собою и жить на вашъ счетъ, чего ужъ конечно теперь ни одной минуты себѣ не позволю!..
Надя!

ЯВЛЕНІЕ X.

Надя, все время подслушивавшая у дверей, вбѣгаетъ.

Софья Михайловна. Поди, принеси мнѣ изъ спальни мою красненькую коробочку.

Надя уходитъ.

Софья Михайловна (*Аматурову*). Ничего не беру изъ вашей квартиры, возьму только свои приданные брилліанты и еще разъ прошу у васъ прощенья, что заставила васъ тратиться на себя.

Надя возвращается и подаетъ Софью Михайловну ищичекъ.

Софья Михайловна (*ей*). Поди, найми мнѣ извощика! Не далеко тутъ въ номера!.. Я сейчасъ туда переѣзжаю.

Аматуровъ (*желая ее успокоить*). Софья Михайловна, перестаньте же безумствовать и глупости дѣлать!.. Если дѣйствительно была съ моей стороны

маленькая вѣтренность, то завѣрю васъ, она ужь болѣе не повторится!.. Помиримтесь!.. (*Хочетъ было приблизиться къ ней*).

Софья Михайловна (*отстраняясь отъ него*). Не подходи или иначе я убью тебя!

Аматуровъ. Ну, убивайте, когда хотите! (*Подходитъ было къ ней*).

Софья Михайловна (*кидая въ него портретъ*). На, вотъ тебѣ портретъ твой отвратительный!

Аматуровъ (*отскакивая отъ нее*). Съумасшедшая женщина!

Софья Михайловна (*съ окончательно раздувшимися поздыми Надя*). Найми пзвозчика и поѣдемъ со мной!

Аматуровъ (*Надя тоже взбѣшеннымъ голосомъ*). Не ѣзди, Надя, оставайся здѣсь, и ужь не служанкой, а барыней!.. Это все и вся квартира принадлежитъ тебѣ, и три тысячи годоваго дохода.

Софья Михайловна (*строго Надя*). Ёдешь или нѣтъ?

Надя (*со слезами въ голосъ*). Барыня, я въ номерахъ жить не могу.

Софья Михайловна. Ха, ха, ха, и тутъ ужь есть!.. (*Быстро поворачивался къ Аматурову*). Человѣкъ ты или звѣрь?.. Ты исключенье изъ людей!.. Чудовище какое-то!.. Что же это такое,—Господи!.. (*Поднимаетъ въ ужасъ руки*).

Аматуровъ, обозленный, стоитъ на одной сторонѣ авансены, а Надя очень смущенная—на другой.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Общественный садъ съ отдѣльными столиками и плетеными стульями около нихъ. На заднемъ планѣ виднѣется довольно красивое въ русскомъ вкусѣ зданіе съ надписью: «Русская Забава». Въ саду около кустовъ стоитъ нѣсколько лакеевъ въ вытертыхъ черныхъ фракахъ и съ металлическими номерами на груди. Лѣтній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Блинковъ, въ модномъ пиджакѣ, и Прихвосневъ, въ лѣтнемъ гарусномъ пальто и соломенной шляпѣ сидятъ около столика, ближайшаго къ авансценѣ на правой сторонѣ.

Блинковъ *(по обыкновенію слегка притщывая)*. Сколько времени ужь, братъ, прошло, а дѣло на аршинъ не подвинулось.

Прихвосневъ *(поучительнымъ тономъ)*. Терпѣніе и терпѣніе.

Блинковъ. Пожалуй, терпи! Она вонъ все плачетъ!

П р и х в о с н е в ъ. Непременно-съ должна пла-
кать.

Б л и н к о в ъ. Стало-быть она по этомъ Ама-
туровъ плачетъ?

П р и х в о с н е в ъ. Нисколько-съ, нисколько!

Б л и н к о в ъ. О комъ же она плачетъ?

П р и х в о с н е в ъ. О своемъ положеніи! Вы не
знаете, а я ей послѣдніе бриллиантишки ея продалъ,
и она сегодня пріѣдетъ сюда за деньгами.

Б л и н к о в ъ (*уже горячася*). Кто жъ ее заста-
вляетъ?.. Развѣ я не могу ей помочь и держать
на всемъ на готовомъ?

П р и х в о с н е в ъ. Вона, какую маленькую шту-
ку выдумалъ: «держать на готовомъ»!.. Она не про-
стая дѣвушка, а женщина благороднаго званія, свой
гоноръ и амбицію имѣетъ!

Б л и н к о в ъ. А отчего—она у Аматурова жила
на его счетъ?

П р и х в о с н е в ъ. То другое-съ было! По любви
началось!.. А потомъ когда случай такой вышелъ:
мужъ бросилъ!.. надобно было какъ нибудь суще-
ствовать!.. Теперь же думаетъ: любяла одного, но
тутъ выходить надо любить другаго, — какъ этому
вдругъ сдѣлаться! Съ какой-нибудь Надеей, спроси-
те-ка Аматурова, сколько онъ хлопоталъ: сначала
ни квартиры, ни вещей Софьи Михайловны, ни даже
жалованья въ три тысячи пѣлковыхъ брать не хо-
тѣла, ушла отъ него, и только ужъ мѣсяца черезъ
три, какъ ей очень не втерпѣжъ пришлось жить въ
горничныхъ, мы разными ее катаньцами, гудинь-
цами и винцомъ сладкимъ сманили!.

Б л и н к о в ъ. Меня, значить, Софья Михайло-ужь и не полюбитъ никогда?

П р и х в о с н е в ъ. Да, полюбитъ! Господи, погодите немножко!.. Она мнѣ сама говорила: «Я въ него еще всматриваюсь, серьезное ли онъ чувство ко мнѣ имѣетъ».

Б л и н к о в ъ. Еще бы несерьезное, мнѣ ничего не жаль для нея.

П р и х в о с н е в ъ. Знаю-съ! Но вотъ она увидитъ это, пойметъ и оцѣнитъ!.. Кто-то однако пріѣхалъ! (*Глядитъ въ даль*). Батюшки, Аматуровъ съ Наденькой своей!.. (*Блинкову*). Вы съ нимъ встрѣчались послѣ его разлуки съ Софьей Михайловной?

Б л и н к о в ъ (*не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ*). Встрѣчались!

П р и х в о с н е в ъ. И что же, ничего?

Б л и н к о в ъ (*тѣмъ же неспокойнымъ голосомъ*). Ничего, кажется!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ Аматуровъ и Надя, франтовски одѣтая.

А м а т у р о в ъ (*Прихвосневу, который ея почти работливо встрѣчаетъ*). Вотъ и мы къ вамъ на гулянье пріѣхали!

П р и х в о с н е в ъ. Очень-съ радъ, очень! (*Кланяется Надѣ*). Какая вы, Надежда Дмитревна, прелесть стали!... Чудо что такое!...

Н а д я (*перебивая его*). Пожалуйста безъ насмѣшекъ.

П р и х в о с н е в ъ. Какія насмѣшки! (*Аматурову.*)

Я вотъ этта какъ-то встрѣтилъ васъ: ѣдете вы на вашихъ рыскахъ... сбруя горитъ... экинажъ отличнѣйшій... сами молодцомъ сидите... около васъ (*показывая на Надю*) этотъ ангелочекъ... Просто народъ ахаетъ и ротъ разѣваетъ, глядя!

Аматуровъ (*самодеvolmente*). Дѣйствительно, у меня эта пара не дурная! (*Проходитъ и вмѣстѣ съ Падей садится около столика на лѣвой сторонѣ авансцены*).

Прихвосневъ (*слѣдуя за нимъ*). Чѣмъ прикажете подчивать?

Аматуровъ. Намъ пока ничего не надо, а объ лошадяхъ похлопочите: велите вашему кучеру ихъ отпречь, чтобы повыстогаялась они немного, и овса имъ дайте.

Прихвосневъ. Самп, значитъ, правили; въ одноколкѣ прѣехали?

Аматуровъ. Самъ. Но однако спѣшите, не растабарывайте.

Прихвосневъ. Въ минуту все устроимъ. (*Уходитъ*).

Аматуровъ (*надѣвъ пенсне и осматривая садъ, говоритъ Падѣ*). Это, кажется, господинъ Блинковъ?

Надя. Онъ... То-то, я думаю, у васъ какъ въ сердцѣ закипѣло!... Такъ бы и съѣли его сейчасъ.

Аматуровъ (*съ усмѣшкой*). Напротивъ!...

Надя (*перебивая его*). Ужь сдѣлайте милость, не запирайтесь!... Досадно ужъ!

Аматуровъ (*съ тою же усмѣшкой*). Почему жъ досадно?

Надя. Да какъ же: прежде Софья Михайловна васъ любила, а теперь, говорятъ, его любитъ.

Аматуровъ. <http://www.voiner.org> | на здоровье ей!... Вотъ мы

сейчасъ даже опривѣтствуемъ другъ друга! (*Громкимъ голосомъ и кивая головой Блинкову*). Здравствуйте, Блинковъ.

Блинковъ (*вскакивая съ мѣста и нѣсколько трусиво*). Ахъ, здравствуйте!... Какъ ваше здоровье?

Аматуровъ. Ничего, живемъ... Не хотите ли въ слѣдующее воскресенье на бѣгу потягаться на рысакахъ?

Блинковъ (*скаля отъ удовольствія ротъ*). Извольте-сь. У насъ нынче новый каурый рысакъ есть.

Аматуровъ. А мы на старомъ еще поплетемся. Съ Софьей Михайловной Дарьяловой часто видаетесь?

Блинковъ (*опять трусиво*). Нѣтъ-сь, не часто.

Аматуровъ. А какъ этакъ?

Блинковъ. Да такъ... иногда бываю-сь. А вы видаетесь?

Аматуровъ. Нѣтъ, мы не видаемся. Прежде ужь часто видались, надѣли другъ другу.

Блинковъ. Вотъ что-сь!... До свиданья! (*Встаетъ и хочетъ уйти*).

Аматуровъ (*ему*). Куда жь это вы?

Блинковъ. На биллиардъ въ кофейную (*показываетъ головой на заднее зданіе*) иду поиграть! (*Скрывается*).

Аматуровъ (*слегка усмѣхаясь*). Убѣжалъ, каналья. Думаетъ вѣрно, что я стану претендовать на него; а я радъ, очень даже, что онъ утѣшилъ безутѣшную...

Надя (*щуря глаза*). Ахъ, какъ вы злы на Софью Михайловну, — ужасно! Сейчасъ и насмѣшничать надъ ней!... Что и надѣли другъ другу и что утѣшилъ безутѣшную.

А м а т у р о в ъ (*уже серьезнымъ голосомъ и съ удареніемъ*). Ну, я еще мало на нее злюсь!... На нее слѣдовало бы больше злиться за всѣ ея дѣянья противъ меня.

Н а д я. Какіе же дѣянья ея противъ васъ были?

А м а т у р о в ъ. Да вотъ хоть бы то, что меня ревновала, никуда отъ себя не пускала, только что не на цѣпочкѣ держала; а сама въ это время подъ сурдинкой любовника другого пріобрѣла себѣ.

Н а д я (*съ удивленіемъ*). Какого любовника? Что вы выдумываете?

А м а т у р о в ъ. А Блинкова этого?

Н а д я. Да если она и полюбила его, такъ послѣ того какъ вы ее кинули.

А м а т у р о в ъ (*вспыливъ даже*). Что ты мнѣ говоришь: послѣ! У ней на именинникахъ стоялъ букетъ отъ него. Они давно ужь, я думаю, обожаютъ другъ друга!

Н а д я. Гдѣ жь давно?... Онъ всего два раза у ней и былъ тогда... На моихъ глазахъ все это происходило.

А м а т у р о в ъ. При тебѣ два раза, а вотъ, можетъ быть, въ этомъ же саду, у этого мерзавца Прихвоснева, каждый день видались; но все это—люби она тамъ кого ей угодно, сколькохъ угодно; но главное: какъ она смѣла бросить мнѣ портретъ въ лицо!... Она прямо тутъ рассчитала, что она женщина и что я ничѣмъ не могу отплатить ей за то... Не хлысть же взять и самую ее отдуть,—мы не въ гомѣ вѣкъ живемъ.

Н а д я (*грозя ему пальчикомъ*). Погодите, Аполлонъ Алексѣичъ, постойте!... отчего жь вы на другую, ко-

торая у васъ была вмѣстѣ съ Софьей Михайловной, не сердитесь?... Та тоже васъ оставила!

А м а т у р о в ъ. Та оставила меня благороднѣйшимъ образомъ; она возвратила мнѣ мой портретъ и написала мнѣ письмо, чтобъ я больше къ ней не ѣздить.

Н а д я. Нѣтъ, не потому!... Не проведете меня.

А м а т у р о в ъ. А почему жь?

Н а д я. А потому, что и теперь еще къ ней ѣздите.

А м а т у р о в ъ (*замѣтно смущенный этими словами*). Пустяки какіе!... Когда же я ѣзжу?

Н а д я. Знаю я, знаю!.. И подстерегу даже васъ и тоже въ лицо вамъ брошу—помяло даже!... Я злая тоже.

А м а т у р о в ъ (*продолжая оставаться нѣсколько смущеннымъ*). Ты можешь кидать. Ты другое дѣло!

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Препиратовъ, мрачный, сильно похудѣвшій.

П р е п и р а т о в ъ (*одному изъ лакеевъ басомъ*). Одолжите мнѣ, любезный, чаю!

Л а к е й. Сейчасъ съ! (*Уходитъ*).

Препиратовъ, обернувшись въ сторону къ Аматурову, начинаетъ всматриваться въ него. Тотъ на него тоже смотритъ.

А м а т у р о в ъ (*про себя*). Гдѣ я видѣлъ этого господина—не помню!

П р е п и р а т о в ъ (*къ нему и по обыкновенію басомъ*). Я, вѣжета, имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами

въ собраніяхъ «компаніи по выщипкѣ руна изъ овецъ».

Аматуровъ (*припомнилъ*). Ахъ, да!... Тамъ!... Дѣйствительно! Вы, кажется, адвокатъ... Господинъ Преппиратовъ, если я не ошибаюсь.

Преппиратовъ. Точно такъ! (*подумавъ немного*). Что же эта компанія такъ и лопнула?..

Аматуровъ. Совершенно.

Преппиратовъ (*нахмуривая брови*). А гдѣ же этотъ обманувшій всѣхъ господинъ директоръ?

Аматуровъ. На югѣ себѣ благоденствуетъ. Пароходствомъ своимъ управляетъ и еще, говорятъ, новое какое-то предпріятіе затѣваетъ!.. Въ двухстахъ тысячахъ считаютъ.

Преппиратовъ (*глубокомысленно качнувъ головою*). Какая безнаказанность!

Аматуровъ. Да, нынче плутовать можно, кто умѣетъ прятать концы. Вонъ и по вашей адвокатурѣ есть, вѣдь, тоже это?

Преппиратовъ (*грустнымъ голосомъ*). Есть!... Къ великому сожалѣнію, долженъ сознаться, что есть.

Аматуровъ (*всматриваясь въ него*). Но вы что-то очень похудѣли.. Страдаете чѣмъ-нибудь?

Преппиратовъ (*мрачно*). Грудью!... Въ молодости я учился въ семинаріи и насъ тогда сильно тамъ истязали... Классы были почестъ нетопленные; сами профессора сидѣли въ шубахъ; мы въ своихъ халатишкахъ,—простуда, значить! Потомъ, дурное питаніе: я все время ученья ѣлъ только такъ-называемыя купоросныя щи, то-есть изъ одной протухлой капусты, безъ всего!... Наконецъ, наказанія несообразныя: ежели мало-мальски въ урокѣ не твердъ,

профессоръ подкликнетъ тебя къ себѣ: «дай-ка, говоришь, твои аксіомы!» И таскаетъ, таскаетъ тебя за волосы; а бросить, его же поблагодари, что наказалъ.

Аматуровъ. Что за варварство такое!

Прециратовъ. Жестокое проходили воспитаніе...

Лакей (*подходитъ къ нему*). Чай готовъ.

Прециратовъ. Благодарю!... (*Идетъ къ столу, за который усявши, начинаетъ съ мрачнымъ выраженіемъ пить чай*).

Аматуровъ (*снова относясь къ нему*). А скажите: у той госпожи, съ которой я васъ видѣлъ, вы до сихъ поръ повѣреннымъ?

Прециратовъ (*съ окончательно помрачившимся взглядомъ*). Нѣтъ-съ, она другаго уже повѣреннаго имѣетъ! Мы съ ней болѣе года какъ разошлись.

Аматуровъ. Вслѣдствіе чего же?

Прециратовъ. Вслѣдствіе того, что она женщина неблагодарная и развращенная.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Софья Михайловна. Она появляется изъ воротъ сада. За ней, едва поспѣвая, слѣдуетъ Блишковъ.

Блишковъ (*ей негромко и торопливо*). Я васъ все тутъ у воротъ дожидался... Аматуровъ здѣсь въ саду сидитъ.

Софья Михайловна. А мнѣ что за дѣло до того! Онъ можетъ сидѣть и бывать гдѣ ему

угодно! *(Подойдя къ столу направо и обращаясь къ Блинкову).*
Мужъ пріѣхалъ и былъ у меня.

Блинковъ *(поблѣдкльвъ).* У васъ даже былъ?

Софья Михайловна. Да, но не засталъ меня дома. Сказалъ, что въ восемь часовъ вечера опять пріѣдетъ. Я нарочно уѣхала изъ дому... Позовите ко мнѣ поскорѣе Прихвоснева, чтобъ онъ отдалъ мнѣ мои деньги,—я сейчасъ же уѣду.

Блинковъ. Куда-съ?

Софья Михайловна. Не знаю еще и сама куда.

Блинковъ хотѣлъ было идти, но изъ кофейной вышли Прихвосневъ и Дарьяловъ.

Прихвосневъ *(искреннимъ голосомъ).* Ей-Богу, Ираклій Семенычъ, вашей супруги здѣсь нѣтъ.

Дарьяловъ *(взбѣшеннымъ голосомъ).* Что вы мнѣ говорите!... Я по пятамъ почти ея ѣхалъ! *(Увидавъ Софью Михайловну).* А это что?

Прихвосневъ. Сейчасъ только вѣроятно пріѣхала

Дарьяловъ *(передразнивая ея).* Пріѣхала сейчасъ! *(Какъ бы нѣсколько въ сторону).* Мошенники!

Прихвосневъ. Вы не ругайтесь, а не то я велю васъ вывести.

Дарьяловъ. Какъ же, вывести тебѣ меня!

Прихвосневъ. И выведу—да! *(Самъ спрочемъ уходитъ въ кофейную).*

Дарьяловъ *(осматривая публику).* А, п-господинъ Аматуровъ здѣсь! Вся компанія, значитъ, въ сборѣ. *(Женѣ).* Почему ты не приняла меня давеча?

Софья Михайловна *(твердымъ и какъ бы спокойнымъ голосомъ).* Давеча меня дома небыло.

Д а р ѣ я л о в ъ. Но я оставилъ тебѣ записку, гдѣ писалъ, что я прїѣду въ восемь часовъ, отчего жъ ты меня не подождала?

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Я нарочно уѣхала, чтобы ты не засталъ меня.

Д а р ѣ я л о в ъ (*въ бѣшенствѣ повторяя*). А, нарочно!.. Ну, погоди, я еще послѣ съ тобой поговорю. Прежде съ этимъ господиномъ! (*Подходя къ Аматурову почти со сжатыми кулаками*). Послушайте, что за подлости вы дѣлаете противъ меня?

А м а т у р о в ъ (*тоже вставшій на ноги, гордо и грозно выпрямившійся, и какъ-то злобно пощипывая свѣжмъ хлыстикомъ*).
Какія-съ?

Надя не знаетъ куда и глядѣть; она то опускаетъ глаза въ землю, то взмахиваетъ ихъ на Софью Михайловну, которая стоитъ неподвижно, какъ статуя. Препиратовъ мрачно прислушивается къ начинающейся ссорѣ.

Д а р ѣ я л о в ъ. Такія что... за какимъ-то тамъ дьяволомъ представляете векселя на меня!... Я долженъ былъ для этого за семьсотъ верстъ прискакать.

А м а т у р о в ъ (*насмѣшливо*). За такимъ, чтобы деньги получить, которыхъ вы мнѣ не платите... Я вовсе не желаю, чтобы вексель мой пропадалъ!

Софья Михайловна при этомъ презрительно улыбнулась.

Д а р ѣ я л о в ъ (*почти крича*). Не на меня же вы должны представлять его ко взысканію, а должны обращаться къ моей поручительницѣ — къ женѣ моей!... Вонъ она сидитъ тутъ съ вами, — хоть съѣшьте ее!

А м а т у р о в ъ (*опять усмѣхался*). Мѣсяцъ ужъ давнымъ давно истекъ послѣ срока, да и во всякомъ случаѣ я долженъ былъ бы первоначально обратиться къ вамъ.

Д а р њ я л о в њ. Нѣтъ-съ, не ко мнѣ, — извините!... Я законы знаю!... Я жену нарочно поручительницей и поставилъ, чтобъ она первая платила вамъ! Это вы съ ней дѣла дѣляли, съ ней и раздѣлывайтесь.

А м а т у р о в њ (*какъ бы даже въ удивленіи*). Если вы такъ рассчитывали, то ошались!... И всего лучше, я полагаю, нашъ споръ можетъ разрѣшить г. Пре-пиратовъ, какъ юристъ! (*Обращаясь къ Препиратову*). Скажите, имѣю ли я право послѣ пропуска мѣсячнаго срока обращаться къ г-жѣ Дарьяловой, какъ къ поручительницѣ?

П р е п и р а т о в њ (*откашлянувшись и басомъ*). Если мѣсячный срокъ истекъ, то никакого.

Д а р њ я л о в њ (*опышенный и обращаясь къ Препиратову*). То-есть какъ-же?... Кто же теперь въ настоящую минуту долженъ платить г. Аматурову: я или жена?

П р е п и р а т о в њ. Вы!

Д а р њ я л о в њ. А жена такъ-таки и ничего?

П р е п и р а т о в њ. Ничего! Черезъ мѣсяцъ послѣ срока, если вексель не поданъ былъ ко взысканію, съ поручителей спадаетъ всякая отвѣтственность.

Д а р њ я л о в њ (*въ бѣшенствѣ махая руками и покра-сивъ, какъ ракъ*). Это чортъ знаетъ что!.. Это грабежъ дневной!.. Тамъ устроили какія-то шушуканья, шептанья между собой... пришли... сами предложили мнѣ денегъ подъ вексель!.. Я человекъ военный: всѣхъ тонкостей въ этихъ дѣлахъ не знаю!.. просто, какъ на большой дорогѣ ограбили.

А м а т у р о в њ (*приподнимая немного хлыстъ и сильно возвысивъ голосъ*). Кто васъ грабилъ? Вы всѣхъ грабили и тысячи людей обворовали, и я вытяну съ васъ свои деньги.

<http://rcin.org.pl>

Д а р ѣ я л о в ъ (*передразнивая нѣсколько его*). Вытяну!.. Вытяну!.. Да!.. да!.. какъ вамъ не вытянуть!.. Развратитель этакій: вкрался въ честный домъ, разрушилъ семейное счастье, да векселя еще тамъ какіе-то заставилъ подписать ему!

А м а т у р о в ъ (*все болѣе и болѣе наступая на Дарьялова*). Развѣ я васъ заставлялъ подписывать? Вы сами просили взять съ васъ вексель, и я чистыя деньги отдалъ вамъ подъ него.

Д а р ѣ я л о в ъ (*немного уже отступая*). Не для меня же вы ихъ отдавали, а для жены... Няť дѣтъ его женщина любить, какъ дура какая-нибудь, а онъ грошами какими-то не хочетъ пожертвовать за то. Только одни жидоморы такъ дѣлаютъ.

При послѣднихъ словахъ Софья Михайловна вздрогнула даже всѣмъ тѣломъ.

Д а р ѣ я л о в ъ (*жестъ*). Извольте сейчасъ же заставить г-на Аматурова изорвать свой вексель на меня!

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*насмѣшливымъ голосомъ*). Не послушаетъ онъ, я думаю, теперь меня!

Д а р ѣ я л о в ъ. А не послушаетъ, я въ деревню увезу тебя.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*попрежнему насмѣливо*). И то, полагаю, не поможетъ, да въ деревню я и сама съ тобой не поѣду.

Д а р ѣ я л о в ъ. Няť, поѣдешь, будь покойна. Если я силой посажу въ вагонъ, такъ поѣдешь.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Никогда ты не посмѣешь этого сдѣлать... Никогда... Я талисманъ противъ тебя имѣю могущественный... сильный...

Д а р ѣ я л о в ѣ *(насмѣшливо)*. Талисманъ она тамъ имѣеть.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Да... талисманъ... талисманъ... *(Протягивая въ сторону руки и какъ бы ища кого-то)*. Послушайте, этотъ... Блинковъ...

Блинковъ приближается къ ней.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Есть съ вами деньги и большія деньги? А если нѣтъ, то съѣздите сейчасъ за ними.

Б л и н к о в ѣ *(обрадованнымъ голосомъ)*. Со мной-съ теперь чекъ... Сегодня ѣздилъ въ банкъ получать...

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Ну, и хорошо это... Потрудитесь вы теиерь же заплатить *(показываетъ на Аматурова)* этому господину тридцать тысячъ и сдѣлайте такъ, чтобы вексель его на мужа принадлежалъ мнѣ. Можно это?

Б л и н к о в ѣ *(сконфуженный и обрадованный)*. Я думаю можно-съ.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а *(Препиратову)* Дѣлается такъ?

П р е п и р а т о в ѣ *(попрежнему мрачно стоявшій около своего стула)*. Всегда такъ и дѣлается и совершенно законно будетъ.

Б л и н к о в ѣ *(подойдя къ Аматурову)*. Угодно вамъ получить чекъ?

А м а т у р о в ѣ *(насмѣшливо)*. Сдѣлайте одолженіе.

Блиновъ пишетъ чекъ, а Аматуровъ росписку въ полученіи денегъ; тѣмъ и другимъ они обмѣниваются между собою; затѣмъ Блинковъ подаетъ росписку Софьѣ Михайловнѣ.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Благодарю. *(Мужу)*. Ты вотъ смѣялся надъ талисманомъ противъ тебя, а онъ у меня оказался. *(Показываетъ ему росписку Аматурова)*.

Съ нимъ ты меня, надѣюсь, не повезешь въ деревню, а иначе я деньги взыщу.

Д а р ѣ я л о в ъ (*не глядя на нее и притоптывая ногой*).
Очень ты мнѣ нужна!..

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а. Конечно. (*Обращаясь къ Аматурову*). Вамъ мнѣ слѣдуетъ еще заплатить тѣ деньги, которыя вы мнѣ послѣдній годъ передавали; я сочту сколько ихъ и заплачу вамъ.

А м а т у р о в ъ (*попрежнему насмѣшливо, но внутри видимо терзаемый совѣстью*). Слушаю-сь.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*какъ бы съ просвѣтлѣвшимъ на мновеніе лицомъ*). А мнѣ теперь одна фантазія пришла: мнѣ кутить хочется!.. (*Блинкову*). Прикажите Прихвосневу, чтобъ онъ далъ намъ ужинать и вина человѣкъ на шесть, на семь.

Б л и н к о в ъ. Сію секунду-сь. (*Убѣгаетъ*).

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*всѣмъ*). Оставайтесь со мной поужинать... Можетъ, въ жизни мы никогда ужъ и не встрѣтимся. (*Аматурову*). Согласны, Аматуровъ, хоть въ память того, какъ мы когда-то съ вами ужинали?

А м а т у р о в ъ (*грустно улыбаясь*). Если вы желаете того.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*Надѣ*). Поужинай, Надя, и ты со мной.

Н а д я (*совсѣмъ опуская глаза*). Извольте-сь.

С о ф ѣ я М и х а й л о в н а (*мужу*). А ты останешься?

Д а р ѣ я л о в ъ (*грубо и насмѣшливо*). Можешь ужинать и безъ меня.

Софья Михайловна садится за одинъ изъ столиковъ, за который также садится и Аматуровъ. Въ продолженіе всей послѣ-

дующей сцены онъ замѣтно былъ разстроены и все кусалъ себѣ губы. Надъ тою же, какъ видно, очень было неловко сидѣть съ Софьей Михайловной.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (Препиратову). Присядьте и вы въ намѣ.

ПРЕПИРАТОВЪ (басомъ). Благодарю васъ!.. Я не ужинаю. (Остается на своемъ мѣстѣ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Блишковъ съ Прихвосневымъ, а за ними лакеи вносятъ ужинъ и вино и ставятъ все это на столъ. Блишковъ садится рядомъ съ Софьей Михайловной, а Прихвосневъ около него.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (пододвигая гостямъ своимъ блюда). Кушайте... А мнѣ дайте еще проплакаться... Слезъ ужъ много накопилось. (Закрываетъ себѣ лицо руками).

Всѣ смотрятъ на нее съ удивленіемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (вдругъ открывая лицо, хватая бокаль и обращаясь къ Блишкову). Налейте мнѣ вина, и всѣмъ налейте!

Блишковъ наливаетъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (поднимая бокаль). За здоровье всѣхъ лоретокъ, кокотокъ и камелій! (Гостямъ своимъ). Что-жь вы не пьете?... Вы только ихъ и любите нынче... Онѣ вамъ милѣй всякой честной женщины, и ни по чему другому, какъ потому, что менѣе затрогиваютъ вашъ эгоизмъ: ихъ можно бросить каждаминутно, безъ всякаго разсужденія совѣсти,

хоть умри она отъ того, и сейчасъ же найти другую, лучше, моложе... красивѣе!.. Пейте! (*Выпиваетъ залпомъ бокалъ свой*).

Вслѣдъ за ней и прочіе выпиваютъ вино свое и при этомъ одинъ только Прихвосневъ негромко восклицаетъ «ура»!

Аматуровъ (*грустно-насмѣшливымъ голосомъ*). Вы, можетъ-быть, не хотите ли, какъ Лукреція Борджіа, отравить насъ?

Софья Михайловна (*устремляя на него пронизательный взглядъ*). А хорошо было бы... И съ васъ начать перваго... Впрочемъ, гдѣ же всѣхъ перетравить... Всѣ вы такіе: и здѣсь всѣ сидящіе и тамъ вонъ!.. Но зачѣмъ же ужъ насъ такъ во всемъ винить? Вонъ онъ (*показываетъ на мужа*) билъ меня, когда я не хотѣла участвовать въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ его.

Дарьяловъ (*ходившій въ глубинъ сцены*). Когда жъ это было?

Софья Михайловна. Было!.. Не запирайся!.. (*Снова обращаясь къ Аматурову*). Но вы... Вы, пожалуй, еще хуже его были противъ меня... Я васъ любила какъ высшее какое-то существо... Я думала, что вы уврачуете вашимъ участіемъ всѣ душевныя страданія мои, которыя у меня накопились отъ жизни съ этимъ человѣкомъ... (*Показываетъ опять на мужа*). Но вы... Я не говорю уже объ измѣнахъ вашихъ, а когда вы, можетъ-быть, и вѣрны еще были мнѣ, вы всегда видѣли во мнѣ какую-то чувственную игрушку вашу... Помните, сколько разъ я плакала и говорила вамъ, что я женщина, а не животное, и хочу чтобы меня любили не за одно красивое лицо. Вы мнѣ отвѣчали на это одними полусловами. Вамъ, кажется,

смѣшно даже было слышать такое мое желаніе... А этотъ (*показываетъ на Блинкова*) совсѣмъ ужь меня, какъ вещь какую простую, купить хотеть! (*Строго Блинкову*). Но только я не дамся вамъ!.. Вы меня не купите! Я не хочу васъ обманывать: вы мнѣ гадки!.. Нате вамъ ваши деньги (*бросаетъ ему росписку Аматурова*).

Блинковъ, совсѣмъ растерявшійся, беретъ эту росписку.

Софья Михайловна (*вставая*). Хотѣла было съ добрымъ чувствомъ проститься съ вами, но и того не могу. (*Идетъ къ выходу*).

Всѣ прочіе тожъ встанутъ изъ-за стола.

Надя (*слушавшая Софью Михайловну съ потупленнымъ лицомъ, вдругъ бѣжитъ за ней*). Софья Михайловна, возьмите и меня съ собой, хоть опять въ горничныя.

Софья Михайловна (*оборачиваясь къ ней и какимъ-то мрачнымъ голосомъ*). Зачѣмъ?.. Развѣ ты спасешься куда-нибудь отъ этихъ людей?.. Отъ нихъ уйдешь, другихъ встрѣтишь, и можетъ-быть полгода, годъ какой-нибудь поборешься, но въ концѣ концовъ опять будетъ то же!.. Иначе жить нельзя—пойми ты это!.. Не порокъ!.. Какъ вотъ онъ же выучилъ меня этой фразѣ (*показываетъ на Аматурова*). Не порокъ, а добродѣтель, должна умолять, чтобъ ей позволили существовать! (*Окончательно мрачнымъ голосомъ*). Я иду на презрѣніе, на нищету и на что-нибудь еще худшее, а тебѣ развѣ хочется того?.. Да и зачѣмъ это дѣлать? Смотри: васъ тутъ уважаютъ, вамъ весело тутъ, привольно, нарядно!.. Оставайся! (*Машетъ рукой и уходитъ*).

Надя остается въ глубинѣ сцены сильно смущенною.

Аматуровъ (*на авансценѣ*). Это Богъ знаетъ что такое!.. Бредъ какой-то.

Блинковъ (почти плачущимъ голосомъ). За что это на меня Софья Михайловна разсердилась, самъ не знаю.

Дарьяловъ (снова съ какимъ-то разсвирѣплымъ лицомъ). Но кому же все-таки я долженъ теперь оставаться? (Блинкову). Вамъ, что ли?

Блинковъ. Ничего не мнѣ-сь!.. Я вотъ сейчасъ разорву росписку г-на Амурова!.. (Рветъ росписку, которую ему подала Софья Михайловна).

Дарьяловъ (Амурову). Вамъ, значить?.. Не доберусь,—какая путаница вышла!

Амуровъ (ему съ досадою). Убирайтесь вы съ вашимъ долгомъ!.. Очень онъ мнѣ нуженъ!.. Я такъ тогда подалъ въ сердцахъ ко взысканію... Я завтра же напишу въ судъ, что вы мнѣ заплестили. (Блинкову, кидая ему чекъ его). Возьмите и вы вашъ чекъ назадъ.

Блинковъ (какимъ-то почти героическимъ тономъ). Нѣтъ, ужъ вы его взяли, и получите по немъ. Это извините... Софья Михайловна хотъ и говоритъ, что я хотѣлъ ее какъ вещь купить!.. Я не хотѣлъ того!.. Я только влюбленъ былъ въ нее, въ этомъ каюсь.

Въ это время раздается выстрѣлъ.

Восъ (въ одинъ голосъ). Что такое?

Вбѣгаетъ лакей.

Лакей (перепуганнымъ голосомъ). Госпожа, что вышла сейчасъ, застрѣлилась на дорожкѣ.

Блинковъ и Надя (совсѣмъ опьшенныя). Господи!

Преппиратовъ (значительно мотнувъ головой и всторону). Я ожидалъ этого!

Амуровъ (поблѣднѣвшій какъ полотно). Но гдѣ же и откуда она могла взять пистолеть?

Блинковъ (*отъ страха окончательно прищептывая, такъ что едва можно понять, что онъ говоритъ*). Она давно его носила, говорила все, что васъ хочетъ застрѣлить!

Всѣ бѣгутъ въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ.

Даръяловъ (*оставшійся еще на сценѣ и тоже, какъ видно, сильно пораженный*). Какова соволиха?.. А?.. Какова?..

Прихвостневъ (*совсѣмъ склоняя голову предъ публикой*). Странная женщина,—особенно въ наше просвѣщенное время!

(Занавѣсъ падаетъ)

КОНЕЦЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
1. Ветеранъ и новобранецъ	1
2. Горькая судьбина	33
3. Самоуправцы	119
4. Поручикъ Гладковъ	201
5. Бывые соколы	293
6. Вааль	357
7. Просвѣщенное время	471

F

24.186/
14-20